

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: СЛОВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ РУССКОГО НАРОДА

— ◆ —
Под редакцией
доктора филологических наук, профессора,
члена-корреспондента РАН *В.В. Воробьева*

Москва
Российский университет дружбы народов
2022

Воробьев Владимир Васильевич – заведующий кафедрой русского языка Института русского языка РУДН, профессор МГЛУ, доктор филологических наук, член-корреспондент РАЕН, лауреат Премии Президента РФ (2001), лауреат Премии Правительства РФ (2013), почетный работник высшего образования РФ. Награжден Почетной грамотой Президента РФ за научно-педагогическую деятельность, подготовку высококвалифицированных специалистов (2020). Руководитель научной школы: «Язык-культура-право-личность в аспекте лингвокультурологии и профессионального общения». Под его руководством защищено 6 докторских и 10 кандидатских диссертаций. Исследовательская деятельность связана с тремя научными направлениями, отраженными в 250 публикациях: «Лингвокультурологическая теория описания языка и культуры», «Теория и методика преподавания русского языка как иностранного и неродного» и «Теоретическая и прикладная лингвокультурология».

Василюк Игорь Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, кандидат технических наук. Автор более 50 научных и методических работ, в том числе по проблемам прикладной лингвокультурологии.

Парамонов Дмитрий Анатольевич – доктор филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Института русского языка РУДН, специалист в области лингвистики, связей с общественностью и рекламы. Область научных интересов: грамматика современного русского языка, феномен активного употребления иноязычных лексических единиц в практике общественной коммуникации современной России как языковое и лингвокультурологическое явление. К сфере профессиональной деятельности относятся также копирайтинг и журналистика.

Шмелькова Вера Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Пензенского государственного университета. Автор более 100 научных и научно-методических публикаций по вопросам русской филологии и методики преподавания русского языка как иностранного.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: СЛОВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ РУССКОГО НАРОДА

Учебное пособие

Под редакцией
доктора филологических наук, профессора,
члена-корреспондента РАЕН **В.В. Воробьева**

Москва

Российский университет дружбы народов

2022

УДК 81'33:008(=161.1)(075.8)
ББК 81.006.3(2Рос=Рус)я73
П75

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ-РФФИ
№ 19-012-00430-21А «Лингвокультурология: общая, сопоставительная,
прикладная (энциклопедический словарь)»

Рецензенты:

академик РАН, заведующий кафедрой русского языка и методики
его преподавания Российского университета дружбы народов
доктор филологических наук, профессор *В.М. Шапкин*;
заведующий кафедрой русского и общего языкознания
Российского университета дружбы народов
доктор филологических наук, профессор *В.Н. Денисенко*

Авторский коллектив:

В.В. Воробьев, И.П. Василюк, Д.А. Парамонов, В.В. Шмелькова

**П75 Прикладная лингвокультурология: слово и образ
жизни русского народа : учебное пособие / В. В. Воробьев,
И. П. Василюк, Д. А. Парамонов, В. В. Шмелькова. –
Москва : РУДН, 2022. – 409 с. : ил.**

ISBN 978-5-209-10481-0

В учебном пособии представлена апробированная и доказанная временем модель описания и преподавания русского языка и культуры студентам (российским и иностранным) в аспекте прикладной лингвокультурологии. Пособие по элективному курсу представляет собой единство трёх относительно самостоятельных, но связанных друг с другом частей, каждая из которых посвящена описанию слова в образе жизни русского народа в лингвокультурологическом аспекте с учётом современных тенденций вербальной коммуникации.

В пособии уточнены теоретические основы лингвокультурологии и ее прикладного аспекта, разработаны основы лингвокультурологической теории слова, представляющей собой теоретическую модель описания когнитивной и коммуникативной деятельности языковой личности, выявлен корпус текстов культуры, что дало возможность представить тематические группы русских лингвокультурем.

На примере важнейшей культурологической темы "Образ жизни русского народа" показаны конкретные и методически эффективные принципы и приемы, позволяющие в процессе преподавания русского языка как иностранного знакомить обучающихся с современной российской действительностью.

Для студентов филологических и других гуманитарных специальностей, магистрантов, аспирантов и докторантов. Оно также будет полезно преподавателям русского языка как иностранного, методистам образовательных учреждений, авторам учебников русского языка и пособий для иностранцев и всем, кто интересуется русским языком и русской культурой, кто заинтересован в улучшении образования в России.

УДК 81'33:008(=161.1)(075.8)
ББК 81.006.3(2Рос=Рус)я73

ISBN 978-5-209-10481-0

© Воробьев В.В., Василюк И.П., Парамонов Д.А., Шмелькова В.В., 2022
© Российский университет дружбы народов, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. РУССКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЛОВА И ПРАКТИКА ОПИСАНИЯ	7
Глава 2. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА (ПРОБЛЕМЫ ДЕАРХАИЗАЦИИ)	19
2.1. Развитие русского литературного языка и активные лексические процессы в эпохи социальной нестабильности.....	19
2.2. Динамика культуры и развитие языка.....	28
2.3. Историческая эпоха и её влияние на язык.....	32
2.4. Петровская эпоха и активные процессы в лексике русского языка в первой трети XVIII века.....	38
2.5. Октябрьская революция 1917 года и новые тенденции в развитии русского языка (XX век).....	45
2.6. Конец XX века и отражение в русской лексике новой общественно-исторической и языковой ситуации.....	49
2.7. Толковые словари как отражение активных процессов в лексике русского языка.....	54
2.8. Активный и пассивный лексические запасы современного русского языка.....	60
2.9. Процесс лексической деархаизации в современном русском литературном языке.....	65
2.10. Лексическая деархаизация и использование историзмов в современном русском литературном языке.....	67
2.11. Лексическая деархаизация и вторичное заимствование в современном русском языке.....	73
2.12. Общие тенденции процесса лексической деархаизации в общественно политической, экономической и культурно-бытовой группах лексики русского языка.....	75
2.13. Процессы хронологического характера в экономической лексике русского языка.....	89
2.14. Процессы хронологического характера в культурно-бытовой лексике русского языка.....	92
2.15. Церковно-религиозная лексика русского языка в XX столетии.....	94
2.16. Вопрос о степени устарелости церковно-религиозной лексики русского языка в конце XX века.....	101
2.17. Архаизация и деархаизация церковно-религиозной лексики в XX веке.....	102

2.18. Семантические изменения в церковно-религиозной лексике русского языка в XX веке.....	108
<i>Контрольные вопросы</i>	112

Глава 3. УПОТРЕБЛЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЕДИНИЦ В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	113
3.1. Три тенденции в социокультурной реальности современной России и их языковое воплощение.....	113
3.2. Качественное своеобразие культурно-коммуникативного пространства современной России.....	117
3.3. Употребление в сообщениях на русском языке англоязычных единиц в аутентичном и русском графико-орфографическом оформлении.....	119
3.4. Новейшие англицизмы в культурно-коммуникативном пространстве современной России.....	127
3.5. Употребление английских слов с русским грамматическим оформлением.....	131
3.6. Русские слова с английскими словообразующими суффиксами.....	132
3.7. Оформление русских слов буквами английского (латинского) алфавита.....	134
3.8. Сочетание элементов сложного слова с английским (латинским) и русским графико-орфографическим оформлением.....	138
3.9. Оформление английских слов буквами русского алфавита.....	138
3.10. Синтез английских и русских элементов с аутентичным графико-орфографическим оформлением в одном словесном знаке как проявление трех социокультурных тенденций.....	139
3.11. Наименования коммерческих предприятий по модели русских мужских фамилий.....	141
3.12. Употребление единиц немецкого языка в практике российской общественной коммуникации.....	142
3.13. Использование единиц романских языков в аутентичном и русском графико-орфографическом оформлении.....	143
3.13.1. <i>Использование единиц французского языка в аутентичном и русском графико-орфографическом оформлении</i>	143
3.13.2. <i>Использование единиц итальянского и испанского языков в аутентичном и русском графико-орфографическом оформлении</i>	146
3.14. Объединение лексических единиц европейских и азиатских языков в наименованиях, сформированных на русской почве.....	147

3.15. Единицы латинского языка в практике общественной коммуникации современной России	150
3.16. Объединение лексических единиц европейских и азиатских языков в наименованиях, сформированных на русской почве	153
3.17. Использование английского графического элемента «&» в сообщениях на русском языке	155
3.18. Разделение целой и дробной части при оформлении десятичных дробей	155
3.19. Стилизованное графическое оформление сообщений как проявление инокультурных элементов	156
3.20. Вторая волна вестернизации России как социокультурный феномен	156
3.21. Роль единиц английского языка в культурно-коммуникативном пространстве современной России	165
3.22. Иноязычные единицы в культурно-коммуникативном пространстве современной России: лингвистический, лингвокультурологический и аксиологический аспекты	168
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	170

Глава 4. Лингвокультурологическая концепция как методология описания языка, культуры, личности для практики иноязычного обучения	174
---	-----

Глава 5. Теория и методология создания лингвокультурологического словаря	202
5.1. Теория создания лингвокультурологического словаря	207
5.2. Характерологический подход при создании лингвокультурологического словаря	213
5.3. Характерологическое описание лингвокультурологического словаря	214
5.4. Лексикографическая практика создания лингвокультурологического словаря	226
5.5. Лингвокультурема в национально-культурном аспекте	232
5.6. Семантическая структура лингвокультуры	236
5.7. Значения лингвокультуры и способы их семантизации	237
5.8. Способы номинации лингвокультуры в языковой картине мира	243
5.9. Лингвокультурема как основа художественных образов и символов	244
5.10. Лингвокультуры с национально-специфической окрашенностью	247
5.11. Лингвокультуры как безэквивалентная лексика	249
5.12. Лингвокультуры как фоновая лексика	252

5.13. Лингвокультураемы как коннотативные единицы	254
5.14. Ассоциативный эксперимент как метод выявления лингвокультурем	255
5.15. Лингвокультураема как эффективная единица в обучении русскому языку как иностранному	257
5.16. Значение методологии разработки лингвокультурологического словаря	259

Глава 6. Прикладная лингвокультурология:

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОТБОРА УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

6.1. О статусе прикладной лингвокультурологии и ее роли в обучении русскому языку как иностранному	269
6.2. Необходимые сведения о понятии «образ жизни народа»	274
6.3. О понятии «стержневая культурологическая тема»	283
6.4. О понятии «лингвокультурологический концентр»	291
6.5. Лингвокультурологическая концепция отбора и организации языкового учебного материала	299
6.6. Лингвокультурологически ценные тексты в учебном процессе	311
6.7. Лингвокультурологические принципы отбора и организации учебного материала	316
6.8. О проблеме дальнейшего выявления интегральных сем лингвокультурологического поля	316
6.9. Лингвокультурологическая процедура выявления лексики для начального этапа обучения	322
6.10. Лингвокультурологическая процедура выявления лексики для основного и завершающего этапов обучения	331
6.11. Сквозная тема «Образ жизни русского народа» в элективном курсе при обучении русскому языку как иностранному	345
6.11.1. Роль элективных курсов в создании нового поколения учебных материалов по русскому языку как иностранному	345
6.11.2. О лингвокультурологической компетенции	350
6.11.3. Сквозная тема «Образ жизни русского народа»	362
6.11.4. Содержание курса	367
6.11.5. Организация обучения	375
6.11.6. Модель занятий по русскому языку с иностранными студентами по формированию лингвокультурологической компетенции	383
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	389
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	394

Глава 1

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЛОВА И ПРАКТИКА ОПИСАНИЯ

Можно выделить три лингвокультурологических направления, в соответствии с которыми было осуществлено исследование русского языка в социокультурной реальности нашей страны в рамках исполняемого проекта по гранту РГНФ № 19-012-00430/19-21 гг.

Во-первых, это создание теоретических основ лингвокультурологии как нового научного направления современной лингвистики, в связи с чем разрабатываются вопросы теории, методы и общие принципы лингвокультурологического исследования: основы лингвокультурологической теории слова, представляющей собой теоретическую модель описания когнитивной и языковой деятельности языковой личности.

Для лингвокультурологии практика построения самих этих направлений, теоретического и прикладного, входит в сферу применения соответствующих аспектов: это первый исходный опыт такого использования. Когда одним из важнейших и при этом дискуссионных вопросов в системе лингвокультурологического знания продолжает оставаться вопрос о соотношении теоретического и прикладного знания, а также ситуация все более расширяющегося спектра прикладных исследований при весьма ограниченной проработке их теоретико-методологической базы, то это снижает эффективность прикладной лингвокультурологии, как важнейшего инструмента методологической базы преподавания иностранных языков.

Современное состояние методики преподавания иностранных языков и, особенно русского как иностранного, насыщено проблемными, а нередко и явно кризисными зонами, что делает актуальным развитие лингвокультурологического

знания в его прикладном звучании, в стремлении теоретически «выстроить» лингвометодическое состояние той или иной проблемы и обозначить стратегию ее разрешения с учетом этого лингвокультурного контекста.

Во-вторых, продолжалась теоретическая разработка лингвокультурологической теории слова. В настоящее время стало возможным объективно оценить некоторые результаты произошедших процессов и описать их, достаточно четко определить общее и различное в состоянии лексических систем в так называемые переходные эпохи, периоды общественной нестабильности.

В-третьих, в рамках третьего направления нами была продолжена разработка лингвокультурологической теории грамматики и исследование влияния общественных изменений на модификацию языковой ситуации в целом, проводилось описание специфики выражения модальных значений в условиях современной коммуникации.

Охарактеризуем кратко современные проблемы лингвокультурологии и некоторые из путей их решения.

1. Начнём с небольшого исторического экскурса и обратимся к «дням минувшим», точнее, рассмотрим четыре десятилетия становления и развития лингвокультурологии, потому что, во-первых, мы имеем на это право, а, во-вторых, мы обеспокоены сверхмерной дифференциацией исследований якобы лингвокультурологических, например, таких как: концептологическое и сопоставительное, фразеологическое и лексикографическое, лингводидактическое, методическое и педагогическое исследования.

При этом следует заметить, что не очень радует широкий спектр анализа разнообразных проблем от особенностей национального менталитета и языковой картины мира до изучения отражения специфических черт формирования и развития материальной культуры в языке, от фольклора и юмора до искусственного интеллекта.

Такой экспансионизм лингвокультурологии, ее чрезмерная активность, естественно, имеют объяснение. До сих пор лингвокультурология как начинающая наука еще формируется, на нее неизбежно распространяются многозначность и проти-

воречивость, свойственные при подходе к языку, культуре и личности – триаде и фокусу рассмотрения указанных проблем.

Укажем и на то, что по самой природе у лингвокультурологии есть та же существенная специфика, которая присуща, например, философии и культурологии. Подобно тому, как каждый философ выступает творцом своего индивидуального, субъективного и неповторимого мира, лингвист и культуролог точно так же поступают с предметами своего главного интереса – языком, культурой и личностью. Уже этого достаточно для затяжной и острой дискуссии о предмете и месте лингвокультурологии в системе гуманитарных знаний. Но сверхагрессивность лингвокультурологии вряд ли должна приниматься научным сообществом безоговорочно.

Да, сегодня лингвокультурология находится на стадии поиска и уточнения своего предмета и методов. Однако при всех разногласиях и спорах о ней как о науке и как об учебной дисциплине сделан большой шаг вперед. И та положительная динамика в изучении феноменов языка, культуры и личности, которую мы сегодня наблюдаем, тот обширный накопленный научный опыт, который зафиксирован в самых серьезных фундаментальных исследованиях, в десятках защищенных докторских, почти в сотне кандидатских диссертаций, обусловили перевод лингвокультурологии как многоуровневой системы в другой ранг, научно-методический, что находит закономерное и адекватное отражение в терминологии.

Сейчас, как нам кажется, уместно и совершенно естественно называть лингвокультурологию наукой. Она обрела самостоятельность, набрала научный вес и стала привычной учебной и научной дисциплиной в ряде ведущих российских и зарубежных вузов. Произошло это не случайно, ибо отечественной лингвистике предназначено быть своеобразным культурологическим форпостом. К этому есть все предпосылки и, прежде всего, духовно-интеллектуальные – в виде огромного потенциала русского языка и национальной культуры, а главное – педагогов, исследователей, радеющих за чистоту родного языка и берегающих нашу духовность.

2. Лингвокультурология, сделавшая своей центральной задачей уход от одностороннего детерминизма в трактовке про-

блемы «язык–культура–личность», призвана рассматривать все три феномена в их неразрывном единстве. Задача эта оказывается достаточно сложной, поскольку и язык, и культура, и личность – чрезвычайно сложны по своей природе. Невыясненность многих базовых вопросов соотношения языка-культуры-личности приводит к тому, что большая часть необходимого знания существует в виде вопросов.

Для того чтобы выявить специфику лингвокультурологического подхода для обучения русскому языку как иностранному, необходимо рассмотреть то, как проблематика взаимосвязи языка–культуры–личности трактуется в смежных с лингвокультурологией областях. Заметим, что эти направления – в частности, лингвострановедение, когнитивная лингвистика, этнолингвистика и др. – являются в определенном смысле ее «предшественниками».

Состояние методики преподавания русского языка как иностранного в наши дни характеризуется поиском новых и дальнейшим утверждением имеющихся подходов, которые призваны наиболее полно отвечать потребностям как реформируемого российского общества, так и системы вузовского обучения иностранных студентов в России. Современные достижения различных филологических дисциплин позволяют ставить вопрос о принципиально новом подходе к преподаванию иностранного языка: «Лингвисты и методисты уже обозначили этот подход как лингвокультурологический или культурологический. С необходимостью акцентируя внимание на педагогическом (обучающем) аспекте этого нового подхода, с которым будет связана дидактика в наступающем 21 веке, назовем этот подход культуроведческим» [Митрофанова, 1999, 346-347].

Культурологический подход к преподаванию русского языка как иностранного оказался в центре внимания IX [Братислава, 1999], X [Санкт-Петербург, 2003], XI [Варна, 2007], [Гранада, 2011], [Казахстан, 2015] Конгрессов МАПРЯЛ, наметивших основную направленность преподавания русского языка как иностранного в XXI веке.

3. Как известно, Государственные образовательные стандарты по русскому языку как иностранному ставят задачу, чтобы иностранцы, приезжающие в Россию для получения высше-

го образования, в овладении русским языком достигли уровня, достаточного для общения не только в учебной и профессиональной сфере, но и в условиях реальной коммуникации, спонтанной и в ряде случаев непредсказуемой с точки зрения выбора партнёрами по общению, носителями русского языка, лексических и грамматических средств. В силу этого они не могут ограничиться при изучении языка узкими рамками своей специальности. От них требуется владение не искусственной, а настоящей, живой русской речью.

Иностранные студенты, изучающие русский язык, обычно стремятся овладеть еще одним способом участия в коммуникации. При этом, усваивая русский язык, иностранный студент одновременно проникает в новую для него национальную, русскую, культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком. В частности, иностранный студент, осваивая русский язык, имеет реальную и высокоэффективную возможность приобщиться к русской национальной культуре, узнать прошлое и настоящее российского государства, постичь и что-то понять в образе жизни русского народа, т.е. русский язык выступает в качестве средства приобщения иностранца к неродной для него культуре.

Поэтому при преподавании русского языка как иностранного необходимо постоянно помнить: изучаемый язык сам по себе, автоматически не «отдает» хранимую им информацию, и соответственно необходимы специальные, целенаправленные усилия как подготовленного преподавателя, так и правильно сориентированного студента. Что касается преподавателей-русистов, то они, безусловно, лишь тогда могут считать себя получившими профессиональное образование, когда всесторонне изучена культуруносная и культуруприобщающая функция русского языка, выступающая в качестве иностранного, и когда практически освоена методика реализации данной функции в учебном процессе. Лишь при выполнении этих условий, как справедливо отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «русский язык сыграет, и сыграет великолепно, свою роль передатчика национальной культуры русского народа» [Верещагин, Костомаров, 1990, 5].

Учет существования и взаимодействия национальных культур в процессе обучения иностранному языку является определяющей характеристикой современного этапа развития научного направления «русский язык как иностранный». Поскольку «изучение иностранного языка есть проникновение в иную культуру и существование в гармонии с ней, новейшие преобразования нашего мира влекут за собой известный пересмотр теории и практики преподавания, в частности, русского языка иностранцам» [Костомаров, 1999, 8].

Сегодня на смену формирования у них навыков и умений, необходимых преимущественно для учебной коммуникации, приходит задача подготовки к реальному общению с представителями русской культуры в бытовой и профессиональной сфере. Соответственно целью обучения РКИ становится формирование таких качеств *вторичной языковой личности*, которые могут обеспечить эффективное общение. В результате *вторичная* (на основе освоения иностранного языка) *языковая личность* [Халеева, 1989] определяется как совокупность способностей иностранного студента к общению на неродном (русском) языке на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями другой (русской) культуры. Это предполагает не столько безупречно правильное построение речи в соответствии с языковыми нормами русского языка, сколько умение достичь взаимопонимания — это цель и результат успешного общения. Для иностранного студента система значений в русском языке принципиально отлична от его носителя, что затрудняет общение, в ходе которого происходит не передача значения, а его создание. Для успешного общения создаваемое значение должно быть общим для всех участников процесса.

Создание общего значения — нелегкая задача, ибо изначально участники, принадлежащие к разным культурам, обладают различными значениями одних и тех же слов, грамматических конструкций и законченных речевых актов. Зависимость методической науки, в частности, методики преподавания русского языка как иностранного, от доминирующих направлений развития лингвистики очевидна. Например, в настоящий мо-

мент исследования культурного компонента лингвистического значения проходят широким фронтом.

С проблемами культурных расхождений при использовании одного и того же языка (русского) мы столкнулись не так давно, в отличие, например, от западного общества. Мобильность, миграция рабочей силы, иностранные студенты из ближнего и дальнего зарубежья ставят перед нами – русистами, учеными, теоретиками и практиками – насущную проблему использования культурных различий и выработки таких методологий обращения с этими различиями. Это лингводидактическая проблема и она рассматривается нами как обосновывающая «содержательные компоненты образования, обучения, научения в их неразрывной связи с природой языка и природой общения как социального феномена, детерминирующего деятельную сущность речевых произведений, в основе которых лежат механизмы социального взаимодействия индивидов» [Халева, 1989, 199].

Для рассмотрения вопроса о включении культурного компонента в процесс обучения русскому языку как иностранному необходимо определить: понятие русской культуры, ее содержание; связь культуры с русским языком и речевой деятельностью; природу культурного компонента; методические аспекты включения культурного компонента значения в образовательный процесс на занятиях по русскому языку как иностранному.

При решении этих проблем мы исходим из следующих постулатов.

Во-первых, *язык* – не система реляционных отношений между языковыми единицами (Ф. де Соссюр), а система значений – как собственно языковых, так и предметных, существующих в виде идеальных образов.

Культура – система идеальных феноменов, использующихся в процессе социальной деятельности людей как функция. Существует, по крайней мере, три уровня культурно детерминированных явлений действительности: а) характеристики отдельных психических процессов или операций; б) социально-культурные нормы, связанные с особенностями сознания человека, принадлежащих к данному социуму; в) способы деятель-

ности, определяемые особенностями личности, имеющими культурный генезис.

Применительно к овладению русским языком как иностранным понятие культуры включает: информацию о социальной среде, образе жизни русского народа; информацию о культурных стереотипах русского народа; информацию о содержании социальной памяти; этнопсихологическую характеристику русского народа; русскую духовную культуру.

Личность – результат самоопределения субъекта в реальном мире, продукт и процесс интериоризации «единого и единственного» мира в его соотношении с мотивами, волей, переживаниями, знаниями, деятельностью субъекта.

Во-вторых, *предмет* лингвокультурологии – роль и место культуры и языка в становлении и функционировании личности, взаимопереходы и взаимовлияния между личностью как процессом и результатом самоопределения человека в мире, культурой как социальной деятельностью человека, языком как средством и орудием диалога личности с предметным миром культуры, социальным опытом человечества и отдельной социальной группы.

В-третьих, центральное понятие лингвокультурологии – *образ мира* как отображение в психике человека предметного мира, опосредованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами. Для каждой отдельной личности образ мира конструируется не просто значениями, а личностно-смысловыми образованиями, детерминируемыми индивидуальным опытом, эмоциями, мотивами. В основе мировидения каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов схем. Сознание и личность человека всегда этнически обусловлены.

В-четвертых, при обучении русскому языку как иностранному должна решаться задача формирования у иностранного студента нового образа мира, связанного с русским языком и соответствующей культурой, т.е. задача воздействия не только на деятельность, но и на сознание.

Как можно видеть из всего сказанного, наша мысль движется в русле этнолингвистической проблематики. Об этом же

свидетельствуют и наши выводы относительно задач лингвокультурологии и существующих в настоящее время ее направлений. Так, специфические задачи лингвокультурологии заключаются в получении ответов на следующие вопросы: 1) как культура участвует в образовании языковых единиц; 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»; 3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии; 4) существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы; 5) каковы концептосфера, культурная семантика данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей – языка и культуры; 6) как систематизировать основные понятия данной науки, т.е. создать понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка-культуры-личности в динамике, но и обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы – антропологической или антропоцентрической.

Существующие в настоящее время направления лингвокультурологии следующие: теоретическая лингвокультурология: исследование взаимодействия языка-культуры-личности, конкретной лингвокультурной ситуации; диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния нации за определенный период времени; сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных народов; сопоставительная лингвокультурология, исследующая, например, особенности менталитета с позиций носителя русского языка и культуры; лингвокультурологическая лексикография.

Мы же подчеркиваем особую значимость лингвокультурологических исследований для практики преподавания русского языка как иностранного.

Предметом лингвокультурологии при таком ее понимании являются артефакты. Метод лингвокультурологического поля позволяет описывать систему культурных ценностей, отражаемых в языке. В частности, объектом лингвокультурологического

исследования становится русская национальная личность, соединяющая в себе язык и культуру и имеющая высокую познавательную ценность в обучении. Общую стратегию своего исследования мы видим в «динамическом развертывании принципиальной схемы соотношения таких понятий, как “человек” (“национальная личность”) – Л, “язык” – Я (и “мышление” – М), “культура (материальная и духовная)” [Воробьев, 1997, 29].

Как показано нами выше, появление лингвокультурологии можно считать логическим развитием традиционной для языкознания проблемы соотношения языка и культуры. В то же время лингвокультурология, переживающая этап развития и становления, не имеет на данный момент четко определяемых онтологических характеристик. Ее предмет и методы исследования бывают различными в зависимости от решаемого круга вопросов и от подхода, избранного тем или иным лингвистом или методистом. Такая ситуация заставляет говорить о предмете, методах, проблемах и задачах лингвокультурологии как о методологической проблеме. Рассмотрим основные подходы к решению данного вопроса.

Как и всякая дисциплина, появляющаяся на стыке двух научных областей, двух предметов, она своей природой доказывает, что «напрямую» два научных предмета не соединяются. Исследования в рамках лингвокультурологической проблематики осуществляются с учетом «интересов» либо лингвистики, либо культурологии.

Выражением первой тенденции может служить точка зрения относительно лингвокультурологии: «Одной из задач этой междисциплинарной области знания (лингвокультурологии) является изучение механизмов воплощения и межпоколенной трансляции стереотипов национального мировидения в обыденном сознании, а также поэтапная реконструкция культурных установок и характерологических черт менталитета народа – носителя языка» [Малишевская, 1999, 181]

Исследователи, занимающиеся лингвокультурологической проблематикой, должны исходить из того, что лингвокультурология соединяет не два компонента, язык и культуру, а три:

язык—культуру—личность — и она призвана изучать их взаимодействие.

Мы определяем лингвокультурологию по следующим параметрам: 1. Это научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой). 2. Основным объектом лингвокультурологии являются взаимосвязь и взаимодействие личности, культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности. 3. Предмет лингвокультурологии — национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях, всё, что составляет «языковую картину мира». 4. Лингвокультурология ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутых новым мышлением, современной жизнью общества, на полную, объективную интерпретацию фактов и явлений и информацию о различных областях культурной жизни страны. 5. Объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует от лингвокультурологии системного представления культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии, а также разработки понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления.

Однако важно отметить, что лингвокультурология безусловно ставит своей центральной задачей рассмотрение языка, культуры, личности во взаимосвязи. Причем, если традиционно рассмотрение этого взаимоотношения осуществлялось со смещением акцентов либо в сторону лингвистики, либо в сторону культурологии, то появление новой дисциплины должно означать использование как лингвистического, так и культурологического подходов в их единстве в рамках создаваемого нового научного предмета. Основанием для такого рассмотрения взаимоотношения языка, культуры, личности является их онтологическое единство, а представленные в настоящем пособии подходы хоть и «высвечивают» разные аспекты проблемы их соотношения, в то же время демонстрируют собой приближение к решению проблемы на новом, качественном уровне в рамках

лингвокультурологии как особой дисциплины с собственным предметом и методами исследования.

Лингвокультурология, с нашей точки зрения, призвана представлять сведения и делать заключения о лингвокультурах как некоторых типах.

Таким образом, лингвокультуры как особый тип взаимосвязи языка, культуры, личности, проявляющейся как в сфере языка, так и в сфере культуры, и составляют объект лингвокультурологии.

Глава 2

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА (ПРОБЛЕМЫ ДЕАРХАИЗАЦИИ)

2.1. Развитие русского литературного языка и активные лексические процессы в эпохи социальной нестабильности

В конце XX века в России произошли глубокие качественные изменения в общественном строе и политической системе, трансформировалась социальная структура, получили широкое распространение новые идеи, виды деятельности. Россия стала частью мирового экономического сообщества, в сознание россиян прочно вошли демократические ценности и понятия рыночной экономики, объективнее стал их взгляд на опыт других стран и на собственное историческое прошлое.

Язык, являясь основной общественно значимой формой отражения окружающей человека действительности и самого человека, будучи социально обусловленным и многофункциональным, находится в постоянном движении и развитии, поэтому любые изменения в обществе находят своё отражение в языковой системе, так как её главное назначение – отражать постоянно меняющийся мир.

Вопросы развития языка, проблемы связи языка и общества уже много лет интересуют лингвистов, филологов, исследователей культуры, а двадцатое столетие было насыщено крупнейшими социальными событиями, которые повлияли на судьбу не только России, но и большинства стран мира и всего человечества. Первая и Вторая мировые войны, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, великие научные открытия и технические изобретения, экономические преобразования,

распад СССР — всё это нашло отражение в русском языке XX века, в его словарном составе и стало предметом серьёзных исследований.

Тема развития и преобразования русского языка после Октябрьской революции 1917 года под влиянием общественных изменений ещё в 20–30-е годы привлекла внимание крупнейших российских языковедов. Этой проблематике посвящены основательные работы Г.О. Винокура, А.М. Пешковского, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова и др.

Первое послеоктябрьское десятилетие в России протекало под знаком бурных, ожесточённых споров о состоянии русского языка. К этому времени были изданы за рубежом книги А. Мазона «Lelexique de Laguerre et derevolutionen Russie. 1914–1918» [Paris, 1920], С.И. Карцевского «Язык, война и революция» [Берлин, 1923], А. и С. Волконских «В защиту русского языка» [Берлин, 1928]. В России вышли книги Г.О. Винокура «Культура языка» [М., 1925], Р.О. Шор «Язык и общество» [М., 1926], опубликованы статьи А. Баранникова «Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы» [Уч. записки Самарского ун-та, 1919, № 2] и др.

Споры о языке выявили идеологические позиции языковедов, их отношение к новым явлениям, традиции, культуре речи в теоретической данности этого понятия и прагматическом его преломлении. Особенно важны и имеют принципиальное значение труды Е.Д. Поливанова, сделавшего выводы о влиянии социальных факторов на природу языковых процессов. Влияние социальных факторов на язык происходит, по мнению учёного, не непосредственно. В статье «Где лежат причины языковой эволюции?» он пишет: «Путей или способов, какими могут быть экономические (и политические) или вообще культурно-исторические явления воздействовать на языковую эволюцию, много, но в качестве основного момента здесь нужно указать на следующее: экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции» [Поливанов, 1931, 42].

В 1925 году на страницах журнала «Журналист» были опубликованы статьи-размышления о русском языке и культуре речи, оставившие глубокий след в дальнейшем развитии русистики. В обсуждении проблем языка того времени участвовали виднейшие ученые – Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский, Д.Н. Ушаков. В своих статьях они писали о самом актуальном и важном в тот период – об употреблении заимствованной лексики, о путях обогащения русского языка, расширения его лексического состава, о воспитании языковой грамотности и речевой культуры населения. В 1921 году в статье «Русский язык и революция» С.И. Карцевский сделал выводы о влиянии на русский язык революционных событий. «Уже 1905 год, – писал он, – оставил после себя некоторое лингвистическое наследие в виде целого ряда слов, частью новых, частью малоизвестных, которые в ту пору проникли во все углы России и в самые широкие слои населения. ...С тех пор мы пережили грандиозные события – война, революция, большевизм, гражданская война – всё это неминуемо должно было оставить свои следы и на русском языке. Должны были возникнуть новые слова для новых понятий, вызванных к жизни новой обстановкой войны и последовавшей политико-социальной разрухи. Интересно и поучительно обследовать, какие изменения произошли в эпоху 1914–1920 годов» [Карцевский 1999, 32]. Эту тему С.И. Карцевский развил в вышедшей в 1923 году в Париже книге «Язык, война и революция».

В 1928 году в Москве было опубликовано фундаментальное исследование А.М. Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926)», представляющее собой результат наблюдений «над языковой действительностью и обстоятельствами послереволюционного периода». Цель книги, как сформулировал её сам автор, – «осветить различные стороны языковых переживаний последних лет» [Селищев, 2009, 3]. А.М. Селищев сформулировал и разграничил общелингвистическое значение результатов своих наблюдений и значение сугубо практическое, актуальное в плане языковой политики: «...результаты моих изучений... указывают на различные отклонения от норм общерусского литературного языка и на условия, обстоятельства и последствия этих отклонений» [Там же].

В 60-е годы прошлого века под руководством М.В. Панова вышла в свет коллективная монография «Русский язык и советское общество», подготовленная в Институте русского языка АН СССР. В одной из четырёх книг этого исследования «Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи. Лексика современного русского языка» детально рассматривались общие принципы исследования русского языка в связи с социальными изменениями в советском обществе за 50 послереволюционных лет двадцатого столетия, описывались пути пополнения лексики, типы семантических изменений и их характер, показана возрастающая роль терминологической лексики.

В конце XX века, в период многочисленных социальных, политических, экономических и культурных перемен и вслед за ними, в русском языке вновь активизировались разного рода процессы в лексике и словообразовании. В новых социально-политических условиях эти процессы во многом отразили изменение общественного сознания.

Изменения в системе языка, как известно, наиболее серьёзно затрагивают его лексико-семантическую подсистему как самую подвижную и чувствительную, так как определяющими свойствами лексики являются динамизм, открытость, неравномерность развития, сложность структуры. Движение словарного состава, как правило, сопровождается различными трансформациями в лексическом строе языка. Заметные изменения, произошедшие в лексическом составе русского языка в конце XX века, сразу стали объектом пристального внимания филологов, деятелей культуры и широкой общественности.

В 90-е годы XX века появились серьёзные исследования, «одновременные» всем происходящим событиям, в которых анализировался «текущий момент» и отражение его в языке: проводились наблюдения в первую очередь над изменениями в лексике, новыми тенденциями в словообразовании. «Что было выражено словом, то было и в жизни...» [1993], Л. Ферм. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет) [1994], А.Д. Дуличенко. Русский язык конца XX столетия [1994], В.Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи [1994], Русский язык конца XX столетия [1996], Г.Н. Складнев-

ская. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания [1996], И.А. Стернин. Социальные факторы и развитие современного русского языка [2000] и многие другие).

В исследованиях этих лет [90-е годы XX века] ставилось много вопросов, прогнозировались тенденции и пути развития языка, делались многочисленные предположения. «Наше время, – писал в 1990 году К.С. Горбачевич, – время массовых социально-экономических прогнозов. Как и планирование, прогнозирование развития общества становится не данью преходящей моды, а осознанной и устойчивой потребностью. Прогнозируется сейчас всё: добыча и потребление угля, нефти, газа, врачи прогнозируют эпидемии гриппа, работники текстильной и обувной промышленности ломают голову над судьбами моды, утверждая, впрочем, что в поведении даже этой «капризной дамы» наблюдается довольно строгая повторяемость, цикличность. На путь прогнозирования, научно обоснованного предвидения будущего вступает и наука о языке. И вызвано это отнюдь не праздным любопытством... Языковед, который занят составлением словарей и грамматик, должен оценить такие факты объективно, и не только с позиции сегодняшнего дня, но и с учётом языкового «завтра». Таким образом, прогнозирование развития языка и установление перспективных, наиболее вероятных форм выражения в будущем – это не отвлечённая схоластика, не гимнастика ума, а нужное дело, подсказанное самой общественной жизнью» [Горбачевич, 1990, 70–71].

Перед лингвистами в 90-е годы стояла довольно сложная задача. «В современной эпохе, – пишет В.Н. Шапошников, – всегда трудно разобраться, и это сложно в нынешней России: многое изменилось и перепуталось, много оценок и немало пророчеств – часто противоречивых, даже исключая друг друга. Немало проговоренного и приговоренного мимолётом, походя, от пристрастия и субъективных мнений... Есть разные, более или менее верные и надёжные способы изучения общества и конкретной эпохи. Мы будем подступать к обществу и эпохе со стороны языка, свойственной ей речи. Языковое зеркало, в конечном счёте, едва ли не наиболее верное и характеризующее. Это проверялось неоднократно. Речевое зеркало не всегда одномерно. Во всяком случае, оно не плоское. Не плос-

кое даже у одного человека, а тем более у коллектива, у общества» [Шапошников, 1998, 5].

Согласимся и с Г.Н. Складневской, которая в статье 1996 года точно заметила: «Мы имеем уникальную возможность наблюдать и исследовать язык в пору его стремительных и, как кажется, катастрофических изменений: все естественные процессы в нём ускорены и рассогласованы, обнаруживаются скрытые механизмы, действие языковых моделей обнажено, в массовом языковом сознании наблюдаемые языковые процессы и факты оцениваются как разрушительные и губительные для языка. Такая динамика и такое напряжение всех языковых процессов производят впечатление языкового хаоса, хотя в действительности дают драгоценный и редкий материал для лингвистических открытий» [Складневская, 1996, 463].

К динамическим процессам, протекающим в русском языке новейшего периода, следует отнести: резкое увеличение словарного состава за счёт заимствований, расширение пласта общеупотребительной лексики за счёт лексики ограниченного употребления: специальной, просторечной, жаргонной, пополнение словарного состава языка огромным количеством новообразований (неологизмов), созданных на базе собственных ресурсов, изменения в значениях многих лексических единиц, связанные со снятием чисто идеологических наслоений, перераспределение между активным и пассивным запасами русского языка.

В основном следствием социально-экономических процессов стали лексические изменения хронологического характера: процесс утраты советизмов (активные процессы архаизации) и процесс деархаизации некоторых утраченных в советский период слов.

В начале XXI столетия исследователи [Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Г.Н. Складневская, Н.Ю. Шведова и другие] начали говорить о стабилизационных процессах в лексической системе, о нормативности, а также о завершённости некоторых процессов. «К началу XX столетия, – пишет Г.Н. Складневская, – можно говорить если не о заметной стабилизации лексической системы русского языка, то, во всяком случае, об обретении ею равновесия: сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и вих-

реобразные языковые явления, которые происходили в 90-х годах минувшего века, а скорее интенсивное развитие двух разнонаправленных процессов: «онаучивание» языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии, и потоки иностранных заимствований с одной стороны, и встречное движение жаргонизации языка – с другой» [Скляревская, 2001, 5].

В настоящее время стало возможным также объективно оценить некоторые результаты произошедших процессов и описать их. Кроме того, важно отметить, что в конце XX – начале XXI столетия были созданы новые словари, отразившие и зафиксировавшие «новое» состояние лексической системы русского языка.

К словарям нового времени следует отнести «Толковый словарь русского языка XX века. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Скляревской [1998], «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под ред. Г.Н. Скляревской [2005], «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Скляревской [2006], «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой [2007] и некоторые другие, которые отразили российские реалии конца XX – начала XXI столетия, новую языковую ситуацию в стране.

Авторы «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» выделяют следующие тематические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют в современной речевой коммуникации и формируют языковое сознание носителей русского языка [Толковый словарь..., 2006, 6]:

1. Политика, социальное устройство, идеология (*биполярный, бюрократизированность, полпред, прогубернаторский* и другие).
2. Экономика, финансовое дело (*авизовый, антиинфляционный, банкинг, высоколиквидный* и другие).
3. Армия, охранительные органы (*альтернативная гражданская служба, наркоконтроль, наркополицейский* и другие).
4. Техника, автоматизация (*видеоконференцсвязь, киберпространство, оцифровать* и другие).

5. Спорт, игры (*дайвинг, допинг-контроль, мундиаль, плей-офф, фол, хет-трик* и другие).

6. Медицина (*витаминоизация, иммуномодулирующий, остеопатия, стрессогенность, токсины* и другие).

7. Религия, верования (*ангел-хранитель, благочинный, Бог, Богородица, иерей, исповедничество* и другие).

8. Массовая культура (*диджей, дефиле, джаз-фестиваль, дресс-код, реалити-шоу* и другие).

9. Музыка современной массовой культуры (*арт-рок, кантри, ритм-энд-блюзовый, фьюжн* и другие).

10. Молодежная субкультура (*байк-клуб, граффитист, диггер, рэп-тусовка* и другие).

11. Предметы одежды и головные уборы, фасоны, модели (*аляска, ботильоны, шазюбль* и другие).

12. Предметы обихода (*аэрогриль, визитница, джакузи, пластиковая карточка* и другие).

13. Кушанья, напитки (*биг-мак, фаст-фуд, мюсли, тофу, заморозка, текила* и другие).

14. Ткани, материалы (*лайкровый, крэг, наппа, синтеноновый, органза, эластан* и другие).

15. Предметы и способы ухода за лицом и телом, косметика (*автозагар, кондиционер, скраб* и другие).

16. Область паранормальных явлений (*биоэнергосистема, вампирить, гуманоид, медиум* и другие).

На эту классификацию мы будем опираться в дальнейшем.

В конце XX – начале XXI столетия стало возможным также достаточно чётко определить общее и различное в состоянии лексических систем в разные переходные эпохи, периоды общественной нестабильности. Для того чтобы понять настоящее, достаточно и необходимо посмотреть на прошедшие эпохи и описать «настроение» каждой эпохи и её языковую ситуацию.

Состояние лексической системы в конце XX – начале XXI столетия отразили российские средства массовой информации (телевидение, газеты и т.д.). Л. Ферм в предисловии к своей книге пишет: «Материалом для изучения актуальных процессов развития лексики и словообразования в новейший

период нам послужил язык периодической печати, в основном газет. Этот выбор не случаен. Только пресса, и прежде всего газета, в состоянии незамедлительно фиксировать и доносить до читателей всё новое, что наблюдается в языке. Именно на страницах газет часто рождаются новые слова (*ваучеризация, неграждане, окупонить*) и появляется новая иноязычная лексика (*андеграунд, менталитет, рейтинг*). Именно в газете многие слова получают новое значение (*подпитка, противостояние, тиражировать*) или расширенную сочетаемость (*блатной социализм, борзые следователи, реанимация социализма*). А поскольку из всех печатных изданий только газета охватывает такое огромное количество читателей, то именно она способствует быстрому и повсеместному распространению новых языковых явлений» [Ферм, 1994, 15].

Исследователи современного состояния лексической системы русского языка опираются в основном на материалы периодической печати, телевизионную речь, живую разговорную речь, а также обращаются к материалам толковых словарей русского языка, исследуя «тексты» словарей как отражение состояния лексической системы русского языка в ту или иную эпоху.

Для конца XX века характерны обращение к опыту западной цивилизации и интерес к своим национальным корням и истокам, к российской истории. Среди активных процессов в лексике русского языка нашего времени следует отметить процесс лексической деархаизации – процесс возвращения в активное речевое употребление устаревших (в той или иной степени) слов, утраты оттенка архаичности в их значении. Возвращение старого, ранее отвергнутого и запрещённого, воспринималось в этот период как нечто новое, а процесс деархаизации как своего рода продолжение прерванного пути.

Активизация в конце XX – начале XXI столетия достаточно большой группы лексики (современные словари фиксируют несколько сотен слов – около 600) – явление в русском языке, характерное для нашего времени, особый социолингвистический феномен.

Возвращению лексики, бывшей какое-то время малоупотребительной и неупотребительной, способствовала установка

общества на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных или «отодвинутых» на задний план в ходе истории. Большое значение имеет также такой социокультурный фактор, как переосмысление в конце XX столетия исторического пути развития России и ситуация выбора дальнейшего пути развития страны. Ценность большей части возвращенной лексики бесспорна. Это пласт культуры, часть традиционного сознания народа.

2.2. Динамика культуры и развитие языка

«Изучение системы современного русского языка, – писал В.В.Виноградов, – даже если оно производится на основе синхронического принципа, но сопровождается учётом внутренней динамики языковых явлений и анализом функций речевых пережитков, неотделимо от истории русского литературного языка. Вне исторического познания невозможно понимание современных явлений. История русского литературного языка совершается на наших глазах и в нашем сознании. Мы живём в языковой стихии и уносимся её течением. В структуре современного русского языка – при полном и всестороннем охвате живых процессов – резко выделяются разные пласты предшествующих систем, мёртвые и непродуктивные категории, уводящие к прошлому, нередко очень далёкому» [Виноградов, 1977, 152].

Каждый естественный язык – продукт исторического развития, и одно из важнейших свойств языка состоит в том, что он находится в непрерывном движении и развитии, без которого он неизбежно оторвался бы от жизни народа, носителя этого языка, и не смог бы выполнять свою основную общественную функцию – коммуникативную. «Народ отражает себя в языке своём, – писал И.И. Срезневский. – Народ действует, его деятельностью управляет ум, ум и деятельность народа отражается в языке его. Деятельность есть движение; ряд движений есть ряд изменений; изменения, происходящие в уме и деятельности народа, также отражаются в языке. Таким образом, изменяются народы, изменяются и языки их» [Срезневский, 1959, 17].

В любой момент развития культуры язык полностью и адекватно отражает её, иными словами, развитие общества во многом определяет прогресс в языке. Будучи культурным явлением, язык проявляется прежде всего на уровне лексики. Лексика, словарный состав, на долю которого приходится основная нагрузка в процессе общения, считается участком, наиболее подверженным изменениям. «Жизнь лексики сложна и многообразна и по сравнению с другими ярусами языка ярко двупланны. С одной стороны, её основное назначение как первоэлемента общения – отражение действительности, т.е. всего многообразия мира и отношений, в которых живёт общество. С другой стороны, в достаточно развитом языке способы отражения действительности предрешены наличием и возможностями средств – лексико-семантических, стилистических, синонимических, словообразовательных и т.д. – и их внутренними отношениями. Лексическое значение слова – основное средство отражения действительности» [Ожегов, 1974, 47].

Исследование словарного состава в его изменениях во времени – предмет исторической лексикологии. Словарный состав языка представляется, прежде всего, суммой, совокупностью слов, которыми в данный исторический момент пользуются для общения, для выражения своих понятий о действительности коллектив говорящих на данном языке. Историческая лексикология делает выводы о развитии языка, опираясь на исследование истории конкретных слов, прослеживая их появление, существование в языке и функционирование в речи, а в соответствующих случаях – их выход из речевого употребления.

Являясь так или иначе элементом языковой системы, слово вместе с тем не теряет своей обособленности, испытывая на себе непосредственное действие «внешних» сил и отражая эволюцию определённых понятий, их историческую связь и преемственность, их зависимость от соответствующих социальных условий, реалий материальной и духовной жизни общества и отдельных его групп. Обычно словарный состав рассматривают как «совокупность или сумму всех слов данного языка и вместе с тем как определённый ряд отдельных элементов, не составляющих, строго говоря, органического целого» [Сорокин, 1965, 22]. Мы будем следовать точке зрения, довольно давно сфор-

мировавшейся в российской лингвистике [В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова и другие]:

1. Словарный состав современного русского литературного языка представляет собой исторически сложившуюся естественную систему со всеми принадлежащими такой системе характеристиками: целостность, состоящая из ряда участков, имеющих каждый свою собственную организацию, разную степень открытости для пополнений, по определённым законам взаимодействующих друг с другом и в то же время подчиняющихся системе в целом.

2. Лексическая система живёт по законам, общим для любой естественной системы: она активно функционирует и при этом находится в состоянии постоянного развития, в конечном счёте определяемом жизнью её подсистем и их взаимодействием; изменения, происходящие в том или ином участке, его утраты и пополнения прямо или косвенно обязательно сказываются на всей организации и стимулируют происходящие в ней процессы.

3. Лексическая система, как всякая исторически сложившаяся естественная целостность, обладает высокой степенью стабильности: те её основные классы, которые выделяются для современного состояния языка, существовали издавна; на протяжении веков и десятилетий меняется не сама система, а определённые участки внутри неё и отношения между этими участками. «Именно таков характер пополнений и утрат, тенденций развития лексики, отмечаемых для отдельных периодов в жизни языка. Естественно, что протекая в лоне системы такие процессы не оставляют её безразличной: они обеспечивают её существование как живого и развивающегося организма» [Шведова, 2000, 5].

Изучение лексики в культурно-историческом аспекте, предполагающее выявление связей между конкретным словом и этнографическими, историческими, экономическими реалиями, философскими и религиозными понятиями, эстетическими взглядами, этикой эпохи в целом, очень важно и необходимо, поскольку решение этой задачи даёт точное представление об общественном и личностном сознании народа в ту или иную

эпоху, об особенностях его духовной и материальной культуры, помогает изучить его менталитет.

Несомненно следует согласиться со следующими словами Г.О. Винокура: «Язык действительно отражает историю народа, но одновременно он и сам есть часть этой истории, одно из созданий народного творчества. Это значит, что изучение данного отдельного языка есть прямая и непосредственная задача того, кто изучает вообще соответствующую культуру. Поэтому языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым, хочет он этого или нет, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [цит. по: Виноградов, 1977, 103]. Все какие-либо заметные сдвиги в обществе и в языке одновременны или почти одновременны.

Анализ лексического материала, учитывающий лингвокультурный и мировоззренческий аспекты, позволяет представить словарный состав языка как модель человеческого мира, в которой фиксируется целостная картина воззрений о ценностном мире человека, общества. Поскольку язык – продукт исторического развития народа, история русского языка самым тесным образом связана с историей Руси, России, с историей российской государственности, с историей просвещения, русской литературы и народной поэзии, вообще – с историей русской духовной культуры.

Язык, непрерывно развиваясь, в определённые моменты истории испытывает на себе сильное влияние некоторых экстралингвистических факторов, которые это развитие ускоряют. К таким факторам можно отнести все крупные исторические события (революции, войны, крупные экономические реформы и научные открытия, определяющие технический прогресс, мировые катастрофы и т.д.), а также «малейшие изменения в содержании, т.е. в условиях существования данной социальной группы» [Л.В. Щерба], «изменения общественной жизни» [В.В. Виноградов], «познание природы в широком смысле» [С.И. Ожегов], «уровень развития общества и мышления человека» [Р.А. Будагов], «языковой вкус эпохи» [В.Г. Костомаров].

2.3. Историческая эпоха и её влияние на язык

Лексика каждого языка, как известно, изменяется не только постепенно и непрерывно, но и неравномерно, когда складываются определённые общественно-исторические условия. «Каждый новый этап в развитии общественной жизни, – писал С.И. Ожегов, – накладывает свой отпечаток на словарный состав языка. Следовательно, на каждом этапе развития общественной жизни происходили изменения в соотношении лексических элементов, порождались новые черты лексической системы» [Ожегов, 1974, 168]. В языке всегда отражаются исторические эпохи и периоды смены этих эпох. Язык и эпоха, влияние исторических событий определённого периода на язык, языковые изменения, сущность и характер этих изменений – темы, которые всегда интересовали исследователей культуры, филологов. В истории русского языка Нового времени не раз были моменты, которые характеризовались кардинальными изменениями в языке, и прежде всего, в лексике как наиболее мобильной, подвижной его части. «Русский литературный язык, – пишет Ю.А. Бельчиков, – не раз переживал в своей истории острые моменты: и наплыв иностранных слов (в начале XVIII и первой трети XIX века), и влияние диалектной и жаргонной речи (во второй половине XIX века), и расшатывание литературных норм (в первые годы после Октябрьской революции), и увлечение диалектизмами (в 20-х – начале 30-х годов XX века)» [Бельчиков 2003, 170].

Исследование лексики в её историческом развитии всегда тесно связано с изучением истории конкретных слов и выражений, потому что каждое из них «есть свидетель, памятник, факт жизни народа» [Срезневский, 1959, 103], потому что история многих слов отражает историю разных сторон культуры, потому что, по словам В.В. Виноградова, «при изучении конкретной истории отдельных слов и выражений обнаруживаются те многомиллионные ручьи и потоки, которые с разных сторон – из глубины народной жизни и устного народного творчества, из быта и культуры разных слоёв общества, из разных областей профессионального труда, из сочинений крупнейших писателей – несут новые формы выражения и выразительности, новые

мысли, новые слова и значения в «едва пределы имеющее море (как выразился Ломоносов) русского литературного языка» [Виноградов, 1977, 103].

История литературного языка – это история материально-го и духовного развития общества, представляющая в разнообразных формах языкового выражения развитие его научных, философско-религиозных, политических и других идей. Специфические, неповторимые условия исторического развития (мировые войны, революции, создание СССР и распад его, реставрационные процессы в политике, экономике, культуре и др.) определили своеобразие внутренних языковых процессов на протяжении всего XX века. По мнению С.И. Ожегова, «история словарного состава, пожалуй, один из наименее разработанных разделов русского языкознания. Слово, входя в общую систему закономерностей развития лексики, вместе с тем очень индивидуально, как бы неповторимо отражает своеобразие породивших его общественных отношений. Чем дальше в глубину истории, тем труднее исследователю познать индивидуальный семантический облик слова. Слово часто предстаёт вне своего конкретного исторического контекста. Часто неясными представляются конкретная общественная установка, породившая слово, конкретные условия его употребления в разных слоях общества, хронологические границы его активного и пассивного существования у представителей разных общественных классов и их социальные оценки слова. История лексики требует углубленного анализа общественно-исторической обстановки, отражающейся на всех сторонах жизни народа, на его идеологических представлениях, на его психическом облике, на оценке им общественных явлений.

Эпохи общественных переломов, социальных сдвигов всегда характерны напряженным и ускоренным развитием общественной жизни. Революционные эпохи, являясь вехами в истории народа, образуют вехи и в истории словарного состава» [Ожегов, 1974, 36].

Каким образом это происходит? Общественные причины как причины изменений в словаре языка, чаще всего определяются как главные. В эпохи бурных общественных изменений, общественной нестабильности все процессы ускоряются. Такие

исторические периоды характеризуются резко негативным отношением большинства членов общества к недавнему прошлому, желанием коренным образом изменить некоторые устои и традиции (иногда основополагающие), отбросить то, что ещё недавно казалось первостепенно важным. Поэтому в такие периоды всегда активизируются именно процессы временного характера: архаизационные, связанные с перемещением больших групп лексики из активного употребления в пассив, и процессы внешнего и внутреннего заимствования.

В состоянии русского языка конца XX – начала XXI века легко находятся определённые соответствия предшествующим эпохам его развития. Желание определить важнейшие вехи в развитии русского языка (особенно – в Новое время, начиная с конца XVII века), выражено в многочисленных периодизациях истории русского литературного языка, которые связаны именно с общественно-исторической жизнью России.

«У Шахматова, – писал В.В. Виноградов, – история русского литературного языка тесно слилась не только с историей русского народа в его разных этнографических делениях и культурно-исторических группировках, но и с историей русского государства, а отчасти – с историей великорусской народности и затем русской нации» [Виноградов, 1982, 147]. «Вообще же с теми или иными вариациями, – продолжает он, подчёркивая спорность самих критериев и оснований выделения этих периодов, – по векам на историю русского литературного языка была перенесена схема деления её на три периода: 1) Древний (XI – XIII вв. или XI – XIV вв.); 2) Средний (XIV – XVII вв.; с XIV по вторую половину или конец XVII в.); 3) Новый (с конца XVII или начала XVIII до XX в.). Иногда делаются в пределах этих больших периодов подразделения.

Сами критерии и основания периодизации истории русского литературного языка остаются необъяснёнными и спорными. Одни выдвигают как основу периодизации изменения грамматического строя; другие – лексико-фразеологического состава литературного языка и его стилистических систем, третьи опираются на разные формы и виды зависимости истории литературного языка от истории социально-политической и культурной жизни народа, указывая на важность изучения об-

ественных функций литературного языка. Иногда выдвигается целый комплекс таких критериев.

При исследовании вопроса периодизации истории русского литературного языка было бы целесообразно исходить сначала из периодизации развития отдельных частей структуры литературного языка – его произносительных норм, его морфологического строя, его синтаксиса, его лексико-фразеологического состава. Само собой разумеется, что при этом необходимо учитывать дифференциацию литературного языка на типы или стили, исторически меняющийся характер его связей с общенародной разговорной речью и её диалектами. Несомненно, что темпы изменений разных элементов языковой структуры различны» [Виноградов, 1982, 150]. А.М. Камчатнов, выделяя три этапа в истории русского литературного языка и связывая их в основном с историей русской письменной культуры и литературы, также особую роль отводит в своей классификации Петровской эпохе:

1. XI–XIV вв. – «Киевский» период, характерной особенностью которого является одноязычие: «древнерусский язык, разделившийся на три основных стиля – сакральный, славяно-русский и деловой, выполнял функции литературного языка».

2. XV – первая половина XVII в. – Московский период, отличительной чертой которого стало двуязычие: «функции литературного языка выполняли славянский и древнерусский литературные языки». В славянском литературном узусе автор выделяет две разновидности: московскую [XV–XVI вв.] и юго-западную [XVI–XVII вв.]

3. Вторая половина XVII в. – «период Нового времени», характеризующийся «разрушением двуязычия и постепенным формированием норм русского литературного языка». В нём выделяются следующие подпериоды: 1. Петровская эпоха; 2. Ломоносовская эпоха; 3. «Славянорусская» школа Д.И. Фонвизина и И.П. Елагина; 4. Сентиментализм – новый слог Н.М. Карамзина; 5. Реализм – А.С. Пушкин и формирование нового литературного узуса в грамматиках Н.И. Греча и А.Х. Востокова и развитие функциональных стилей русского литературного языка [Камчатнов, 2005, 16].

Тем не менее большинство исследователей опирается именно на связь изменений в русском языке с общественно-исторической жизнью России. Рассмотрим несколько вариантов периодизации русского литературного языка, предложенных в конце XX века. Например, Ю.В. Гвоздарев выделяет следующие «узловые» моменты русской истории, повлиявшие на словарный состав русского языка: «В истории русского языка тоже можно отметить периоды наибольшей активности, когда заметно изменялся лексический состав. Это следующие периоды:

1. Принятие христианства. Оно отразилось в преобразовании графики, способствовало появлению двуязычия (церковно-славянский и древнерусский языки), многочисленные заимствования из греческого языка в связи с переводом церковных текстов.

2. «Второе греческое влияние». После захвата в 1453 году Царьграда турками греческие христианские деятели бежали в Москву, где начали пересмотр христианских текстов, новая волна греческих заимствований.

3. Эпоха Петра I, петровских реформ [XVII век – начало XVIII века]. Многочисленные заимствования из немецкого, голландского языков.

4. Повышенный интерес к Франции в XVIII – XIX веках. Многочисленные заимствования из французского.

5. Октябрьская революция. Устаревание значительной части лексики, образование новой. Появление в литературе и литературном языке жаргонной и диалектной лексики.

6. Активизация отношений с англоязычными странами, появление большого количества заимствований из английского (в области техники, спорта, культуры).

7. Великая Отечественная война. Появление военной лексики; активное заимствование из немецкого, лексики из языков народов СССР.

8. Эпоха НТР. Вновь большое количество заимствований из английского языка [Гвоздарёв, 2005, 85–86].

Процесс временного характера (устаревание большого количества лексических единиц) в Новое время (с конца XVII века) исследователь отмечает как характерный для Петровской эпохи и для периода после Октябрьской революции 1917 года.

Несмотря на то, что все другие перечисленные им периоды истории России также отличались сложной политической, экономической обстановкой в стране, для них не были характерны столь серьёзные реформы и преобразования (как в Петровскую эпоху), смена формы власти (как в послеоктябрьский период), когда категорично отвергалось многое, что было связано с недавним историческим прошлым. С социальными потрясениями нового времени связывает периоды интенсивного развития языка И.А. Стернин. В своей статье «Наблюдается ли кризис в русском языке рубежа веков» он выделяет периоды «интенсивного развития в русском языке» Нового времени (эти периоды связаны с изменениями в лексическом составе русского языка):

«Это, прежде всего, *период Петра I*. Тогда в русский язык пришло огромное количество новых иностранных слов. Император-реформатор создавал промышленность в России, активно привлекая иностранных специалистов, они привезли в Россию свою технологию и, естественно, свою терминологию, И в области политики, государственного управления, культуры появилось много новых слов – тоже в основном иностранных, но России это только пошло на пользу. Страна обновилась, обновился и её язык.

Второй период интенсивного развития русского языка – начало XIX века. Победа России в войне с Наполеоном вызвала колоссальный национальный подъём. Это было второе обращение России к Европе. В русскую речь хлынули французские слова, язык, будучи живым, от подобного заимствования лишь обогатился. Приветствовал это и Пушкин: «панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет. В романе «Евгений Онегин» и фрак, и жилет уже были неотъемлемым атрибутом молодого питерского повесы.

Третий период интенсивного развития русского языка – Октябрьская революция. Вновь обширные изменения в лексике и фразеологии. Новые понятия, новые реалии, новые государственные и общественные организации требовали новых слов.

Четвёртый период – годы перестройки в конце минувшего века. Опять слом общественной системы, опять огромные социальные перемены. И вновь – масса новых слов, много заимствований, так как в русский язык вошло много иностранных

понятий в сфере политики, рыночной экономики, шоу-бизнеса» [Стернин: Ресурсы Internet].

И.А. Стернин характеризует изменения в лексическом составе русского языка выделяемых им периодов в основном с точки зрения появления в языке нового, связывая именно с этим процессом «интенсивное развитие языка». Четвёртый период справедливо поставлен исследователем в один ряд с Петровской эпохой и послеоктябрьским периодом: он сравним с ними по степени интенсивности воздействия общественных изменений на язык.

«Общественная жизнь в революционные времена, в эпохи общественных переломов и социальных сдвигов всегда характеризуется напряженным и ускоренным развитием. Эти эпохи, являясь вехами в истории народа, образуют и своеобразные вехи в истории языка. Сфера действия языка почти безгранична, и понятно поэтому бурное развитие языка в периоды интенсивного развития общественной жизни» [Ожегов, 1974, 20].

Таким образом, в периоды наибольшей общественной активности и политической и экономической нестабильности экстралингвистические причины определяют значительные, очень важные изменения временного характера в языке. Мы остановимся на рассмотрении общего и специфического, по сравнению с периодом конца XX – начала XXI века, активных лексических процессов в Петровскую эпоху и в период после Октябрьской революции 1917 года.

2.4. Петровская эпоха и активные процессы в лексике русского языка в первой трети XVIII века

Одним из самых сложных и насыщенных этапов в истории русского литературного языка была Петровская эпоха (конец XVII – первая треть XVIII века), которой принадлежит особое место в становлении русского литературного языка. Основные процессы в развитии лексики Петровского периода были теснейшим образом связаны с общественно-политическими, экономическими и культурными преобразованиями эпохи. В этот период были реформированы политическая система го-

сударства, армия и флот, церковное управление, было изменено административно-территориальное деление России, преобразована деятельность почты и многих других сфер, связанных с общественно-политическим и экономическим устройством страны.

Как известно, Пётр I сделал много для развития образования и науки в России, в этот период стали издаваться первые газеты, началось массовое книгопечатание. Деятельность Петра Первого была направлена на преодоление экономической, политической и культурной отсталости России от стран Западной Европы, на реформирование всех сфер жизни российского государства. «Целью петровских преобразований, – пишет В.М. Живов, – было не только создание новой армии и флота, нового государственного управления и новой промышленности, но и создание новой культуры. Можно полагать, что именно в перестройке культуры Пётр видел определённую гарантию устойчивости нового порядка [Живов, 1996, 14].

Характерными процессами в истории русского языка этого периода были процессы архаизации больших групп лексики, поскольку очень многое было признано устаревшим, и многочисленные заимствования лексических единиц из европейских языков для заполнения образовавшихся лакун. С.И. Ожегов так пишет об активных процессах в лексической системе того времени: «При Петре I общенародный русский язык претерпел такие изменения, которые проводят заметные черты между новым периодом его истории и прошлым. Эти изменения состояли: а) в необычно усилившемся по сравнению с предшествующим периодом освобождении языка от всего пережиточного, устаревшего; б) в новом использовании многих старых элементов языка; в) в интенсивном вовлечении в общенародный язык, в связи с потребностями развития общественной жизни, новой лексики, в том числе и иноязычной» [Ожегов, 1974, 20]. Именно в этот и последующие периоды в развитии языка (конец XVII века – современность) привлекли внимание исследователей, изучающих историю отдельных слов, так как, по замечанию Б.А. Ларина, «рядом с историей отдельных слов складывается история замен целых пластов словарного богатства в нашем языке, как во всяком языке» [Ларин, 1977, 45].

В Петровскую эпоху начала складываться и формироваться современная литературно-письменная речь, в которой также отразились особенности этого времени. В.В. Виноградов заметил, язык Петровской эпохи характеризовался «усилением значения государственного, приказного языка, расширением сферы его влияния. Однако самый этот приказный язык, отражая строительство новой культуры и старые традиции в Петровское время, представляет собой довольно пёструю картину. Одним краем он глубоко внедряется в высокие риторические стили славяно-русского языка, другим – в пёструю и кипящую стихию народной жизни с её областными диалектами. Происходит бурное смешение и стилистически неупорядоченное столкновение разнородных словесных элементов внутри литературного языка, пределы которого безмерно расширяются. Процесс переустройства административной системы, реорганизация военноморского флота, развитие торговли, фабрично-заводских предприятий, освоение разных отраслей техники, рост научного образования – все эти исторические явления сопровождаются созданием или заимствованием новой терминологии, вторжением потока слов, направляющихся из западноевропейских языков: голландского, английского, немецкого, французского, польского и итальянского (ср. в сфере административной: *ранг, патент, штраф, полицмейстер, ордер, камергер, канцлер, арестовать, конфисковать, и т.п.*; в военном деле: *брешь, бастион, гарнизон, пароль, лафет, юнкер, вахтёр* и т.д.). Научно-технические стили деловой речи в это время с периферии перемещаются ближе к центру литературного языка. Политехнизация языка усложнила и углубила систему приказного языка. Политическая и техническая реконструкция государства отражается в реорганизации литературного языка. Профессионально-цеховые диалекты бытовой русской речи привлекаются на помощь и вливаются в систему письменного делового языка. С другой стороны, живая устная речь города, язык общежития – в связи с европеизацией быта – наполняется заимствованиями, пестрит иностранными словами. Возникает мода на европеизмы, распространяется среди высших классов поверхностное щегольство иностранными словами.

При отрыве от культуры средневековья естественно было излишнее увлечение европеизмом. Польские, французские, голландские, итальянские слова казались тогда многим более подходящим средством выражения нового европейского склада чувств, представлений и социальных отношений» [Виноградов, 1982, 120]. В Петровскую эпоху словарный состав русского литературного языка пополнялся большим количеством заимствованных слов различного происхождения и различных тематических групп. Иноязычные слова проникали в русский язык из разных источников, заимствования могли происходить книжным и устным путём, что приводило к большой вариантности иноязычных слов, многообразию их фонетического и морфологического облика. Заимствования Петровской эпохи составляют, по мнению исследователей (Е.В. Ковалевская, А.И. Горшков и др.), примерно 50 % всех заимствований XVIII века. Преимущественно это были заимствования из европейских языков (немецкого, голландского, французского, английского). С этого времени в русском литературном языке укрепляются такие лексические единицы, как *циркуль*, *аффект*, *трагедия*, *агент*, *майор*, *итык* и др. Основным путём проникновения заимствований в Петровский период был письменный, через перевод, который Пётр I воздвиг в ранг дела государственной важности. Переводы делались с целью ознакомления русских людей с достижениями западноевропейской науки и техники. По преимуществу это были переводы с немецкого, польского, латинского языков.

Наплыв большого количества иноязычных слов в русскую речь начала XVIII века вызвал также потребность в составлении специальных словарей иностранных слов. Такой словарь и был создан тогда при личном участии самого Петра I, сделавшего свои пометы и пояснения на полях рукописи. «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», как было озаглавлено это пособие, весьма разнообразно по тематике. Слова относятся и к различного рода профессиям, и к производству, к научным терминам, к сфере государственного устройства и культуре, т.е. к тем сферам, в которых произошли серьёзные изменения.

Для каких сфер жизни российского государства и российского общества были необходимы заимствования в тот период?

В большом количестве были заимствованы слова, относящиеся к военному делу (*армия* – нем. *Armee*, *гильза* – нем. *Huelze*, *гусар* – польск. *husar*, *лагерь* – нем. *Lager*, *пистолет* – фр. *pistolet*).

В группе профессионально-технической и промышленной лексики появляются следующие слова: *мануфактура*, *фабрика*, *цех*, *инструмент*, *глянец*, *шуруп*, *лак*, *пресс* и др.

Пополняется заимствованиями лексика общественно-политической сферы: *демократия*, *республика*, *нация*, *граф*, *барон*, *магистрат*, *политика*.

Пётр I провёл реформу административно-территориального устройства и ввёл в качестве административно-территориальной единицы *губернии*. Таким образом, в начале XVIII века в русском языке появляется лексема *губерния*. До этого существовали только более мелкие единицы – *уезды* и *волости*. В 1708 году Россия была поделена на 8 губерний. (Количество губерний на протяжении XVIII века росло: к концу царствования Екатерины II Россия делилась на 50 наместничеств и губерний и 1 область.) После петровской реформы губернии не делились на уезды, а состояли из *городов* и прилегающих к ним *земель*, а также *разрядов* и *приказов*. В 1710–1713 гг. они были разделены на *доли* (административно-фискальные единицы), которые управлялись *ландратами*. В 1719 году доли были упразднены, губернии были разделены на *провинции*, а провинции – на *дистрикты*. Потом были ликвидированы дистрикты, а сами губернии стали делиться не только на провинции, но и на уезды. Таким образом, реформа административного устройства при Петре I проводилась очень интенсивно, поэтому в русский язык входило большое количество новых слов, хотя не все из них, конечно, использовались долго.

В области юридической лексики появляются такие слова, как *прокурор* (из польского языка, в котором оно восходит к французскому *procureur*), *фискал* («доносчик»), *полиция* (нем. *Polizei*).

Новые термины появились в данную эпоху и в делопроизводстве: *акт*, *артикул*, *паспорт*, *вакансия*; новые наименования канцелярских служащих (*нотариус*), документов

(билет, абшид, квитанция и др.). **Торгово-финансовая терминология** пополнилась в Петровскую эпоху такими заимствованиями, как *акция, капитал, кредит*.

В связи с расширением дипломатических контактов петровской России (в ряде государств Европы создаются дипломатические представительства России) появляются и новые слова, заимствованные из европейских языков, **относящиеся к сфере международных отношений**, *амбассадор* (посол), *гарантир* (поручитель), *трактование* (переговоры).

Развитие образования и науки привело к проникновению на русскую почву ряда слов этих сфер. Сюда можно отнести: **слова-названия наук** (*ботаника, алгебра, физика, акустика*); **математические термины** (*аксиома, квадрат, хорда, цифра*), **слова-наименования лиц по занимаемым должностям или виду деятельности** (*академик, ректор, библиотекарь, бригадир, курьер, бухгалтер, студент* и др.); **слова-термины из гуманитарных наук** (*юриспруденция, эпоха, троп, метафора, текст, орфография* и др.). Развитие театрального дела и искусства способствовало обогащению лексики этих областей: *проект, орнамент, скульптура, театр, ария, концерт, оркестр, композитор* и др.

Придворная жизнь была организована по европейскому образцу, поэтому в начале XVIII века пополняется и **лексика, связанная с придворными отношениями**: *ассамблея, лотерея, концерт*, появляются новые игры и танцы: *менуэт, кегли, биллиард*. Группа **бытовой лексики** пополняется словами, называющими новые виды одежды, её части и украшения (*камзол, капор, штиблеты, манжеты, шлейф, брюки, карман, шарф, лента* и др.); **предметы внутреннего убранства** (*шкаф, шпалеры, буфет, лампа, ширма* и др.); **различные блюда, напитки** (*котлеты, торт, соус, суп, паштет, сарделька* и др.); **предметы обихода** (*бутылка, букет, веер, пудра, салфетка, швабра* и др.).

Как видно из примеров, количество заимствований, проникших в литературный язык Петровской эпохи, огромно, при этом данные заимствования относятся к различным сферам (общественной и частной) человеческой жизни.

Для литературного языка Петровской эпохи характерна также демократизация на почве сближения его с живой разговорной речью, что было обусловлено общественно-политическими и экономическими изменениями в жизни русского общества конца XVII – первой четверти XVIII века. Употребление в текстах Петровской эпохи практически всех существующих в это время лексических единиц вело к языковой и стилистической пестроте памятников письменности этого времени, в которых повседневные средства выражения (диалектные, просторечные и разговорные) употреблялись наряду с книжными (церковно-славянскими, с одной стороны, иноязычными – с другой). Здесь можно провести параллель между Петровской эпохой и переломными периодами XX века, послеоктябрьским и новейшим (конец XX – начало XXI в.), когда активизировались разного рода жаргоны, бранные слова и т.д.

В 20–40-е годы XVIII века филологи, писатели стремились регламентировать употребление различных языковых средств, определить фонетические, грамматические и лексические нормы литературного языка. И в этом опять есть некоторое сходство с более поздними эпохами социальной нестабильности. Для лексической системы конца XVII – начала XVIII века характерна стилистическая неупорядоченность входящих в неё единиц. С одной стороны, существуют славянизмы – слова, восходящие по своему происхождению к церковно-славянскому языку, однако в функциональном отношении они являлись не только элементами церковнославянского языка, поскольку использовались вне его системы, т.е. в текстах светского содержания. С другой стороны, в книжно-письменном языке использовались просторечные слова и выражения.

Неупорядоченное, немотивированное употребление всех вышеуказанных элементов в письменных текстах приводило к расшатыванию старых норм, в то время, когда новые нормы пока не сложились. В конце XVII – начале XVIII века продолжает функционировать ряд слов с широким абстрактным значением (*вещь, тварь, течение, пространство* и др.). Собственно русская лексика, многие слова наполнялись новым смысловым содержанием и соответственно изменяли свой семантический объём. Усложнение смысловой структуры значения могло идти

за счёт развития отвлечённо-переносных значений (например, *холодный* – *комната, платье, взирание*). Эта заметная грань не привела к разрыву между новым и прошлым состоянием языка, в петровское и допетровское время. Структура языка, которая складывалась и развивалась в продолжение веков, а именно – его грамматический строй и основной словарный фонд сохранились во всех своих чертах и определили собой дальнейшее развитие языка и самобытность накапливаемых элементов нового качества.

Таким образом, Петровской эпохе принадлежит особое место в становлении русского литературного языка и развитии его лексической системы, поскольку именно в этот период в русском языке происходили активные процессы. Многие из того, что существует в лексической системе современного языка, возникло в эту эпоху. Петровская эпоха в истории русского литературного языка характеризуется активными процессами лексической архаизации и неологизации, жаргонизации языка (вовлечения в речевую практику жаргонизмов и диалектизмов).

2.5. Октябрьская революция 1917 года и новые тенденции в развитии русского языка (XX век)

XX век Россия встретила в состоянии социально-культурного раскола. В обществе накапливалось «разочарование» в действительности как соборного, так и авторитарного идеалов, и следствием этого стал слом государственности. Так было в феврале 1917 года, когда обрушился монархический строй.

Значительные изменения в словарном составе русского языка произошли после революционных событий в феврале и октябре 1917 года, обусловивших коренные преобразования всех сторон жизни страны. Эти преобразования в свою очередь определили те значительные изменения, которые произошли в русском литературном языке, прежде всего – в сфере лексики, несмотря на то, что в других ярусах русского языка (морфологии, синтаксисе) в целом таких преобразований не произошло. В.В. Виноградов писал: «Резкий сдвиг в русском языке про-

изошёл в эпоху социалистической революции. Ликвидация классов приводит к постепенному отмиранию классовых и словных диалектов. Уходят в архив истории слова, выражения и понятия, органически связанные со старым режимом. Разительные изменения в экспрессивной окраске, сопровождающей слова, относящиеся к сословным или сословно окрашенным социальным понятиям прошлого, дореволюционного быта, например, *господин* – за пределами дипломатического языка – всегда с эмоцией враждебности и иронии) *барин, благотворительность, чернь, жалованье* и др.

В широкий общественный оборот входят слова, понятия, фразеология марксистской науки об обществе (ср., например, *снять противоречия, диалектика, диалектический подход, борьба классов, эксплуататорские классы, ликвидация паразитических классов, капиталистическое окружение, пережитки капитализма в сознании, производительные силы, коллективизация хозяйства, коллективный труд, производительность труда, мелкособственнические навыки* и др.). Новые формы политической организации, новый быт, социалистическая идеология – всё это ведёт к массовому образованию новых слов и понятий или к глубокому семантическому изменению множества прежних слов и выражений (ср., например, *совет, комсомол, ударник, ударничество, пятилетка, колхоз, колхозник, единоличник, самокритика, вредительство, чистка, ударные темы, стахановское движение* и мн. др.). Осуществляется принципиальная идеологическая перестройка национального русского языка на социалистических началах» [Виноградов, 1977, 152].

В русском словаре во время и после революционных событий 1917 года произошли значительные изменения. «Революция, – писал А.М. Селищев, – вызвала сильнейшее движение в русской общественной жизни, в различных слоях населения России. В эти годы в силу разнообразных общественных условий происходят весьма интенсивные отношения среди населения, преимущественно в городах. В связи с этими движениями и отношениями происходит весьма энергичная языковая деятельность: выразить своё отношение к происходящим событиям, поделиться с близкими лицами своими переживаниями, об-

судить те или иные вопросы, подействовать на чувство и волю отдельных лиц и целых групп – всё это вызвало усиленную речевую деятельность в среде населения, охваченного революционным движением» [Селищев, 2009, 23].

Изменения в русском языке, наблюдавшиеся после 1917 года, были предметом пристального внимания лингвистов того времени. Л.В. Щерба, участвуя в дискуссии о культуре речи (20-е годы XX века), замечал следующее: «Революция есть, прежде всего, ломка старых форм, поэтому форма вообще находится в презрении: кажется важным что, а не как. Далее, революция обуславливает исключительно быстрый темп жизни, поэтому хорошо писать – некогда. Далее, революция почти всю литературу свела к литературе сегодняшнего дня, которая употребляет и язык, рассчитанный на понимание лишь сегодняшним читателем (сколько выражений, образов и слов канули в вечность вместе с обстоятельствами, их породившими, как, например, весь жаргон, связанный с голодом, карточной системой, затруднениями в передвижении и т.п.)» [Щерба, 1991, 49].

М.В. Панов в исследовании «Русский язык и советское общество» пишет о русском литературном языке послеоктябрьского времени следующее: «Литературный язык 20-х годов можно представить в виде двух концентрических окружностей. Меньшая – это строго нормативная речь, продолжающая традиции XIX – начала XX века. Большая – это пёстрая и неустойчивая речь, которую только в потенции можно назвать литературной. Через условную границу, разделившую эти два типа речи, шло интенсивное перемещение конструкций и моделей. Строго литературная речь поглощала полулитературную, ассимилировала её, сама обогащаясь и внутренне преобразуясь.

Необыкновенно ярко отразила «языковую смуту» 20-х годов художественная литература. Речевые контрасты были использованы с целями экспрессивно-художественными, они соответствовали идейно-образным противопоставлениям в произведении. Речевые характеристики, кроме того, выступали на фоне авторской речи, и этот контраст опять-таки позволяет читателю оценить степень нормативности изобразительно-экспрессивных частей повествования» [Лексика современного..., 1968, 134].

Д.Н. Шмелёв выделяет следующие внеязыковые факторы семантических изменений, происходящих в русском литературном языке послеоктябрьской эпохи:

1. Изменения в явлениях внеязыковой действительности. Сюда относятся изменения: а) в области производства, техники, науки и т.д.; б) в сфере производственных отношений, общественно-административных институтов; в) в сфере идеологии.

2. Изменения в составе носителей литературного языка.

3. Изменения в составе и функциях самого общелитературного языка [Шмелёв, 1964, 5–6].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что социальные факторы, действовавшие на русский язык в XX веке, многообразны. Важнейшие из них: расширение социальной базы русского литературного языка, изменение способов передачи и распространения литературной речи, ускорение темпа общественной жизни, преодоление территориальной разрозненности; энергичные перемещения людских масс в эпохи больших исторических переломов (Октябрьская революция и гражданская война, промышленное строительство на востоке страны, Великая Отечественная война), рост общей культуры населения.

Таким образом, первая четверть XX века ознаменовалась в истории русского языка как время кардинальных изменений многих его сторон. «Язык революционной эпохи» характеризуется активными лексическими процессами архаизации и неологизации, заимствования, жаргонизации литературного языка. Следует также обратить внимание на то, что понятия, отодвинутые на периферию русской жизни после 1917 года, жили в сознании эмиграции. В художественной литературе зарубежья круг церковнославянских слов выполнял стилизующую и эстетическую функции «слов-образов», которые отражали прошлое, исчезнувшее, ставшее памятью. «Ключевые слова-символы создавали ценностные ориентиры, утверждая радость бытия и христианскую истину, православное представление о человеке и непрерывность культурной традиции» [Грановская, 1998, 95].

2.6. Конец XX века и отражение в русской лексике новой общественно-исторической и языковой ситуации

«Происходящие в конце XX – начале XXI века изменения в языке и прежде всего в его лексическом слое можно сопоставить с тектоническими сдвигами пород в геологии, а на собственно языковом уровне – с взрывными процессами петровской и послеоктябрьской эпохи, связанными с коренной ломкой в жизни общества и в способах её осмысления» [Сулименко, 2008, 51]. В конце XX столетия в России сложилась новая социально-политическая, экономическая и культурная ситуация. Давая характеристику языковой ситуации конца XX века, необходимо указать на некоторые характерные явления и тенденции:

1. События второй половины 80–90-х годов по своему воздействию на общество и язык подобны революции.
2. Резко расширяется состав участников массовой и коллективной коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих в газеты и журналы.
3. Резко ослабляется, даже можно сказать рушится, цензура и автоцензура. Люди начинают говорить и писать свободно, причём не только дома, на улице, в очереди, но и по радио, телевидению, на собраниях и митингах, в газетах и журналах.
4. Возрастает личностное начало в речи. Безликая и безадресная речь сменяется речью личной, приобретает конкретно адресата. Возрастает д и а л о г и ч н о с т ь общения, как устного, так и письменного.
5. Расширяется сфера спонтанного общения не только личного, но и устного публичного.
6. Резко возрастает психологическое восприятие бюрократического языка прошлого (новояза).
7. Появляется стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности, новые виды обращения к незнакомым.
8. Наряду с рождением наименований тех явлений, которые возвращаются из прошлого, запрещённых или отвергнутых в эпоху тоталитаризма [Русский язык..., 2000, 12–13].

Основные семантические изменения в лексике, так или иначе обусловленные изменениями в общественно-политической жизни, можно определить так:

1. Деактуализация значений, отражающих советские реалии.
2. Деидеологизация лексики.
3. Политизация некоторых групп лексики.
4. Деполитизация некоторых политических терминов.
5. Активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления.
6. Метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации.
7. Разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой.

Исследователями русского литературного языка регулярно проводится параллель между состоянием русского словаря конца XX века и первого после Октябрьской революции 1917 года десятилетия.

В 1999 году в журнале «Русская речь» были напечатаны статьи С.И. Карцевского («Русский язык и революция» и некоторые другие). В предисловии к этой публикации заведующая кафедрой славистики Университета им. Шарля де Голля Лилль-3 (Франция) Ирина Фужерон пишет: «Сейчас, когда русский язык, и в первую очередь его лексика, претерпевают значительные изменения, являющиеся отражением перемен в общественной жизни, особенно интересно оглянуться на семьдесят с лишним лет назад, чтобы вспомнить, как реагировал язык на события того времени» [Фужерон, 1999, 31].

Современными в конце девяностых годов XX века были слова русского поэта начала XX века М. Волошина:

Было... всё было... так полно... так много,
Больше, чем сердце может вместить:
И золотые ковчеги религий,
И сумасшедшие тромбы идей...
Хмель городов, динамит библиотек,
Книг и музеев отстоянный ряд.
Радость ракеты рассыпаться в искры,
Воля бетона застыть, как базальт.

Всё упоение ритма и слова,
Весь Апокалипсис зорь и зарниц,
Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф.
Я был свидетелем сдвигов сознания,
Геологических оползней душ
И лихорадочной перестройки
Космоса в «двадцать вторых степенях».

(М. Волошин. Четверть века, 1900-1926)

Изменения в русском языке конца XX века вызвали опасения за состояние русского языка, культуру речи его носителей. «Изменения, произошедшие в русском языке после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны, – пишет Л. Ферм, – обратили на себя внимание лингвистов того времени и вызвали у них тревогу за судьбу русского языка. Так же и в наше время, такую тревогу вызывают наблюдаемые изменения в языке, вызванные не столь бурным, но не менее значительным событием, называемым перестройкой, и всеми социально-экономическими потрясениями постперестроечного периода» [Ферм, 1994, 20]. С мнением Л. Ферм согласен А.Д. Дуличенко: «Если говорить о нормах, то их нарушение по размахам можно сравнить разве что с первым послереволюционным десятилетием: экспансия в литературный язык просторечно-разговорной стихии; стремительная англоамериканизация русского словаря.

За короткий срок проведена десоветизация лексики – снятием с неё идеологической окраски, устранением самих словосочетаний, и т.д. Десоветизация выдвинула проблему массовой перекодификации тех пластов словаря (включая и словосочетания, называющие предмет, лицо и т.д.), которые касаются политической, социальной, административной и прочих сфер: вместо советизма *председатель горисполкома – мэр*, вместо *Председателя Совета министров – премьер-министр*. Этот процесс можно было бы обозначить как смена лексических парадигм. В то же время оформилась тенденция к новой идеологизации словаря, ср. «борьбу словами», а нередко и «лексическими обоями» типа *демократы-реформаторы, радикалы, западники, прогрессисты-коммунисты, совки, сталинисты*,

патриоты, государственники, шовинисты и под. Ср. также тенденцию к наделению противоположными коннотациями одних и тех же слов типа *олигарх, магнат* – в целом позитивными со стороны официальных и большинства демократических СМИ и редко негативными – со стороны большей части населения страны» [Дуличенко, 1994, 65].

Глобальные изменения, произошедшие в 90-е годы XX века во всех сферах жизни российского общества, оказали большое влияние на словарный состав русского языка. «Изменение государственности, отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни значительно ускорили, в каких-то случаях обнаружили, вывели на поверхность эволюционно подготовленные процессы в языке и прежде всего в его словарном составе, который в настоящее время, в конце XX столетия, в буквальном смысле переживает неологический бум» [Валгина, 2003, 75].

Одна из реакций на появление новых слов – картина стилевого смещения, стилевая пестрота. Данная реакция обусловлена как массовостью подобных новаций, так и их неурегулированностью. Параллель подобных стилевых смещений была в литературе и публицистике начала XVIII века, когда наблюдалась подобная межъязыковая пестрота. «Отличие стилевой эклектики настоящего момента от эклектики петровской поры, – пишет В.Н. Кочетков, – заключается в преобладании межстратовой эклектики над межъязыковой, а анахроническая эклектика (смешение разновременной лексики в пределах одного текста не как преднамеренный стилистический приём (для начала века церковнославянизмы и новейшие заимствования)) характерна для центральных и провинциальных газет» [Кочетков, 1999, 5].

Кроме появления большого количества новых слов, для периода конца XX – начала XXI века характерны процессы «устаревания» советизмов, разрастание сфер распространения жаргонной лексики. Среди названных активных процессов в лексике русского языка нашего времени особое внимание обращает на себя процесс лексической деархаизации – процесс возвращения в активное употребление устаревших (в той или иной степени) слов, «отодвинутых» в советское время на периферию

лексической системы русского языка, утраты оттенка архаичности в значениях этих слов. Активизация в конце XX столетия достаточно больших групп лексики («Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения», под редакцией Г.Н. Складневской отмечает около 600 таких лексических единиц) – явление в русском языке, характерное для конца XX – начала XXI века. Слова представляют несомненный лингвистический интерес в современном русском языке, где они подвергаются процессам идеологизации и деидеологизации, архаизации и деархаизации, метафоризации. Для периода конца XX – начала XXI века характерны наименования определённых общественных процессов с приставкой *де-*: деполитизация, деидеологизация, деатеизация, десоветизация и др., и это ещё раз подтверждает мысль о том, что словарь каждой эпохи отражает не только реалии эпохи, но и её идеологию.

Как говорилось ранее, последние десятилетия XX века по масштабам влияния событий общественной жизни на словарный состав сопоставимы с самыми сложными, переломными эпохами. Эти кардинальные изменения, произошедшие в России, вызвали «бурные и вихреобразные языковые явления» [Складневская, 2006, 5]. В конце XX – начале XXI века ещё раз подтвердилось наблюдение о том, что беспокойные, «рубежные» эпохи характеризуются активными процессами в лексической системе языка.

Словарный состав каждой эпохи отражает не только реалии эпохи, но и её идеологию. Перемены во всех областях жизни, перестройка всех структур культурной, социально-политической жизни стали ключевыми в России конца XX – начала XXI столетия. Л.В. Поляков в книге «Путь России в современность: модернизация как деархаизация» выдвигает тезис, что процесс модернизации современной России не столько «вестернизация», сколько преобразование собственной архаики» [Поляков 1998, 5].

Обращение к историческим истокам – один из существенных признаков этого процесса.

Авторы «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» выделяют следующие тематические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и

формируют языковое сознание современников [Толковый словарь..., 2008, 6]:

1. Политика, социальное устройство, идеология;
2. Экономика, финансовое дело;
3. Армия, охранительные органы;
4. Техника, автоматизация;
5. Спорт, игры;
6. Медицина;
7. Религия, верования;
8. Массовая культура;
9. Музыка современной массовой культуры;
10. Молодежная субкультура;
11. Предметы одежды и головные уборы;
12. Предметы обихода;
13. Кушанья, напитки;
14. Ткани, материалы;
15. Предметы и способы ухода за лицом и телом, косметика;
16. Область паранормальных явлений.

Лексика, некогда утраченная, а в наше время возвратившаяся в употребление, относится в основном к 1 (*дума, губернатор, департамент* и др.), 2 (*биржа, коммерсант, акциз* и др.), 3 (*атаман, сыск* и др.), 7 (*праведник, милостыня* и др.), а также 11 и 12 (*боа, редингот* и др.) группам. Характерными процессами для других выделенных групп стали процессы заимствования и ассимиляции иноязычной лексики и т.д.

2.7. Толковые словари как отражение активных процессов в лексике русского языка

Каждый толковый словарь отражает своё время, тот период, когда тот или иной словарь создавался. Описывая лексический состав языка определённой эпохи, словари отражают и её философию, идеологию, совокупность этических ценностей, присущих носителям языка в период создания каждого из них. «Можно сказать, что именно лексикографии принадлежит ведущая роль в описании лексической семантики» [Сороколетов, 1980, 4].

Каждой новой эпохе, связанной со значительными общественно-политическими и экономическими изменениями, необходимы свои словари, потому что созданные ранее не всегда соответствуют современному состоянию лексической системы. В конце XX века в России наблюдается активное развитие русской лексикографии, хотя для всего XX века характерен подъём словарного дела, практического лексикографирования. «Раз-

личные фрагменты языковой картины мира, уровни языковой системы, разнообразные аспекты научного знания воплощаются в словарной форме. Современная отечественная лексикография предоставляет получателю словарной информации широкий круг самых разнообразных словарей» [Козырев, Черняк, 2000, 10].

За относительно короткое время в России было создано большое количество словарей русского языка разных типов, научное и культурное значение которых велико. Они стали образцом для разработки двуязычных и толковых словарей различных языков. Отличительной чертой большинства подготовленных в XX веке словарей было стремление авторов и авторских коллективов выдержать нормативность.

Первым нормативным словарём современного русского литературного языка стал «Толковый словарь русского языка», вышедший под редакцией Д.Н. Ушакова в 1935–1940 гг. (ТСУ). В этом словаре были впервые разработаны пометы, устанавливающие историческую перспективу в словах современного языка (*нов., церк.-книжн., старин., устар.*) и пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого в тот момент общественно-политического, экономического, культурного устройства (*истор., дорев., загр.*). Толковый словарь Д.Н.Ушакова, как и другие словари послеоктябрьского времени, определяют Октябрьскую революцию 1917 года как рубежный этап в развитии русского языка. Об этом свидетельствуют многочисленные пометы хронологического характера в словарных статьях: *в России до революции, в царской России, в России до 1917 года, в царской армии* и др. Вышедший в 1949–1965 гг. «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (БАС) дал развёрнутое описание общеупотребительных слов. Он стал выдающимся событием в русской лексикографии. По своему объёму (120 тысяч слов) он оказался самым крупным из толковых словарей русского литературного языка. Словарь очень подробно отразил лексику русского языка, устаревавшую и устаревшую на тот момент. Созданный группой выдающихся российских лингвистов, словарь представил современную лексикографическую разработку лексической системы русского языка, составив важный этап в истории российской лексикографии. Он

послужил основой для составления целого ряда более специализированных словарей русского языка. К нему обращались и составители крупных двуязычных словарей. Однако за прошедшие 40–50 лет после выхода в свет первого издания этого словаря в русском языке произошли заметные изменения, касающиеся как количества слов, так и сочетаемости, стилистических характеристик слова.

В 1957–1961 гг. вышел четырёхтомный академический «Словарь русского языка» (МАС).

Первое издание однотомного «Словаря русского языка» С.И. Ожегова появилось в 1949 году. Этот словарь стал самым общедоступным и самым распространённым толковым словарём русского языка. Неоднократно переиздаваемый словарь С.И. Ожегова содействовал повышению культуры устной речи. Позднее словарь был отредактирован и дополнен Н.Ю. Шведовой, и в настоящее время данный словарь выходит в этой новой редакции. По изданиям этого словаря можно проследить динамику лексической системы русского языка (процессы заимствования иноязычных слов, неологизации, архаизации, деархаизации и др.), так как все изменения в лексическом составе языка тщательно изучались и фиксировались авторами.

Подчёркивая значение словаря в филологии и культуре вообще, Ю.А. Бельчиков пишет: «С.И. Ожегов глубоко и в деталях знал историю России, историю русской культуры, был широко осведомлён в бытовой стороне жизни разных социальных слоёв русского народа. Деятельность С.И. Ожегова как историка языка полностью отвечает тем высоким задачам, которые ставил перед исследователями истории русского языка академик А.А. Шахматов: историк русского языка одновременно должен быть и историком русской культуры и русского быта, он должен быть «хорошо знаком со всей вообще Россией», с умственным и нравственным состоянием русского общества, быть внимательным «к малейшим извилинам бытовой жизни русского народа» [Бельчиков, 2003, 28].

Можно определённо говорить об основных направлениях в этой сфере научной деятельности С.И. Ожегова:

1. Историческое осмысление современного учёному этапа развития русского языка (это очень важно в работе лексиколога

и лексикографа, особенно при создании краткого толкового словаря).

2. Исключительное внимание к единичным фактам языка и отдельным речевым явлениям, всегда рассматриваемым в контексте эволюции соответствующих категорий и в широкой исторической перспективе.

Социальные сдвиги, произошедшие после 1985 года, изменили отношение носителей языка к нормативным изданиям, к словарям: уменьшилась ориентация на имеющиеся к тому моменту словари. Очень большое внимание в конце XX века привлекал к себе неоднократно переиздававшийся «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Показателен пример, приведённый Л.П. Калакуцкой: реклама на телевидении фонда «Успех» демонстрирует открытый том факсимильного издания словаря В.И. Даля, и закадровый голос диктора читает из него дефиницию слова *успех* [Калакуцкая, 1995, 205].

Толковый словарь может служить и служит материалом исследования и изучения того, как в языке отражаются определённые системы представлений и идей, действующие в обществе носителей этого языка, какие из них представлены в составе словарных лексем, как даны в словаре принципы толкования лексических единиц и сам состав дефиниций. Действительно, словарный список есть не что иное, как абстрагированная, научно обработанная запись явлений, взятых из конкретного реально существующего языка. Словари отражают действительность адекватно языковой картине мира носителей данного языка. Толковый словарь может быть источником несобственно-лингвистической информации – культурологической, в том числе – идеологической. Писатель А. Битов, прочитав «Словарь эпитетов русского литературного языка» [М.: Наука, 1979], отметил, что помета *устар.* сопровождает эпитеты *отчий, добропорядочный, честный* (к слову *дом*), *духовная, изрядная* (к слову *работа*), *благодатный, благодетельный, блаженный, неправедный* (к слову *мир*), *быстротечная, забывчивая, легкокрылая, лучезарная, лучистая, святая* (к слову *радость*) [Битов А. Жизнь без нас. Новый мир, 1996, № 9, с. 76]. Он пишет:

«Тургенев – 1879. «Ты один мне поддержка и опора...».
«Словарь эпитетов русского литературного языка». М.: Наука,

1979. В длинном столбце эпитетов изредка попадаются в скобках примечания типа: (поэт.), ... (шутл.), ... или (устар.) – устаревший. Так вот – устар. Из 28 эпитетов к слову *Дом* «устар.» – три: **Отчий, добропорядочный и честный**. Причём *добропорядочный дом* даже больше, чем «устар.» – он «устар. и шутл.». Из нескольких сот эпитетов к слову РАБОТА устар. – два: **духовная и изрядная**. Из 58 эпитетов к слову МЕСТО устар. – одно лишь: **живое**. Из 75 – к слову СМЫСЛ устар. только **существенный**. Что за слово, однако, устар. – и **устал, и умер**.

Устар. горе «отчаянное» и лето «плодоносное» – устар. Устар. «деньги трудные» и «страх Божий» – устар. Устар. «опыт **фамильный**» и «лоб **возвышенный**» устар. Устар. «надежда **вольнoлюбивая**», но и «надежда **конечная**» устар. Устар. «мысль **прекраснодушная**», но и «мысль **храбрая**» – устар. РАДОСТЬ устарела и **быстротечная, и забывчивая, и легкокрылая, и лучезарная, и лучистая, и нищенская, и святая**. Зато ПЫТКА не устарела и **устаревшая**: ни дьявольская, ни зверская, ни изуверская, ни инквизиторская, ни лютая, ни средневековая, ни чудовищная. Может, потому, что устарело само слово ПЫТКА?.. Так, к слову СОВЕСТЬ вы не найдёте ни одного эпитета, потому что этого слова нет в словаре вообще. Устар. МИР – **благодатный, благодетельный, благополучный, блаженный**. Устар. МИР – **неправедный и святой**».

Ещё одним примером, подтверждающим мысль о том, что каждый словарь отражает свою эпоху, может служить следующий случай. В 2003 году было выпущено в свет 24-е издание «Словаря русского языка» С.И. Ожегова без особых изменений в его тексте, связанных с учётом состояния русского литературного языка в данный период. Вскоре после выхода этого словаря в «Литературной газете» [№ 21, 28.05 – 3.06.2003] было опубликовано письмо группы известных учёных (Е.П. Челышев, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Я.Н. Засурский), в котором они высказали своё мнение о данной публикации. «Так, – писали они, – изменены толкования некоторых слов, относящихся, например, к сфере политики, государственно-

административного устройства, к названиям народов, но без внимания остались такие высокочастотные в употреблении слова, как *правый* (в значении политического направления), *плюрализм*, *совет*, *мэр*, *префект*, *префектура*, *мировой* (*мировой суд*), *россиянин* (последнее слово толкуется как синоним к слову *русский* с пометой «старое», т.е. совершенно игнорируется современное значение – «лицо, принадлежащее к населению Российской Федерации») и многие другие.

Без внимания оставлены именованья реалий, устаревших для советской действительности, но весьма актуальных в наши дни: *гимназист*, *лицей*, *магистр*, *атаман*, *есаул*, *ротмистр* и другие казачьи чины; *боевик*; все эти и многие другие подобные именованья остались отнесёнными к царским временам либо к зарубежной действительности.

Целые группы слов, активно функционирующих в современном языке, в том числе относящиеся к сфере религии, сохранили помету «устарелое» (см., например, статьи *богомолец*, *братство* (религиозное объединение), *Красная горка*, *растрига*)).

Одним из следствий многочисленных изменений в лексическом составе русского языка в конце XX века стало создание ряда толковых словарей, отражающих состояние лексической системы в целом. Новые словари дали обширную и разнообразную информацию о словах: толкование, примеры в виде речений и цитат, энциклопедические данные, стилистическую характеристику, особенности словоупотребления, при необходимости – этимологию. Особенно важной для нас представляется справочная информация в виде сведений о функционировании слова в прошлом, о его новых смысловых значениях, об утрате смысловых значений: *новое слово*, *относительно новое слово*, *актуализация слова* (значения), *возвращение слова в актив из пассивного запаса*, *уход слова в пассивный запас*.

К словарям новейшего времени следует отнести «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения», под ред. Г.Н. Складарской (1998); «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия», под ред. Г.Н. Складарской (2001); «Толковый

словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика», под ред. Г.Н.Скляревской [2006], «Толковый словарь с включением сведений о происхождении слов», под ред.Н.Ю. Шведовой [2007] и некоторые другие. Г.Н. Скляревская в предисловии к своему словарю пишет: «К началу XXI столетия можно говорить если не о заметной стабилизации лексической системы русского языка, то, во всяком случае, об обретении ею равновесия. Сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и вихреобразные языковые явления, которые происходили в 90-х годах минувшего века, а скорее интенсивное развитие двух разнонаправленных процессов: «онаучивание» языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии, и потоки иностранных заимствований с одной стороны, и встречное движение жаргонизации языка – с другой» [Толковый словарь..., 1998, 5].

2.8. Активный и пассивный лексические запасы современного русского языка

Вопрос об отнесении слова к активному или пассивному составу (запасу) языка очень важен для исследования лексической деархаизации, поскольку она непосредственно связана с перераспределением ресурсов языкового актива и пассива, которое происходит в результате изменений в лексической системе языка.

Активные процессы в современной русской лексике проявляются в таких способах пополнения словарного состава, как образование слов по продуктивным словообразовательным моделям, внешнее и внутреннее заимствование, а также в перегруппировке пластов активного и пассивного словарного запаса. В пассивный запас русского языка в конце XX века переместились, прежде всего, группы слов советской эпохи, советизмов, которые были необходимы для обозначения реалий советского общества, его идеологии, политики, экономики и составляли важнейшую часть языка этого периода: *партком, райком, горсовет, сельсовет, ударник, стахановец, соцсоревнование, колхоз, совхоз, партячейка, трудодни, герой труда, агитбригада, социализм, КПСС, СССР, комсомолец, пионе, октябрёнок*

и многие другие лексические единицы, ставшие в наше время историзмами.

В настоящее время устарела популярная в советский период «военная» метафорическая модель как некоторое проявление милитаризованного сознания, воплощение идеи о неизбежности классовой борьбы: *ударные бригады, командиры производства, армия просвещения, атаки империализма, форпост мира, лагерь социализма, штурм знаний, битва за урожай* и другие слова. Возвратились в активное употребление из пассивного словаря, прежде всего, номинации дореволюционного времени, связанные со сферой культуры, образования, науки, бизнеса (коммерции, финансов): *милосердие, благотворительность, меценат, воскресная школа, губернёр, лицей, гимназия, классная дама* (должность, официально введённая в некоторых школах и гимназиях вместо должности *классного руководителя*) *бакалавр*; со сферой экономики: *предприниматель, биржа, торги, компаньон, работодатель, аукцион, учредитель, акция, контракт, безработица, частная собственность* и другие; со сферой социального и территориально-административного деления и устройства: *волость, уезд, губернатор, дамы и господа* (в качестве обращения), *атаман, казачество, казачий круг, дворянское собрание, ночлежка* и другие слова.

Возвратились использовавшиеся до революции 1917 года имена собственные: а) названия городов: *Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Тверь, Самара, Царское Село*; б) исторически сложившиеся названия районов городов и улиц: *Лубянка, Воробьёвы горы, Варварка, Пречистенка* и многие другие.

Активизировалась церковно-религиозная лексика в связи с осознанием в обществе необходимости возвращения к духовным истокам нации: *покаяние, пророчество, богослужение, пост, Троица, Пасха, Рождество, Крещение, патриарх, митрополит, священнослужитель, приход* и другие лексические единицы. Процесс перехода слов из пассивного запаса в активный мы будем подробнее рассматривать в следующих главах.

Переход из актива в пассив часто сопровождаются смесью идеологических, социально-оценочных коннотаций, ассоциаций, вплоть до изменения оценочности на противополож-

ную: *советский* (ср. новообразования *совок, совковый*), *аристократ, предприниматель, вера, храм, номенклатура, невозвращенец, диссидент, лагерник, невыездной* – или нейтрализацией оценочного компонента, особенно идеологического, в советское время отмечавшего реалии зарубежной жизни: *фирма, казино, крупье, бизнес, биржа, банкир, торги, коммерческий, детектив, ангел, дух, всепрощенец* и многие другие.

Переход слова из активного в пассивный запас происходит постепенно. Можно выделить три этапа этого процесса, каждый из которых обусловлен конкретной практикой общения и отражением слов по признаку «активность/пассивность» в языковом сознании конкретных носителей данного языка в конкретную эпоху, в том числе и лексикографов, составляющих словари.

На первом этапе слова становятся менее употребительными, однако остаются известными абсолютному большинству носителей языка (например, в наше время – *партком, пятилетка, коллективизация* и т.д.).

На втором этапе слово находится на периферии лексической системы, является малоупотребительным, используется в специальных текстах (*армяк, околоточный, кошт* и т.д.).

На третьем этапе слово уже не известно многим носителям языка. Такие слова сохраняются или могут сохраняться как реликты истории, прошлой жизни в специальных текстах, во фразеологизмах, в топонимах и т.д. (*зга, вейко, латинская кухня* и т.д.).

Не всегда слово, устаревая, проходит все три этапа устаревания и окончательно уходит в пассивный запас. Это достаточно длительный процесс, который иногда по тем или иным причинам (чаще всего – социального характера) останавливается и прекращается, и лексическая единица вновь перемещается в активный запас языка. Следует отметить отсутствие единой терминологии для этого явления (в современной научной литературе употребляются следующие термины и номинации: *ресемантизация, реактивизация, ренеологизация, реставрационные процессы в русской лексике, возвращённая лексика, «возрождённая» лексика* и т.д.). При возвращении в активный запас устаревшие слова могут сохранить своё значение (*безработица,*

предприниматель), изменить семантику (*чиновник, оппозиция*), приобрести новое значение (*благородный, династия*). Совершенно очевидно, что проблема временной отнесённости слова достаточно сложна. Ещё более сложной она становится в связи с тем, что «антропоцентрические ориентации современной лингвистики существенно меняют взгляд на традиционные понятия «историзмы» и «архаизмы» [Грудева, 1996, 168]. Важнейшая характеристика функционирования устаревшей лексики – «резкое сужение сферы её употребления, ограничение преимущественно рецептивными видами речевой деятельности» [Савчук, 1996, 9].

Рассматривая устаревшую лексику как культурное явление и подчёркивая её культурную значимость, Л.О. Савчук обращает внимание на то, что «эта часть словаря, являясь неактуальной для современного общества с точки зрения функционирования, остаётся живой в силу своей культурной значимости. Если сокращается круг читаемой в обществе литературы, происходит переход из живого лексического запаса в запасной, исторический фонд литературной лексики, откуда слова при определённых обстоятельствах могут вернуться в активное употребление» [Савчук, 1996, 15]. Е.В. Грудева описывает процесс возвращения устаревшей лексики в активное употребление так: «Влияние социальных факторов на развитие и функционирование лексики в целом и хронологически отмеченной – в частности, проявляется в том, что на современном этапе развития языка наблюдается процесс языкового возрождения, или ресемантизации, когда слово, зафиксированное в словарях современного языка как устаревшее и, таким образом, входящее в пассивный состав языка, переходит в активный запас носителей языка и перестаёт восприниматься как устаревшее» [Грудева, 1996, 193].

Это же имеет в виду В.Г. Костомаров, говоря об актуализации отдельных лексических единиц [Костомаров, 1999, 158]. Переход лексической единицы в какой-то определённый исторический период из пассивного запаса языка в актив предполагает её включение в активный запас конкретной языковой личности (иногда – на некоторое время). Началом всего всегда является человек, носитель данного языка, языковая личность.

Справедливо замечает по этому поводу В.В. Морковкин: «Язык как живая, пульсирующая сущность рассеян в человеках, каждый из которых, не вмещающая его в себя полностью, владеет лишь определённым его фрагментом» [Морковкин, 1988, 132].

В.Д. Черняк указывает, что «при общности тех процессов, которые характеризуют современную русскую речь, объём и характер лексикона являются индивидуально обусловленными и определяются многими параметрами личности (возраст, пол, образование, специальность, круг интересов, чтения, знание иностранных языков, место жительства и др.)» [Черняк, 2003, 296]. Именно этими параметрами определяется состав активного и пассивного запасов конкретной языковой личности. Под пассивным запасом в данном случае понимается «совокупность лексических единиц, которые понятны носителю языка, но не употребляются им в спонтанной речи» [Арапов, 1990, 369]. К пассивному запасу личности следует отнести и так называемый потенциальный словарь – «слова, значений которых носитель языка не знает, но способен их установить, опираясь на внутреннюю форму слова или контекст» [Там же].

Совершенно очевидно, что знание отдельным человеком большого количества единиц пассивного запаса языка свидетельствует о знании им данной культуры, о причастности его к этой культуре.

Устаревшая лексика русского языка полно представлена во всех толковых словарях русского языка XX века. Академику В.В. Виноградову принадлежит фундаментальный труд «История слов». Кроме того, велика научная и просветительская роль специальных словарей и справочных изданий, отражающих эту часть русского языка и русской культуры: «Словарь русских историзмов» Аркадьевой Т.Г., Васильевой М.И., Проничева В.П., Шарри Т.Г. [2005], «Язык старой Москвы. Лингвонциклопедический словарь» Елистратова В.С. [1997], «Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещи и образ в русской литературе XIX века» Кирсановой Р.М. [1989], «От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы» Макарова В.И., Матвеевой Н.П. [1993], «Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям

русских писателей XVIII – XX вв.» Рогожниковой Р.П., Карской Т.С. [2005] и многие другие.

2.9. Процесс лексической деархаизации в современном русском литературном языке

Как говорилось ранее, среди активных процессов в лексике русского языка нашего времени одним из самых продуктивных является процесс лексической деархаизации – процесс возвращения в активное речевое употребление устаревших (в той или иной степени) слов, постепенная утрата оттенка архаичности в их значениях.

Активизация в конце XX – начале XXI столетия достаточно большой группы лексики (современные словари фиксируют несколько сотен, примерно 600, слов) – явление в русском языке, характерное для нашего времени. Учитывая исторический подход к изучению слова, мы отмечаем следующую его эволюцию: момент появления, утрата новизны и переход слова в разряд нейтральных, появление оттенка архаичности, выход из активного употребления и переход в разряд устаревших. Устаревшая лексика всегда достаточно активно использовалась в художественной литературе для создания исторического колорита конкретного исторического периода, как средство речевой выразительности в публицистике. Однако в определенные исторические моменты устаревшая лексика может актуализировать своё значение и начать активно функционировать в речи, поэтому «возрождение», возвращение некогда устаревшего слова в активное употребление – всегда новый этап в его жизни.

Лексическая деархаизация в современном русском языке – особый социолингвистический феномен. Возвращению в активное употребление лексики, бывшей какое-то время малоупотребительной и неупотребительной, способствует установка общества на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории или «отодвинутых» на задний план. При этом лексические историзмы, выступающие в функции номинации новых

реалий современной жизни (*дума, гимназия, губернатор*), в основном используются для заполнения лакун, возникших в результате архаизации советизмов, а также для того, чтобы подчеркнуть особенность, оригинальность этой реалии.

Определяя понятие лексической деархаизации как процесса возвращения в активное употребление устаревших (в той или иной степени слов), отодвинутых в советское время на периферию лексической системы русского языка, утраты оттенка архаичности в значениях этих слов, мы обратились к трактовке понятий «архаизм» и «архаичность», данной Ю.А. Бельчиковым и М.С. Панюшевой в «Словаре паронимов современного русского языка»:

«**Архаизм**, сущ., м. 1. *Книжн.* Устаревшее явление, пережиток старины *Литературный архаизм.*

2. *Лингв.* Устаревшее и вышедшее из общего употребления слово, оборот речи, грамматическая форма. *Диалектный архаизм.*

Архаичность, сущ., ж. Устарелость, несоответствие современным требованиям, представлениям о чём-л.

Архаичность стиля. Архаичность теории. Архаичность суждений главным образом в составе книжной (иногда «высокой») лексики сохраняются слова, несущие на себе особый стилистический отпечаток – отпечаток архаичности. Д. Шмелёв. Современный русский язык. Лексика.

В современной речи существительное **архаизм** обозначает предметы, явления, устаревшие с точки зрения современных требований, современного состояния чего-л.

Существительное **архаичность** употребляется обычно с зависимым словом в род. пад., имеет значение отвлечённого признака, свойства, понятия, названного этим словом (*архаичность слога, языка*)» [Бельчиков, Панюшева, 1994, 8].

В целях описания и изучения процесса лексической деархаизации будет более точным обращение к понятию архаичности, так как деархаизация предполагает не возвращение устаревшего слова (собственно архаизма или историзма) в активное употребление, а лишь утрату в слове оттенка архаичности, возникшего по тем или иным причинам. Приведём такой пример. В начале 90-х годов XX века в активное употребление верну-

лось слово *словесность*, получившее в советский период оттонок архаичности по социальным причинам: книжное, высокое слово *словесность* напоминало о старых традициях и о старой системе образования в России. После революции оно было заменено на более нейтральное *литература* и практически не употреблялось, хотя было понятно большинству носителей русского языка. Это отразилось в словарях, например:

«Словесность – термин, обозначавший в *старой России*

1) художественную литературу и / или фольклор как область поэтического выражения; порою к литературе прибавлялась история, публицистика и некоторые другие гуманитарные области; 2) филологические науки (лингвистика, литературоведение, стилистика и т.д.); 3) учебный предмет в *дореволюционной школе*, дававший систематические знания по литературе, причём последняя часто трактовалась не только в узком смысле как литература художественная, но включает ораторское искусство, публицистику; 4) см. Риторика.

В соответствии с некоторыми архаизирующими и реставрационными тенденциями в России конца XX – начала XXI века и определёнными научно-методическими потребностями термин *словесность* получил распространение в современной науке и культуре» [Культура русской речи, 2003, 652]. Авторы словаря соотносят слово *словесность* и со старой Россией и с дореволюционной школой, однако отмечают, что в новых исторических условиях конца XX – начала XXI века лексическая единица *словесность* опять оказалась востребованной. Действительно, в современном речевом употреблении это слово функционирует как нейтральное. Кроме того, словесность в качестве учебной дисциплины включена в планы многих учебных заведений, издаётся журнал «Русская словесность», возродилось «Общество любителей русской словесности».

2.10. Лексическая деархаизация и использование историзмов в современном русском литературном языке

Наличие в языке устаревшей лексики – одно из следствий его развития. Значительную часть устаревшей лексики состав-

ляют историзмы. К историзмам традиционно относят элементы периферии словарного состава языка, которые некогда по разным причинам вышли из активного употребления, но не выпали из языка совсем в силу культурно-исторической значимости, а также важности, известности обозначаемых ими понятий.

Несмотря на отнесение к «периферии» и «пассивному пласту лексики», историзмы достаточно активно используются в современной речевой практике, поскольку в этих словах отразилась и сохранилась историческая и культурная память народа. И сами эти слова, будучи тесно связанными с конкретной исторической эпохой, стали символами важных событий и известны носителям языка. Обычно историческая лексика уходит в пассивный запас языка и служит источником при изучении исторического прошлого: слово хранит в себе знания, накопленные обществом на данный момент его развития. Кроме того, многие историзмы сохранились в языковом сознании благодаря тому, что они встречаются в текстах художественных произведений (в первую очередь в произведениях русской классической литературы, которая в XX веке способствовала сохранению многих традиционных ценностей русской культуры, потому что является подлинным национальным достоянием и всегда имела массового читателя). Например, историзмы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», благодаря обязательному детальному изучению в средней школе и многочисленным комментариям, широко известны, хотя речь идет о предметах и понятиях, давно вышедших из употребления.

Причинами выхода из активного речевого употребления слова становятся некоторые события общественно-политического и исторического характера, и как их следствие – различные изменения и нововведения. Например, в «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) имеются следующие пометы и замечания временного (хронологического) характера, которые в той или иной степени отражают границы активного функционирования, а иногда и причины архаизации слова: *в Древней Руси, в Московской Руси, в Московском государстве XVI–XVII веков, в дореволюционное время, в дореволюционной России, в царской России/в царской армии, до ликвидации безработицы в СССР, до 1941 года* и т.п.

В настоящее время «хронологически отмеченная лексика» используется достаточно активно. Во-первых, историзмы традиционно присутствуют в художественных и публицистических текстах на исторические темы: рассказывая о событиях определенной эпохи, необходимо обратиться к реалиям этой эпохи и их номинациям: «Вечером в Зимнем дворце обычно устраивался бал-маскарад для дворянского и купеческого сословия» [КП, 14.12.06]; «Дело было в ежегодной дани – ордынском выходе» [АиФ, № 34, 2006] (в данном примере для объяснения историзма *ордынский выход* применяется контекстуальный комментарий, в котором употреблен еще один, более известный историзм – *дань*); «В Европе тоже увлекались соколиной охотой, успев, видимо, перебить всех медведей» [АиФ, 2006, № 32]; «На Петровских ассамблеях рекомендовалось: «Зелья пить вволю, ежели ноги держат» [КП, 7.12.06]; «В одиннадцать лет он стал совоспитанником великого князя Александра Николаевича» [Е.Э. Лямина. Бедный Жозеф]. Все выделенные слова определяются толковыми словарями середины XX века как историзмы или имеют пометы хронологического характера в словарных статьях.

Употребление историзмов в текстах такого рода не экспрессивно. Учитывая то, что иногда слово обозначает исторически «далекую» реалию, в самом тексте может содержаться пояснение, комментарий в виде особого контекста. В других случаях источником информации могут быть словари. Имеются в виду толковые словари XX века, которые часто дают небольшой культурно-исторический и/или историко-лексикологический комментарий устаревшей лексики, а также специальные словари, объясняющие историзмы (например, «Словарь русских историзмов» Т.Г. Аркадьевой; «Российский историко-бытовой словарь» А.В. Беловинского; «Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв.» Р.П. Рогожниковой и другие упомянутые нами выше словари).

Во-вторых, историзмы (как устаревшие слова в целом) употребляются в публицистике как средство индивидуально-авторской выразительности; «Новоявленный декабрист, экс-олигарх (о М. Ходорковском. – В.Ш.) поблагодарил свою жену,

«настоящую жену декабриста» [ИНО. СМИ RU]. В следующем отрывке [КП, 27.10.2005]: «...в имени бывает нечасто, но если приезжает, то без помпы, без цыган, без медведей с бубнами. Скромный барин! На конюшне никого розгами не сечет, а случается, что и подарками деревенских одаривает» – употребление известных всем носителям русского языка историзмов *имение*, *барин*, словосочетания *сечь розгами* помогает автору придать ироническую тональность своему высказыванию. Историзм *имение* ассоциируется с такими понятиями, как *землевание*, *особняк*, *богатая жизнь* и т.п., а историзм *барин* – со словами *земледелец*, *хозяин*, *богатый человек* и т.п.

Ироническая тональность – характерная черта русской художественной прозы и публицистики конца XX – начала XXI века. Использование устаревшей лексики – один из приемов создания такой тональности. В связи с этим представляется интересным обратить внимание на достаточно популярный в последнее время «обратный» прием – использование подчеркнуто новой или жаргонной лексики в современных текстах исторической тематики с целью проведения некоторых исторических параллелей, выражения собственной оценки исторических событий и т.д. Например: «Наглого *олигарха* Мамаю били с двух сторон: как русские, так и татарские князья»; «Взаимоотношения русских князей и ханов Золотой Орды более всего напоминали нынешний *рэклет*: хочешь жить – плати *отступные* бандитской *крыше*» [Огонек, 2005, № 26]; «В Париже Ленин вел обычную жизнь эмигранта – скучал, ходил по кофейням и кабаке, изредка переписывался с товарищами по революции, раз в два года выезжал на какие-то партийные съезды-тусовки» [Огонек, 2005, № 15]; «С тех самых пор якобы и пошла слава о Суйде, как о «картофельной столице». Наверное, не последнюю роль в этом сыграл, как сейчас говорится, «*брэнд*» – имя арапа Петра Великого» [Эхо планеты, 2007, № 43]. Использование как устаревшей, так и подчеркнуто новой лексики в современных публицистических текстах – явление нередкое и обычно стилистически оправданное.

В-третьих, в последние десятилетия устаревшая лексика (историзмы в том числе) активно используются в номинативной функции, в качестве названий различных объектов (промыш-

ленных предприятий, фирм, магазинов, гостиниц, центров досуга, клубов и т.д.). Это, видимо, по мнению называющих, придает объекту особую привлекательность и способствует привлечению внимания.

Условно можно выделить две группы таких названий:

1. Названия, непосредственно отражающие профиль того или иного объекта:

– *Фабрика пошива и ремонта верхней одежды «Ферязь»* (г. Северодвинск Архангельской области). – БАС, т. 16: *Ферязь* – старинная русская народная верхняя одежда (мужская и женская) без воротника и перехвата в поясе.

– *Золотошвейная мастерская «Убрус»* (г. Москва) – БАС, т. 16: *Убрус* – устар. – платок, покрывало или полотенце, вышитое узорами, расшитое золотом, жемчугом и т.п.

– *Салон «Фильдеперс»* (г. Челябинск) – БАС, т. 16: *Фильдеперс* – шелковистая пряжа, идущая на изготовление лучших трикотажных изделий.

2. Названия, подчеркивающие особую изысканность, респектабельность, модный характер объекта:

– *Гостиница «Ганза»* (г. Самара), *туристический комплекс «Евро-Ганза»* (г. Москва) – БАС, т. 3. *Ганза* – истор. Союз торговых германских городов (XIII – XVII вв.).

– *Кафе «Воевода»* (г. Красноярск) – БАС, т.2: *Воевода* – истор. Начальник войска.

Иногда встречаются и явные несоответствия:

– *Строительная фирма «Фиакр»* (г. Москва), ср. – БАС, т. 16: *Фиакр* – легкий наемный экипаж.

Фирма «Весталка» – производство тарталеток в виде квадратов, треугольников, ромбов (г. Санкт-Петербург), ср. – БАС, т.2: *Весталка* – истор. В древнем Риме – жрица огня.

В истории русского литературного языка процесс активизации архаической лексики наблюдался в конце XIX – начале XX века. «В начале XX в., – пишет Л.М. Грановская, – активизация архаической лексики в официальной печати была обусловлена в известной степени воскрешением славянофильских традиций: русско-турецкая война, события на Балканах способствовали подъему патриотических настроений в России,

осознанию ею связи со всем славянским миром» [Грановская, 2005, 53].

«Для выражения повышенного настроения, – замечает А.М. Селищев в своём исследовании «Язык революционной эпохи», – прибегают к архаизмам и церковнославянским элементам. Эти элементы были представлены в отдельных словах, сочетаниях и образах. «Либкнехт был арестован, избит, замучен. На *гогофе* пролетарской революции буржуазия *распяла* ещё одного мученика-революционера!»).

Некоторые архаизмы и церковнославянские элементы служат для выражения иронии» [Селищев, 2009, 126].

Лексическая деархаизация отличается от употребления устаревших элементов лексической системы в различных текстах нашего времени тем, что вернувшееся в употребление слово довольно быстро теряет экспрессивную стилистическую окраску и хронологическую отмеченность, хотя обозначает похожую, но другую реалию. Сама реалья попадает в иную культурную ситуацию, а слово – в новый контекст. Например: *Знаменитая сеть трактиров «Елки-палки»... Эти трактиры пользуются большим успехом* (рекламное объявление) – [БАС, т.15]: *«Трактир – 1. В старину гостиница, ресторан. 2. В дореволюционной России – ресторан низшего разряда с продажей спиртных напитков». Модный ресторатор Аркадий Новиков раскрывает секреты VIP-застолья* [КП. 7.12.06]. *Ресторатор Алексей Орлов инвестирует 14 миллионов долларов в региональные проекты* [«Новости» – Красноярск]. – [БАС, т.12]: *Ресторатор – устар. Владелец, содержатель ресторана. Предлагаем услуги частного сыска; Наше детективное агентство предлагает весь спектр услуг по организации частного сыска* (Из газеты частных объявлений). – [БАС, т.14]: *«Сыск – в дореволюционной России – выслеживание, розыск преступников, а также деятелей революционного движения».*

В наше время нейтральными и вполне «современными» стали некоторые единицы административно-политической лексики, бывшие актуальными до революции 1917 г.: *губернатор, губерния, департамент* (Департамент образования г. Москвы; Судебный департамент при Верховном суде РФ и др.); *дума*

(Государственная Дума, Московская городская дума и др.), *волость* (Вепская национальная *волость* – в официальном в списке районов Карелии, *волости* также официально существуют в Псковской области).

Борьба со «старым бытом» была одной из основных задач советского государства в послереволюционные годы, и он был разрушен: сначала дворянский быт и уклад жизни, а немного позднее – крестьянский. Однако следует отметить, что в речевое употребление в конце XX века вернулись в основном слова, относившиеся ранее к дворянскому, светскому образу жизни. Например, обращения (*господин/госпожа*), названия профессий и занятий (*дворецкий, гувернер/гувернантка, ресторатор*), названия одежды и аксессуаров (*боа, редингот, ботоньерка*), а также выражения *светский лев/светская львица, суаре, светский раут* почти утратили свою стилистическую окрашенность (в ряде печатных изданий – журналы «Лиза», «Добрые советы» и т.п. – они активно используются как вполне нейтральные).

2.11. Лексическая деархаизация и вторичное заимствование в современном русском языке

Наряду с процессом лексической деархаизации в новейшее время наблюдается так называемый процесс вторичного лексического заимствования, отмеченный и проанализированный в работах Л.П. Крысина, А.Д. Шмелёва и некоторых других учёных.

Рассмотрим несколько примеров вторичного лексического заимствования в современном русском языке.

В современной речевой практике довольно активно употребляются лексемы *контрафакция* (*контрафактный*) (например, *контрафактная продукция, контрафактные тиражи, контрафактные диски, контрафактные фильмы* и т.д.) и *толерантность* (*толерантный*) (например, *толерантное отношение, доброта и толерантность, воспитывать толерантность к чему-то, к кому-то* и т.д.).

Слово *контрафакция* представлено в Словаре В.И. Даля (без помет) следующим образом: «Подделка, недозволенная пе-

репечатка книг, в ущерб законному их издателю», а в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» [БАС] (1956): «**Устар.** 1. Перепечатка, переиздание и т.п. чужого произведения без согласия автора. 2. Подделка (обычно произведений литературы, искусства)» [т. 5]. В 4-томном Словаре русского языка [МАС – 1981–1984], в Словаре С.И.Ожегова [1975] этого слова нет. В 20–40-е годы эта лексема воспринималась как устаревшая, а к середине XX века окончательно устарела и вышла из активного употребления, что и зафиксировали словари этого времени. Полагаем, что произошло это по вполне понятным причинам: контрафактной продукции в советское время, как правило, не производилось. Лексема появилась в русском языке (в результате вторичного заимствования) в конце 90-х годов XX века для обозначения соответствующего общественного явления. В «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» [2005] слово представлено следующим образом: «**Юр.** Незаконный, производимый, осуществляемый с нарушением издательских или авторских прав (об аудио- и видеопродукции, компьютерных программах, книгах...»).

Лексема *толерантность* представлена в 17-томном толковом словаре русского языка (БАС) следующим образом: «**Устар.** Терпимость, снисходительность, снисходительное отношение к кому-, чему-либо». В 4-томном «Словаре русского языка», в Словаре С.И. Ожегова [1975] эта лексическая единица отсутствует. В новейших словарях русского языка, отражающих современную языковую ситуацию, это слово фиксируется без особых помет. «В русском языке, – отмечает З. Тарланов, – существует давно пришедший из латыни термин *толерантность* в значении “терпение, терпимость к другим мнениям и верованиям”. Но в 80–90-е годы это слово вошло в русский язык вторично, уже с американским “акцентом”» [2008, 47].

2.12. Общие тенденции процесса лексической деархаизации в общественно-политической, экономической и культурно-бытовой группах лексики русского языка

Общественная жизнь – явление динамичное и совершенно очевидно: чем интенсивнее изменения в политике, экономике, культуре (духовной и материальной) и других областях жизни социума, тем интенсивнее изменения в лексической системе на каждом этапе её развития. Именно в сфере политической, экономической и культурно-бытовой лексики наблюдаются существенные изменения, обусловленные общественно-политическими процессами в России в конце XX столетия.

На развитие лексики этих групп непосредственно влияют изменения в исторической обстановке, возникновение новых форм общественной и экономической жизни, новых явлений социальной действительности, новых общественных и государственных институтов, партий, политических группировок, течений, новых социально-политических и экономических идей и тенденций. «Идея исторической изменяемости лексического состава в связи с развитием общества, – пишет Ю.А. Бельчиков, – прочно вошла в исследования по исторической лексикологии. Особенно остро и очевидно эта идея обнаруживает себя в сфере общественно-политической лексики, вообще – в сфере обозначения явлений, категорий, понятий социально-экономического, социально-политического, идеологического содержания и назначения» [Бельчиков, 2003, 64].

Деархаизированная лексическая единица, тематически относящаяся к этим группам, – историзм. Мы будем различать два типа историзмов.

1. Историзмы, некогда обозначавшие реалии общественно-политической, экономической и культурной жизни дореволюционной России и после революции не употреблявшиеся для номинации существующих реалий и явлений действительности (*Дума, предприниматель, волость, словесность* и т.д.). В основном это исконно русские и общеславянские слова.

2. Историзмы, некогда обозначавшие реалии общественно-политической, экономической и культурной жизни дорево-

люционной России и других стран и после революции не употреблявшиеся для номинации существующих реалий и явлений российской (советской) действительности, но сохранившиеся в русском языке для обозначения реалий и явлений жизни других стран (*биржа, банкир, гимназия, либерал, департамент* и т.д.). Чаще всего это слова иноязычного происхождения, среди них много интернационализмов, хотя есть и собственно русские лексические единицы (*безработица, предприниматель* и некоторые другие). Это очень своеобразная группа историзмов. Они всегда были хорошо знакомы большинству носителей русского языка, но всё же воспринимались как устаревшие по отношению к российской действительности, поскольку после революции не соответствовали общественно-политической, экономической и культурной жизни страны.

Словари середины XX века фиксировали эти слова с пометами *в капиталистических странах, в странах Западной Европы, в капиталистических странах и в дореволюционной России* и т.п. Мы уже отмечали, что в лингвистической литературе 60–70-х годов прошлого века их называли *хронизмами, относительными историзмами, лексикой двойной социальной соотносённости* и т. д. Соглашаясь со всеми этими терминами, считаем, что эти лексические единицы приобрели в советское время определённый оттенок архаичности.

Для каждой конкретной исторической эпохи лексические единицы второй группы – достаточно активные элементы словаря. В лексическом составе русского языка конца XX – начала XXI века общественно-политические и экономические историзмы (слова, обозначающие реалии общественно-политической и экономической жизни более ранних периодов истории), с одной стороны, являются лексикой, перешедшей в пассивный запас в связи с устареванием обозначаемых ею реалий, с другой – это активная лексика определённых научных дисциплин (истории, философии, социологии, этнографии и т.д.), т.е. функционально ограниченная лексика активного словаря. Таким образом, использование такого рода историзмов всегда указывало на двойственность их положения, которая наблюдалась в лексико-семантической системе языка и сближала их с довольно

большой группой слов, стоявших в XX столетии на грани активного и пассивного словарей.

В результате изучения устаревших слов (в данном случае – историзмов) в толковых словарях середины XX века (Словарь современного русского литературного языка (БАС), Словарь русского языка (МАС), Словарь русского языка С.И. Ожегова и др.) на основании общности предметно-понятийных признаков мы выделяем несколько тематических групп лексики, в которых в конце XX – начале XXI века наблюдался процесс лексической деархаизации:

1. Общественно-политическая (*либерализм, губернатор, дума, департамент* и т.д.).
2. Экономическая (*банкир, предприниматель, акциз, биржа* и т.д.).
3. Культурно-бытовая (названия, например, предметов одежды: *боа, редингот* и т.д.).

Внутри этих групп намечаются более конкретные подразделения – тематические разряды или подгруппы.

Деархаизационные процессы в русской лексике конца XX – начала XXI века, как уже говорилось, связаны с архаизационными процессами послеоктябрьского периода. Октябрьская революция 1917 года и события конца XX века, сопровождавшиеся изменениями всех сторон российской жизни, стали ключевыми и оказали огромное влияние на общественно-политическую лексику русского языка. «Понятно, что в первые годы революции, годы борьбы со свергнутыми классами и укрепления советского строя, – писал С.И. Ожегов, очень чётко и точно определив произошедшее, – характеризуются массовым устранением, переходом в пассивный запас лексики, связанной со старым государственным строем и буржуазным бытом. Уходит со сцены старая государственная, административная, судебная, церковная, финансовая и т.д. терминология в связи с уничтожением старых учреждений, должностей, чинов, титулов (ср., например: *губернатор, департамент, гимназия, городской, экзекутор, столоначальник, подать, акциз, мещанин, гласный, богодельня, приют*). Уходит и многообразная лексика, связанная с общественными и бытовыми отношениями капиталистического общества (ср., например: *прошение, проситель,*

обыватель, господин, барин, гувернер, инородец, прислуга, провинция, харчевня, лакей). Выходят из употребления слова, специфические для буржуазно-дворянского жаргона (ср., например: *мезальянс, светский, галантный, благовоспитанный*)» [Ожегов, 1974, 32–33].

Таким образом, С.И. Ожегов чётко обозначил конкретные группы «массового устаревания» слов и причины их ухода из активного употребления: уничтожение старых учреждений, должностей, чинов, титулов; изменение общественных и бытовых отношений.

Вместо слов, перешедших после революции в пассивный запас, появились новые слова, которые впоследствии определили общественно-политический язык советского времени, сложившийся под влиянием существовавшей в Советском Союзе социально-политической системы.

Толковые словари русского языка середины XX века (Словарь современного русского литературного языка [БАС], Словарь русского языка (МАС), Толковый словарь Д.Н. Ушакова, первые издания словаря С.И. Ожегова и другие) фиксируют дореволюционную лексику общественно-политической и экономической сферы как устаревшую, сопровождая пометами временного характера (*в России до революции 1917 года, в дореволюционной России, в царской России, в царской армии* и т.п.).

Поскольку лексическая система языка является наиболее чувствительной к изменениям в языке, процесс изменений в тех или иных её участках почти непрерывен, в чём и заключается связь языковой системы с различными сферами общественной жизни (общественно-политической, государственно-административной, правовой, экономической, культурной).

В русской лексике общественно-политической, экономической и культурно-бытовой сферы конца XX столетия самыми заметными стали следующие процессы:

1. В систему лексики общественно-политической, экономической и культурно-бытовой сферы в конце XX века вернулись наименования, функционировавшие в русском языке до 1917 года для обозначения российских реалий (*дума, губерна-*

тор, казначей, департамент, банкир, биржа, гимназия и другие слова).

2. Сохранились (в отдельных случаях – сохранялись некоторое время) номинации власти советского периода (*комитет, комиссия, председатель* (только значения должности): *председатель колхоза, председатель сельсовета*) и др.).

3. Были заимствованы слова из иностранных языков, которые заполняли образовавшиеся в языке лакуны, связанные с переходом страны на новую систему экономических отношений, тесную связь экономики с политикой, со сменой идеологических установок, с некоторыми изменениями в быту.

Исторические события в России конца XX века определили характер новых процессов в русском языке в целом и в его общественно-политической, экономической и культурно-бытовой сферах. В 1995 году вышел «Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов)» под ред. Н.З. Котеловой, в предисловии к которому авторы пишут: «Комсогруппа... Культпросветучилище... Межимпериалистический... Это слова из нашего прошлого, хотя и недавнего. Может ли книга, содержащая подобные слова, называться «Словарем новых слов русского языка»? Все дело в том, что в результате стремительного исторического развития России за последние десять лет из речевого обихода ушел целый пласт общественно-политической лексики, и слова, которые были новыми, стали старыми, неологизмы стали историзмами» [Словарь новых слов..., 1995, 5].

Мобильность лексического состава языка (а общественно-политическая, административная, экономическая, культурно-бытовая группы лексики – очень мобильные участки словаря) подтверждается многочисленными изменениями в области семантики слов, относящихся к этим группам. Считаю необходимым рассмотреть историю слов общественно-политической группы слов и тематически близких к ней групп, а также группы экономической лексики в разные периоды XX века и особенно в последние десятилетия. Как мы уже замечали, многие номинации общественно-политической, экономической и финансовой сферы, в том числе и вернувшиеся в речевое употреб-

ление в 90-е годы XX века, частотны в разных языках и имеют интернациональный характер.

В современной политической системе России, системе российского государственного управления функционируют термины, относящиеся к её разным историческим периодам и политическим традициям. Так, для наименования территориальных единиц одного уровня используются сохранившийся с советских времен термин *сельсовет* (следует отметить, что в официальной номенклатуре этот термин всё же исчезает) и вернувшийся в обиход административный термин *волость* (Псковская область, Республика Карелия и некоторые другие регионы России); в современной России сосуществуют *районы* и *уезды*. Данные термины по-прежнему для носителей языка связаны с историей их происхождения и функционирования.

Особый интерес в нашем случае представляют лексические единицы, отражающие административное устройство дореволюционной России и её политические традиции. Административная терминология досоветской России стала одним из основных источников формирования современных административных терминов. Одним из наиболее активных процессов в лексике государственного управления стал процесс возвращения в активное употребление *историзмов*, постепенная утрата архаичности в их значениях – их деархаизация. Некоторые термины, обозначающие политические реалии дореволюционной России, хотя и не были сначала закреплены на официальном уровне, в начале 90-х годов XX века широко использовались в неофициальном языке (*губерния, генерал-губернатор*). Официально эти слова так и не были закреплены и в последующие годы.

В настоящее время в большинстве российских регионов официально используется термин *губернатор*, употреблявшийся для наименования глав губерний в дореволюционной России. В начале 90-х годов XX века в неофициальном языке *губернаторами* стали главы администраций округов, президенты и главы республик (*На форум прибыли губернаторы, главы законодательных собраний регионов и представители общественных организаций. – КП, 2006, № 8*). Характерным признаком времени можно признать то, что в России появились губернаторы, но

слово *губерния* не вернулось в употребление. *Губернаторы* в современной России возглавляют *области* и *края*. В 2009 году Российская Федерация состояла из 21 республики, 9 краёв, 46 областей, 2 городов федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), 1 автономной области и 4 округов – субъектов Федерации. При этом в настоящее время достаточно активно употребляется прилагательное *губернский* (*Губернский банк «Тарханы»*, г. Пенза и т.д.).

Термин *Государственная дума*, с конца 1993 года обозначающий нижнюю палату высшего законодательного органа России – Федерального Собрания, в Российской Империи именовал представительный орган власти. Наименования представительных органов власти во многих регионах – *Дума* (областная, окружная, городская и т.д.), в Самарской области, например, – *Губернская Дума*, в Москве – *Московская городская Дума* и т.д.

Следовательно, общественно-политические термины дореволюционной России оказались в наши дни в новом лексическом окружении. В некоторых случаях у государственно-административных терминов языка Российской империи, использовавшихся в советское время с ярко выраженной отрицательной окраской, актуализуется дореволюционное нейтральное значение. Так, слово *чиновник* (в дореволюционной России: *чиновник* – государственный служащий, имеющий чин, служебное звание) применительно к советской действительности использовалось в значении «человек, который ведёт свою работу равнодушно, без интереса, бюрократически» [Ожегов, 1989], т.е. почти всегда имело ярко выраженную отрицательную окраску. В наши дни термин *чиновник* всё чаще выполняет чисто номинативную функцию, выступает в роли функционального синонима термина *государственный служащий* (*Чиновники Минэкономразвития предложили новый проект, связанный с возрождением малого бизнеса в дотационных регионах России. – Новости, 1-й канал, 19.04.2008*).

В современной литературе, посвящённой проблемам управления, государственной службы, слова *чиновник*, а иногда – и *бюрократ* употребляются также в качестве нейтральных, а слово *чиновник* и в повседневной речи всё чаще используется

с нейтральной стилистической окраской, что соответствует до-революционному и западному функционированию этой лексической единицы. «Этот процесс [формирование терминологии государственного управления в современной России. – В.Ш.], – пишет В.А. Шмелёв, – в гораздо меньшей степени коснулся административной терминологии «национальных» республик, которые во многом копируют административную терминологию самостоятельных государств и менее всего стараются походить на губернии Российской Империи: ими руководят *президенты, главы, парламенты, государственные советы, палаты представителей, верховные хуралы, правительства и премьер-министры*, в то время как во главе остальных субъектов Федерации стоят *губернаторы, думы и администрации*» [Шмелёв, Internet-ресурсы].

В системе управления новой России (главным образом, с 1993 года – с момента принятия Конституции РФ) практически не используется терминология советской политической системы, но некоторые советизмы определённое время сохранялись по привычке в узусе.

В общественно-политической лексике новейшего времени имеют место лишь редкие советизмы (под *советизмами* понимаются в данном случае термины, использовавшиеся для наименования органов власти, должностей и территорий в Советском Союзе (например, *председатель* как должность) или введённые в качестве официальных в советское время (например, *республика* как территориальная единица), а также идеологически, стилистически связанные с советской политической системой (*совет, народный комиссар, полпред*).

Большая часть лексических единиц советского времени потеряла свою актуальность в связи с упразднением и реорганизацией самих органов и должностей (например, *госплан*); часть терминов, обозначавших советские органы власти и должности, по своему назначению соответствующие современным, была исключена сознательно, по причинам, о которых мы говорили выше: в связи с нежеланием ассоциировать современные органы власти с организациями советского периода (*Совет министров – Правительство, Горисполком – Мэрия, КГБ –*

ФСБ и т.д.). Этот процесс (процесс перехода лексических единиц из языкового актива в пассив) был рассмотрен нами ранее.

Категоричные меры по реформированию государственно-административной терминологии исключили в основном *советизмы* из административно-территориального номенклатурного языка России. Эти действия были проведены, прежде всего, на федеральном уровне, а также в некоторых регионах и во многих городских, районных и сельских образованиях. В качестве наименований представительных органов власти по-прежнему некоторое время использовались термины советского административного языка: *Совет народных депутатов*, *Верховный Совет*. К концу первого десятилетия XX столетия практически все такие наименования были заменены новыми. Слово *совет* (= *Сельский совет*, *Сельсовет*) до сих пор часто используется неофициально в сельской местности в разных регионах России для обозначения органов местного самоуправления, которые обычно имеют официальное название *сельская администрация* и т.п.

Некоторые традиционные для общественно-политического языка советского времени сложно-сокращённые слова и аббревиатуры успешно используются применительно к реалиям современной России (*Минсельхоз*, *военком*, *военкомат* и т. д.). Восходящее к советской политической традиции слово *полпред* широко используется в неофициальном языке в качестве функционального синонима термина *Полномочный представитель Президента* (*Полпред Президента в Приволжском федеральном органе*).

В современных средствах массовой информации можно встретить, как правило, стилистически окрашенное употребление *советизмов*, официально исключенных из терминологии государственного управления (*Лукашенко как был директором совхоза, так им и продолжает оставаться*. ТВ, 1-й канал, из высказывания участника ток-шоу, 20.12. 2009).

Лексика русского языка иноязычного происхождения, отражающая политическую культуру и государственные традиции западноевропейских стран и США, также пополнила в 90-х годах XX века тематическую группу государственно-политического управления. В этот период в России очень интересова-

лись западными моделями управления, изучали и перенимали опыт работы государственных организаций. Переименовывались старые и вводились новые должности, по своему назначению соответствующие должностям, имеющимся в других государствах, многое переименовывали по западному образцу, что в советское время было практически невозможно. Всё это обусловило появление в русском языке большого количества заимствованных терминов, восходящих к политическим традициям западных государств и прежде не использовавшихся для обозначения соответствующих реалий российской политической жизни.

Мы уже говорили о том, что в 90-е годы прошлого века сначала неофициально, а потом и официально в лексике государственно-политического управления стало использоваться слово *губернатор* (при отсутствии *губерний*). Главы российских городов в этот период стали именоваться *мэрами*. Эта лексическая единица никогда не обозначала реалию российской политической действительности. В дореволюционной России городами управляли *градоначальники*. В постперестроечный период это слово не закрепилось, хотя в качестве неофициального именованья активно функционирует. Видимо, более короткое, «мобильное» слово *мэр* оказалось в этот период более востребованным.

Уже почти два десятка лет заимствованное слово *мэр* в речевой практике носителей русского языка и в языке средств массовой информации используется в основном как идеологически и стилистически нейтральное. Наоборот, в целях экономии средств выражения и по аналогии словом *мэр* называют многих чиновников, официально именуемых *главами городских администраций*. Кроме того, в современной России главами регионов являются не только *губернаторы*, но и *президенты* (в основном национальных республик). Это тоже новое лексическое окружение слова *губернатор* в наше время.

Одним из наиболее часто используемых в современных российских средствах массовой информации синонимов термина *Совет Федерации* является слово *сенат*, которое в русском языке тоже имеет дореволюционную историю. В Толковом словаре Д.Н. Ушакова зафиксированы следующие значения слова

сенат, два из которых отмечены как историзмы и третье обозначает реалию западной политической системы:

«*Сенат* – 1. В Древнем Риме – аристократ. Совет, высший орган государственного управления (*истор.*).

2. Высшее судебное-административное учреждение в царской России (*истор.*).

3. Верхняя законодательная палата (*во Франции, США и некоторых других государствах*)».

[Толковый словарь Д.Н.Ушакова, т. 4, 145].

Наименование одного из органов власти в дореволюционной России словом *сенат*, скорее всего, создало предпосылки для его современного использования, хотя по своим функциям эти органы власти различны. Стимулом для использования лексических единиц *сенат* и *сенатор* в современном русском языке стала всё же западная (прежде всего, американская) политическая традиция (*Сенат* – верхняя палата парламента США, Италии и некоторых других стран).

Таким образом, некоторые лексические единицы, отражающие реалии государственно-политического устройства дореволюционной России, нашли своё место в языке России новейшего времени. Здесь следует отметить также такой экстралингвистический фактор (он использовался во все рассматриваемые нами эпохи: и в Петровский период, и в послеоктябрьский), как законодательная деятельность государства: многие термины государственно-политического устройства России закреплены законодательно, следовательно, являются обязательными, поэтому они довольно быстро становятся нейтральными.

«Лексика языка, – по словам Б.А. Ларина, – важнейший исторический источник. В содержании значения слов, в системе этих значений, в самой их последовательности могут быть открыты факты истории языка и тем самым истории народа» [Ларин, 1977, 22]. В языковом сознании человека каждое слово связывается, прежде всего, с теми признаками обозначаемой реалии, которые наиболее важны в общественной практике именно данного общества. Если реалья с течением времени существенно не меняется, но меняются её роль, функции, значимость, характер её функционирования в среде носителей языка, то в язы-

ковом сознании изменяется представление об этой реалии, что приводит к изменению бытового понятия, а соответственно и значения слова.

Изменения в социальной структуре общества вызывают изменения в расслоении общества на социальные группы, классы, сословия и т.д. При этом в разное время общество состояло из различных социальных объединений, одни приходили на смену другим. Подобные изменения общественных отношений отражались в языке. Группа слов, обозначающих представителей социальных объединений, в русском языке довольно многочисленна. Для рассмотрения нами были взяты лексические единицы, появившиеся для обозначения подобных объединений в России в разные периоды развития общества: *князь, дворянин, крестьянин, купец, мещанин, ремесленник* и некоторые другие. Все они объединены под общим названием «лексические единицы, обозначающие представителей социальных объединений».

Изучение этих слов в настоящее время показывает, что в семантическом плане они претерпевают разнонаправленные изменения. На данный момент существуют 3 основных направления в развитии их значений:

1. Слова, значения которых не претерпели значительных изменений. В настоящее время они сохраняют своё изначальное значение (*крестьянин, духовенство*).

2. Слова, которые помимо своего первоначального, исконного значения приобрели новые значения, содержащие некоторую оценку (*ремесленник, мещанин, купец, чиновник, аристократ*).

3. Слова, сузившие свои значения (*дворянин, князь* и некоторые другие слова, обозначающие титулы).

Слова каждой из этих групп имеют свои особенности и требуют отдельной характеристики. Важно также подчеркнуть, что вторая и третья группы, связанные с семантическими процессами расширения и сужения значений, предполагают изменения не только в семантике, но и в стилистической отмеченности, изменении коннотаций.

В первую группу входит небольшое количество слов. В неё можно отнести такие слова, как *крестьянин, военный, ду-*

ховенство (сами духовные звания, несомненно, составляют предмет отдельного специального исследования). Семантическое ядро этих лексических единиц оставалось неизменным, однако неоднократно менялись общественные условия и, соответственно, лексический фон этих слов. Под лексическим фоном мы традиционно понимаем «непонятный структурные доли (элементарное понятие в структуре общего понятия, обозначаемого словом), входящего в семантику конкретного слова» [Верещагин, Костомаров, 1990, 35]. Например, в связи с экстралингвистическими факторами изменился лексический фон слова *рабочий*: до 1917 года важное место в фоновой семантике занимала сема «работник на производстве», в советский период – «основной класс». При этом основное значение оставалась прежним – «наёмный работник, занятый производительным трудом».

Аналогичный пример можно привести со словом *революционер*, хотя оно и не относится к рассматриваемой тематической группе.

В «Словаре русского языка» [МАС – 1981] к слову *революционер* даётся следующая словарная статья: «Революционер – 1. Участник революционного движения, деятель революции», а в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «Революционер – смутчик, возмутитель, крамольник, мятежник».

Прослеживая взаимосвязь изменений в социальной структуре общества и изменений внутри лексико-семантической группы, обозначающей социальные объединения, можно увидеть, что семантические преобразования этих слов также напрямую зависят от изменений в обществе, от исчезновения одних сословий, классов, групп и появления новых, а также от характерных особенностей, важнейших качеств, присущих каждой из этих социальных групп.

Интересным представляется также рассмотреть некоторые изменения в юридической лексике русского языка в конце XX века. Как актуализировавшие свое значение представлены в словаре слова тематической группы «Закон» – «1. Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном конституцией порядке и обладающий высшей юри-

дической силой. 2. *Собир.* Совокупность законов государства; система законов, правосудие» [Толковый словарь русского языка конца XX столетия. Языковые изменения, 2006, 268], а также *законник, законно, законный, законодатель, законодательно, законодательный, законодательство, законодательствовать, законнепослушание (разг.), законнепослушный (разг.), законотступник, законопроект, законотворец, законотворческий, законотворчество, антизаконный.*

Как возвращённое в активный лексический запас из пассивного словарь фиксирует слово *законопослушный* («подчиняющийся действующим законам; противоположное: *законнепослушный, незаконопослушный*»).

Как лексическую единицу, утратившую архаичность в своём значении и перешедшую в активное употребление, словарь фиксирует также слово *присяжные* и даёт следующую словарную статью: «*Присяжные* – юр. Выборные лица, не являющиеся профессиональными судьями, привлекаемые на время разбирательства судебного дела для вынесения решения о факте виновности или невиновности обвиняемого (в уголовном процессе), о наличии или отсутствии спорного факта (в гражданском процессе). *Вердикт присяжных*». Как актуализировавшее своё значение в словаре фиксируется устойчивое сочетание *Суд присяжных*.

«Словарь русского языка» [МАС] в статье *Присяжный* даёт следующий комментарий после основного толкования слова: «*Присяжные заседатели* – в буржуазном суде: выборные лица, привлекаемые на определённое время для участия в разбирательстве судебных дел. *Присяжный поверенный* – в России (1864–1917 гг.) адвокат на государственной службе при окружном суде или судебной палате. *Суд присяжных* – суд с участием присяжных заседателей» [т. 4, с. 448].

Таким образом, в современном русском речевом употреблении активно функционирует достаточно много слов, относящихся к юридической, правовой сфере.

2.13. Процессы хронологического характера в экономической лексике русского языка

В 90-е годы XX столетия в России начался масштабный переход к рыночной экономике, новым формам собственности, новым принципам организации производства и т.д. В пассивный запас языка ушли лексические единицы, обозначавшие явления советской экономики, названной в эти годы экономикой застоя (*пятилетка, госплан* и т.д.).

В связи с переходом страны к новым принципам экономики, новым экономическим идеям, новым формам организации производства потребовались новые слова. Они были взяты так же, как и для общественно-политического лексикона, из до-революционного словаря или заимствованы из иностранных языков. В данной тематической группе много актуализированной лексики, к которой относятся термины экономики и специальные слова (*маркетинг, менеджер, дефолт* и т.д.). Естественно то, что экономический словарь русского языка в это время расширился и заметно изменился.

Таким образом, большая группа экономической лексики русского языка характеризуется в конце XX века достаточно интересными процессами. Рассмотрим некоторые из них.

В результате процесса деархаизации в активное речевое употребление вернулась довольно многочисленная группа слов, относящаяся в советский период к историзмам второго типа – тем, которые называли хронизмами, относительными историзмами и лексикой двойной социальной соотнесённости, т.е. к словам, которые стали историзмами по отношению к советской экономической действительности, но продолжали оставаться актуальными в жизни капиталистических стран (*акциз, рента, предприниматель, коммерсант, банкрот, торги, магнат, биржа* и другие слова).

Например, 1. а) *Биржа труда – до ликвидации безработицы в СССР*, – государственное учреждение, на обязанности которого лежало удовлетворение спроса и предложения труда, борьба с безработицей и вообще регулирование рынка труда в интересах рабочего класса [БАС, т.1];

б) *Биржа труда* – организация, осуществляющая трудоустройство безработных, наймом специалистов, профессиональной ориентацией молодежи [Толковый словарь..., 2006, 134].

2. а) *Коммерсант – в буржуазном обществе* – лицо, занимающееся торговлей, преимущественно в крупных размерах [БАС, т.5];

б) *Коммерсант* – человек, занимающийся коммерцией, предприниматель [Толковый словарь..., 2006, 474].

Подобные примеры, связанные с историей лексики общественно-политической сферы, мы рассматривали в предыдущем параграфе. Эти слова также не стали полной мере устаревшей лексикой.

Данные лексические единицы и в советское время стояли на грани активного и пассивного словаря, однако в советское время они ассоциировались (по отношению к российской жизни) с дореволюционной экономикой России, а в словарях неизменно сопровождались пометами исторического, временного характера (*в дореволюционной России, в России до революции 1917 года, в царской России* и т.п.).

В дореволюционное время эти слова относились к экономической терминологии и употреблялись в среде коммерсантов и купцов, предпринимателей и промышленников. Сейчас бывшие экономические историзмы вернулись в активный словарный запас русского языка и известны многим носителям русского языка. «Большой группой актуализированной лексики, – пишет Л. Ферм, – можно считать экономические термины, которые ранее находились на периферии языкового сознания большинства носителей языка: они употреблялись только специалистами, так как основную массу населения страны вопросы советской экономики не интересовали. Многие из актуализированных экономических терминов и понятий являются одновременно и актуализированными, и переориентированными, поскольку раньше они обозначали в основном только капиталистические реалии в дореволюционной России и на Западе.

Некоторые слова и словосочетания переживают второй период актуализации. Так, например, слово *карточка* и словосочетания с ним (*карточная система, отпуск продуктов по*

карточкам), появившиеся в годы после революции и ушедшие в пассив в конце 30-х годов, актуализировались в годы Великой Отечественной войны, когда опять была введена карточная система. Пробыв в пассиве с середины 50-х годов до конца 80-х годов, это слово опять вошло в активное употребление, так как реалья, им называемая, вновь стала фактом действительности. Только сейчас у слова *карточка* появился конкурент – *талон*» [Ферм, 1994].

Процесс возвращения в активное употребление экономической лексики тесно связан с изменением идеологических коннотаций, так как при перенесении западных и дореволюционных понятий на современную русскую почву изменилась одновременно оценочность многих из них.

Так, например, слово *банкир*, которое до революции означало владельца или крупного держателя акций банка и в России, и за рубежом, а после революции стало обозначать только зарубежную реалью, причём со скрытыми отрицательными коннотациями. Теперь *банкирами* называют владельцев банков и банковских служащих, занимающих в них высокие посты, и в России. При этом произошёл сдвиг в оценочности – от отрицательной до нейтральной.

Не все экономические единицы лексикона дореволюционной России перешли в современность. В отборе экономической лексики, так же как и в отборе общественно-политической лексики, – особенность, специфика нашей эпохи. Не всегда старые и долгое время функционировавшие в дореволюционной России экономические термины и лексические единицы возвращаются в современную речь. Это можно отнести к слову *купец*. Несовременность его очевидна: слово не утратило оттенка архаичности, оно употребляется очень редко или в кавычках, с иронией, как мы уже отмечали. Видимо, сказывается здесь и влияние русской классической литературы (произведений А.Н. Островского, например), в которых очень ярко и колоритно были изображены представители этого сословия.

«Современная периферийность слова [*купец*], – пишет В.Н. Шапошников, – диссонирует с бытованием других торговых обозначений человека, а также с установочными разговорами о российском возрождении, нередко понимаемом как рет-

ро-копийность устоев, на фоне полу-официальных полу-известных структур, как «Общество купцов» (*открытое недавно, пред. Гарцев*). Сходен с описанным статус слова *дело*. Сказанное относится и к отрицательным лингвистическим фактам. Например, в современной речи совершенно не активизировалось когда-то широко употреблявшееся слово *фабрикант*» [Шапошников, 1998, 122]. Заметим здесь, что давно нейтральными стали другие слова, обозначающие лиц, занятых в сфере экономики, производства, финансовой сферы. Это, например, кроме рассмотренного слова *банкир* такие лексические единицы, как *коммерсант*, *предприниматель*, *ресторатор* и другие.

В конце XX века эта лексика вернулась с периферии русского языкового сознания и обозначает реалии, соотносимые с экономической действительностью этого времени. В наше время лексические единицы экономической сферы дореволюционной России перестали быть историзмами по отношению к современной российской действительности.

2.14. Процессы хронологического характера в культурно-бытовой лексике русского языка

К лексике культурно-бытового характера относятся, в соответствии с классификацией, данной в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия», лексические единицы следующих тематических групп: массовая культура (в том числе молодёжная субкультура, музыка и т.д.); предметы одежды и головные уборы, аксессуары; ткани и материалы; кушанья и напитки; предметы и способы ухода за телом и лицом, косметика и т.д. Как уже отмечалось, самым заметным процессом в этих тематических группах стал процесс заимствования из иностранных языков (прежде всего из английского).

Можно говорить лишь о некоторых лексических единицах, которые скорее актуализировали своё значение в конце XX столетия (например, названия некоторых видов и элементов одежды: *боа*, *редингот* и некоторые другие слова).

В конце XX века произошли заметные изменения в русском речевом этикете. Рассмотрим их в этом параграфе, поскольку сфера речевого этикета очень близка к культуре бытового общения.

Изменения в русском речевом этикете коснулись больше всего некоторых форм обращения. В 90-е годы XX века из речевого общения было активно вытеснено слово *товарищ*, которое казалось знаковым для советской эпохи.

На смену слову *товарищ* пришло слово *господин*. В настоящее время обращения *господин / госпожа* не содержат элемент социальной отнесённости. Так сегодня принято обращаться, например, в публичной речи к государственным чиновникам, деятелям политики и культуры, к бизнесменам, к учёным и т.д. Сфера использования этих обращений постоянно расширяется.

Слово *господа/господин/госпожа* часто используется в письменной речи, в деловой переписке незнакомых людей и партнёров по бизнесу. Оно входит в состав обращений, являясь обязательным признаком вежливости в деловой сфере.

«Сегодня это обращение, – пишет М.В. Колтунова, – всё чаще звучит в публицистической речи, причём язык средств массовой информации часто переосмысливает его тематическое наполнение, придавая слову ироническое звучание (*господа коммунисты, господа безработные*). Политические обзоры, теледебаты, короткие газетные заметки и передовицы просто немыслимы сегодня без использования слов *господин – госпожа* как индекса вежливости при пофамильном обращении или назывании» [Колтунова, 1998, 98]. Слово *господин* имеет в русском языке достаточно долгую историю, в результате которой сложилось определённое значение. С XI века на Руси оно употреблялось как обращение к главе семьи, хозяину дома. Парное обращение *госпожа* имело значение *супруга, хозяйка*.

Постепенно эти значения уступили место значению, указывающему на социальный статус определённого лица. Этим словом в России обращались ко всем «имущим» людям, тем, у кого была крупная собственность.

В конце XIX – начале XX века обращение *господин* всё чаще используется как официальное при обращении ко всем гражданам, включая многочисленных чиновников. Чаще всего

форма единственного числа не применялась самостоятельно, а только с фамилией, званием или должностью: *господин офицер, господин губернатор*. Эта особенность характерна и для наших дней: *господин президент, господин ведущий, господин Иванов*. Форма множественного числа *господа, дамы и господа* использовалась раньше и используется сейчас при обращении к публике в торжественных и официальных случаях. В устной диалогической речи обращение *господин* звучит достаточно редко (в ситуации официального общения, при знакомстве, общении с малознакомым человеком и т.д.).

Форма *господин*, бывшая широкоупотребительной в России до Октябрьской революции 1917 года, вновь заняла своё место в русском речевом этикете. М.В. Колтунова пишет об этих изменениях: «Эпохи социальных сдвигов отражаются, прежде всего, на лексике этикетной, социально осмысленной, а после революции 1917 года ещё и идеологизированной. *Господа – граждане – товарищи – господа* – по такому кругу движется общественное сознание в XX веке, отбрасывая одну устаревшую формулу обращения и заменяя её другой» [Колтунова, 1998, 98].

Таким образом, в новых социальных условиях конца XX века некоторые традиции русского речевого этикета возрождаются.

2.15. Церковно-религиозная лексика русского языка в XX столетии

Русская церковно-религиозная лексика, имеющая тысячелетнюю историю и давно ставшая своеобразным отражением нравственной основы русской культуры и традиционного сознания народа, в XX веке неоднократно претерпевала существенные изменения, трансформировалась и переосмысливалась, подвергалась запретам, вытеснялась из употребления и возвращалась вновь.

Церковно-религиозная лексика к началу XX века отражала важнейший пласт русской культуры. «В прошлом вся жизнь человека, – пишет Г.Н. Складарская, – от рождения до смерти, была наполнена содержанием, отражающим мир православия и

религиозно-церковной жизни. Простейшие богословские понятия, евангельские сюжеты, знания об устройстве православного храма и особенностях православного богослужения, имена почитаемых святых, названия чудотворных икон, наименования церковной иерархии и т.д. – эти понятия пронизывали языковое сознание человека, формировали его нравственные ориентиры, а церковные обряды и годовой и недельный круги богослужения упорядочивали жизнь» [Скляревская, 2000, 3]. Церковно-религиозная лексика и её история в последнее время всё чаще становится объектом исследования лингвистов [Е.М. Верещагин, Г.Н. Скляревская, И.В. Бугаева, Е.С. Копорская, Ю.Н. Михайлова, А.Д. Шмелёв и другие ученые]. В тесной взаимосвязи лингвистического и религиозно-просветительского аспектов рассматривает церковно-религиозную лексику К.А. Тимофеев, по мнению которого при анализе семантики важно определить «место обозначаемого этим словом понятия в системе религиозного мировоззрения» [Тимофеев, 2001, Интернет-ресурсы]. Помимо лексико-семантических групп, связанных с церковно-религиозной тематикой, описываются концепты *Бог, ангел, благодетель, душа, вера, грех* и другие в современной русской языковой картине мира.

Основу церковно-религиозной лексики составляет общеупотребительная лексика, а ядро – специальная. Поскольку русская церковно-религиозная лексика формировалась на протяжении долгого времени, по своему происхождению она не однородна. По своему происхождению церковно-религиозные лексические единицы относятся к собственно русским словам (*обедня, вечерня*), церковнославянизмам (*агнец, лик, братия*), грецизмам (*елей, литургия*), латинизмам (*секта, семинария, алтарь*), гебраизмам (*аллилуйя, аминь*). В церковно-религиозном словаре есть также общеупотребительные слова, которые могут приобретать новые значения (*правило, часы*), развивают дополнительные переносные значения (*служба, приложиться, записка*), меняют коннотативное значение (*прелесть, тварь, пассия*).

Церковно-религиозная лексика современного русского языка представлена следующими тематическими группами слов:

1. Церковь и элементы её внутреннего устройства: *крест, алтарь, иконостас, клирос, распятие*, предметы церковного богослужения: *колокол, лампада, ладан, просфора, паникадило*.

2. Наименования священников и церковных служителей: *духовенство, патриарх, священник, архимандрит, владыка*.

3. Названия одежды и элементов одежды священников и церковных служителей: *митра, ряса, стихарь, клобук*.

4. Церковные праздники и события церковного календаря: *Пасха, Рождество, Благовещение, Великий Пост, Страстная Пятница, Лазарева суббота, Духов день*.

5. Таинства, формы и элементы богослужения: *молитва, евхаристия причащение, исповедь, венчание, отпевание, соборование, проповедь*. Действия верующих: *молиться, благословить, перекреститься, целовать крест, поставить свечку, простить грехи, святить, служить*.

6. Именования Бога, Богородицы, Иисуса Христа и святых: *Бог, Господь, Творец, Бог-Отец, Бог-Сын, Святой Дух, Троица, Николай Чудотворец, Серафим Саровский*.

7. Важнейшие богословские понятия: *откровение, спасение, рай, провидение, грех, блаженство*.

8. Наименования религиозных учебных заведений и их учащихся: *духовная академия, духовная семинария, семинарист*.

9. Названия предметов монастырской жизни, наименования её представителей: *братия, монастырь, монах, монахиня, инок, инокиня, насельник, послушник*.

10. Терминология церковного искусства: *иконописец, личник, стихира, иконописный подлинник, регент*.

11. Устойчивые словосочетания церковно-религиозной сферы, этикетные формулы: *Христос Воскресе! Христа ради, братья и сестры, братья во Христе*.

«Церковная терминология, – по мнению И.В. Бугаевой, – лишь отчасти отвечает требованиям, обязательным для терминосистем. Она, в отличие от научной, технической, юридической, дипломатической и других видов терминологии, характеризуется наличием символических созначений. Как сами предметы, так и слова, их обозначающие, наделены глубоким сим-

волическим богословским и нравственным смыслом, что требует специального описания.

Богословская терминология и религиозная лексика относятся как часть к целому. Богословская терминология – это термины, которыми оперирует теология как наука, религиозная лексика включает в себя, помимо богословских терминов, обиходную религиозную лексику нетерминологического характера, представленную церковнославянизмами, историзмами, архаизмами и т.д.» [Бугаева, 2008, 152].

Церковно-религиозная лексика, как и в целом лексика национального языка, развивается. Объясняется это лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Большую часть церковно-религиозной лексики составляет лексика церковнославянского языка, о влиянии которого на русский язык писалось много. «По подсчётам академиков А.А. Шахматова и Л.В. Щербы, более 55% его элементов (слова и словосочетания, грамматические категории и синтаксические конструкции, буквы и т.п.) – «церковнославянизмы» [Журавлёв, 2002, 35]. С прекращением гонений на религию, активизацией роли Церкви в общественной жизни значительный пласт религиозной лексики с конца XX века постепенно возвращался к активному употреблению сначала среди верующих, а затем стал проникать и в другие сферы. Эта лексика в словарях середины XX века помечалась как *устаревшая, историзмы и архаизмы*.

Словари русского языка конца XX – начала XXI века фиксируют большое количество «возвращённой» церковно-религиозной лексики. Не случайно и то, что в период с конца восьмидесятых годов XX века было издано множество энциклопедий, словарей, целью которых является главным образом разъяснение православных понятий и терминов. В этом в тот период была насущная необходимость, потому что люди часто не понимали значений уже часто употребляющихся слов, поэтому требовались разъяснения и комментарии. «В русской истории за годы советской власти эта лексика была отодвинута на периферию лексической системы и практически вытеснена из языкового сознания людей, – пишет автор «Словаря православной церковной культуры» Г.Н. Складарская. – Словарь ставит своей задачей в какой-то мере восстановить этот массив лекси-

ки, один из важнейших в русской культуре и духовной жизни русского народа» [Скляревская, 2000, 5].

Следующие наблюдения А. и Т. Фесенко, С.Г. Тер-Минасовой, Е.М. Верещагина иллюстрируют приведённые выше слова Г.Н. Скляревской:

1. «Очень показательна статья, появившаяся в «Комсомольской правде» от 22 октября 1937 г. под названием «Исчезнувшие понятия». В ней сообщалось, что учащиеся младших классов пяти московских школ были опрошены, как они понимают смысл двадцати восьми слов, употреблявшихся в прошлом. Оказалось, что дети, за исключением одного-двух, и то давших неправильные ответы, не смогли объяснить, что означают слова «дворянин», «надворный советник», «кутузка» и т.д.

Что касается религиозного комплекса, то поскольку этот опрос был проведён до восстановления относительной свободы религии (со времени войны 1941 – 45 гг.), подавляющему большинству детей эти слова были совершенно неизвестны. Так, слова «исповедь» и «мощи» были непонятны всем детям, кроме одного школьника, заявившего, что «мощи – это сушёный поп». В статье приводятся ответы в тех исключительных случаях, когда кто-либо из детей смог ответить на заданный вопрос:

Рай – 1) Это птичник; 2) Там, где тепло, санаторий такой.

Грех – 1) Не знаю. Грех – знаю. 2) Грех – это пугают, чтоб не баловались.

Нечистый дух – Это когда в комнате много грязных дядек и курят.

Крестный ход – Машина скорой помощи, которая возит больных.

Слово «пост» ассоциировалось во всех ответах только с пограничником или милиционером» [Фесенко, 1955, 205–206].

Отметим характерное название статьи – «*Исчезнувшие понятия*».

2. «По свидетельству В.Г. Гака, его жена преподавала испанский язык в советское время учителям русского как иностранного. Когда она дала им в качестве лексического материала слова *добродетель, милосердие, благородство*, некоторые возмутились: «Зачем нам эти устаревшие слова?!» (Из беседы

на встрече ветеранов Великой Отечественной войны факультета иностранных языков МГУ) [Тер-Минасова, 2007, 126].

Данное наблюдение относится к 1960-м годам и свидетельствует о восприятии носителями русского языка слов духовной сферы как устаревших (а речь идёт о специалистах в области русского языка).

3. «Жестокая идеологическая борьба, с другой стороны, не осталась без последствий для хранительно-мемориальной функции языка. С течением времени отдельные конкретные звенья могут не только ослабевать, но и вообще утрачиваться. Если какое-либо слово или какая-либо смысловая доля из лексического фонда на протяжении десятилетий не поддерживаются, они могут быть потеряны.

В начале 1990-х гг. автор данных строк принял участие в проведённом с исследовательскими целями интервьюировании студентов московских вузов (естественно-научного профиля): надлежало выяснить, как понимается церковнославянского происхождения русская лексика, называющая некоторые этические понятия. По инструкции требовалось привести житейскую ситуацию, которую можно было бы подытожить («припечатать») словом-стимулом. Так, было предъявлено слово *самоотверженность*. Воспроизводим один из развёрнутых ответов: «Ну, это когда какой-то человек своей выгоды не понимает. Видит, что можно подзаработать, а не пользуется. Может деньги отдать, а не спросит никогда. У самого хлеба нет, попросишь – даст. Голодный сидеть будет. Есть у нас в общежитии одна такая. Может, баптистка? Недавно у неё соседка деньги из-под подушки потянула, а она ничего. Даже не ругалась. Дура! Вот вам – *самоотверженная!*».

Аналогичные ассоциации были обнаружены и по отношению к другим этически важным словам – таким, как *великодушие*, *покаяние*, *раскаяние*, *искренность*, *долготерпение*, *кротость*, *смирение*, *благоворительность* и т.д.

Курьёзная реакция на слово-стимул *крестоношение* описана в книге Е.М. Верещагина «Русский язык и российское православие: общелингвистическая проблематика» [Верещагин, 2007, 40–42]. (Среди испытуемых не нашлось никого, кто ранее слышал бы это слово, поэтому смысловые догадки высказыва-

лись, исходя из прямого смысла двух соединённых слов: «Крестоношение? Наверно, когда кто-то крест на шее носит. Сейчас оно стало модным, почти все девчонки крестоношением занимаются. Вот у меня крест есть, но я одеваю его, когда платье открытое».)

Таким образом, духовное господство тоталитарного богоробоческого государства, конечно, сказалось на семантике русского языка. Нет необходимости ещё раз указывать на нравственные утраты, проистекшие из проповеди классово-морали.

После 1988 года Церковь постепенно обретает свои старые позиции в обществе, и есть надежда, что традиционные православные смыслы возвратятся и в язык. Кое-кто при этом, конечно, задаётся вопросом, содержащим подвох: а как же быть со светским характером государства, закреплённым в Конституции? Вера и Церковь как её выразительница, безусловно, могут быть отделены от государства, но отделять их от общества — невозможно, как показывает советский опыт, и не нужно» [Верещагин, 2007, 40 – 42].

Протоиерей Владимир Фёдоров в предисловии к упоминаемому выше «Словарю православной церковной культуры» Г.Н. Складьевской отмечает: «Сегодня в сфере церковно-богословской культуры и, в частности, языка остро чувствуется печальное наследие прошедших десятилетий. Речь идёт о последствиях разрыва гуманитарной церковной и светской культуры».

Словарь, несомненно, будет служить звеном, способствующим восстановлению этой связи. Автор «Словаря...» не только учёный-лингвист, но и человек, внутренний мир которого настроен на широту и глубину восприятия церковно-богословских понятий, требующих богатого собственного опыта духовной жизни и определённой осторожности (смирения) в их толковании. Сотрудничество автора с профессиональными богословами обеспечивает «Словарю...» солидность и надёжность. Необходимость предлагаемого «Словаря...» столь очевидна, что имеет смысл как можно скорее опубликовать его первую версию и продолжить работу над следующей» [Складьевская, 2000, 3–4].

2.16. Вопрос о степени устарелости церковно-религиозной лексики русского языка в конце XX века

Актуальным и правомерным можно считать вопрос об отнесении большой группы слов церковно-религиозной лексики к устаревшей и о степени её устарелости. Стала ли церковно-религиозная лексика к концу XX века окончательно устаревшей? К устаревшей в XX веке относили большую часть церковно-религиозной лексики на том основании, что после Октябрьской революции 1917 года она ушла в пассивный запас, сохранившись, как писал С.И. Ожегов, «только в узком кругу верующих и в профессиональной речи духовенства» [Ожегов, 1953, 80].

Н.С. Кононова в монографии «Архаичная лексика и фразеология в её экспрессивно-стилистической функции в произведениях Н.С. Лескова» [Саратов, 1966] в качестве архаичной рассматривает религиозную и церковнославянскую лексику и фразеологию, в том числе и широко распространённую (*ангел, душа* и т.п.). З.Ф. Белянская, анализируя состояние церковно-религиозной лексики в 1970-е годы, пишет, что «целесообразнее считать определённую часть церковной лексики разрядом устаревающей лексики, примыкающей к историзмам, но окончательно ими не ставшей» [Белянская, 1978, 172]. А другую часть устаревших слов исследовательница характеризует как «уже историзмы».

«Толковые словари русского языка, – пишет О.Н. Емельянова, – как правило, церковно-религиозную лексику сопровождают пометой «устар.». Существуют трудности и в размежевании высоких и поэтических слов, с одной стороны, и устаревшей лексики – с другой. Часто ввиду того, что поэтическая лексика имеет очень узкие границы, её относят к лексике устаревшей. Возможно, это происходит и потому, что устарелость чаще всего коррелирует с высоким стилем и специальными областями общения» [Емельянова 2004, 48].

О влиянии временной характеристики на стилистические качества слова пишет Г.Н. Складарская: «Известно, что устаре-

лые слова, воспринимаемые как архаизмы, обладают способностью придавать речи торжественную окраску некоторой подчёркнутой книжности, изысканности».

Е.В. Ковалёва ставит вопрос об отнесении церковнославянской лексики к разряду устарелой и выражает своё мнение по данному вопросу следующим образом: «Мы не склонны относить церковнославянизмы к устарелой лексике» [Ковалёва, 1996, 7].

Таким образом, уже к середине XX века в лексические единицы церковно-религиозной сферы имели некоторый отенок архаичности. Об этом говорят и наблюдения над русской речью в разные периоды XX века и исследования лексикологов. Можно также говорить о некотором элементе устарелости и в группах слов, близких к церковно-религиозной лексике: относящихся к философии (немарксистская философия, религиозная философия и т.д.), этике и т.д. Религиозное мировосприятие не могло противостоять атеистической пропаганде, поэтому при возобновившейся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века церковной жизни её лексика по-прежнему входила в категорию устаревшей: в этом проявлялся идеологический подход к данной группе слов.

Таким образом, деархаизированная лексическая единица церковно-религиозной сферы – каждое слово (в большей или меньшей степени), к ней относящееся. Поскольку церковь и религия были «объявлены» устаревшими и несовременными, то предполагалось, что соответствующие тематические группы лексики должны были перейти в пассивный запас языка.

2.17. Архаизация и деархаизация церковно-религиозной лексики в XX веке

Вторая половина 20-х – 30-е годы XX века характеризуются активно нарастающим давлением на церковь и её служителей, репрессиями по отношению к духовенству и верующим, грубой антирелигиозной агитацией. В СССР планомерно осуществлялось вытеснение из сознания людей традиционных верований: были запрещены духовное просвещение, православ-

ные церковные праздники, исчезала обрядность. Церковно-религиозная сфера была объявлена несовременной. «Пережиток прошлого» – одна из ключевых характеристик этого времени всего, что связано с религией и церковью. Активно и сознательно проводимые в советское время атеистические мероприятия наложили запрет на лексику религиозную и церковную. Авторы толковых словарей этого времени обязаны были подчеркнуть несовременность, «пережиточность», ограниченность употребления такой лексики.

Приведём примеры толкования слов некоторыми словарями середины XX века.

1. *Успение* – 2. *Церковный праздник в память смерти богородицы* (15 августа ст. стиля). – БАС, т. 16.

Словарная статья содержит дату празднования только по старому стилю, хотя к моменту издания словаря страна не один десяток лет жила по новому календарю.

2. *Православие – христианское вероучение, сложившееся в Византии, в отличие от господствующего на Западе католицизма, являвшееся официальной религией в России.* – БАС, т. 11).

В словарной статье использовано причастие прошедшего времени, также подчёркивавшее несовременность обозначаемого понятия.

Н.А. Купина отмечает, что в толковых словарях XX века «философская константа как компонент идеологии примитивизируется. В Толковом словаре Д.Н. Ушакова используются постоянные определители, отмечающие единственно верный мировоззренческий выбор (*марксистский, материалистический, общественно-политический, идейный*), регулярные семантические сопроводители (слово *борьба*, лексика с семой *агрессия, удар, нападение, кампания*), а также пометы *бурж., кап., зап., англ.* и т.п. Наблюдается тенденция к трансформации семантики философской в семантику политическую. Религиозная константа как компонент идеологии вытесняются в словарях с помощью помет типа *устар., дореволюц.*, а также идеологических добавок «антинародная», «не проверенная данными науки» [Купина, 1995, 43].

Толкование слова *религия* в словарях приближает понятие *религия* к понятиям *фантастика*, *мистика*. Иллюстрация значения слова *религия* способствует формированию оценочного восприятия всего религиозного как чуждого, вредного, разрушительного. Знаменитое изречение К. Маркса «Религия есть опиум для народа» в интерпретации В.И. Ленина исключает религию из сферы духовной жизни народа, становится самостоятельной идеологией.

Религия – 1. Мироззрение, несовместимое с научным миропониманием, основанное на вере в существование бога, сверхъестественных сил, управляющих миром. Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Ленин. Социализм и религия. 2. перен. То, чему поклоняются, во что слепо верят. *Религия труда, стремление отдать всю жизнь на благо Родины служат теми звеньями, которые объединяют все поколения семьи Стасовых* [МАС, т. 3. 704].

Слово *православный* в значении существительного в Словаре Ушакова трактуется как устаревшее, а в МАС – следующим образом:

Православный – 2. Исповедующий православие. *Православие* – одно из главных и старейших направлений в христианстве, сложившееся в Византии и являвшееся официальной религией в дореволюционной России [МАС, т.3, 355].

Толкование слова *православный* как *исповедующий православие* с современной точки зрения вполне нейтрально, но временная характеристика (*в дореволюционной России*) содержится в толковании слова *православие*, через которое оно определяется. Следовательно, и слово *православный* (относящийся к дореволюционной России) должно было восприниматься как имеющее оттенок архаичности

Лексема *религиозный* используются авторами словарей в значении «вымышленный» (например, в толкованиях лексем *ангел*, *архангел*, *чудотворец*, *рай*, *воскресить*, *ад*). Составители толковых словарей советского времени, постоянно соединяя, взаимозаменяя названные лексические единицы, способствовали их семантическому отождествлению, синонимизации.

В советское время в толковых словарях и словарях-справочниках появились сложные определения типа *религиозно-мистический*, *религиозно-мифический*, с помощью которых осуществлялась пропаганда, борьба с религиозным мировоззрением как устаревшим, пережиточным. В словарях конца XX века подобные определения отсутствуют. Пометы *религиозный*, *в религии*, *в христианстве* имеют в новых словарях не идеологический, а скорее культурологический характер.

Лексические единицы церковно-религиозной лексики оценивались в словарях середины XX века с позиции *правдоподобности/ неправдоподобности*, *достоверности/ недостоверности* существования объекта толкования. В толкования регулярно включаются слова и словосочетания, со значением «сомнение в достоверности существования объекта»: *якобы*, *как бы*, *будто бы*, *так называемый*, *считаемый*. Таким образом, вся дефиниция, включавшая любой из этих показателей, приобретала оттенок недостоверности, неправдоподобности. Целью такого толкования было навязывание атеистического мировоззрения, соответствующего государственной идеологии того времени, исключение самих церковно-религиозных понятий из употребления как устаревших и ненужных.

Специальные справочные издания атеистического характера, регулярно издававшиеся в советское время, использовали многочисленные языковые приёмы, «вытесняющие» сами понятия из сферы современной жизни. Например, в следующей статье «Словаря атеиста» использованы слова и словосочетания *якобы*, *по церковной легенде*, передающие оттенок значения неправдоподобности, мифичности, недоверия, а слово *заступник* заключено в кавычки:

Вознесение – христианский праздник; в православной церкви относится к числу двенадцатых православных праздников. Отмечается на 40-й день после Пасхи, когда, *по церковной легенде*, воскресший Иисус Христос *якобы* вознёсся на небо. Истоки легенды о вознесении лежат в религии древних финикийцев, древнегреческой религии, иудаизме и др. В христианстве праздник Вознесения был официально установлен в 6 веке. Церковь *использует* его для того, *чтобы внушить верующим* мысль о незримом участии во всех земных делах нахо-

дящегося на небе Иисуса Христа, являющегося «заступником» тех, кто следует его заветам, исполняет предписания церкви, ведёт христианский образ жизни [Словарь атеиста, 515].

Толкование слова *Бог* в Словаре Д.Н. Ушакова также соответствует идеологическим задачам советского времени. «*Бог* – зват. (устар.) боже – по религиозному представлению: верховное существо, сотворившее мир и управляющее им, или (при многобожии) одно из таких существ» [МАС, т. 1, 100].

Антирелигиозный пафос интерпретации толкования лексической единицы *Бог* имеет идеологическую окрашенность, поддерживаемую иллюстрацией значения, в толковании которого акцентируется нереальность существования Бога, декларируется как устаревшая, вредная для трудящихся, отвлекающая их от классовой борьбы, без которой не мыслилось существование пролетариата. В церковно-религиозном мировоззрении понятия *Бог* и *создатель* идентичны. После Октябрьской революции 1917 года и особенно после смерти В.И. Ленина основное значение слова *создатель* стали связывать не с Богом, а с именем вождя. Именно В.И. Ленин в новой советской идеологии должен был восприниматься как *создатель*. Значение же «Бог как творец мира» толкуется как вторичное и устаревшее: *Создатель* – 1. Тот, кто создал что-нибудь. Создатель учения. Создатель теории. 21 января 1924 г. *В Горках, под Москвой, умер наш вождь и учитель, создатель большевистской партии Ленин. История ВКП (б)*. 2. Бог как творец мира (*книжн., устар., религ.*).

В Словаре русского языка (МАС) эта точка зрения уже не так ярко выражена.

Создатель – 1. Тот, кто создал что-л., творец. 2. рел. Бог как творец мира [МАС, т.4, 183].

Как мы говорили ранее, толкование лексики, относящейся к религиозной сфере, сопровождается особыми характеристиками идеологического характера: *фантастический, мистический, неистинный, недостоверный*.

Верить 2. в кого-что и чему. Быть убеждённым в реальном существовании религиозных или иных фантастических представлений, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью [ТСУ].

Верить – 1. Иметь твёрдую уверенность, быть убеждённым в чём-л. (в неизбежности, правильности, успехе и т.п. чего-л.). 2. Быть религиозным, веровать. 3. Принимать за истину, полагать что-л. Существующим в действительности, соответствующим действительности [МАС, т. 1].

Возникают характерные пометы (*принятое церковью, религ., церк., у верующих, по преданию*), также имеющие идеологическую направленность: они «отделяют», «отдаляют» пользователей словарей от понятий, обозначаемых данными лексическими единицами.

Таким образом, религиозные начала должны отрываться от нравственных:

Грех – 1. У верующих – нарушение религиозно-нравственных предписаний; Греховный (устар.) – исполненный грехов;

Грех – 1. У верующих: нарушение религиозно-нравственных предписаний. Замолить грех. Впасть в грех. 2. Предосудительный поступок, ошибка. Грехи молодости. 3. разг. Предосудительно, нехорошо, грешно. Грех тебе так горько упрекать отца родного [МАС, т. 1, 346].

Безбожник – член антирелигиозного общества, лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (нов.). 2. Употреблялось как бранное слово в значении дурной, озорной человек (устар.).

Великомученик (церк.) – принятое православной церковью наименование святого из числа тех, которые по преданию перенесли особо тяжкие мучения за веру.

Вера – перен. Мировоззрение, направление в общественной жизни, науке, искусстве (книжн., шутол.). Он изменил католической вере и стал гегельянцем.

Вера – 1. Твёрдая убеждённость, уверенность в чём-л., в исполнении чего-л. 2. Состояние сознания, связанное с признанием существования бога, убеждение в реальном существовании чего-л. сверхъестественного. 3. устар. и разг. Доверие [МАС, т.1, 149].

Помета *церк.* соединяется с пометой *презр.*, а политизированные иллюстрации значения уничтожают первичный смысл, способствуют появлению только отрицательных коннотаций. Пометы *церк., т. наз.* фактически вытесняют из обихода все

православные праздники как несоветские, несовременные, отмирающие:

Крещение – 2. Один из главных (двунадесятых) праздников у православных христиан (церк.) [ТСУ, т.1, 1513].

Крещение – 1. Христианский обряд, совершаемый над новорождённым, а также над взрослыми людьми, принимающими христианство. 2. Первое испытание в чём-л., на каком-л. поприще. 3. Один из церковных праздников [МАС, т.2, 128].

Пасха – 1. Весенний религиозный праздник у евреев, посвящённый легендарному выходу евреев из Египта и избавлению от египетского рабства; 2. Христианский праздник, посвящённый так называемому воскресению Христа; 3. Кушанье из творога, изготовляемое в форме небольшой широкой четырёхгранной пирамиды ко дню этого праздника [ТСУ, т. 3, 64].

Пасха – 1. Весенний иудейский религиозный праздник. 2. Христианский праздник, посвящённый воскресению мифического основателя христианства – Христа. 3. Сладкое кушанье из творога в форме небольшой четырёхугольной пирамиды, изготовляемое ко дню этого христианского праздника [МАС, т. 3, 31].

Таким образом, перечисленные выше приёмы, использовавшиеся в словарях и справочниках советского времени, способствовали отдалению слов церковно-религиозной сферы от реальности.

2.18. Семантические изменения в церковно-религиозной лексике русского языка в XX веке

После Октябрьской революции 1917 года решающее влияние на русскую церковно-религиозную лексику оказал, как отмечалось, идеологический фактор. За годы советской власти, когда атеизм был важнейшей составляющей государственной политики, эта лексика была различными запретительными мерами отодвинута на периферию лексической системы русского языка и практически вытеснена из языкового сознания людей как ненужная и несовременная. После Октябрьской революции

и в первые послереволюционные десятилетия в пассивный запас было переведено большое количество слов этой темы, ранее активно употреблявшихся. Конечно, это не могло не отразиться на состоянии лексической системы русского языка, на состоянии культуры русской речи.

«Борьба с Церковью в сов. России, — писал А.Л. Бем, — и насаждение безбожия имело своим следствием оскудение русского языка, подрыв в нем одного из существенных элементов, связанного с наследием вековой греко-болгарской культуры. Это обеднение языка находится в прямой связи с ослаблением Церкви, являвшейся на протяжении вековой истории России носительницей и охранительницей церковной струи русского литературного языка... Косноязычие зощенковских героев — это не просто стилистический приём, а отражение действительности» [Бем, 1944, 65]. Однако духовная сфера не относится к сферам человеческой жизнедеятельности, которые изменяются очень быстро. Она сохраняется в культурной памяти народа. Она наиболее консервативна и достаточно постоянна. Как часть культуры церковно-религиозная сфера является основой преемственности целых поколений народа.

В первой трети XX века после объявления церкви и религии в России пережитком прошлого большая часть словаря этой темы была переведена в пассивный запас, поэтому дальнейшее развитие религиозной лексики в советской России (как и религиозной литературы, в целом) должно было стать делом узкоспециальным, церковным.

В рамках литературного языка в послеоктябрьские десятилетия характерным можно назвать процесс семантического расширения и смещения при этом акцентов в сторону «светского» значения (например, в таких словах, как *святой*, *священный*, *паломник*, *юродивый* и др.).

Слово *святой* так представлено в Толковом словаре Д.Н. Ушакова:

Святой

1. В религиозных представлениях — обладающий абсолютным совершенством и чистотой, божественный (*религ.*). Святой дух. Святая церковь.

2. В тех же представлениях – праведный, непорочный, отвечающий религиозному идеалу (религ.). Святой человек.

3. В христианском культе – человек, проведший свою жизнь в защите интересов церкви и религии и после смерти признанный непререкаемым образцом христианской жизни и покровителем верующих (церк.). Культ святых.

4. В христианском культе – прил., по знач. связанное с таким человеком (церк.).

5. Иконы с изображением таких людей (простореч., устар.).

6. В христианском культе – наделённый божественной благодатью, являющийся источником божественной силы (церк.). Святая вода.

7. перен. Проникнутый чем-н. высоким, возвышенный, идеальный (поэтич., устар.). // Истинный, великий, величественный по своим задачам, исключительный по важности (книжн., торж.). Коммунисты, действуйте совместно с беспартийными трудящимися. Организуйте дружный блок для общего и святого дела, для выборов высших органов своей родной советской власти. Молотов. Защита социалистического отечества – святая обязанность трудящихся. Святой долг. Святое дело [ТСУ, т. 4, 109–110].

После семи значений с характерными пометами и комментариями даётся новое значение, соответствующее советской идеологии и приводятся примеры. В Словаре В.И. Даля к слову *святой* даётся следующее толкование:

Святой – Духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; всё, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный. Святая Пасха [Словарь В.И. Даля, т. 4, 161–162].

Слово *священный* тоже приобретает новое значение, отмеченное в Толковом словаре Д.Н. Ушакова:

1. Обладающий святостью, признаваемый божественным (церк.). Священное Писание.

2. Связанный с религиозным культом, относящийся к богослужению (церк.). Священные гимны.

3. Оправдываемый религией, соответствующий религиозно-нравственному идеалу (*церк., ритор.*). Священные войны.

4. *перен.* Необычайный, возвышенный, как бы мистический (*поэт., устар., иногда ирон.*).

5. Дорогой, заветный [ТСУ, т. 4, 112], которого нет в Словаре В.И. Даля.

Слово *паломник* [от лат. palma – пальма] в Толковом словаре Д.Н. Ушакова фиксируется с новым, совершенно светским значением:

1. Богомолец, странствующий по так называемым святым местам (от обычая привозить из Иерусалима пальмовую ветвь; *истор.*).

2. В *древнерусской литературе* – название книг, описывающих путешествия по таким местам (*истор. лит.*).

3. *перен.* Тот, кто приходит преимущественно в массу для посещения каких-н. достопримечательных мест или людей. К Льву Толстому в Ясную Поляну являлись отовсюду многочисленные паломники [ТСУ, т. 3, 25], которого также нет в Словаре В.И. Даля:

Паломник

Богомолец, калика, бывший на поклонении у Гроба Господня. Паломничанье было встарь в общем обычае [Словарь В.И. Даля, т. 3, 13].

Сравним также толкование слова *юродивый* в этих словарях. *Глуповатый* в словаре советского времени и *божевольный* в словаре В.И. Даля.

Юродивый [ТСУ, т. 4, 1448]

1. Глуповатый, чудаковатый, безумный.

2. В знач. сущ. – Христианский аскет-безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром пророчества.

Юродивый [Словарь В.И. Даля, т. 4, 669]

Безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ считает юродивых Божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвиденье; церковь же признаёт и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства.

В Словаре середины XX века лексема *благоверный* толкуется как муж (*благоверная – жена*), с пометой шутол. [Ожегов, 1977, 48]. В словаре Г.Н. Скляревской: «*Благоверный – царь или князь, способствовавшие укреплению Православия и причисленные церковью к лику святых. Благоверный князь Александр Невский* [Скляревская, 2000, 32].

Слова, сузившие своё значение, такие, как *милосердие, послушание, благотворительность* в советское время употреблялись редко. Для советского времени характерно различное употребление церковно-религиозной лексики в церковном и светском общении.

В постсоветское время, характеризующееся описанными процессами, появляется большое количество изданий соответствующей тематики и в том числе газет и журналов.

Контрольные вопросы

1. В чём состоит особенность развития русского языка в XX веке?
2. В каких тематических группах лексики произошли особо значимые изменения в этот период?
3. В чём состоит взаимосвязь динамики культуры и развития языка?
4. Какие исторические эпохи характеризуются особым влиянием на развитие русского языка?
5. Какие активные процессы в лексике русского языка характерны для Петровской эпохи?
6. Как повлияла Октябрьская революция 1917 года на развитие русского языка?
7. Как общественно-историческая ситуация конца XX века отразилась в лексике русского языка?
8. Как толковые словари русского языка XX века отразили активные процессы в лексике русского языка?
9. Какие примеры перемещения ресурсов активного и пассивного запасов русского языка в XX веке можно привести?
10. Как проявились в лексике русского языка процессы лексической архаизации и деархаизации?

Глава 3

УПОТРЕБЛЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЕДИНИЦ В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

3.1. Три тенденции в социокультурной реальности современной России и их языковое воплощение

Со второй половины 80-х годов XX века в России началось интенсивное изменение социокультурной реальности. Оно было связано с отказом от свойственной социалистическому обществу системы ценностей и от организации политической, экономической и культурной жизни на социалистических принципах. Всё это было объявлено бесперспективным, несовременным, неестественным и ведущим в тупик истории, уводящим, как говорили в то время, в сторону от столбовой дороги мировой цивилизации, от магистрального пути развития. Альтернативой, ведущей к успеху, прогрессу и процветанию нашей страны, мыслилось обращение к системе ценностей, свойственной странам Западной Европы и Северной Америки (прежде всего США) и к существующей в этих странах организации политической, экономической и культурной жизни. А это принципиально отличный от характерного для нашей страны тип социокультурной реальности. В конце 80-х – середине 90-х годов XX века считалось, что основная задача нашей страны – перенести на нашу почву свойственную странам Запада систему ценностей, скопировать, механически перенести в нашу реальность выработанные в государствах Западной Европы и Северной Америки (прежде всего в США) способы организации политической, экономической, культурной и даже частной жиз-

ни людей, с тем чтобы обеспечить нам успешное будущее, благополучие и процветание. В отечественную действительность была привнесена западная система ценностей, которая не просто кардинально отличалась от системы ценностей, на протяжении веков выработанной нашей родной культурой, но и в ряде случаев была абсолютно чуждой, инородной, принципиально не совместимой с нашей культурой. Заимствованная на Западе система ценностей сопровождала организацию экономической, политической, культурной и личной жизни людей по западным стандартам. И всё это имело своё языковое воплощение: вместе с заимствованными на Западе ценностями и способами организациями всех основных сфер жизни пришли лексические единицы, именованные отсутствовавшие в нашей реальности понятия либо дававшие иное название тому, что было в нашей жизни и для обозначения чего использовались русские или давно заимствованные русским языком и в силу этого воспринимаемые уже как русские слова. Тенденция организации экономической жизни на свойственных странам Запада началах оказалось весьма устойчивой, поэтому и в наши дни в практике современной российской общественной коммуникации представлены английские лексические единицы, именующие те или иные реалии производственной и торговой деятельности. В качестве примеров можно привести слова «sale» (значение 'распродажа'); «trade-in» / «трейд-ин» (значение 'обмен старого товара на новый однотипный'); «cashback» / «кэшбэк» (значение 'возврат на банковскую карту части денежных средств, затраченных на покупку товара или на оплату услуги') и целый ряд других слов.

Обращение к лексическому ресурсу германских и романских языков при наименовании учреждений торговли и общественного питания стало одним из ярких языковых воплощений тенденции к воспроизведению способов организации экономической и культурной жизни на российской почве, что будет подробно рассмотрено в настоящем разделе пособия.

Как было отмечено выше, в конце 80-х годов и в 90-е годы XX века в России возобладала точка зрения, в соответствии с которой организация жизни на социалистических началах признавалась ошибочной, неправильной, неестественной, абсо-

лютно бесперспективной и, следовательно, требовавшей демонстража и замены тем, что приведёт нашу страну к успеху, прогрессу и процветанию. Доминировала мысль о том, что спасительной альтернативой является выработанная в странах Запада система политической, экономической и культурной жизни. Но была и иная точка зрения: альтернатива социалистической организации жизни виделась как возврат к тем типам организации политической, экономической и культурной сфер нашего общественного бытия, которые существовали в России до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Считалось, что это естественно и органично для нашей страны. И у данной идейной тенденции было своё языковое воплощение, наиболее ярким проявлением которого стало демонстративное написание слов, заканчивающихся твёрдыми согласными фонемами, с буквой Ъ в абсолютном конце после обозначающей финальную согласную фонему буквы. Такое написание соответствовало требованиям, существовавшим до реформы русской орфографии 1918 года. Данный тип графико-орфографического оформления лексических единиц русского языка можно наблюдать и сейчас в наименованиях учреждений торговли, общественного питания и досуга: КРЕДИТОРЪ (наименование центра микрофинансирования); ВОДОХОДЪ (наименование фирмы, организующей водные путешествия людей).

Ещё одним языковым воплощением идейной тенденции к возврату существовавшего до Великой Октябрьской социалистической революции способа организации нашего общественного бытия как выхода на путь процветания явилась актуализация лексических единиц, ставших устаревшими в силу кардинального изменения всего образа жизни, вызванного переходом к социалистическому строю в 1917 году, что было подробно рассмотрено в главе 2.

С течением времени стало понятно, что обращение к принятой в странах Запада системе ценностей и основанной на ней организации социокультурной реальности, экономической и политической жизни не гарантируют безусловное процветание, абсолютный прогресс и социальную гармонию. В общественном сознании нашей страны появилось понимание непрерывности исторического процесса, его объективной обусловленности.

Пришло осознание того, что в многовековой истории России нет правильных и неправильных периодов, плохих и хороших эпох. Есть единая, непрерывная, целая и содержательно цельная история, каждый период которой характеризовался своими успехами и достижениями, своими победами и трудностями. Появилось осознание того, что при устремлённости в успешное будущее необходимо высоко ценить все наработки прошлого, сохранять и развивать то, что доказало свою пользу для людей и для страны, для нашей культуры, доказало свою эффективность. Так пришло понимание того, что учёт наработок и достижений советского периода в области организации социальной жизни, производства, науки, образования и культуры принципиально важен для успешности организации нашей жизни в настоящем и в будущем. Данная мировоззренческая тенденция получила своё языковое воплощение. Оно проявляется, в частности, в использовании образованных по свойственной языку советской эпохи модели словообразовательной модели сложных слов для наименования учреждений торговли:

СоюзЦветТОРГ

ЦВЕТЫ БУКЕТЫ КОМПОЗИЦИИ

(рекламная надпись на автомобиле).

Примечательно, что в наши дни, когда Советский Союз остался только в памяти людей, используется слово «союз» как первый компонент сложных слов, именующих учреждения торговли. Это явная отсылка к социокультурной реальности советского периода нашей истории. В рассматриваемом наименовании, кроме того, в качестве составной части сложного слова употребляется и элемент «торг», что тоже было свойственно советскому периоду отечественной истории.

Черты социокультурной реальности советского периода истории России проявляются в рассматриваемом примере и в том, что словесная информация о наименовании предприятия торговли и о продаваемых в нём товарах сопровождается изображением советского знака качества продукции. Данный пример весьма показателен: он демонстрирует существование советского социокультурного элемента в качестве одного из элементов в культуре современной России и в общественном сознании граждан нашей страны.

Языковое воплощение положительной оценки советского периода нашей истории проявляется и в наименовании одного из современных спортивных центров, который назван «СССР».

Период конца XX – начала XXI века в России можно охарактеризовать как время осуществляемого стремительно и интенсивно принципиального изменения социокультурной реальности, что влечёт кардинальные изменения внутри культурно-коммуникативного пространства нашей страны и приводит к серьёзному изменению качественного своеобразия русской лингвокультуры. Выразителем этих процессов является русский язык, изменяющийся в наши дни с колоссальной скоростью. Один из обуславливающих изменение нашего языка факторов – интенсивное проникновение в отечественное культурно-коммуникативное пространство единиц иных языков, привносящих в нашу лингвокультуру элементы иных лингвокультур.

Языковые изменения – вообще едва ли не самая заметная черта социокультурных изменений конца XX – начала XXI века, по своему масштабу превышающая аналогичные изменения на более ранних этапах отечественной истории. О.А. Лаптева отмечает: «В языке обычно общественные факторы отражаются опосредованно, они микшируются внутрисистемными его свойствами и особенностями языковых явлений в их связях и зависимостях [Реклама: язык, речь, общение, 2011, 215]. Однако, характеризуя ситуацию нашего времени, она подчеркивает: «В данном же случае перед нами яркий пример непосредственного вторжения общественных факторов в жизнь и структуру литературного языка как целостного образования» [Там же].

3.2. Качественное своеобразие культурно-коммуникативного пространства современной России

В культурно-коммуникативном пространстве современной России представлены следующие лингвокультурные элементы:

- 1) современный российский элемент, выразителем которого является современный русский язык (данный элемент

представляет собой ядро); советский лингвокультурный элемент (он выражается русскими словесными знаками);

2) западный лингвокультурный элемент, выражаемый единицами языков стран Запада (главным образом английского, но присутствуют и единицы иных языков: немецкого, французского, итальянского, испанского и даже латинского);

3) восточный лингвокультурный элемент (он представлен преимущественно единицами тюркских языков);

4) советский лингвокультурный элемент (он выражается русскими словесными знаками, использовавшимися в практике общественной коммуникации в советский период отечественной истории).

Как было отмечено выше, в конце XX – начале XXI века в России произошли крупномасштабные изменения в политической и экономической сфере, что привело к фундаментальным изменениям в социокультурной реальности нашей страны. Следствием этого стало существенное изменение качественного своеобразия культурно-коммуникативного пространства современной России. С конца XX – начала XXI века в отечественное социокультурное пространство активно внедряются элементы иных культур, как западных, так и восточных. Они различаются сферой своего бытования, ролью и весом в социокультурной реальности современной России. Среди привнесённых инокультурных элементов доминируют элементы западных культур, но и они существенно отличаются друг от друга функционально и областью своего бытования.

Изменения в социокультурной реальности, произошедшие в конце XX – начале XXI века, получили своё лингвосемиотическое выражение. Оно проявилось в следующем:

1) в употреблении в сообщениях на русском языке иноязычных единиц в их аутентичном графико-орфографическом оформлении;

2) в употреблении в сообщениях на русском языке иноязычных единиц в их русском графико-орфографическом оформлении;

3) в употреблении в сообщениях на русском языке русских лексических единиц в их оформлении буквами английского (латинского в своей основе) алфавита;

4) в синтезе пришедших из западных и восточных языков лексических единиц в сообщениях на русском языке;

5) в употреблении элемента «&», представляющего собой графический эквивалент английского союза «and 'и'», для связи русских слов;

6) в графическом оформлении дробных единиц цифрового формата, называющих количество предметов;

7) в стилизованном употреблении графических единиц, имитирующих привнесённые в российскую лингвокультуру элементы иных лингвокультур.

Использование иноязычных единиц в сообщениях на русском языке обусловлено различными целевыми установками коммуникаторов.

3.3. Употребление в сообщениях на русском языке англоязычных единиц в аутентичном и русском графико-орфографическом оформлении

Единицы английского языка в их аутентичном либо русском графико-орфографическом оформлении представлены в рекламной коммуникации, в наименованиях коммерческих предприятий (главным образом предприятий сферы услуг, но не только), в наименованиях блюд и в профессиональной коммуникации специалистов в области экономики, в частности, в сфере маркетинга.

Наиболее яркими примерами использования единиц английского языка в их аутентичном графико-орфографическом оформлении в рекламной коммуникации служит употребление слов «sale 'распродажа'» и «cashback' возврат на банковскую карту части денежных средств, затраченных на покупку товара или на оплату услуги'». Обратимся к примерам. Так, на рекламном щите в городе Омске читаем:

SALE

до – 50 %

КАСКАД

Содержание этого сообщения следует интерпретировать так: 'Распродажа в торговом комплексе «Каскад» со скидкой в 50 процентов'.

Примечательно, что в текстах рекламы в сочетании с английским именем существительным «sale» употребляются русские имена прилагательные, присоединяемые с помощью согласования. И это типичное явление. Рассмотрим примеры:

С 15 по 31 декабря

Новогодний Sale

СКИДКА до 70%

Подробности в сувенирных магазинах, на стойках «Живое общение» и на www.....ru (информация на станции метро в городе Москве).

Sale

Рождественский

ЮВЕЛИРТОРГ

(информация на рекламном щите в городе Омске).

Заслуживает внимания и такой факт. При передаче рекламы в телеэфире на экране наблюдаем следующее сообщение (Первый канал. Эфир от 18. 01. 2019, город Омск): *Wintersale*

До – 50%.

В это время звучит закадровый текст: «Зимняя распродажа в магазинах “Дюссельдорф”. Скидки до минус пятидесяти процентов!» Примечательно, что именно английское словосочетание «Wintersale ‘зимняя распродажа’» открывает данное рекламное сообщение, хотя оно адресовано массовому российскому реципиенту, от которого совсем не ожидается свободное владение английским языком. Обращает на себя внимание и такой факт: в адресованных массовому российскому реципиенту текстах рекламы можно встретить не только английское слово «sale» в его аутентичном графико-орфографическом оформлении, но и другие слова английского языка, а также лексику иных европейских языков в аутентичном графико-орфографическом оформлении. Рассмотрим следующий пример, представляющий собой рекламу в городе Омске: *Elenafurs*

Sale 50% и рассрочка без переплат

(словосочетание «Elenafurs» – наименование магазина меховых изделий в городе Омске; словоформа «furs» – это форма множественного числа английского имени существительного «fur ‘мех’»). Подчеркнём, что данная реклама адресована массо-

вому российскому реципиенту, от которого не ожидается свободное владение английским языком.

Весьма показателен и следующий пример, представляющий собой рекламу финской ярмарки в одном из окраинных районов города Москвы:

SUOMISALE – 70%

(слово «Suomi» – самоназвание финского народа; английское слово «sale», как было отмечено выше, выражает значение 'распродажа'). Заметим, что словосочетание «SUOMISALE» сопровождается значком астериска, свидетельствующим о наличии перевода данного словосочетания в нижней части рекламного носителя (перевод представлен мелким шрифтом: финская распродажа). Стоит отметить, что сама временная торговая точка получила название «Финская ярмарка», а не «Финская распродажа».

В настоящее время в практике современной российской общественной коммуникации весьма активно используется слово «cashback» / «кэшбэк». Рассмотрим примеры:

КЭШБЭК 100% за первый месяц
(МЕГАФОН, наружная реклама);

MTS

CASHBACK

(телевизионная реклама, текст на экране телевизора).

Слово «cashback» / «кэшбэк» в одном и том же рекламном тексте может иметь аутентичное и русское графико-орфографическое оформление:

МТС

ИНТЕРНЕТ

CASHBACK

Интернет шопинг с кэшбэком до 25%

Сочетание «Интернет-шопинг» должно писаться через дефис, отделяющий препозитивное приложение от определяемого слова, однако в данном тексте представлено отдельное написание.

Слова «sale» и «cashback» представляют собой наименования концептов, связанных с организацией торгово-экономической сферы жизни в англоязычных странах Запада. Слово «sale» отражает одну из существенных сторон повседневной

жизни англоязычных стран Запада, в которых, как известно, распродаже товаров придаётся большое значение. В силу этого нам представляется, что распродажу можно интерпретировать как один из ключевых элементов культур англоязычных стран современного Запада. Данный элемент связан с экономическим аспектом культур англоязычных народов Запада. Поэтому и активное употребление английского слова «sale» в его аутентичном графико-орфографическом оформлении в адресованных массовому российскому реципиенту текстах рекламы следует рассматривать не только как сугубо лингвистическое явление, но и как феномен лингвокультурологический. То же самое можно сказать и о слове «cashback».

Слово «кэшбэк» настолько активно используется в практике общественной коммуникации современной России, что авторы рекламного текста накануне наступления 2021 года, года Быка, образовали слово «кэшбЫк»:

М. видео. Новогодний кэшбЫк до пятидесяти процентов (телевизионная реклама). Данная реклама призывает делать покупки в магазинах «М.видео» с кэшбэком, приуроченном к Новому году.

Слово «кэшбэк» относится к одному из наиболее часто употребляемых в практике современной российской общественной коммуникации. Оно настолько освоено русским языком и его носителями, что создатели рекламных текстов образуют на базе слова «кэшбэк» русские неологизмы. Весьма яркий пример – рассмотренное ранее слово «кэшбЫк». Не менее яркий пример – неологизм, представляющий собой русское слово, образованное путём сложения двух английских слов, – слово «кэшфорвард». Оно образовано на базе двух английских слов в русском графико-орфографическом оформлении: на базе слова «кэш» (англ. cash ‘наличные деньги’) и слова «форвард» (англ. forward ‘вперёд’). В английском языке нет слова «cashforward» – есть только слово «cashback». Оно, как было отмечено выше, имеет значение ‘возврат части затраченных денежных средств на банковскую карту при совершении покупки или при пользовании услугой’. Образовано данное слово путём сложения двух английских слов: слова «cash» со значением ‘наличные деньги’ и слова «back» со значением ‘назад’. В англий-

ском языке существует антонимическая пара «back ‘назад’ – forward ‘вперёд’». Наличие в английском языке данной антонимической пары позволило авторам одного из рекламных текстов сформировать весьма яркий русский окказионализм – слово «кэшфорвард»: обыгрывается противопоставление слов «back» vs «forward». Текст рекламы построен как имитация коммуникации людей, управляющих движением корабля: Полный назад! Vs Полный вперёд! Текст рекламы таков:

Надо удвоить кэшбэк!

Оставить кэшбэк! Кэшфорвард до ста процентов!

Данный текст рекламы был передан в теле-и радиоэфире.

Сравним: Полный назад! Vs Полный вперёд

Аутентичное графико-орфографическое оформление имеют и слова «weekend ‘конец недели’; ‘выходные дни’» и «mix ‘смесь’; ‘смешивание’; ‘перемешивание’; ‘соединение’» в следующих текстах на афишах в городе Омске: *Театральный WEEKEND с Музыкальным и его друзьями;*

Филармония

Танцевальный MIX

Омский духовой оркестр

Английские слова в аутентичном графико-орфографическом оформлении, находящиеся в синтаксических отношениях с русскими словами, представлены и в профессиональной коммуникации специалистов в области маркетинга и рекламы. Приведём примеры:

Поговорим подробнее о разделении продуктов на front-end и back-end [А. Парабеллум, Н. Мрочковский, С. Бернадский. 42 секрета эффективной рекламы: Управление потребителем. СПб., 2013, 38]; Товары или услуги категории front-end не предназначены для получения основной прибыли, они бесплатные либо стоят очень дешево [Там же, 38]. Back-end – это продукты, приносящие компании основной доход [Там же]. В данном случае заманчивый front-end – бесплатная установка, а back-end – продажа пластикового окна, источник основного дохода компании [Там же, 38-39]. Рассмотренные примеры говорят о полноценной жизни единиц лексической подсистемы английского языка в русских предложениях. Наблюдаемые нами ан-

лийские слова в их аутентичном графико-орфографическом оформлении используются для передачи соответствующих понятий сферы маркетинга. Полагаем, что употребление английских слов в аутентичном графико-орфографическом оформлении обусловливается стремлением авторов книги продемонстрировать свою приобщённость к первоисточнику, к основам прогрессивного, самого современного знания в области маркетинга, знания, языком которого является английский.

Английские лексические единицы в аутентичном графико-орфографическом оформлении активно используются в наименованиях современных коммерческих предприятий (особенно предприятий сферы услуг). В таких случаях употребление английских лексических единиц обусловливается рядом причин: 1) стремлением дать нестандартное, яркое, неизбитое, привлекающее к себе внимание, запоминающееся название тому или иному коммерческому предприятию, что можно рассматривать как своеобразную коммуникационную игру собственника предприятия с представителями целевой для данного предприятия аудитории, как дополнительный способ привлечь внимание к предприятию; 2) стремлением прослыть модным и современным (известно, что языком бизнеса и экономики в настоящее время считается английский язык). Рассмотрим примеры: *MYTOYS МАГАЗИН ИГРУШЕК* (город Рыбное Рязанской области; mytoys 'мои игрушки'); *Sky Lake Школьная одежда* (город Рыбное Рязанской области; skylake 'небесное озеро'); *SINCITY* (мужская парикмахерская, город Омск; sincity 'город греха'); *Food Garden* (наименование магазина, город Омск; foodgarden 'сад продуктов'; 'сад продовольствия'; 'продовольственный сад'); *PUSHKIN PUB & CLUB* (наименование учреждения общественного питания и отдыха в городе Омске; Pushkin pub & club 'пивная и клуб «Пушкин»).

Заслуживает внимания и комментария такой пример:

24 часа СТОЛОВАЯ JAM.

Английское слово «jam» имеет значение 'варенье'; 'джем', в силу чего использование данной лексической единицы в названии учреждения общественного питания представляется вполне логичным. Но поскольку данное учреждение обще-

ственного питания располагается вдоль одного из шоссе в Московской области, можно вспомнить и о том, что слово «jam» имеет также значение ‘автомобильная пробка’. То есть в данном случае мы наблюдаем каламбур в наименовании столовой.

Английское имя существительное в аутентичном графико-орфографическом оформлении представлено и в наименовании следующего предприятия, связанного с перевозками: *Tver Trip* (английское слово «trip» имеет значение ‘поездка’).

Весьма часто в составе наименования учреждения общественного питания можно встретить словосочетание «*LOUNGE CAFÉ*». Оно указывает на тип кафе: английское слово «lounge» имеет значения ‘гостиная’; ‘веранда’.

Английские лексические единицы в русском графико-орфографическом оформлении могут использоваться для наименований блюд. В качестве примера рассмотрим текст наружной рекламы, который был размещён на щите вдоль одной из улиц Москвы:

Вкус сезона

Шримп

Ролл

(шримп < англ. shrimp ‘креветка’; ролл < англ. roll ‘рулет’).

На рекламном щите мы могли наблюдать и такое сообщение, с синтаксической точки зрения являющееся полноценной предикативной единицей английского языка – простым предложением:

ШОУ МАСТ ГОУ ОН.

Его перевод таков: ‘Шоу должно продолжаться’.

Данное сообщение представляет собой прецедентный текст – цитату из известной песни в исполнении группы «Queen».

Следует подчеркнуть, что при восприятии английских слов в их русском графико-орфографическом оформлении в сообщениях на русском языке используется **двойное декодирование**: сначала непривычное для русского зрительного восприятия графическое оформление слова соотносится с его аутентичным графическим обликом в английской системе письма (первая стадия понимания), затем следует определение значе-

ния слова путём его перевода с английского языка на русский (вторая стадия понимания):

ШРИМП <shrimp (1)

Shrimp – ‘креветка’ (2)

Значит, ШРИМП – то же самое, что креветка.

Еще пример: Шоу маст гоу он.

Шоу маст гоу он < Show must go on (1)

Showmustgoon – ‘Шоу должно продолжаться’ (2)

В практике современной российской общественной коммуникации активно используются заимствованные из английского языка слова, употребление которых можно рассматривать исключительно как стремление коммуникатора продемонстрировать, подчеркнуть свою современность, свою приобщённость к передовой с его точки зрения культуре – культуре англоязычной. Речь идёт о таких лексических единицах, как *контент* (русский эквивалент – слово «содержание»), *коллаборация* (русский эквивалент – слово «сотрудничество»), *трафик* (русский эквивалент – слово «движение»); *тренд* (эквивалент – слово «тенденция», слово заимствованное, но в силу его давней укоренённости в нашем родном языке данное слово уже не воспринимается как заимствованное); *транспарентный* (русский эквивалент – слово «прозрачный» в значении ‘ясный’, ‘понятный’, ‘открытый’, ‘доступный для наблюдения’, ‘без обмана’). Употребляется и слово *транспарентность*, образованное от слова «транспарентный».

К числу недавно пришедших из английского языка и весьма активно используемых в практике современной российской общественной коммуникации слов относится и слово «battle» / «баттл» со значением ‘битва’; ‘сражение’; ‘бой’; ‘соперничество’; ‘соревнование’; ‘творческий спор’. Как и слово «cashback» / «кэшбэк», это слово представлено как в английском, так и в русском графико-орфографическом оформлении. Представим примеры:

В Сокольниках пройдёт фестиваль «Battle сани», «Battle саночки» (информация на видеозэкранах в поездах Московского метрополитена); *В Московском зоопарке весенний баттл красоты* (информация на видеозэкранах в поездах Московского метрополитена).

Аутентичное и русское графико-орфографическое оформление может иметь и слово «beauty ‘красота’» / бьюти. Рассмотрим примеры:

Beauty ДИСКАУНТЕР (наименование магазина);

ИНФИНИТИ сеть бьюти супермаркетов (наименование сети магазинов в городе Омске). Заметим, что сочетание «бьюти-супермаркет» должно иметь дефисное написание: дефис отделяет препозитивное приложение «бьюти» от определяемого им слова «супермаркет».

Слово «дискаунтер» также является английским. Оно означает ‘магазин, в котором продаются товары со скидкой (по низким ценам)’. Английским является и слово «ИНФИНИТИ». Оно имеет значение ‘бесконечность’.

3.4. Новейшие англицизмы в культурно-коммуникативном пространстве современной России

В современном российском культурно-коммуникативном пространстве нашёл своё место ряд заимствованных из английского языка слов, активное употребление которых можно рассматривать как одну из наиболее ярких черт общественной коммуникации в России конца второго – начала третьего десятилетия XXI века.

В практике современной российской общественной коммуникации активно используется английское слово «хоррор» (horror) в русском графико-орфографическом оформлении. Оно имеет значение ‘фильм ужасов’, хотя в английском языке это не основное значение данного слова: основным является значение ‘ужас’: *Вчетверг – премьера нового хоррора; Советский «Вий» вошёл в топ-100 хорроров мира* (информация в сообщениях на видеозэкранах в поездах Московского метрополитена). В последнем из двух рассмотренных предложений используется ещё одно достаточно активно употребляемое в практике современной российской общественной коммуникации слово английского происхождения – слово «топ». В английском языке лексическая единица «top» имеет значение ‘верх’; ‘верхушка’; ‘верши-

на'; 'высший уровень'. В сочетании «топ-100» слово «топ» выражает значение 'первая сотня в рейтинге' (фильмов ужасов во всём мире). Рассматриваемое английское слово представлено и в следующем контексте: *Это была самая высокая оценка. Топ* (из интервью, данного Максимом Никулиным для создания документальной телепередачи «Леонид Гайдай. Человек, который не смеялся». Телеканал «ТВЦ». Эфир от 16 июня 2021 года). В этом примере слово «топ» выражает значение 'высший уровень'.

Займствованные из английского языка слова, именующие жанры кинофильмов и театральные постановки, активно вытесняют русские слова. Так, сейчас достаточно часто употребляется слово «экшн» (англ. action 'действие', выражающее значение 'фильм, насыщенный активными действиями'; 'остросюжетный фильм'): *Здесь перманентный экшн* (текст рекламы фильма «Девятаев» на телеканале «Россия-1»). Вместо словосочетаний «любовная история», «история любви» всё чаще используется английское словосочетание «lovestory».

В сообщениях на видеозэкранах в поездах Московского метрополитена весьма активно используются слова английского языка в русском графико-орфографическом оформлении: *Лайфхак для болельщиков (лайфхак 'что-то позволяющее рационализировать, упростить какую-либо деятельность'; 'нечто креативное, позволяющее найти выход из положения');* *Пройдите чекап за 40 минут; В парк! + В парк! = Чекап! Проверь своё здоровье (чекап 'проверка' (основное значение); 'проверка состояния здоровья' (значение в данных контекстах); Как студенту сэкономить на софте?* (слово «софт» представляет собой сокращённое английское слово «software 'программное обеспечение компьютера').

В практике современной российской общественной коммуникации активно используется и слово «хайп», имеющее значение 'выгода деятеля шоу-бизнеса от скандальной известности'; 'заинтересованность деятеля шоу-бизнеса в участии в скандальной истории с целью обретения или поддержания известности'; 'поддержание деятелем шоу-бизнеса интереса к своей персоне путём участия в скандальных историях': *Ну и что она добилась вот этим хайпом?* (из интервью журналиста

Олега Перанова, данного им для создания документальной телепередачи «На экран – через постель». Телеканал «ТВЦ». Эфир от 23 июня 2021 года).

Весьма колоритным является слово «хайпожор», представляющее собой русское имя существительное, образованное путём сложения английского элемента «хайп» и русского элемента «жор», производного от глагола «жрать». Рассматриваемое слово является уже не заимствованным, а именно русским, поскольку, как известно, если на базе заимствованной лексической единицы с помощью морфем русского языка и по свойственным русскому языку словообразовательным моделям образуется новое слово, такое слово имеет статус исконного. В качестве контекста, в котором употребляется слово «хайпожор», представим фрагмент интервью, данного продюсером Иосифом Пригожиным телеканалу «360» в мае 2020 года (материал был представлен в новостной информации сервиса электронной почты mail. ru со ссылкой на информационное агентство «РИА Новости»). В данном интервью известный продюсер комментирует позицию деятелей российского шоу-бизнеса в связи с пандемией. В частности, речь идёт об эпатажном стиле поведения певца Сергея Шнурова. *«Шнур – чистой воды хайпожор. Вот я вам хочу сказать, что мне стыдно за сегодняшний цех», – сказал продюсер* (Москва, 24 мая 2020 года – РИА Новости). Под цехом Иосиф Пригожин понимает всех деятелей российского шоу-бизнеса.

Слово «хайпожор» образовалось путём сложения корневых элементов «хайп-» и «-жор» с помощью интерфикса (соединительного элемента -o-) и нулевого суффикса со значением действующего лица (сравним со словом «водолаз» с нулевым суффиксом со значением действующего лица; значимую для наших рассуждений особенность морфемной структуры данного слова мы рассмотрим ниже). Таким образом, анализируемое нами слово «хайпожор» образовано способом сложения в сочетании с нулевой суффиксацией (сложения с одновременной суффиксацией). На наличие в слове «хайпожор» нулевого суффикса со значением действующего лица указывает образованное по такой же модели и имеющее в своём составе материально выраженный суффикс со значением действующего лица имя

существительное «пенкосниматель». Это слово выражает значение 'человек, извлекающий основную выгоду из чего-либо'; 'человек, присваивающий себе главный положительный результат какого-либо процесса'; 'человек, стремящийся первым воспользоваться всем лучшим из результатов какой-либо деятельности и не желающий делиться полученным с другими участниками данной деятельности'. На наличие в слове «хйпожор» нулевого суффикса со значением действующего лица указывает и тот факт, что в качестве теоретически допустимого можно представить образованное путём сложения с одновременной суффиксацией русское слово «**хайпожиратель**», в котором будет материально выраженный суффикс -тель со значением действующего лица.

О нулевом суффиксе со значением действующего лица в слове «хайпожор» косвенно свидетельствует и образованное таким же способом и по такой же модели слово «водолаз», в котором также представлен нулевой суффикс со значением действующего лица. На наличие в слове «водолаз» нулевого суффикса со значением действующего лица указывает образованное таким же способом слово «мореплаватель» с материально выраженным суффиксом -тель со значением действующего лица. Кроме того, о нулевом суффиксе со значением действующего лица в слове «водолаз» свидетельствует возможность образования слова «**водолазатель**» с материально выраженным суффиксом со значением действующего лица.

Активно в настоящее время употребляется и английское слово «**спич**», представляющее собой эквивалент русского слова «речь». В качестве примера приведём фрагмент выступления журналиста и политолога, профессора, декана Высшей школы телевидения МГУ Виталия Третьякова в телевизионной передаче «60 минут» на телеканале «Россия-1»: *И на этом заканчиваю данный свой **спич*** (эфир от 01 июня 2021 года; время начала передачи – 18:30 (время московское)).

Колоритным заимствованием из английского языка в его американском варианте является и междометие «**вау**», русскими эквивалентами которого выступают слова «ой», «ах», «вот это да». Подчеркнём, что в практике современной российской общественной коммуникации используется и сочетание «**вау**»

эффект», значение которого может быть определено как 'неожиданный приятный результат'; 'удивительный результат'; 'восхитительный результат'; 'фантастический результат'. Слово «вау» и сочетание «вау-эффект» активно используются в текстах современной российской телевизионной рекламы. Рассмотрим пример:

*Испытай вау-эффект в контактных линзах «Акувью»!
Вот это вау!*

3.5. Употребление английских слов с русским грамматическим оформлением

На базе английских слов в русском языке образовались слова «шерить 'делиться понравившейся информацией с друзьями из социальных сетей'» (англ. share 'делиться'); «стримить 'организовывать информационные потоки в Интернете'; 'передавать большие объёмы информации в социальных сетях' (англ. stream 'поток'; 'течение'); «сторить 'рассказывать истории'» (англ. story 'рассказ'; 'история'). Слова «шерить», «стримить» и «сторить» представляют собой проявление жаргона молодёжи, активно пользующейся социальными сетями. Именно такой молодёжи адресован следующий текст, представленный на рекламном щите:

ШЕРЬ. СТРИМЬ. СТОРЬ.

А что начинается с тебя?

МЕГАФОН

Приведённый пример показывает, что английские слова «to share», «stream», «story», употребляясь в практике непосредственного непринуждённого общения на русском языке, получают русское грамматическое оформление: рассматриваемые глаголы обрели грамматические категории вида, залога, категории наклонения. В нашем примере названные глаголы употреблены в форме повелительного наклонения (императива). Кроме того, у данных глаголов есть грамматические категории лица и числа: в рассматриваемом примере глаголы употребляются в форме второго лица единственного числа.

Употребление английских слов с русским грамматическим оформлением весьма распространено в молодёжной среде,

состоящей из образованных и работающих в сфере бизнеса людей (особенно специалистов сферы рекламы и PR-коммуникации). Так, один из сотрудников, работающих в сфере рекламы, обращаясь к своему коллеге, спросил: «А как они между собой мэчатся?» Словоформа «мэчатся» имеет значение 'соответствуют друг другу'; 'подходят друг другу'; 'совмещаются'; 'сочетаются'. Данный словесный знак представляет собой английский глагол «tomatch», выражающий значение 'соответствовать друг другу'; 'подходить друг другу'; 'составлять пару'; 'совмещаться'; 'сочетаться'. Английский глагол «tomatch», будучи используемым в практике непринуждённого общения носителей русского языка, обрёл русское словообразовательное и грамматическое оформление: у данного глагола появился суффикс (постфикс) -ся, выражающий значение взаимности; глагол стал изменяться по второму типу спряжения (что было весьма ярко продемонстрировано в речи коммуникатора: отчётливо слышалась флексия -ат- в форме изъявительно-го наклонения настоящего времени, представленной в рассматриваемом примере). Наблюдаемая нами грамматическая форма позволяет сделать вывод о том, что данный английский глагол, став используемой в практике коммуникации на современном русском языке лексической единицей, приобрёл грамматические категории вида (глагол несовершенного вида), залога, наклонения и времени.

3.6. Русские слова с английскими словообразующими суффиксами

В современном русском языке наблюдается весьма интересный феномен – образование русских слов с помощью английских суффиксов. Речь идёт о таких словах, как «зацепер» и «зацепинг».

Слово «зацепер» называет молодого человека (юношу), который, зацепившись за хвостовую часть пригородного электропоезда (электрички), едет, находясь на внешней стороне вагона. В этом слове представлены русский корень (-цеп-) и русский префикс (за-), но английский суффикс -ер (по происхождению латинский) со значением действующего лица. По-русски

это слово должно было бы быть оформлено как «зацепщик», либо как «зацепист», либо как «цепляльщик». Однако молодые носители современного русского языка для образования слова, именуемого занимающимся таким видом «развлечения» человека, обратились не к словообразовательному ресурсу своего родного языка, а к словообразовательному ресурсу английского языка, найдя в нём подходящий по смыслу и совместимый фонетически с корнем производящего слова суффикс. Успешность образования русского слова «зацепер» с помощью английского суффикса -ер обуславливается тем, что в нашем языке есть ряд слов с данным суффиксом: *копирайтер, дизайнер, фрилансер* и ряд других слов. Все эти слова, как и слово «зацепер», обозначают действующее лицо, производителя действия.

Вид молодёжного «развлечения», связанного с катанием на электропоезде с внешней стороны его хвостовой части, именуется словом «зацепинг». В данном слове также наблюдаем русский корень (-цеп-) и русский префикс (за-), но английский по происхождению суффикс -ing, выражающий значение определённого действия, т.е. действия, мыслимого как предмет (отвлечённого действия). Этот суффикс используется для образования отглагольных имён существительных со значением действия и для образования герундия – одной из неличных форм английского глагола, по значению эквивалентной отглагольному существительному, называющему действию. И опять же молодые носители русского языка, подбирая наименование для рассматриваемого «развлечения», воспользовались словообразовательным ресурсом английского, а не родного русского языка: они создали слово «зацепинг», используя для его образования подходящий по смыслу и фонетически совместимый с корнем производящего слова английский суффикс -ing. Вариант с русским суффиксом мог бы иметь вид «зацепка», «зацеп», «зацепление» либо «цепляние». Образование русского слова «зацепинг» с помощью английского суффикса -инг оказалось весьма успешным в силу того, что в русском языке есть слова с данным суффиксом: *копирайтинг, нейминг, маркетинг, процессинг, дайвинг* и ряд других слов. Все эти слова, как и слово «зацепинг», обозначают опредмеченное действие, т.е. действие, мыслимое как предмет.

Выбор английских, а не русских суффиксов для образования слов «зацепер» и «зацепинг» от русских слов свидетельствует о том, что мышление представителей самых молодых поколений жителей России уже в значительной степени является англоязычным, что их сознание уже имеет в своей сути существенное англоязычное начало, с которым приходится конкурировать родному, русскому началу. И побеждает в этой конкурентной борьбе в ряде случаев начало англоязычное.

Причиной англоязычности мышления современных молодых людей является внедряемый посредством рекламы и массовой культуры стиль жизни, языковым сопровождением (проявлением) которого является английский лексикон.

3.7. Оформление русских слов буквами английского (латинского) алфавита

В практике общественной коммуникации современной России встречается и оформление русских слов буквами английского (латинского в своей основе) алфавита. Это характерно преимущественно для наименований коммерческих предприятий. Рассмотрим примеры: *BORODACH* (наименование салона мужской стрижки в городе Химки Московской области); *BRITVA* (наименование парикмахерской в городе Москве); *SEREBRO* (наименование магазина в городе Омске); *SEREBRO* (наименование музыкальной группы); *VEZU* (надпись на борту грузового автомобиля). Использование русского слова в его английском (латинском) графико-орфографическом оформлении наблюдаем и в следующем тексте наружной рекламы в городе Омске:

GarderoB

А у нас по-летнему жарко!

Весьма ярким является пример наименования одного из учреждений развлечений в городе Омске: *ANGAR night club*. В составе данного наименования употребляется русское слово «ангар», оформленное латинскими (английскими) буквами. Заметим, что в английском языке слово «ангар» имеет следующий вид: *hangar*.

Может быть представлено сочетание написанного латинскими буквами русского слова, оформленного по правилам, соответствующим английской орфографии, и английского слова в его аутентичном графико-орфографическом оформлении. Рассмотрим примеры: *DROVALOUNGE*; *BARKRUG* (наименования учреждений общественного питания в городе Омске); *ZERNOcoffee* (наименование учреждения торговли и общественного питания в городе Омске); *GROOZGO* (надпись на борту фуры).

В наименованиях коммерческих предприятий одно слово может быть оформлено буквами русского алфавита, а другое — буквами английского (латинского) алфавита: *Мясная Lavka* (наименование одного из предприятий торговли в городе Омске).

В наименованиях коммерческих предприятий может наблюдаться совместное употребление одного и того же русского слова, оформленного буквами английского (латинского) и русского алфавита: *DOSKI БАР ДОСКИ* (наименование одного из предприятий общественного питания в городе Омске).

В текстах рекламы возможен и такой вариант языкового выражения мысли: *EXPOSTROY мечту* (информация представлена на рекламном щите в городе Москве). В данном случае рекламируется фирма под названием «Экспострой». Данное слово оформлено буквами английского (латинского) алфавита. Но в рассматриваемом рекламном тексте слово «EXPOSTROY» функционирует не как существительное, называющее фирму, а как глагол в форме повелительного наклонения. Так интерпретировать данный языковой знак позволяют два момента: 1) к слову «EXPOSTROY» присоединяется слово «мечта» с помощью синтаксической связи управления, на что указывает падежная форма данного имени существительного (мечту); 2) имеющее английское (латинское) графико-орфографическое оформление слово «EXPOSTROY» легко преобразовывается в имеющее русское графико-орфографическое оформление слово «ЭКСПОСТРОЙ». И получаем следующее: ЭКСПОСТРОЙ мечту.

Может наблюдаться оформление части русского слова буквами русского алфавита, а части — буквами английского (латинского) алфавита: *Салон звука Пилот* (наименование коммер-

ческого предприятия в городе Омске); *KPASOTA* (наименование салона причёсок в городе Москве); *IZIUM* (наименование салона сотовой связи в городе Омске); *SVOИ* (наименование учреждения общественного питания в городе Омске).

Представляет интерес феномен намеренного искажения существующих в русском языке слов в наименованиях коммерческих предприятий сферы услуг: *ZАЛОИ* (одно из предприятий сферы услуг в Москве); *ГрузоVIG* (наименование предприятий по перевозке грузов). Именно искажающий правильный облик слова элемент оформляется буквами английского (латинского) алфавита. Такое отступление от правильного звучания и написания русского слова способствует привлечению внимания к наименованию коммерческого предприятия, его выделению из ряда однородных и запоминанию.

Заслуживает комментария и языковой знак «GRUZOWEEK», представляющий собой наименование предприятия по перевозке грузов. Данное слово отражает синтез русских и английских лингвокультурных элементов в культурно-коммуникативном пространстве современной России, показывает, что употребление единиц английского языка в их аутентичном графико-орфографическом оформлении и оформленных буквами английского алфавита (латинского в своей основе) для социокультурной реальности России начала XXI века является чем-то обыденным, естественным. В этом наименовании проявляется лёгкость языковой игры, связанной с переплетением, даже с переплавкой языковых кодов – кодов русского и английского языков в недрах российской лингвокультуры. Назвать организацию «ГРУЗОВИК» было бы как-то обыденно, банально, скучно. А вот соединение имеющего английское (латинское в своей основе) графико-орфографическое оформление русского словесного элемента «GRUZO» и английского слова «WEEK» со значением 'неделя' придаёт наименованию нестандартность, изящность и яркость, проявляет креативное начала, вовлекает реципиента сообщения в языковую игру, связанную с переключением и объединением лингвокультурных кодов. Заметим, что английский элемент «WEEK», становясь частью русского слова «GRUZOWEEK», теряет в данном случае своё значение 'неделя'. Использование элемента «WEEK» обуславливается тем,

что в английской графической системе удвоенная буква «е» («ee») передаёт долгую согласную фонему <i: >, реализацией которой является долгий гласный звук [i:]. Известно, что в русском языке нет долгих гласных фонем и долгих гласных звуков, но ударный гласный всегда является более длительным, чем соответствующий ему безударный. В русском слове [gruzav'ik] звук [i] является ударным. Так как ударный гласный звук является более длительным, чем безударный, то при передаче средствами английской графики русского ударного гласного звука в максимальной степени подходящим будет элемент, передающий долгие гласные звуки (долгие гласные фонемы), т.е. элемент «ee», передающий долгий (ударный) звук [i:] в русском слове [gruzav'ik]. Вот мы и получаем: GRUZOWEEK. Конечно, в русском слове [gruzav'ik] представлен звук [v'], а не [w'], но вариант «GRUZOVEEK» безусловно был бы менее интересен, чем вариант «GRUZOWEEK», поскольку в последнем «живёт» английское слово «week» со значением 'неделя', что вовлекает реципиента в своеобразную языковую и лингвокультурную игру.

Подобный рассмотренному выше синтез элементов русской и английской лингвокультур наблюдаем и в слове «МЯСОООБ», являющемся наименованием одного из учреждений общественного питания: вторая часть представляет собой русский словесный знак с корнем -руб- с графико-орфографическим оформлением, имитирующем английское. Русская фонема <u> в корне <-rub->, реализуемая ударным гласным звуком [u], с целью языковой и лингвокультурной игры передана сочетанием букв «oo», которое в английской системе письма используется для обозначения долгой гласной фонемы <u: >, реализацией которой является долгий звук [u:].

Возможно и оформление давно заимствованного русским языком слова и в силу этого уже не воспринимаемого как иностранное буквами английского (латинского алфавита): ZENIT. Впрочем, данное слово можно интерпретировать и как написанное с ошибкой английское слово «ZENITH», имеющее значение 'зенит'.

3.8. Сочетание элементов сложного слова с английским (латинским) и русским графико-орфографическим оформлением

Может наблюдаться сочетание имеющих английское и русское графико-орфографическое оформление корневых частей сложных слов: *BEERMARKET* (наименование одного из магазинов). Первая часть данного сложного слова представляет собой английское имя существительное «beer 'пиво'», а вторая часть — английское имя существительное «market 'рынок'». Впрочем, значение слова «маркет» в настоящее время может быть интерпретировано как 'место продажи чего-либо, которое может представлять собой не только рынок, но и крупный магазин'. Значение слова «*BEERMARKET*» можно истолковать как 'магазин, в котором продаётся пиво'; 'пивной магазин'.

3.9. Оформление английских слов буквами русского алфавита

В наименованиях коммерческих предприятий английские слова могут оформляться буквами русского алфавита:

МОСКВА ШЕРЕМЕТЬЕВО КАРГО.

Слово «КАРГО» представляет собой оформленное русскими буквами английское слово «cargo» со значением 'груз'.

Английские слова, оформленные буквами русского алфавита, могут представлять собой части образованных по русским словообразовательным моделям сложных слов, в составе которых наряду с английским лексическим элементом есть русский лексический элемент. В качестве примеров можно привести слова «*АВТОТИМ*» и «*ПИВОШОП*».

Слово «Автотим» представляет собой сочетание элементов «Авто» и «тим». Элемент «Авто», не будучи русским по происхождению, в силу своей давней укоренённости в русском языке уже не воспринимается как заимствованный, а элемент «тим» представляет собой оформленное буквами русского алфавита английское слово «team» со значением 'команда'. Значение слова «Автотим» может быть определено как 'автоко-

манда', что соответствует типу деятельности коммерческого предприятия, названного словом «Автотим»: *АВТОТИМ Перевозки грузов по Москве и России* (надпись на борту грузового автомобиля).

Слово «ПИВОШОП» представляет собой соединение русского слова «пиво» и оформленного буквами русского алфавита английского слова «шоп» со значением 'магазин'. Рассматриваемую лексическую единицу можно интерпретировать как сложное слово, образованное посредством сложения корней двух слов с помощью интерфикса (соединительной гласной *о*, если рассматривать связующий корни слов элемент с графико-орфографической точки зрения): ПИВОШОП (наименование магазина). Значение слова «пивошоп» можно истолковать как 'пивной магазин'; 'магазин пива'.

3.10. Синтез английских и русских элементов с аутентичным графико-орфографическим оформлением в одном словесном знаке как проявление трёх социокультурных тенденций

В практике общественной коммуникации современной России наблюдается весьма интересный феномен: в составе одного сложного слова объединяются английский и русский корневые элементы, каждый из которых имеет своё аутентичное, «родное» графико-орфографическое оформление. Весьма ярким примером является слово «BEERМАГЪ», представляющее собой наименование одного из столичных магазинов. В рассматриваемом языковом знаке мы наблюдаем объединение в составе сложного слова английской лексической единицы «beer» со значением 'пиво' и русской лексической единицы «маг» со значением 'магазин'. Элемент «маг» представляет собой сокращение слова «магазин». Таким образом, языковой знак «BEERМАГЪ» – это сложное слово, образованное путём сложения целого английского слова «beer» с частью русского слова «магазин».

Рассматриваемая лексическая единица отражает три актуальные для современной российской социокультурной реальности тенденции.

Первая тенденция – восприятие всего западного как современного, прогрессивного и перспективного, что находит своё лингвосемиотическое выражение в виде активного употребления английских слов в их аутентичном графико-орфографическом оформлении в адресованных массовому российскому реципиенту сообщениях. В нашем примере данная тенденция проявляется в употреблении английской лексической единицы «beer 'пиво'» в её аутентичном графико-орфографическом оформлении: **BEERМАГЪ**.

Вторая тенденция – возврат к бытовавшему до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года типу организации экономической, политической и культурной жизни, к характерной для дореволюционной эпохи системе ценностей. В конце 80-х годов XX столетия и в 90-е годы указанного века, когда организация жизни в нашей стране на социалистических началах и социалистическая система ценностей стали многими интерпретироваться как тупиковый для нашего Отечества, бесперспективный путь развития, как отход от столбовой дороги мировой цивилизации, в качестве выхода из этого положения предлагался возврат к исконной, существовавшей до социалистической революции организации нашего общественного бытия. Лингвосемиотическим проявлением данной тенденции явилось написание русских слов, заканчивающихся твёрдыми согласными фонемами, с буквой «ъ» в абсолютном конце слова, как того требовала русская орфография до её реформы, проведённой в 1918 году. Именно так оформлен финальный элемент рассматриваемого нами слова: **BEERМАГЪ**.

Третья тенденция содержательно противоположна двум рассмотренным выше, поскольку она представляет собой идейно-ценностный возврат к советскому периоду отечественной истории, переоценку доминировавшего в конце 80-х – начале 90-х годов XX века восприятия всего советского как отсталого, бесперспективного и тупикового для нашей страны. Третья тенденция предполагает приятие всего советского, восприятие советского периода нашей истории и советского образа жизни как органичной части непрерывной истории России, как времени, в котором было много хорошего и приятного для людей.

Тёплое отношение к советскому времени, которое ассоциируется с беззаботным детством и с полной романтики, возвышенных устремлений и бескорыстия юности, с большими успехами и величием нашей Родины, проявляется в определённой ностальгии по всему тому человеческому и доброму, что было тогда, по ощущению причастности к великим свершениям великой державы. Лингвосемиотическое проявление данной тенденции – употребление свойственных советской эпохе слов и частей сложных слов, пример чего мы наблюдаем в анализируемой лексической единице: ВЕЕРМАГЪ. Образование сложных слов путём объединения корневого элемента «маг-», представляющего собой сокращение слова «магазин», с иными корневыми элементами представляло собой одну из активных тенденций в русском языке советской эпохи: *продмаг* ← *продовольственный магазин*; *хозмаг* ← *хозяйственный магазин*; *сельмаг* ← *сельский магазин*.

3.11. Наименования коммерческих предприятий по модели русских мужских фамилий

В культурно-коммуникативном пространстве современной России активно представлены имитирующие русские мужские фамилии с суффиксом -ов слова, называющие коммерческие предприятия, связанные с производством продуктов питания и с торговлей ими, предприятия сферы общественного питания. Яркой чертой таких лексических единиц является суффикс -ов, имеющих стандартное русское графико-орфографическое оформление («ДЫМОВ» (предприятие по производству копчёностей)), оформление в виде -оф («ГРУЗОВИЧКОФ» (предприятие по перевозке грузов)), оформление в виде -офф («ГРУЗОВОЗОФФ» (предприятие по перевозке грузов)). Последний вариант оформления суффикса имитирует передачу средствами русского письма получивших английское графико-орфографическое оформление русских фамилий, носителями которых являлись переехавшие в англоязычные страны Запады выходцев их России (сравним «Davidoff»).

Имитация фамилий, уехавших жить в англоязычные страны Запады выходцев из России, представлена и в следующих

случаях: ПИВНОFF (наименование магазина по продаже пива); ШАШЛЫКОФФ (наименование учреждения общественного питания в городе Москве).

3.12. Употребление единиц немецкого языка в практике российской общественной коммуникации

В практике общественной коммуникации современной России представлены и единицы немецкого языка в их аутентичном графико-орфографическом оформлении:

Widersehn

СНОВА ВИЖУ.

Немецкое слово «Widersehn», будучи именем существительным, может иметь значение 'свидание'; 'встреча'. Будучи глаголом, слово «widersehn» может означать 'увидеться снова'; 'встретиться снова'.

Лексические единицы немецкого языка использованы и для наименования одного из автомагазинов в городе Москве. Так, на вывеске данного предприятия торговли читаем:

DasWeltAuto

Проверенные автомобили с пробегом

Слово «Welt» имеет значение 'мир', а слово «das» представляет собой артикль. Слово «Auto» означает 'автомобиль'.

На немецком языке была оформлена и телевизионная реклама кондитерского изделия «Ritter Sport»:

Ritter Sport.

Quadratisch. Praktisch. Gut.

Подчеркнём, что данная реклама была адресована массовому российскому реципиенту, от которого вовсе не ожидается свободное владение немецким языком.

Немецкое слово в его аутентичном графико-орфографическом оформлении представлено и в наименовании одного из учреждений общественного питания в городе Омске: *Birliman*
РЕСТОРАН-БАР.

3.13. Использование единиц романских языков в аутентичном и русском графико-орфографическом оформлении

3.13.1. Использование единиц французского языка в аутентичном и русском графико-орфографическом оформлении

В практике общественной коммуникации современной России используются не только единицы германских языков (английского и немецкого), но и единицы романских языков в их аутентичном графико-орфографическом оформлении. Такие единицы представляют собой главным образом наименования коммерческих предприятий сферы услуг.

Весьма активно в современном российском коммуникативном пространстве представлены лексические единицы французского языка в их аутентичном либо русском графико-орфографическом оформлении. Рассмотрим примеры: *Le Pain Quotidien* (наименование предприятия по выпечке хлеба в городе Москве; *LePainQuotidien* 'хлеб насущный'); *CHALET* (наименование учреждения общественного питания в пригороде Москвы; *chalet* 'домик'); *Ля Мезон* (наименование гостиницы в городе Омске; *lamaison* 'дом').

Весьма интересен факт использования давно заимствованных из французского языка лексических единиц для наименования коммерческих предприятий сферы услуг. Приведём примеры: *Ля грильяж* (наименование ресторана); *Ля Букет* (наименование магазина цветов в городе Москве); *Гранд Букет свадебная флористика* (наименование салона цветов в городе Омске). Слова «грильяж» и «букет», будучи весьма давно пришедшими из французского языка и укоренёнными в русском языке, в настоящее время уже не воспринимаются как заимствованные, что понижает их привлекательность для наименования коммерческих учреждений сферы услуг. Использование таких французских слов, как «Ля Мезон» или «CHALET», позволяет сразу привлечь внимание реципиента нестандартностью, необычностью и новизной, что способствует выделению

данных предприятий из ряда подобных и их запоминаемости. А привычные нам слова «грильяж» и «букет» таким ресурсом не обладают. В силу этого авторы наименований сопроводили данные имена существительные французскими артиклями, что сразу же «оживило» французскую природу этих существительных и позволило выделить наименования предприятий с целью привлечь к ним внимание людей и сделать их яркими, нестандартными, запоминающимися.

Слово «гранд», в переводе с французского языка означающее 'большой', привычно русскому уху, тем не менее, его использование в наименовании коммерческого предприятия сферы услуг оживляет данное наименование, придаёт ему яркий характер и делает запоминающимся.

Повышение уровня привлекательности наименования коммерческого предприятия сферы услуг может достигаться за счёт использования давно заимствованного из французского языка и в силу этого привычного нам слова в его аутентичном графико-орфографическом оформлении, примером чего может служить наименование одного из учреждений общественного питания в городе Омске: *Кафе-бар BUFET*. Заметим, что все три слова в составе наименования данного коммерческого предприятия являются заимствованными, но в силу их давней укоренённости в русском языке они не воспринимаются как непривычные, поэтому они не могут претендовать на особую яркость и нестандартность восприятия людьми. Оформление привычного нам слова «буфет» буквами латинского алфавита, во-первых, как бы активизирует французское происхождение данной лексической единицы и, во-вторых, сразу выделяет его из всех компонентов наименования этого учреждения общественного питания.

Диалог *разновременных* социокультурных реальностей России просматривается в таком наименовании учреждения общественного питания в городе Омске, как «*Ресторация МАНИЛОВ GOURMET*». Использование слова «ресторация» отсылает нас к социокультурной реальности России XIX века. Собственное имя «Манилов» только подкрепляет эту ассоциацию, поскольку это фамилия одного из героев поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души», а жизнь и творчество этого писателя, сюжет

данного произведения связаны именно с XIX веком – с золотым веком русской литературы. Употребление французского слова «Gourmet» со значениями ‘гурман’; ‘гастроном’; ‘дегустатор’ также отсылает нас к эпохе XIX века, поскольку в то время французский язык активно использовался как средство коммуникации представителей аристократического слоя русского общества и играл важную роль в социокультурной реальности России первой трети XIX века.

Достаточно интересным представляется феномен оформления французского слова буквами латинского алфавита в наименовании одного из учреждений сферы торговли города Омска с абсолютно не соответствующим требованиям французской орфографии написанием данного слова: *VIZAVI*. Известно, что правильным является такое графико-орфографическое оформление этого слова: *vis-a-vis*. Впрочем, отступление от требований французской орфографии могло быть и намеренным с целью привлечь дополнительное внимание к данному наименованию.

Заметим, что лексические единицы французского языка в их аутентичном графико-орфографическом оформлении представлены не только в наименованиях учреждений сферы услуг, но и в журналистских материалах. Рассмотрим пример: *Для собственной безопасности на любые щекотливые темы лучше общаться с шефом исключительно tete-a-tete* (газета «Телек», № 24 (489), 21 – 27 июня 2021 г. С. 4. Тематический блок «ТЫ+Я». Рубрика «Секрет успеха». Материал «Учимся критиковать начальника»). Обратим внимание на то, что имеющее французское происхождение слово «шеф» представлено в русском графико-орфографическом оформлении, а выражение «тет-а-тет», давно заимствованное русским языком, автор материала предпочёл предложить вниманию читателя в аутентичном, французском графико-орфографическом оформлении.

Достаточно активно в практике современной российской общественной коммуникации используется и слово французского происхождения «вуаля» (фр. *voilà* ‘вот’). Данное слово употребляется с целью придать лёгкость, игривость процессу общения, сделать весёлым и подчёркнуто непринуждённым

общение коммуникатора и реципиента. В качестве примера приведём текст телевизионной рекламы:

Вуаля! Я создал восхитительный аромат для туалета!

Частотным является и французское сочетание «от кутюр» (фр. *hautescouture* 'высокое шитьё'). Рассмотрим пример:

Мой «Ленор» от кутюр. Чувствую лучшие с «Ленор» (текст телевизионной рекламы).

3.13.2. Использование единиц итальянского и испанского языков в аутентичном и русском графико-орфографическом оформлении

В наименованиях коммерческих предприятий современной России могут использоваться и слова итальянского языка в их аутентичном либо русском графико-орфографическом оформлении: *ВАМ ВИНИ* Магазин детской одежды и обуви (наименование предприятия торговли в городе Омске; *bambini* 'дети'); *СТИЛИССИМО* (наименование салона красоты).

Итальянские слова в их аутентичном графико-орфографическом оформлении представлены и в следующих наименованиях учреждений общественного питания: *Café de la Familia* (наименование кафе в посёлке Перхушково Московской области; *Café de la Familia* 'семейное кафе'; 'кафе для семьи'); *La Familia* (наименование ресторана в городе Санкт-Петербурге; *La Familia* 'семья').

Единицы итальянского языка в их аутентичном графико-орфографическом оформлении представлены и в наименовании учреждения, производящего и продающего пиццу: *Vivat Pizza* (наименование ресторана в городе Москве). Данное наименование представляет собой предикативную единицу, простое предложение, содержание которого может быть передано средствами русского языка как 'Да здравствует пицца!'

Отметим, что слово «пицца» в сообщениях на русском языке представлено как в русском, так и в аутентичном, в итальянском, графико-орфографическом оформлении (латинским в своей основе): *Алло! Пицца* (наименование учреждения, производящего и доставляющего пиццу); *Додо пицца* (наимено-

вание учреждения, производящего и продающего пиццу); Domino's Pizza (наименование).

Заслуживает комментария и итальянское слово «*паста*», выражающее значение 'макаронны'. Для наименования этого продукта питания в нашей стране ранее использовалось исключительно слово «макаронны», итальянское по происхождению. Однако в начале XXI века, в наши дни, в период интенсивных прямых контактов России и россиян с Италией и её жителями, всё чаще вместо слова «макаронны» употребляется слово «*паста*», используемое в практике итальянской общественной коммуникации. Употребление именно данной лексической единицы, как представляется, обусловливается стремлением коммуникаторов именовать продукт питания так, как он называется в настоящее время в стране его происхождения.

Представляет интерес и следующее наименование одного из учреждений общественного питания: *La Carta restaurant*. Оформленные буквами латинского алфавита слова представляют собой сочетание имени существительного «*Carta*» и артикля «*La*». Это сочетание может быть интерпретировано как принадлежащее испанскому и итальянскому языкам. Ресторан является итальянским, поэтому данное сочетание рассматриваем как итальянское.

3.14. Объединение лексических единиц различных европейских языков в наименованиях, сформированных на русской почве

Современная российская социокультурная и коммуникативная реальность характеризуется активным синтезом инокультурных и иноязычных элементов на русской почве. Русский язык безусловно находится в основе и в центре, в ядре нашей общественной коммуникации, но в сферу нашей культуры и нашей коммуникации активно проникают единицы иных языков. Наблюдается весьма интересный феномен, когда такие единицы, придя из разных языков в отечественное социокультурное и коммуникативное пространство, начинают употребляться в сочетании друг с другом в наименованиях коммерче-

ских предприятий. Например, в одном наименовании могут объединиться единицы английского и французского языков, французского и немецкого языков. Рассмотрим пример: *Le Home интерьеры* (наименование магазина в составе одного из крупнейших торговых комплексов в пригороде Москвы). Данный пример представляет собой сочетание английского имени существительного «Home» со значением 'дом' и французского артикля «Le». Содержание этого англо-французского словесного комплекса может быть интерпретировано как 'дом'.

Интересную лингвокультурную игру мы наблюдаем, рассматривая наименование одного из учреждений общественного питания в российской столице: PUBlo BAR. Лингвокультурная игра связана с тем, что в ориентированном на массового представителя русской лингвокультуры наименовании наблюдается синтез лексических единиц, относящихся к английской и испанской лингвокультуре. Слово «BAR», как известно, представляет собой английскую лексическую единицу. А вот принадлежность языкового знака «PUBlo» весьма интересна. Именно в данном слове мы наблюдаем яркую лингвокультурную игру, суть которой заключается в следующем. Мы видим, что первые три буквы в составе этой лексической единицы прописные, как и в слове «BAR», а финальный элемент оформлен строчными буквами. Почему это так? Дело в том, что оформленный прописными буквами элемент может быть интерпретирован как английское слово «PUB» со значением 'пивная'. Впрочем, значение данной лексической единицы может быть передано и как 'паб', поскольку паб – это не просто питейное заведение, а один из ключевых лингвокультурных феноменов Англии: посещение паба и поведение в нём – важнейший элемент культуры Англии, один из тех элементов, которые делают английскую культуру принципиально отличной от других культур [Фокс, 2011]. Итак, содержание рассматриваемого сообщения может быть интерпретировано так: 'паб и бар' или 'пивная и бар'. Но такая интерпретация будет, безусловно, неполной, поскольку в слове «PUBlo» после имеющего самостоятельное лексическое значение элемента «PUB» идёт элемент «lo». Что он даёт? Он превращает английское слово «PUB» в как бы испанское слово «PUBlo», представляющее собой мужское имя.

если это слово произнести целиком. Но есть один нюанс: испанское мужское имя [pablo] пишется по-другому: Pablo. Таким образом, на почве русской лингвокультуры соединились элементы английской и испанской лингвокультур, синтез которых оформлен в игровом ключе.

Весьма яркий и интересный синтез единиц английского и испанского языков наблюдаем и в следующем тексте рекламы, размещённом в Интернете:

Барбершоп Fidel

Рядом с домом. Опытные мастера. Классика и креатив.

Стрижки, борода, бритвё, уход за кожей.

В рассматриваемом тексте рекламы английское слово «барбершоп», выражающее значение ‘мужская парикмахерская’, представлено в русском графико-орфографическом оформлении, а испанское мужское имя Fidel, представляющее собой наименование данной мужской парикмахерской, имеет аутентичное, испанское (латинское в своей основе) графико-орфографическое оформление.

Заметим, что слово «барбершоп» уже прочно вошло в наше культурно-языковое пространство. Вероятно, поэтому создатели анализируемого рекламного текста использовали русский вариант графико-орфографического оформления указанного слова. То есть, по всей видимости, по мнению авторов этого рекламного текста «барбершоп» воспринимается уже как естественная реалья нашей жизни, как нечто понятное носителю русского языка и русской культуры, в силу чего нет необходимости оформлять эту лексическую единицу с учётом графико-орфографической системы, обслуживающей язык оригинала (английский язык).

Совсем по-другому воспринимается слово «Fidel»: оно чётко ассоциируется с иной культурой, с культурой испанской, что по мысли людей, подобравших именно это слово для наименования мужской парикмахерской, будет способствовать выделению данного учреждения сферы бытового обслуживания из ряда подобных, весьма многочисленных. А это будет способствовать его запоминаемости и узнаваемости представителями целевой аудитории.

3.15. Единицы латинского языка в практике общественной коммуникации современной России

Латинский язык, как известно, относится к числу языков мёртвых и не используемых в процессе непосредственного общения людей, однако его роль в конституировании лексического фонда современных европейских языков, не только романских, но и германских, а также славянских, столь велика, что можно говорить о современной жизни латыни в преобразованном виде в названных языках. Кроме того, латинский язык и древнеримская культура выступили в качестве мощных начал, сформировавших современные европейские лингвокультуры, поэтому и в силу данного обстоятельства можно говорить о жизни латинского языка в преобразованном виде и в наши дни.

Язык древних римлян нельзя признать утратившим свою актуальности и в силу того, что в настоящее время это международный язык биологии, медицины и фармации, а также язык католической церкви.

Да, влияние латинского языка на жизнь современного мира, безусловно, не так велико, как влияние английского языка или какого-либо другого европейского языка, но, несмотря на это, характерная для современной российской общественной коммуникация тенденция использования иноязычных лексических имеет своё проявление и в виде употребления единиц латинского языка в их аутентичном либо русском графико-орфографическом оформлении. В качестве примера можно привести латинское слово «ursus» со значением 'медведь', используемое в качестве наименования одного из московских магазинов. На вывеске читаем:

*КАМУФЛЯЖ **URSUS** СПЕЦОДЕЖДА.*

Мы видим, что латинское слово «ursus» имеет аутентичное графико-орфографическое оформление.

Использование рассматриваемой лексической единицы в качестве наименования магазина связано с тем, что одежда камуфляжного типа используется охотниками.

Латинские слова могут быть представлены и в русском графико-орфографическом оформлении: *УЮТЕРРА* (наимено-

вание магазина в городе Омске); *СУШИТЕРРА* (наименование учреждения общественного питания в городе Омске). Отметим, что в приведённых примерах латинское слово «terra 'земля'», имеющее русское графико-орфографическое оформление «терра», входит в качестве второго элемента со своим корнем в состав сложных слов. В слове «УЮТЕРРА» первый элемент представляет собой слово «уют», а второй – слово «терра». Значение слова «УЮТЕРРА» может быть определено как 'земля уюта'.

Рассматриваемое слово имеет важную структурную особенность, требующую комментария. В абсолютном конце слова «уют» представлена буква «т». Эта же буква представлена в абсолютном начале слова «терра», поэтому при объединении данных слов в составе сложного слова одна из двух непосредственно контактирующих друг с другом букв т устраняется:

УЮТ+ТЕРРА → УЮТТЕРРА → УЮТЕРРА.

Думается, что со словообразовательной точки зрения наблюдаемое явление можно интерпретировать как частичную аппликацию морфем: начальная часть корня лексической единицы, представляющей собой вторую часть сложного слова, накладывается на финальную часть корня лексической единицы, являющейся первой частью данного сложного слова.

Лексическая единица «СУШИТЕРРА» – это сложное слово, первой частью которого является заимствованное русским языком из языка японского слово «суши», а второй частью – латинское слово «terra» в русском графико-орфографическом оформлении. Значение данного слова может быть определено как 'земля суши' (разумеется, речь идёт не о суше как о том, что противопоставлено воде, а о блюде, именуемом «суши»).

В практике общественной коммуникации современной России можно наблюдать и пародийно-стилизованное употребление русских слов в их как бы латинском грамматическом оформлении. Весьма ярким примером является сообщение, которое было представлено на рекламных щитах в городе Омске в конце августа, накануне начала учебного года:

ШКОЛУС НАЧИНАМУС.

Как и полагается при использовании в текстах рекламы иноязычных лексических единиц (например, слова «sale 'рас-

продажа'»), внизу под знаком астериска («звёздочки») мелким шрифтом был представлен «перевод» данного сообщения на русский язык: *Школа начинается*. Данное сообщение использовалось при рекламировании продажи канцелярских товаров, необходимых детям для занятий в школе.

Яркость сообщения, состоящего из русских лексических единиц в их как бы латинском грамматическом оформлении, обуславливается нашим хрестоматийно-поверхностным восприятием латыни как языка, визитными карточками которого являются слова, заканчивающиеся на *-us*. Отсюда и «школус», и «начинамус». Заметим, что латинским эквивалентом русской лексической единицы слово «школа» является слово «*schola*». А вот финальный элемент слова «начнамус» намного ближе к настоящей, а не пародийно воспринимаемой латыни, чем слово «школус». Дело в том, что в латинском языке действительно есть глагольное окончание *-mus*. Оно является показателем формы первого лица множественного числа глаголов настоящего времени. Например: *laudamus* 'хвалим'. Поэтому глагольная форма «начинамус», использованная в сугубо пародийном ключе, при более глубоком восприятии может быть интерпретирована и как 'начинаем'. Впрочем, копирайтеры, создавшие данное рекламное сообщение, вряд ли рассчитывали на углублённое знание латинского языка реципиентами данного рекламного сообщения. Скорее всего, им просто хотелось создать игривое, забавное, нестандартное сообщение, которое каким-либо образом будет связано со школьной тематикой. И вот здесь уже необходим историко-культурный комментарий.

Рассматриваемое рекламное сообщение было представлено во втором десятилетии XXI века, в 2015 году. Латинский язык изучается отнюдь не в массовом порядке: его осваивают студенты-филологи и студенты-медики, осваивают некоторые школьники, выбравшие для себя углублённое изучение гуманитарных предметов (заметим, далеко не все учащиеся гуманитарного профиля). Так почему же текст рекламы стилизован под сообщение на латинском языке? Дело в том, что в средневековой Европе языком науки и образования была исключительно латынь, в то время как местные национальные языки (английский, немецкий, французский) обслуживали преимуще-

ственно бытовую сферу. Кроме того, латинский язык был обязательным для изучения предметом во всех гимназиях дореволюционной России. Думается, что именно эти два факта и легли в основу креативной идеи представить перед началом учебного года сообщение на русском языке в виде имитации предложения на латыни. Так и получилось «ШКОЛУС НАЧИНАМУС».

Рассмотренный пример показывает, что в современном российском культурно-языковом пространстве представлены не только единицы живых европейских языков, но и единицы латинского языка, пусть подчас и в пародийном ключе.

3.16. Объединение лексических единиц европейских и азиатских языков в наименованиях, сформированных на русской почве

Социокультурная и коммуникативная реальность современной России характеризуется интенсивным проникновением не только единиц европейских языков, но и единиц азиатских языков, что породило весьма интересный феномен синтеза единиц языков Запада и Востока в сформированных на русской почве наименованиях блюд и учреждений общественного питания. Именно русское социокультурное и коммуникационное пространство стало местом единения слов, принадлежащих языкам Запада и Востока. Такие языковые единицы могут иметь русское графико-орфографическое оформление, но могут и представлять собой объединение имеющих английское (латинское в своей основе) и русское графико-орфографическое оформление. Обратимся к примерам.

Первый пример представляет собой фрагмент меню, представленного на раскладном рекламном носителе вблизи одного из учреждений общественного питания города Москвы:

ТАНДЫР МЕНЮ (сочетание оформлено без дефиса)

ЧИКЕН ТАНДЫР

ПОРК ТАНДЫР...

Слово «тандыр» тюркское, слово «меню», как известно, имеет французское происхождение.

Наибольший интерес представляют для нас сочетания «ЧИКЕН ТАНДЫР» и «ПОРК ТАНДЫР». Слово «чикен» пред-

ставляет собой английское имя существительное «chicken 'цыплёнок'; 'курица' (как приготовленное блюдо)» в русском графико-орфографическом оформлении. Слово «порк» – это английское существительное «pork 'свинина'» в русском графико-орфографическом оформлении. Содержание сочетания «чикен тандыр» может быть интерпретировано как 'курица, приготовленная в тандыре', а содержание сочетания «порк тандыр» – как 'свинина, приготовленная в тандыре'.

В наименованиях учреждений общественного питания может наблюдаться сочетание английских слов в их аутентичном графико-орфографическом оформлении, давно освоенных русским языком английских слов и в силу этого уже не воспринимаемых в качестве иностранных и слов тюркского происхождения, как давно укоренённых в русском языке, так и актуализировавшихся сравнительно недавно: GRAND УПЮК чайхана – lounge – бар (наименование одного из учреждений общественного питания). Слово «чайхана» сравнительно недавно начало активно употребляться для обозначения одного из связанных со сферой питания сегментов социокультурной реальности современной России. Примечательно, что такие сугубо западные формы организации общественного питания, как lounge (лаундж) и бар, в российском социокультурном пространстве объединились с такой сугубо восточной формой организации общественного питания, как чайхана.

Синтез единиц языков Востока и Запада представлен и в следующих наименованиях учреждений общественного питания в городе Омске:

ШАУРМА hot БЕЛЯШ;

ШАУРМА HOUSE.

Английское слово «hot» означает 'горячий'; 'жаркий', а английское слово «house» имеет значение 'дом'.

Все рассмотренные нами примеры позволяют сделать вывод, что социокультурное и коммуникативное пространство современной России представляет собой место уникального синтеза приходящих из культурно-языковых пространств Запада и Востока элементов при безусловной главенствующей, конституирующей роли русского языка.

3.17. Использование английского графического элемента «&» в сообщениях на русском языке

В сообщениях на русском языке используется графический элемент «&», являющийся эквивалентом английского союза «and 'и'». Данный элемент может соединять русские слова либо английские слова в их аутентичном или русском графико-орфографическом оформлении: ШКАФЧИК & ДИВАНЧИК (наименование магазина мебели в городе Москве); ОВОЩИ & ФРУКТЫ (наименование магазина в городе Москве); ОДЕЖДА & ОБУВЬ (наименование магазина в городе Москве);

ONE & DOUBLE кофе, десерты, выпечка (наименование учреждения общественного питания);

PUSHKIN PUB & CLUB (наименование учреждения общественного питания и отдыха);

BARVIKHA hotel&spa (наименование учреждения отдыха).

3.18. Разделение целой и дробной части при оформлении десятичных дробей

Следует обратить внимание на один весьма любопытный и показательный факт: в настоящее время в текстах рекламы всё чаще используется не запятая, а точка для разделения целой и дробной части в составе десятичной дроби. Такое оформление десятичных дробей свойственно англоязычным странам Запада. Рассмотрим примеры:

Сбережения 20.25% за 18 месяцев

(информация на рекламном щите в городе Омске);

Сбережения 13.95% годовых

(реклама на борту автобуса в городе Омске).

Оформление десятичных дробей по стандартам англоязычных стран Запада в текстах на русском языке, адресованных массовому российскому реципиенту, свидетельствует о привнесении элементов английской лингвокультуры в лингвокультуру русскую.

3.19. Стилизованное графическое оформление сообщений как проявление инокультурных элементов

При оформлении наименований учреждений общественного питания с восточной кухней часто наблюдается стилизованное использование графических средств, отсылающих реципиента к той или иной системе письма. Так, при оформлении вывесок, информирующих о том, что данное заведение представляет собой ресторан китайской или японской кухни, может использоваться стилизованный китайский либо японский иероглиф. Возможно оформление наименования ресторана с помощью русских слов, переданных русскими буквами, стилизованными под иероглифы.

Оформление наименований ресторанов с кухней стран Ближнего Востока часто осуществляется с помощью русских слов, переданных буквами русского алфавита, стилизованных под арабскую графику.

Всё это можно рассматривать как лингвосемиотические элементы, демонстрирующие проникновение элементов иных лингвокультур в отечественную лингвокультуру.

3.20. Вторая волна вестернизации России как социокультурный феномен

Так чем же тренд лучше тенденции, мейнстрим лучше основного потока, креатив лучше творчества, транспарентность лучше прозрачности, а трафик лучше движения? Можно ответить на этот вопрос, сказав, что в наше время использовать англоязычные слова просто модно. Но, думается, что такой ответ будет поверхностным. За так называемой модой на англоязычную лексику стоит социокультурная реальность России конца XIX – начала XXI века, и в ее чертах следует искать объяснение феномена использования заимствованных из английского языка лексических единиц даже в тех случаях, когда недавно заимствованное слово ничем не отличается семантически от слова исконного либо давно заимствованного и уже воспринимаемого как «свое», «родное» (сравним транспарентный – прозрачный;

тренд – тенденция; трафик – движение). В конце XX – начале XXI века в нашей стране были осуществлены изменения в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни, и в основу этих преобразований было положено, прежде всего, изменение **системы ценностей**: если до этого времени наше общество было ориентировано на соблюдение изначально присущих русской культуре ценностей и норм (таких, как коллективизм, полихронность), противопоставлявших российский (советский) социум обществам стран Западной Европы и США, на отличные от названных стран формы организации экономической, политической, социальной и культурной жизни, то в наше время жизненный и ценностный ориентир кардинально поменялся. Выработанные в странах Запада (прежде всего с США) способы организации жизни людей в обществе, основанные на свойственных культурам народов указанных стран ценностях, были признаны самыми современными, оптимальными, универсальными (применимыми к любому обществу, претендующему на то, чтобы называться цивилизованным), прогрессивными и образцовыми. Это касалось организации всех сфер жизни: экономической, политической, социальной, культурной и даже личной, и основной задачей российского общества в конце XX – начале XXI века, в период кардинальных перемен, провозглашалось прямое заимствование у стран Запада (прежде всего США) моделей экономической, политической, социальной, культурной и личной жизни. Они воспринимались как единственно правильные и прогрессивные. Бытовало даже такое мнение: нам, россиянам, не надо изобретать велосипед, т.е. пытаться выработать уникальные, ориентированные на нашу социокультурную специфику пути устройства основных сфер жизни – наша задача сводится исключительно к переносу (некоей трансплантации, если можно так сказать) выработанных в странах Запада и доказавших там свою эффективность способов организации экономической, политической, социальной и культурной сфер жизни, основанных на западной же системе ценностей (включающей такие черты, как индивидуализм, независимость личности, рациональность, стремление извлечь выгоду из любой деятельности, соревновательность индивидов и дух конкурентной борьбы).

Преобразования 90-х годов XX века осуществляли в большинстве случаев как сугубо механическое перенесение западных способов организации бытия, мыслимых как «правильные» и прогрессивные, с целью замены отечественных, мыслимых как «неправильные», отсталые, ведущие в тупик истории. Эти изменения воспринимались как некий возврат России на основной, магистральный путь истории после вынужденного пребывания на ее периферии в силу «ошибочных» решений в начале XX века. Одним из конституирующих элементов культуры являются принятые в ней ценности и нормы [Смелзер, 1998]. Культура семиотична [Кармин, 2003; Багдасарьян, 2001]. И её семиотический характер проявляется прежде всего в естественном языке, посредством которого осуществляются передача системы ценностей и норм из поколения в поколение и формирование всех сторон жизни общества, а также регулирование деятельности людей в нём [Воробьёв, 2008]. С точки зрения инициаторов преобразований российской реальности, языком образцово организованной экономической, политической, социальной и культурной жизни являлся английский. Поскольку формы организации данных сфер жизни в 90-е годы XX века в Россию переносились **механически** (с максимальным сохранением черт оригинала), как бы большими блоками, встраиваемыми в отечественную реальность, вместе с формами организации разных аспектов общественного бытия заимствовались лексические единицы, обслуживавшие коммуникацию в данных сферах в странах Запада (прежде всего в США). Многие из таких лексических единиц представляли собой наименования **концептов**, оформлявших когнитивную базу в сфере организации экономической, политической, социальной и культурной жизни. Часть таких концептов в нашей когнитивной модели просто отсутствовала в силу организованности жизни на иных принципах, часть концептов была, но именовалась, естественно, по-русски не так, как по-английски. Поскольку заимствованная модель воспринималась как **прогрессивная, передовая**, а существовавшая в отечественной практике как **отсталая, устаревшая**, русское наименование **вытеснялось** англоязычным. **как более современным, прогрессивным, передовым** (так, вместо розничной продажи у нас появился ритейл, вместо тен-

денции – тренд, вместо основного потока – мейнстрим, вместо творчества – креативность, вместо движения – трафик, вместо покупок – шопинг (шопинг), а то, что раньше называлось прозрачным, теперь стало называться транспарентным). В общем, вместе с прогрессивной реальностью пришел «прогрессивный» язык. Так наша страна повторила свою историю, повторила в конце XX – начале XXI века то, что уже было в конце XVII – начале XVIII веков, в эпоху преобразований Петра Великого. Безусловно, конкретное содержание социальных изменений конца XX – начала XXI веков в России отличается от того, что было в XVII – XVIII веках, но типологически (на уровне общих признаков) преобразования нашего времени **повторили социокультурные изменения многовековой давности**: 1) и в эпоху Петра I, и в наше время осуществление социальных преобразований было детерминировано стремлением к улучшению, модернизации всех сфер жизни общества, к организации жизни на передовых для данного времени, прогрессивных началах; 2) ориентация на западные страны как на источник передовых начал в социальной жизни; 3) заимствование в странах Запада системы ценностей и замена ими ценностей исконных, национальных; 4) заимствование в западном мире моделей поведения, в том числе и коммуникативного, и образа жизни; 5) восприятие всего заимствованного как нового, образцового, прогрессивного и полезного для будущего страны; 6) ученичество по отношению в опыту стран Запада; 7) результатом преобразований стали масштабные изменения в языке, проявившиеся прежде всего в освоении большого количества иностранных слов, ранее неведомых носителям русского языка; 8) активное использование такой лексики как признак просвещенности, цивилизованности, прогрессивного мировоззрения, что было противопоставлено употреблению традиционного для языка лексикона как олицетворению косности и отсталости; 9) полярность оценок преобразований в обществе – от восторженного принятия до ненависти. В наше время люди стремятся поехать учиться в страны Западной Европы и США. Это считается очень полезным и престижным. В эпоху Петра Первого тоже ездили учиться в Европу.

Однако есть отличие преобразований нашего времени от периода реформ Петра Первого: в XVII – XVIII веках в качестве источника всего нового для России выступали страны Западной Европы (прежде всего государства, впоследствии вошедшие в объединенную Германию, и Голландия), а в период конца XX – начала XXI века образцом для подражания стали прежде всего США. Именно поэтому социокультурные преобразования конца XX – начала XXI века можно назвать **второй волной вестернизации России**. Первая волна была в конце XVII – XVIII веков. И первая, и вторая волны вестернизации России имели свои языковые проявления: в первом случае наблюдалось интенсивное заимствование лексики из немецкого и голландского языков, во втором – из английского языка. То, что преобразования времен Петра Великого и нашего времени можно рассматривать как две фазы однотипного процесса вестернизации страны, подтверждается тем, что период XVII – XVIII веков именуется историками как время модернизации страны, а наше время сейчас также называют временем модернизации.

Думается, что социокультурные преобразования XVII – XVIII веков и конца XX – XXI веков типологически (содержательно) идентичны не только друг другу, но и социокультурным преобразованием России более раннего времени – времени крещения Руси. Такой вывод позволяют сделать следующие обстоятельства: 1) принятие христианства и реформы Петра, как и преобразования нашего времени, осуществлялись с целью организовать жизнь в России на более современных, прогрессивных началах; 2) принятие христианства и петровские реформы, подобно реформам нашего времени, предполагали изменение системы ценностей в обществе; 3) результатом принятия христианства и преобразований эпохи Петра Великого, как и социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI века, стали **масштабные изменения в языке, проявлявшиеся прежде всего в освоении большого количества иностранных слов, ранее неизвестных носителям русского языка**; 4) поляризация оценок социокультурных преобразований, связанных с введением христианства и петровскими реформами, в обществе подобно неоднозначности отношения к социокультурным изменениям в наше время. В период принятия христианства и

преобразований Петра Первого механизм изменений (при всей принципиальности различий их содержательного наполнения) был одинаков: культура, сформировавшаяся до времени преобразований, объявлялась **устаревшей, косной, не способствовавшей прогрессу** и официально интерпретировалась как имеющая **отрицательную** характеристику (со знаком «минус»); новая культура, имевшая иностранное происхождение и привлекавшаяся в Россию из-за рубежа, рассматривалась инициаторами ее проникновения социальной силой (князь/ царь) как **современная, прогрессивная, полезная** для развития общества и имевшая, безусловно, **положительную** характеристику (со знаком «плюс») [Успенский, 1994; Живов, 1996]; новая культура привносила в общество новый тип языкового выражения мысли, которое, будучи интерпретировано как положительное, было **прогрессивное, современное** и вообще **«правильное»**, было противопоставлено традиционному языковому выражению мысли. Так, после принятия христианства ряд слов, употребляемых в составе священных текстов в рамках язычества, просто был переведен в разряд запретных, греховных [Успенский, 1994]. И в период крещения Руси, и во время преобразований Петра I одним из **конституирующих элементов языка новой культуры были иностранные слова**: в первом случае гречизмы, во втором – слова, заимствованные из германских языков. Здесь уместно вспомнить и другой этап в истории нашей культуры – первую треть XIX века: тогда «прогрессивным», «правильным» языком в сознании образованной части русского общества считался французский, на котором говорили «продвинутые» (как бы сказали сейчас) представители общества. Более того, даже русские имена произносились на французский манер (вспомним, как звали главных героев романа Л.Н. Толстого «Война и мир»). Картина социокультурных изменений нашего времени (опять же при всех отличиях конкретного содержательного наполнения) идентична тому, что было при крещении Руси и реформах Петра Великого: 1) система ценностей, сформировавшаяся в русско-советский период, объявлялась отсталой, несовременной, не способствующей прогрессу и оценивалась как отрицательная (со знаком «минус»); 2) заимствованная в странах Запада (прежде всего в США), но-

вая для России система ценностей и основанный на ней образ жизни провозглашались прогрессивными, перспективными и единственно правильными, оценивались как исключительно положительные (со знаком «плюс»). По сути дела **социокультурные изменения начала 90-х годов XX века типологически (на уровне общих признаков) повторили социокультурные изменения многовековой давности**: 1) отрицание «родных» (традиционных) ценностей и норм культуры; 2) приход новых ценностей из-за рубежа; 3) интерпретация этих ценностей как положительных и прогрессивных; 4) ученическая позиция инициаторов социокультурных изменений по отношению к странам, откуда заимствуются ценности и нормы новой, «прогрессивной», «передовой» культуры, т.е. готовность «ради общего блага всего народа в будущем» перенимать систему взглядов на мир и образ жизни носителей данной, «образцовой» культуры.

В период преобразований в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни в конце XX – начале XXI века всё новое, приходившее с Запада, считалось несущим прогресс и благо для будущего развития России и воспринималось как однозначно положительное, как эталон, образец для подражания, в то время как всё национальное, сформированное в недрах предшествующего периода (в советское время) интерпретировалось как отсталое, несовременное, непрогрессивное и в силу этого нуждалось в скорейшей замене новым, прогрессивным, современным, западным. Во времена преобразований Петра Первого мировоззренческая картина была идентичной. Б.А. Успенский так характеризует это время: «XVIII век прошел под знаком новизны. «Новое» отождествляется с хорошим, ценным, достойным подражания, «старое» же мыслилось плохим, подлежащим слову и уничтожению. Россию люди петровской эпохи представляли себе то в образе «отродившегося в новый вид» существа, то новорожденного младенца» [Успенский, 1994, 234]. В конце XX – начале XXI века для характеристики России, отличной от нашей же страны советского периода и противопоставленной ей, стали использоваться выражение «новая Россия». И вновь параллели с XVIII веком: «Образ “новой” России и “нового” народа сделался свое-

образным мифом, который возник уже в начале XVIII столетия и был завещан последующему культурному сознанию» [Успенский, 1994, 235]. Любопытно, что прогрессивным, путеводным источником знания, единственно верным и потому заслуживающим доверия, уважения и подражания на рубеже XX и XXI веков считались теории, выработанные представителями стран Запада. Все советское рассматривалось как архаичное, непрогрессивное и отрицательное. В мировоззрении XVIII века было нечто сходное. Противники и сторонники преобразований по-разному оценивали феномен знания: первые знанием считали овладение длительной и детально разработанной традицией, а невежеством – отказом от нее (заметим, что на рубеже XX и XXI столетий в России наблюдалась сходная ситуация: противники преобразования жизни по западному образцу видели в этих нововведениях вредоносный, безответственный и некомпетентный отказ от национальной традиции, что проявлялось в публицистике; вторые же знание рассматривали как забвение традиции во имя краткого и рационального, «ясного как солнце» сознания, а невежеством считали следование «всем извивам традиционного мышления») [Успенский, 1994, 234]. Преобразования рубежа XX и XXI столетий привели к организации в нашей стране жизни, основанной на принципах, в корне отрицающих основания нашего бытия предшествующего периода, даже ближайшего. Эти принципы прямо противоположны тому, на чем строилась наша жизнь вплоть до конца XX века. И такой подход – явление, характерное и, по всей видимости, типичное для нашей культуры, как показывает сопоставление разных эпох, находящихся на значительно-временном расстоянии друг от друга. Характеризуя XVIII век, Успенский отмечает: «Дуальность и отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводило к тому, что новое мыслилось не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего» [Успенский, 1994, 221].

Таким образом, наблюдаемые сейчас изменения в социокультурной ситуации нашей страны представляют собой ещё одно звено в цепи аналогичных преобразований предшествующих эпох. Однако есть существенный момент, отличающий современные преобразования: вторая волна вестернизации России – это не просто ее приобщение к западной системе ценно-

стей и выстроенному на их основе социальному и индивидуальному бытию, а **вовлечение в процесс глобализации**. Если в период XVII – XVIII века Россия приобщалась к европейским ценностям и к европейскому образу жизни, то в период конца XX – начала XXI веков приобщение нашей страны к западной системе ценностей и форме организации всех сторон бытия (прежде всего в их американском проявлении) осуществляется как принятие не просто западных, а исключительно глобальных, всемирных ценностей.

Массовая культура представляет собой одну из граней процесса глобализации. Он имеет много различных черт [Тер-Минасова, 2008]. Использование слов английского языка в текстах современной рекламы ориентировано ещё и на демонстрацию реципиентам, что это сообщение «для своих», посвященных в современную глобальную (западную по происхождению и англоязычную по воплощению) культуру, и на противопоставление «продвинутых» молодых потребителей, владеющих «прогрессивным» лексиконом новой для нашей страны, западной, культуры остальным представителям социума, не понимающим этого лексикона и ментально оставшемся в прошлом – во времени, когда у нас всё говорилось и писалось только на русском.

Чертой эпохи второй волны вестернизации России является **коммуникативный синтез русского и английского языков в определенных условиях языкового выражения мысли** (в текстах рекламы, в условиях деловой коммуникации, в текстах, посвященных описанию сферы бизнеса, экономики, политики и досуга). Безусловно, следует сделать оговорку, что в процессе коммуникативного синтеза со стороны английского языка представлены главным образом его лексические единицы, проходящие фонетическую, морфологическую и синтаксическую адаптацию в системе современного русского языка и адаптацию графико-орфографическую и системе русского письма (сравним: shopping и шопинг; trafficsи трафик). Такое взаимодействие русского и английского языков можно рассматривать как **языковой код** эпохи второй волны вестернизации России. А.П. Садохин отмечает: «Мир вступил в эпоху глобального двуязычия “родной язык + английский язык” [Садохин, 2008].»

хин, 2004, 61]. Именно данный феномен мы наблюдаем в текстах современной российской рекламы, в текстах, имеющих отношение к сфере коммерческой деятельности, экономики, политики, досуга и массовой культуры.

3.21. Роль единиц английского языка в культурно-коммуникативном пространстве современной России

Каждая эпоха масштабных социокультурных изменений (прежде всего ценностных, мировоззренческих) имеет свой язык, воспринимаемый как семиотический и коммуникационный флагман всего нового и прогрессивного, что несут те или иные социокультурные изменения. В эпоху принятия Русью крещения таким языком был греческий, в период петровских реформ «языками прогресса» были немецкий и голландский, в начале XIX века большую важность приобрело знание французского языка, а в эпоху второй волны вестернизации России и вовлечение её в процесс глобализации «языком времени» стал английский. Обращение к его лексикону воспринимается, во-первых, как приобщенность к источнику прогрессивного знания и социального опыта, во-вторых, как показатель современности коммуникатора, в-третьих, как показатель единства коммуникатора с англоговорящими людьми – представителями стран, идущих в авангарде современной мировой цивилизации. Использование современными авторами таких слов, как «тренд», «транспарентный», «транспарентность», «трафик», вместо соответственно слов «тенденция», «прозрачный», «прозрачность», «движение» может быть интерпретировано как стремление продемонстрировать свою приобщенность к передовым моделям интерпретации мира в научных сочинениях на русском языке и максимально приблизить родной язык выражения мысли к языку передового знания (т.е. к английскому). Употребление английских слов типа «upsell», «cross-sell», «downsell», «front-end-product», CEO ‘генеральный директор’ в их аутентичном графико-орфографическом оформлении и слов типа «оффер» (offer), «дедлайн» (deadline) в литературе, посвящён-

ной организации коммерческой деятельности, обуславливается тем, что, во-первых, данные слова представляют собой наименования концептов той модели организации экономической деятельности, которой ранее не было в нашей стране, во-вторых, эти английские слова в ряде случаев лаконичнее их русских эквивалентов (а вовлеченные в современную коммерческую деятельность люди, как правило, знакомы с английским языком), в-третьих, авторы хотят подчеркнуть, что, несмотря на то, что они пишут на русском языке, их изложение максимально приближено и первоисточнику, оригиналу прогрессивного и самого современного на сегодняшний день знания – к англоязычному изложению концепции в трудах западных авторов, что российские авторы говорят с западными авторами «на одном языке», одинаково видят и интерпретируют современный мир.

Применение в текстах современной рекламы англоязычных слов типа «sale», «casual» в их аутентичном графико-орфографическом оформлении, предложений со всеми словами на английском языке в их английском письменном оформлении типа «Followusonline» посредством языкового выражения мысли демонстрирует приобщенность российской аудитории (ее молодых представителей) к передовому («продвинутому») образу жизни и способу проведения свободного времени. Написанные русскими буквами английские слова типа «саунд» ‘звук’ и состоящие из написанных русскими буквами английских слов целых предложений (типа «шоу маст гоу он») в текстах рекламы опять-таки призваны продемонстрировать приобщенность представителей современного молодого поколения жителей нашей страны к передовому, «продвинутому» (и англоязычному по своему языковому оформлению) образу жизни. Только написанные русскими буквами английские слова ориентированы на имитацию произнесения «продвинутыми» молодыми людьми в условиях их непосредственного общения данных английских слов, для чего они и написаны русскими буквами. Если говорить о слове «саунд» ‘звук’, то его использование – показатель приобщенности к рок-культуре, которая, как известно, в своей основе англоязычна.

Причиной англоязычности мышления современных молодых людей является внедряемый посредством рекламы и массовой культуры стиль жизни, языковым сопровождением (проявлением) которого является английский лексикон.

Изменения в социокультурной сфере находят свое выражение в языке. Употребление чрезмерно большого количества англоязычных слов в текстах на русском языке обусловливается, прежде всего, тем, что экономические, политические и социальные отношения в нашей стране организуются в значительной степени (конечно, с учетом наших особенностей) по образцу таковых в англоязычных странах Запада (прежде всего США). Отношения в обществе и межличностные отношения после приобщения к заимствованной на Западе системе ценностей тоже стали выстраиваться по западному образцу. Сформировался новый стиль жизни, получивший свое, в том числе и **языковое, оформление.** Ранее неведомая россиянам организация жизни стала обслуживаться языком, приспособленным традиционно для характеристики такого способа организации жизни в странах Запада (таким языком является английский), что привело к употреблению большого количества англоязычных слов, поскольку в ряде случаев для описания соответствующей сферы коммерческой деятельности или досуга в русском языке просто не было наименований, которые могли бы выступать в качестве соответствий тем или иным английским лексическим единицам, либо такие наименования представляли собой достаточно громоздкие языковые выражения, использование которых не соответствовало общей коммуникативной тенденции лаконизма языкового выражения мысли. Новое время принесло совершенно новый тип организации хозяйственной, политической и культурной жизни, а также новый тип досуга. Вместе с этим был заимствован и лексикон, описывавший такой тип организации названных сфер жизни в их аутентичном оформлении в англоязычных странах Запада (опять же преимущественно в США). Отношения в обществе и межличностные отношения вслед за экономическими отношениями также стали выстраиваться по западному образцу.

3.22. Иноязычные единицы в культурно-коммуникативном пространстве современной России: лингвистический, лингвокультурологический и аксиологический аспекты

Употребление иноязычных единиц в практике современной российской общественной коммуникации представляет собой объективно существующий феномен, доступный для наблюдения, осмысления и интерпретации. Это объективный факт, составляющий предмет осмысления лингвистов и лингвокультурологов. В настоящем учебном пособии мы представили описание единиц различных языков, используемых в сообщениях на русском языке. Но у феномена употребления иноязычных единиц в практике современной российской общественной коммуникации есть не только сугубо лингвистический, но и аксиологический аспект. Он предполагает оценку фактов активного употребления иноязычных языков в практике современной российской общественной коммуникации с точки зрения положительного или отрицательного влияния на русский язык и на русскую культуру, с точки зрения наличия или отсутствия пользы либо вреда от употребления единиц иных языков в сообщениях на русском языке, пользы или вреда от вторжения иноязычных и инокультурных элементов в русскую лингвокультуру. И здесь есть над чем подумать.

Активное употребление иноязычных единиц в практике современной российской общественной коммуникации вызывает и серьёзную озабоченность. Так, депутат Государственной думы Евгений Федоров предложил законодательно ввести налог для компаний, использующих иностранные слова в названиях. Политик так выразил свою точку зрения: «Это наша страна, наши правила и наш язык. И пусть они учат наш язык, а не мы их у себя на родине». Он отметил: «Мы исходим из того, что русская культурная среда должна быть понятна для русского человека, чтобы она не вызывала у него дискомфорта и озабоченности. На территории России должны быть русские слова, которые понятны гражданам» [Метро. Москва. Столичная утренняя газета. 03 октября 2013. № 118 (180/2858). С. 07].

Признавая безусловную правоту политика и разделяя его обеспокоенность фактом излишне активного употребления иноязычных единиц в практике нашей общественной коммуникации, отметим, что мы должны заботиться о нашем родном языке, должны любить и ценить его. У нас есть все основания гордиться нашим родным языком: непрерывно развиваясь на протяжении веков, он обрёл способность с филигранной точностью и весьма ярко выражать тончайшие нюансы мысли и чувств людей. Подчеркнём, что любовь к своему родному языку и к своей культуре, гордость своим родным языком и родной культурой не исключают уважительного отношения ко всем языкам и культурам, существующим на нашей планете. Любя и ценя русский язык и свою культуру, мы глубоко уважаем и ценим все языки планеты Земля и культуры всех живущих на ней народов.

Взаимодействие русской культуры с другими культурами – естественный процесс, обусловленный взаимодействием нашей страны с другими странами в области экономики, политики, науки, культуры и спорта. Это взаимодействие влечёт приток единиц иных языков в культурно-языковое пространство нашей страны. Какие-то из этих единиц войдут в лексический фонд русского языка, станут органичной частью его словаря. Такие единицы могут обогатить синонимику русского языка. Какие-то из используемых в практике общественной коммуникации современной России иноязычных единиц с течением времени выйдут из употребления. Язык – саморазвивающееся явление, но, несмотря на это, каждый из нас должен в своей коммуникативной практике в максимальной степени использовать лексический ресурс своего родного языка, а к единицам иных языков обращаться только в тех случаях, когда по каким-либо причинам именно такие единицы оказываются единственно возможным средством именованья того или иного понятия.

Культурно-коммуникативное пространство современной России характеризуется интенсивным проникновением в него элементов иных лингвокультур. Какие из этих элементов закрепятся в фонде русского языка, а какие не найдут в нём своего

места, покажет время. Нам же, носителям русского языка, надо внимательно, заботливо, бережно, нежно и почтительно относиться к своему родному языку.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие тенденции свойственны социокультурной реальности современной России? Каково языковое проявление (воплощение) данных тенденций?

2. В чём заключается качественное своеобразие культурно-коммуникативного пространства современной России?

3. Элементы каких лингвокультур привносятся в настоящее время в лингвокультуру современной России?

4. В чём проявляется лингвосемиотическое выражение характерных для настоящего времени изменений в культурно-коммуникативном пространстве России?

5. Какие лексические единицы английского языка представлены исключительно в аутентичном графико-орфографическом оформлении в сообщениях на русском языке?

6. Приведите свои примеры употребления единиц английского языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении в сообщениях на русском языке.

7. Какие лексические единицы английского языка представлены исключительно в русском графико-орфографическом оформлении в сообщениях на русском языке?

8. Приведите свои примеры употребления единиц английского языка в русском графико-орфографическом оформлении в сообщениях на русском языке.

9. Какие единицы английского языка имеют и аутентичное, и русское графико-орфографическое оформление в современном российском культурно-коммуникативном пространстве?

10. Приведите свои примеры одних и тех же единиц английского языка, представленных в сообщениях на русском языке и в аутентичном, и в русском графико-орфографическом оформлении.

11. Какие русские слова с английскими суффиксами в составе вам известны? Почему суффиксы иноязычного происхождения гармонично совместились с другими морфемами в составе таких слов? По какой причине при образовании таких слов предпочтение было отдано суффиксу иноязычного происхождения, а не русскому суффиксу?

12. Известны ли вам какие-либо недавно появившиеся в русском языке слова, в составе которых есть иноязычные префиксы либо суффиксы?
13. Какие английские слова получили русское грамматическое оформление?
14. Приведите свои примеры английских слов, которые недавно получили русское грамматическое оформление.
15. С какой целью используются единицы английского языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении в практике общественной коммуникации современной России?
16. С какой целью используются единицы английского языка в русском графико-орфографическом в практике современной российской общественной коммуникации?
17. Какие русские слова представлены в практике общественной коммуникации современной России в английском (латинском в своей основе) графико-орфографическом оформлении? С какой целью русские слова письменно оформляют с помощью букв английского (латинского в своей основе) алфавита?
18. Приведите свои примеры употребления русских слов с английским (латинским в своей основе) графико-орфографическим оформлением в практике общественной коммуникации современной России.
19. Какие русские слова представлены в частичном английском (латинское в своей основе) графико-орфографическом оформлении в практике современной российской общественной коммуникации? С какой целью русские слова письменно оформляют частично с помощью букв английского (латинского в своей основе) алфавита?
20. Приведите примеры языковой и лингвокультурной игры, связанной с соединением в одном словесном знаке единиц разных языков. Какой цели достигают коммуникаторы, прибегая к такой языковой и лингвокультурной игре?
21. Какие единицы немецкого языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении представлены в культурно-коммуникативном пространстве современной России?
22. Приведите свои примеры употребления единиц немецкого языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении в культурно-коммуникативном пространстве современной России.
23. Какие единицы французского языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении представлены в современном российском культурно-коммуникативном пространстве?

24. Приведите свои примеры употребления единиц французского языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении в практике современной российской общественной коммуникации.

25. Приведите свои примеры употребления единиц французского языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении в сообщениях на русском языке.

26. Приведите свои примеры употребления единиц французского языка в русском графико-орфографическом оформлении в практике современной российской общественной коммуникации.

27. Какие единицы итальянского языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении представлены в современном российском культурно-коммуникативном пространстве?

28. Приведите свои примеры употребления единиц итальянского языка в русском графико-орфографическом оформлении в практике современной российской общественной коммуникации.

29. Какие единицы испанского языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении представлены в современном российском культурно-коммуникативном пространстве?

30. Приведите свои примеры употребления единиц испанского языка в русском графико-орфографическом оформлении в практике современной российской общественной коммуникации.

31. Какие единицы латинского языка в аутентичном графико-орфографическом оформлении представлены в практике современной российской общественной коммуникации?

32. Приведите свои примеры употребления единиц латинского языка в русском графико-орфографическом оформлении в практике современной российской общественной коммуникации.

33. Какие единицы восточных языков представлены в практике современной российской общественной коммуникации?

34. Приведите свои примеры употребления единиц восточных языков в практике современной российской общественной коммуникации.

35. Приведите примеры совместного употребления единиц восточных языков и единиц языков западных в практике современной российской общественной коммуникации.

36. В чём заключается сущность феномена второй волны вестернизации России?

37. Что общего у процессов первой и второй волны вестернизации России?

38. В чём принципиальное отличие второй волны вестернизации России и первой волны вестернизации нашей страны?

39. В чём проявляется сходство феноменов первой и второй волны вестернизации России с феноменом крещения Руси?

40. Какие аспекты существуют у феномена использования иноязычных единиц в практике современной российской общественной коммуникации?

41. Активное употребление иноязычных единиц в современной российской общественной коммуникации: благо или зло? Обоснуйте свою позицию.

Глава 4

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ, ЛИЧНОСТИ ДЛЯ ПРАКТИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

Данное учебное пособие по элективному курсу, в том числе, ставит перед собой задачи: а) быть в курсе отечественных и зарубежных исследований в области науки о языке, культуре и лингводидактики; б) вносить посильный вклад в разработку проблем *современного лингвострановедения для практики обучения*.

Такая постановка задач вызвана возросшим интересом к отечественным наукам *лингвострановедению и лингвокультурологии*, которые выдвинули на первый план необходимость изучения языка в контексте культуры.

Лингвострановедение (этнолингвистика, лингвоантропология) отпочковалась от культурологии (философии) в 60-х годах XX века. Оно оформилось в самостоятельную дисциплину после выхода в свет специального номера американского журнала «*Этнография речи*» [1964 г.] со статьями ряда известных исследователей, среди которых были *Лабов (V. Labov)*, *Холл (E.T. Hall)*, *Хаймс (D.H.ymes)*. Эти авторы констатировали назревшую необходимость объединить усилия нескольких научных дисциплин (*лингвистики, истории, антропологии, этнографии, социологии*) в целях раскрытия огромного потенциала языка человека.

Функционирование языка регулируется не только лингвистическими правилами, но также и нормами социальной и культурной среды, в которой живет человек. Концепция социальной культурной детерминированности явлений языка возникла не на пустом месте. Она была подготовлена работами европейских

ученых прошлого – В. Гумбольдта (*K.W. Humboldt*) в Германии, А. Мейе (*A. Meillet*) и Э. Бенвениста (*E. Benveniste*) во Франции, А.А. Потебни в Советском Союзе. Позднее отдельным вопросам соотношения языков и культур уделяли значительное место в своих исследованиях крупнейшие отечественные ученые – А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, Р.А. Будагов. Они использовали иную терминологию, но содержательная сторона их наблюдений и выводов была исключительно плодотворной. В практическом (лингводидактическом) плане проблема изучения языка в контексте культуры была поставлена уже при составлении первых программ советской школы в 20-х годах XX века.

Сегодня развитие именно *лингвокультурологического направления* в языкознании обусловливается стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире. При этом особо подчеркнем научный лингвометодический характер осмысления тех фактов, которые до сих пор носили более философскую направленность.

Язык и культура, а также *личность* все более активно выдвигаются в число значимых факторов современной науки (и не только лингвистической), а также политики и общественной жизни. В массовом сознании *язык, культура и личность* постепенно перестают ассоциироваться с какой-то изолированной областью научных исследований, существующей в научных и других замкнутых пространствах, они выплескиваются в повседневность в виде запроса на языковой вкус, на понимание той или иной ментальности, превращаются в политический и даже экономический ресурсы, в ключевые элементы развития окружающей нас среды. Что сегодня отражается в популярности таких тем, как *языковая политика, «языковой вкус эпохи», диалог культур, поликультурное обучение; личность: языковая, национальная, элитарная* и т.д. Все эти темы сегодня активно исследуются с позиции *лингвокультурологии*: теоретической. Ранее этим занималось *лингвострановедение*.

Время показало, что становление *лингвокультурологии* в тех формах, в каких она имеет место быть сегодня, это продол-

жение лингвострановедения, но не сопротивление ему, не его преодоление. Право считаться научной та или иная отрасль знания получает в том случае, когда определен объект исследования и научный аппарат его описания. В противном случае дисциплина «лингвострановедение» может превратиться в сборник рассказов о приключениях человека, попавшего в иноязычную среду. Пояснение непонятного в языке имеет давнюю историю. Оно имело широкое хождение, например, в средневековой Европе, когда латынь теряла свой универсальный характер и на территории, где нарождались европейские языки, ряд выражений латинских текстов стал сопровождаться комментариями.

Вопросы об объекте наблюдений и путях исследования лингвострановедческого материала обсуждались в течение нескольких десятилетий как лингвистами, так и лингводидактами. Остановимся на тех основных причинах, которые и привели к выработке лингвокультурологии.

Лингвострановедение – Лингвокультурология – представляют ли они одну научную парадигму или это расходящееся единство? Сам факт наличия терминов-синонимов свидетельствует о расплывчатости обозначающего ими понятия, то есть об отсутствии четкого представления о содержании этих дисциплин. Начнем с освещения проблемы *лингвокультурологии* как современной парадигмы научного знания, ее отличия от *лингвострановедения*, а главное представим методологию, т.е. концепцию развития этих научно-методических направлений, перехода от теории к практике. Напомним старую истину: новое – это хорошо забытое старое. Вспомним, что *лингвострановедение* проектировалось ее создателями *В.Г. Костомаровым* и *Е.М. Верещагиным* как практический, т.е. прикладной аспект методики преподавания русского языка как иностранного «через посредство культуры». Если в 60-е годы словосочетание «*практическое лингвострановедение*», наверное, было бы воспринято как оксюморон, то впоследствии это понятие уже и не мыслилось по-другому. Методическое пространство русского языка как иностранного расширилось до глобального (в СССР и странах соцсодружества), развитие этого направления было

архиактуально и необходимо для пропаганды советского и социалистического образа жизни, и *лингвострановедение* обязано было соответствовать этому времени. Научные исследования по *лингвострановедению* стали носить характер программ действия, а теоретические разыскания оставили для философов языка и некоторых социальных наук (*социолингвистики, этнолингвистики* и др.). Методика преподавания русского языка как иностранного и *лингвострановедение*, в современном понимании предметов этих наук, занялись решением вполне конкретных задач, имеющих вполне осязаемый, а главное – адресный результат (иностранцы студенты и преподаватели-русисты).

Культурной предпосылкой *лингвострановедения* явилась особая коммуникативная ситуация, сложившаяся в лингвогуманитарном знании (сначала в западном, например, во Франции «*ланг и цивилизация*»), а потом и в отечественном (советском, потом российском), в которой любой социальный субъект выступал заказчиком на написание определенных учебников по русскому языку, а ученый-методист – компетентным исполнителем данного социального заказа [например, прекрасный учебник В.Г. Костомарова «*Русский язык для всех*»].

Ученые-русисты столкнулись с ситуацией появления множества самых разнообразных и ограниченных во времени культурных практик обучения русского языка как иностранного. Простая экстраполяция прежнего верифицированного знания уже не могла быть осуществлена по причине изменения объекта, который нередко продолжал изменяться и в самом ходе исследования. Требовалась другая наука: мобильная, наполненная фактическим материалом (полевые исследования) и не претендовавшая на концептуальные построения высокого уровня. Практически все исследователи, занимавшиеся проблемой обоснования дисциплинарного статуса *лингвострановедения*, вспоминали идею Р. Мертона о необходимости построения «*теорий среднего уровня*».

Нельзя не отметить также сложившуюся в 60-х годах парадоксальную ситуацию, когда науки о языке и культуре в СССР еще не существовало, а *лингвострановедение* уже бурно развивалось. Причем, на нее был активный социальный заказ со

стороны госструктур, отвечающих за культурную и языковую политику государства представителей управленческих учреждений, в частности, Министерства образования. Собственно, во многом именно это, т.е. потребность государственных учреждений в исследованиях, и определяло специфику прикладной науки – *лингвострановедения* как аспекта методики преподавания русского языка как иностранного. В 1973 г. вышла в свет книга *Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство»*, где впервые прозвучал термин «*лингвострановедение*». Этим термином обозначили область лингвометодического направления, отвечающего потребностям лингводидактики – изучению социальных и культурных особенностей жизни страны изучаемого языка, реалий и слов, непонятных носителям иной культуры. Авторы столкнулись с необходимостью выработки методики объяснения иноязычным студентам слов, обозначающих незнакомые им реалии русской действительности. Так термин *лингвострановедение* вошел в лингводидактическую повседневность (гораздо позже появились его синонимы – «*мир изучаемого языка*» и «*лингвокультурология*»).

Хронологически *лингвострановедение* предшествует *лингвокультурологии*. Некоторые ученые и сейчас считают их одной дисциплиной. «*С нашей точки зрения, лингвострановедение и лингвокультурология – это термины, в общем и целом, называющие одну и ту же область знания*» [Верещагин, 2005, 37–38]. Мы придерживаемся другой точки зрения и считаем, что «*лингвострановедение может рассматриваться как практическая реализация лингвокультурологии в процессе преподавания русского языка иностранцам, то есть как ее прикладной аспект*» [Воробьев, 2009, 9]. Третьи рассматривают *лингвострановедение* только как один из источников *лингвокультурологии* [Маслова, 2004, 37]. Действительно, *лингвострановедческое* описание языка соотносится с *лингвокультурологическим*. «*Общим моментом в этих двух подходах является фокусировка исследования: язык изучается для объяснения этнокультурной специфики общения на этом языке*» [Карасик, 2006, 14–15].

Другими словами, и *лингвокультурология*, и *лингвострановедение* ориентированы на вполне определенную цель – изучение взаимосвязи языка и культуры, уже – своеобразии национально-культурного компонента семантики языковых единиц (лексического фона).

Однако следует отметить следующее. *Лингвострановедение* всегда рассматривалось как методическая дисциплина, позволяющая отбирать и презентовать иностранным студентам различные национально-культурологические единицы, необходимые в процессе речевого общения. «Усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком», – считают его основатели [Верещагин, 1983, 4]. Поэтому основной задачей *лингвострановедения* стало аккультурирование учащихся, усвоение ими норм и ценностей другой национальной культуры, раскрываемой посредством изучаемого языка. На решение перечисленных задач направлена и *лингвострановедческая компетенция*, в которую включается следующее: знания об истории, географии и культуре русского языка; усвоение лексических единиц с национально-культурным компонентом и их сопоставление с родным языком; умение адекватно воспринимать и воспроизводить культурологические единицы в речи в определенных ситуациях, способствующих выходу на уровень межкультурного речевого общения.

Свое отражение *лингвострановедческая компетенция* находит в большом количестве пособий, создаваемых преподавателями в течение многих десятилетий. В них, как правило, входят тексты, которые содержат разнообразную культурологическую информацию о России, ее городах и известных людях, праздниках и обрядах, русском национальном характере. В таких текстах воплощены основные языковые единицы с национально-культурным содержанием, знакомство с которыми традиционно происходит уже на начальном этапе обучения и продолжается на продвинутом. Что же касается методов анализа *лингвострановедческого материала*, то наиболее эффективным представляется сравнительно-сопоставительный анализ.

Что же представляет собой лингвокультурология в современной России? Лингвокультурология – это научное направление, возникшее в России в постсоветское время, до этого такого термина у нас не существовало. Он был введен. По своему генезису российская лингвокультурология весьма неоднородна. С одной стороны, нами она ориентирована на отдельных крупных ученых В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина: «Язык и культура», «Лингвострановедческая теория слова», с другой – на работы Ю.Н. Караулова, Ю.С. Степанова, Л.А. Новикова и в целом на то интеллектуальное явление, которое называется московской лингвистической школой.

Сюда массово влился интеллектуальный контингент, который в силу новых политических обстоятельств оказался как бы «не у дел», – например, русисты в России и особенно за рубежом. Поэтому можно отметить, что сегодня лингвокультурология в России и в зарубежье весьма неоднородна: есть отдельные сильные центры в Белоруссии, в Польше, Болгарии, у нас в Башкирии, в Белгороде и мн. др.

Линию судьбы науки лингвокультурологии, относительно недавно получившей свое узаконенное место среди других лингвистических дисциплин, можно отнести, скорее, к разряду «ломанных», чем «прямых». На этой линии отчетливо читаются как минимум три разных (по содержанию и формам репрезентации) периода. Сначала – длительный этап предистории, когда собственно термин «лингвокультурология» отсутствовал, а формирование знания, лингвокультурологического по сути, происходило в лоне родственных наук и имело соответствующее этим дисциплинам «титольное» обозначение. Затем период «кристаллизации» лингвокультурологии как самостоятельного направления, «отстраивание», говоря современным языком, от «конкурентов», сопровождавшееся борьбой за право на полноформатное существование, за статус, не отличающийся от того, каким обладают смежные, но уже устоявшиеся, привычные, общепризнанные гуманитарные дисциплины (заметим, что всплески дискуссий о таком праве возникают то и дело и сегодня). Наконец, это период вполне легитимного развития лингвокультурологии как научной и учебной дисциплины; этап, когда

обозначение себя как «лингвокультуролога», а проведенного тобою исследования как «лингвокультурологического» воспринимается не как эпатаж, а просто как обозначение принадлежности к одному из нормативно узаконенных научно-дисциплинарных сегментов.

Для каждого из названных этапов характерны особые акценты, доминирование тех или иных проблемных блоков, которые, становясь эпицентром исследовательского интереса, определяли векторы продвижения отечественного лингвокультурологического познания. Сегодня эти понятия, можно даже сказать, вошли в моду и весьма широко используются не только в контексте собственно научного пространства, но и в массовой медиа, в рамках многих других лингво- и социокультурных практик. Вместе с тем их цели и задачи постепенно приобрели вполне обоснованную специфику, позволяющую достаточно четко различать эти дисциплины. Большинство авторов, признавая тесную связь *лингвокультурологии* и *лингвострановедения*, второе рассматривают как один из источников первого. Однако их сближает не только хронология и источниковедение, но и то, что обе дисциплины имеют и теоретическую и прикладную лингводидактическую направленность. Известна концепция, согласно которой *лингвокультурология* определяется как аспект лингводидактики, рассматривающий проблемы взаимодействия культуры и языка в процессе его функционирования, а также описания и преподавания. При таком подходе *лингвокультурология* оказывается по своему содержанию уже, чем *лингвострановедение*, ее объектом является материальная и духовная культура, созданная человеком, а такие предметные области, как природа, животный и растительный мир, географическое положение страны, климат, должны остаться за ее пределами.

В отличие от *лингвострановедения*, для которого был характерен избирательный, скорее иллюстративный подход к описанию культурных реалий, *лингвокультурология* ставит перед собой задачу целостного, системного представления единиц языка и культуры в их корреляции и взаимодействии. В настоящее время *лингвокультурология* в России ориентируется на

новую систему культурных ценностей, выдвинутых современной жизнью общества, на полную и объективную интерпретацию фактов и явлений культурной жизни.

Однако отметим, что в значительной мере это не вполне благополучная сфера. Содержательно здесь до сих пор широко процветают некие самобытные концепции, почти никак не соотносящиеся с международным контекстом исследований языка и культуры. Лингвокультурология сегодня находится на очередном лингвометодическом перепутье. С момента своего зарождения, получив двойное имя: «*наука о языке и культуре*» и «*лингвокультурология*», стараниями российских лингвистов и методистов оказалась обреченной на многочисленные перепутья. Всё началось с того, что, приватизировав эволюционную науку о языке и культуре *Вильгельма фон Гумбольдта*, советские и российские ученые-русисты в духе времени изменили ей род («пол»), превратив в сугубо «лингвометодическое знание».

Соответственно, стали защищаться различные диссертации: теории и истории языка и культуры, языковой и элитарной, речевой и национальной личности, *философии и лингвокультурологии, психолингвокультурологии, лингвокультурологии и деловых коммуникаций, этнолингвокультурологии...*

Также стали заметны некоторые несуразности: первая — в среде лингвистов стала расхожей грустная шутка о том, что у нас существует два типа *лингвокультурологии* — «скучная» и «увлекательная». «Скучная», что строится по критериям и принципам научности, т.е. предметной конкретности и методологической системности, стремится объяснить язык и культуру и их закономерности на основе неких общих фундаментальных принципов, теоретических схем и операциональных концепций, как это принято в науке. «Увлекательная», напротив, предстает как компиляция ярких и разноречивых дефиниций, как феерические ряды лингвокультурных событий и артефактов. Налицо, что называется, предметная размытость, методологическая противоречивость, статусная неопределенность, вариативный и версионный характер *лингвокультурологии*: насколько это обосновано и рационально — изучать некий предмет «как он есть» (т.е. язык и культуру) в рамках одной науки (*лингвокультурологии*), а сущность этого предмета оставлять в рамках со-

всем других наук (философии языка и культурологии). Доказательством этого является наличие множества определений «лингвокультурологии», «лингвокультуры», «концепта», лингвокультуремы и прочих дефиниций. Внешними проявлениями такой бесконечности являются эффекты и результаты, изложенные относительно «увлекательной» лингвокультурологии.

Вторая несуразность имеет не только методологический, но и организационный аспект шараханий из стороны в сторону. Так, в начале 90-х годов прошлого столетия в Институте русского языка имени А.С. Пушкина на заседании Ученого совета было заявлено, что *«лингвокультурология не нужна, поскольку есть лингвострановедение, которое обеспечивает методологическую базу для преподавания русского языка как иностранного «через посредство культуры», а все прочее, что нужно для изучения языка и культуры, обеспечивается рядом частных наук, таких как этнолингвистика, социоллингвистика, культуроллингвистика, лингвострановедение и др. Если эти науки «суммировать», то для лингвокультурологии места не останется. А через некоторое время было заявлено обратное, «что лингвокультурология рано или поздно придёт на смену лингвострановедению, лингвополитическим наукам, может быть, даже и самой философии языка. Когда общество будет жить и развиваться по законам культуры, лингвокультурология, несомненно, станет ведущей отраслью языкового научного знания».* Приведем еще одно мнение в адрес лингвокультурологии, что якобы история играет и сыграла с лингвокультурологией злую шутку: не став подлинной наукой со всеми присущими ей атрибутами, лингвокультурология волей судеб обрела статус учебной дисциплины. Это породило коллизию большой разрушительной силы, привело к ряду негативных последствий, одним из которых стало сформировавшееся в массовом сознании стойкое негативное отношение к лингвокультурологии как к науке, так и к учебной дисциплине. Несуразностью веет и еще одно высказывание, что лингвокультурология – и наука и не – наука, обладает собственным предметом (да и предмет какой-то странный!) и не обладает им, разделяет его с другими областями знания, отделена от других дисциплин и сливается с ними. В журнале «Мир русского слова» № 2, 2001 г. было опублико-

вано заседание круглого стола, посвященное обсуждению статуса *лингвокультурологии*, языку и культуре в пространстве языковедческих наук и лингвогуманитарного знания в целом. Однако известные ведущие специалисты в этой области поддерживали лингвокультурологическую концепцию, в частности С.Г. Тер-Минасова: «Очень хорошо, что лингвокультурология есть, однако жаль, что не я придумала этот термин».

Тема *лингвокультурологии*, по мнению ряда коллег-русистов, преподавателей иностранных языков, исследователей в России и за рубежом, является весьма актуальной. Вызвано это, прежде всего, сложностью и многогранностью объекта и предмета наук о языке и культуре, а главное – отсутствием достаточного количества масштабных трудов по систематизации лингвокультурологической методологии и методики, и в значительной мере – претензиями (отнюдь не безосновательными) *лингвокультурологии* на статус методологии всего корпуса наук о языке и культуре, а также личности – фактически метанауки.

Заметим, что смежные научные дисциплины различаются способом представления и толкования культурной информации. Так, словари, лингвострановедческие и страноведчески ориентированные исследования, описывают понятия и факты общественной, экономической, культурной жизни страны, культурные реалии, связанные с ее историей, бытом, традициями, литературой, искусством, образованием и т. п. Лексические и фразеологические единицы, имеющие реальный прототип в пространстве или во времени, несут фоновые знания, с помощью которых единицы языка соотносятся с фактами культуры. *Лингвокультурология* же «работает» на глубинном уровне семантики, с учетом системного и интегративного подходов к явлениям языка и культуры.

Итак, *лингвострановедение*, которое изначально определялось как лингводидактический аналог или коррелят социолингвистики, предлагается рассматривать как прикладной аспект лингвокультурологии, все рельефнее приобретающей когнитивно-семиологический характер.

В последнее время утверждается новая парадигма лингвистической культурологии – *когнитивно-семиологическая лингвокультурология*, опирающаяся на три кита: *когнитив-*

стику, семиологию и герменевтику. Лингвокультурология как наука в отличие от лингвострановедения изначально имела иные цели и задачи. «Находящаяся на стыке лингвистики, этнолингвистики, культурологии, лингвострановедения, она изучает нахождение механизмов языка и культуры». «Лингвокультурология позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием сознания, развития, хранения и трансляции культуры» [Маслова, 2004, 30]. Следовательно, эта дисциплина предполагала теоретическое обоснование взаимосвязи языка и культуры на широком материале и не была ориентирована на применение в учебном процессе. Ее появление как науки в России долгое время рассматривалось именно на теоретическом уровне [работы Ю.Д. Апресяна, В.В. Воробьева, Ю.Н. Караулова, Ю.С. Степанова, Е.Ф. Тарасова, В.П. Телия]. Но в последнее время лингвокультурология приобретает статус прикладной науки применительно к процессу обучения иностранных студентов русскому языку. Культура страны начинает выступать как составная часть коммуникативных потребностей учащихся, как экстралингвистическая основа речевых ситуаций и реализуемых в них интенций. Дидактический подход «обучение языку – ознакомление с культурой – обучение языку» рассматривает культуру уже не как предмет соизучения, а как составную часть учебной дисциплины РКИ, целью преподавания которой является обеспечение коммуникативной компетенции [Прохоров, 2009, 23]. Поэтому наряду с лингвострановедческим подходом определенное место стал занимать и лингвокультурологический, при котором культура становится объектом познания и обучения. В связи с чем интерес к лингвокультурологии с позиции учебного процесса определяется следующими причинами: во-первых, изучая национально-культурное содержание языковых единиц, лингвокультурология может рассматривать их в аспекте РКИ «с целью понимания этих единиц во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры» [Воробьев, 2000, 84]. Во-вторых, значимость в методике преподавания РКИ приобретает лингвокультурологический подход к обучению еще и потому, что взаимосвязанное

изучение языка и культуры способствует развитию языковой личности, способной к межкультурной коммуникации.

Некоторыми учеными предлагается и определение *прикладной лингвокультурологии*. «*Это применение теоретических обобщений взаимодействия языка, культуры, личности к решению методических проблем обучения и методологии опитания русского языка как иностранного*» [Васильюк, 2009, 226]. Ее сущность определяется так: 1) это область методологического знания; 2) практически ориентированное знание о взаимодействии языка, культуры и личности в различных контекстах; 3) теория и практика управления учебным процессом; 4) культурологическое обеспечение уроков русского языка путем подбора специального дидактического материала, характеризующегося ценностью не только с точки зрения грамматики, синтаксиса, но и с точки зрения национальной культуры.

В такой трактовке *прикладная лингвокультурология* схожа с *лингвострановедением*. Возможно, наиболее приемлемый путь для *прикладной лингвокультурологии* сформулировал Н.Ф. Алефиренко, определив, что «*лингвокультурологический подход дает возможность уйти от упрощенного фактологически-фрагментарного ознакомления обучаемых с определенными аспектами культуры и позволяет учащимся сформировать достаточно полную картину иноязычной действительности посредством исследования как языкового, так и внеязыкового содержания избранных для изучения сфер*» [Алефиренко, 2010, 93].

Таким образом, *лингвокультурологические* исследования должны быть призваны усовершенствовать важную область управления языковым учебным процессом, в которой лексический материал теснейшим образом соприкасается с культурно-познавательными задачами. В этой связи необходимо разработать такую систему обучения, которая раскрывала бы, во-первых, тесные связи между языком и действительностью, выявляющей особенности языкового сознания русских, их национально-специфические черты, а во-вторых, предполагала бы целенаправленное и последовательное распределение учебного материала с целью формирования *лингвокультурологической компетенции* обучаемого. Подобная система обучения должна

стать базой для создания методических разработок, формирующих у инофонов русскую языковую картину мира на основе концептов.

Следует заметить, что именно концептуальный подход к изучению материала отличает *лингвокультурологию* от *лингвострановедения*. Презентуя иностранным студентам относительно целостную совокупность ключевых концептов русской культуры, преподаватели могут конструировать в сознании студентов иную картину мира – картину мира изучаемого языка. Но такой подход к подаче *лингвокультурологического* материала в иностранной аудитории до сих пор находится в стадии разработки, и лингводидактические основы *прикладной лингвокультурологии* еще не сформированы. Делаются только определенные попытки создания пособий по лингвокультурологии для иностранных учащихся. Так, преподавателями испанского, итальянского и французского языков, работающими за рубежом, разработано учебное пособие «*Языки без границ*». Своей целью они ставили «создать учебный материал, основными единицами которого являются единицы когнитивного уровня языковой личности (языковой картины мира), раскрывающей взаимосвязи лексем в аспекте «язык – мир», и единицы уровня прагматики, характеризующей взаимоотношения человека с миром» [Смыкунова, 2010].

В России также имеется определенный опыт создания подобных пособий, в которых представлены как невербальные, так и вербальные культурологические единицы: устойчивые выражения и идиомы, приметы и суеверия, пословицы, поговорки и загадки. Но количество таких разработок на сегодняшний день сравнительно невелико. Сложившаяся ситуация вызвана рядом причин. Во-первых, нерешенным до сих пор остается вопрос об отборе и содержании лингвокультурологических единиц, которые должен усвоить иностранный студент. Л.А. Константинова пишет по этому поводу следующее: «Во-первых, невозможно (а скорее всего, и не нужно) вложить все реалии, формирующие менталитет, в сознание инофона, так как «менталитет любого народа – не результат обучения, а результат жизни» и существуют понятия, которые не могут быть поняты инофоном из-за разной ментальности, которую изменить нель-

зя» [Константинова, 2006, 124]. Во-вторых, ученый отмечает, что «необходимо отобрать генетически запрограммированные в индивиде как в представителе человеческой особи и потому понятные практически каждому жителю планеты Земля знания, помня, что в культуре любого народа переплетаются явления, свойственные только ему одному, с особенностями, распространенными у многих этносов или свойственными всему человечеству в данную историческую эпоху» [Там же]. При этом следует отметить, что отобранная информация требует знания национально-культурных реалий с разных позиций времени и пространства. Например, важно учитывать региональные особенности взаимодействия языка и культуры. В-третьих, некоторые лингвисты считают, что при отборе лингвокультурологических материалов особую роль играет и профиль обучаемых [Бельчиков, 2010, 147]. И это далеко не все причины, отражающие проблемы *прикладной лингвокультурологии*.

Поэтому большинство преподавателей в своих пособиях придерживаются лингвострановедческого подхода к подаче национально-своеобразного материала инофонам. Несмотря на его фрагментарность, в центре внимания остаются основные культурологические единицы, исследуемые и в *лингвострановедении*, и в *лингвокультурологии*: слова, обладающие национальным колоритом (безэквивалентная лексика), фразеологизмы русского языка, пословицы и поговорки и т.д.

Сегодня естественно, что большинством исследователей языка и культуры, добавим и личности, именно *лингвокультурология* воспринимается продолжением *лингвострановедения* в ее фундаментальной или теоретической части. Иначе говоря, это, в какой-то степени, все та же лингвометодическая дисциплина, только применительно к конкретным сферам иноязычного обучения, например: описания русского языка как иностранного и неродного в полилингвальной среде, разработке эффективных технологий и методик обучения, межнационального общения на основе диалога культур и, разумеется, взаимодействия *языка-культуры-личности*, формирования развитой и функционально грамотной языковой личности специалиста как субъекта международного взаимодействия.

Отрадно, что хотя в последнее время появились фундаментальные работы *В.Н. Телии, В.В. Воробьева, Л.Г. Саяховой, Н.Ф. Алефиренко, В.А. Масловой, Г.М. Васильевой, Ф. Фахрутдиновой* и др., в которых получило отражение лингвокультурологическое направление в науке в целом, тем не менее, все это под углом зрения прикладных аспектов *лингвокультурологии* еще не было осмыслено.

Представить деятельность этого направления в ракурсе лингвокультурологии прикладной – насущная задача. Она позволит углубиться в том числе и в дискуссии по поводу и предмета, и методов отечественной науки вообще, какой она сложилась в последние десятилетия. Одной из важнейших задач, которую необходимо было решать, наряду со многими иными, было проведение работы по выявлению, «переформатированию» и актуализации культурологически значимого материала, содержащегося в отечественном и зарубежном социогуманитарном наследии (социолингвистики, когнитивной лингвистики, этнолингвистики и др.).

Опираясь на традиции, сложившиеся в широком комплексе наук о языке, культуре, личности, обращаясь к огромному массиву уже накопленного фактологического знания, исследователи, отбирая и профилируя релевантный материал, постепенно структурировали, концептуально и методологически выстраивали лингвокультурологический сегмент научного анализа. Одновременно, естественно, оттачивался и собственный инструментарий, расширялся спектр собственных – теоретических и прикладных разработок. Деятельность по актуализации огромного массива накопленного знания о языке, культуре, личности, его перепрофилирования на основе использования иной, собственно лингвокультурологической «оптики» создавала условия для выявления новых, научно значимых закономерностей.

Наряду с описанной выше траекторией развития лингвокультурологического знания, важнейшим вектором движения становящейся науки, ее «точками роста» стало проведение весьма масштабных (по охвату проблем и задач) и интенсивных (по частоте осуществления) прикладных, практически ориентированных исследований, связанных преимущественно с вопро-

сами преподавания русского языка как иностранного, а также с инновационными технологиями педагогической деятельности. Это была своего рода «разведка боем», пополнение и шлифовка арсенала лингвокультурологического познания путем непосредственного включения в поиск ответов на актуальные «здесь и сейчас» проблемы, связанные с обучением и описанием языка, культуры, личности. Постоянное расширение социального запроса на практически полезные, «годные к употреблению» аналитические материалы и разработки, основанные на знании о закономерностях и технологиях обучения иностранным языкам – все это стало мощным катализатором становления отечественной лингвокультурологии, а также полем для непосредственной апробации ее возможностей и ограничений.

Таким образом, два обозначенных вектора (теоретического и прикладного) развития лингвокультурологического знания имели своим результатом формирование относительно самостоятельных его подразделов: концептуально-теоретической, сопоставительной и *прикладной лингвокультурологии*. Степень сопряженности этих составляющих является предметом специального анализа, но можно достаточно обоснованно говорить о том, что одним из слабых звеньев в этой цепи является сопряжение фундаментально-теоретического и прикладного блоков лингвокультурологического знания. Обеспечение реальной сцепки между ними – это не только важный показатель степени консолидированности, продвинутой лингвокультурологии как особой научной и образовательной дисциплины; это еще и необходимое условие для достижения действительно обоснованных результатов прикладных исследований, их эффективности, с одной стороны, и минимизации схоластичности, декларативной абстрактности теоретического лингвокультурологического знания, с другой. К сожалению, сегодня мы имеем ситуацию расширяющегося спектра прикладных исследований при весьма ограниченной проработке их теоретико-методологической базы. Это, несомненно, ограничивает эффективность лингвокультурологии теоретической, фундаментальной и прикладной. Сорокалетнее утверждение лингвокультурологии как новой филологической парадигмы научного знания связано с прекращающимся сложным и противоречивым процессом ста-

новления ее структуры и типологии, формирования терминосистемы и, следовательно, различием теоретического и прикладного аспектов, что, в свою очередь, ценностно нагружено и задает новую лингвометодическую реальность.

Для *лингвокультурологии* практика построения самих этих направлений, теоретического и прикладного, входит в сферу применения соответствующих аспектов: это первый исходный опыт такого применения.

Здесь складываются две области использования научных знаний и исследований: во-первых, ориентированные на решение теоретических проблем и задач данной научной дисциплины (соответственно – «внутренне-дисциплинарные») и, во-вторых, ориентированные на практические задачи преподавания русского языка как иностранного – «внешние прикладные исследования». Если внутренне-дисциплинарные потому, что при их решении использовались уже полученные в науке о взаимодействии языка и культуры, к коей относится и лингвокультурология, представления, то внешние прикладные исследования ориентированы на решение практических задач обучения иностранным языкам, то чем занимается лингвострановедение. Здесь решение теоретической и прикладной задач совпадают. Когда одним из важнейших и при этом дискуссионных вопросов в системе лингвокультурологического знания продолжает оставаться вопрос о соотношении теоретического и прикладного знания, а также ситуация все более расширяющегося спектра прикладных исследований при весьма ограниченной проработке их теоретико-методологической базы, то это снижает эффективность прикладной лингвокультурологии как важнейшего инструмента методологической базы преподавания иностранных языков.

В центре внимания является положение о том, что, наряду с внутренними, собственно научными факторами становления самостоятельного направления в языкознании, связанными с осознанием потребности в формировании единой «системы координат» для разновекторных исследований лингвокультурных феноменов (что предопределило постепенное конституирование лингвокультурологии как фундаментального, теоретико-методологического знания), мощным стимулом для становле-

ния этой отрасли в качестве прикладной науки стало все более явное расширение «социального заказа» на практически ориентированное знание о развитии и функционировании языка и культуры в различных их проявлениях, о культурных процессах, закономерностях их протекания и механизмах регулирования. Современное состояние методики преподавания иностранных языков и, особенно русского как иностранного, насыщенное проблемными, а нередко и явно кризисными зонами, делает чрезвычайно актуальным развитие лингвокультурологического знания в его прикладном звучании, в стремлении теоретически «выстроить» лингвометодическое состояние той или иной проблемы при обучении русского языка как иностранного и обозначить стратегию ее разрешения с учетом этого лингвокультурного контекста.

Исследования, связанные с разработкой лингвокультурологических научных оснований для практического решения методически значимых проблем, коими богата российская методическая школа русистики, не могли уйти в небытие — они стимулированы самой реальностью многих нерешенных еще проблем при обучении иностранных студентов.

Таким образом, можно выделить некоторые общие маркеры — разграничители теоретического и прикладного в лингвокультурологическом знании, сведя их суть к следующим позициям. В отличие от фундаментально-теоретического уровня лингвокультурологического познания, направленного на формирование и развитие собственно теории взаимодействия языка и культуры, объяснительных моделей и концепций языковой личности, языковой картины мира, на получение обобщенного знания о лингвокультурных явлениях и процессах, т.е. на приращение, получение нового знания о языке и культуре как целом и о ее отдельных составляющих, задачей лингвокультурологического познания прикладного характера является научное обеспечение решения практических проблем преподавания русского языка как иностранного на основе максимально эффективного использования теоретического знания о языке—культуре—личности. Если запрос на теоретическое знание формируется, прежде всего, в рамках внутренней логики движения самого этого знания, выявляющей потребность в построении не-

достающих объяснительных схем, концептуальных обобщений, то развитие прикладного, практически ориентированного знания обусловлено, «социальным заказом преподавания русского языка как иностранного» на научную разработку решения той или иной реально существующей проблемы.

Резюмируя, еще раз подчеркнем, что основным результатом прикладного лингвокультурологического исследования является построение теоретико-методологического обоснования, принципов и моделей преподавательской деятельности, обеспечивающей возможность решения реальных методических проблем, существующих в практике обучения иностранным языкам, то чем собственно и занимается лингвострановедение.

Таким образом, несмотря на прагматическую ориентированность *прикладной лингвокультурологии*, она отнюдь не тождественна собственно практической и даже методической по характеру лингвострановедческой деятельности по разрешению реально сложившихся проблем, а лишь обеспечивает научную базу для практических действий преподавателей-русистов. Значительный интерес вызывает сегодня парадоксальная проблема развития отечественной прикладной лингвокультурологии. Подчеркнем, что появление фундаментальной лингвокультурологии, казалось, вводит прикладную лингвокультурологию в нужное русло, все расставляет по своим местам. Но не все так просто.

Прикладная лингвокультурология – не просто приложение общих идей к практическим ситуациям. Тут следует разобраться в оппозиции между разными научными традициями или парадигмами: лингвострановедении, лингвокультуроведении, межкультурной коммуникации и пр. Становление лингвокультурологии в тех формах, в каких она в последние годы имеет место быть, как нам представляется, – это продолжение лингвострановедения, но не сопротивление ему, не его преодоление. Лингвострановедческие исследования, конечно, можно назвать прикладной лингвокультурологией, хотя не исключено, что могут существовать и какие-то другие точки зрения. Как в таком случае назвать разворачивание конкретно-лингвокультурологических исследований в сфере языка и культуры, если не прикладной лингвокультурологией?

Прикладная лингвокультурология имеет практическую нацеленность. Но именно такую цель и имели эмпирические исследования языка и культуры в аспекте лингвострановедения. Развертывание таких исследований, как отмечалось, имело место по инициативе не столько самих ученых В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина и их последователей или научных учреждений (Институт русского языка им. А.С. Пушкина), сколько пединститутов, занимающихся организацией и управлением сферы образования и культуры. Однако этот парадокс – появление лингвострановедения раньше лингвокультурологии легко устраняется тем, что и лингвистику в ее теоретических постулатах, и культурологию в ее зрелом варианте роднит одно важное обстоятельство. И та и другая наука основывалась на установках классического функционализма, а он является реальным не только для одной науки. Может быть, лишь появление лингвокультурологии представит новую, более высокую ступень обобщений. Может быть, фундаментальная лингвокультурология как раз и оказывается теорией высшего уровня для языка и культуры.

Собственно, будущее лингвокультурологии во многом зависит от понимания тех функций – явных и латентных, которые язык и культура в новой ситуации призваны осуществить. В какой-то степени это функции универсальные, т.е. одинаково присущие всем мировым теориям о языке и культуре, в какой-то степени в России они будут специфическими. Подчас возникающая наука слишком занята собой, это мы наблюдаем по защищаемым докторским диссертациям особенно, она замыкается в себе, забывая о том, ради чего когда-то была вызвана к жизни, т.е. для более точного разрешения постоянно возникающих в лингвистике и методике противоречий. Кстати, печатью этого недуга было отмечено и бурно развивающееся во второй половине XX века *лингвострановедение*. Надеемся, что это не будет присуще *лингвокультурологии*: в ней самой какие-то проблемы со временем выдвигаются на первый план и не сразу осознаются, а какие-то становятся второстепенными или вообще неактуальными. В этом и проявляется лингвокультурная динамика. В осознании латентных функций языка и культуры наука о них должна делать систематический вклад. Но с

этим связана и прикладная лингвокультурология. Без разгадки меняющихся и предстающих в латентных формах общих ориентиров, *прикладная лингвокультурология* оказывается бес- сильной, а полученные в ходе эмпирических опытов результаты накапливаются, оставаясь неосмысленными, что в реальности и происходило.

Таким образом, делаем некоторые выводы:

1. Развитие прикладного направления в структуре современной лингвокультурологии сегодня все более получает поддержку и распространение как в собственно научно-исследовательской практике, так и в системе высшего профессионального образования при обучении иностранных студентов.
2. Указанные тенденции продвижения данного научного направления обусловлены как логикой развития научного методико-гуманитарного знания, так и все более возрастающим уровнем востребованности прикладных лингвокультурологических исследований в различных видах педагогических практик (методике обучения русского языка как иностранного и как неродного), очевидно расширяющимся «социальным заказом».
3. Современное языковое пространство, насыщенное проблемами, а нередко и явно кризисными зонами, делает чрезвычайно актуальным развитие лингвокультурологического знания в его прикладном звучании, в стремлении теоретически «выстроить» лингвокультурное измерение той или иной проблемы и обозначить стратегию ее разрешения с учетом этого культурного контекста.
4. Необходима более интенсивная работа над теоретико-методологическими основаниями прикладной лингвокультурологии, что является важным условием укрепления статуса данного научного направления. Развитие прикладной лингвокультурологии требует разрешения многих сложных вопросов, возникающих в процессе ее становления и развития. В частности, одним из значимых вопросов продолжает оставаться избыточная «разножанровость» проблемных блоков, которые включаются в данное направление, что приводит к значительной размытости границ прикладной лингвокультурологии и вследствие этого к определенному скепсису в ее отношении. Данная ситуа-

ция требует серьезной дальнейшей методологической работы специалистов-русистов.

5. Учитывая относительную молодость прикладной лингвокультурологии, представляется целесообразным продолжить работу над развитием междисциплинарных связей в данной области.

И последнее, о методологии. Среди лингвистических дисциплин наиболее «культуроносными» являются дисциплины лингвоисторические: социальная диалектология, этнолингвистика, стилистика, лексика, фразеология, семантика, теория перевода и др. Философия определяет методологию как систему принципов и способов организации теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе. Методология – это концепция развития науки, а концепция – это методология перехода от теории к практике. С методологией теснейшим образом связан метод, который представляет собой определенный подход к изучаемому явлению, определенный комплекс приемов, применение которых дает возможность изучить данное явление. Поэтому метод всегда является системой. Его специфика определяется объектом исследования и целью исследования. Каждый метод прямо или косвенно зависит от общепhilosophических теорий.

Методология всякой науки (в том числе и лингвокультурологии) включает в себя три уровня: философскую, общенаучную и частную методологию (учение о методах научного исследования).

Однако метод по отношению к теории – явление вторичное. В.А. Звегинцев справедливо подчеркивает, что сам по себе метод может быть лишь средством познания объекта, причем именно в той степени, в какой он обуславливается теорией, поставлен ей на службу и «выдает» факты для проверки и корректировки выдвигаемых гипотез. Поэтому специфика метода определяется теоретическими взглядами на объект исследования и его целью. Методы лингвокультурологии – это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. Поскольку лингвокультурология – интегративная область знания, вбирающая в себя результаты исследования в культурологии и языкознании,

этнолингвистике и культурной антропологии, здесь применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура». В процессе лингвокультурологического анализа методы культурологии и лингвистики используются выборочно.

Всякий конкретный метод научного исследования имеет свои рамки применения, т.е. аксиомой современной науки является тезис об ограниченности любого метода. Взаимодействующие язык и культура настолько многоаспектны, что познать их природу, функции, генезис при помощи одного метода невозможно. Этим и объясняется наличие целого ряда методов, находящихся между собой в отношениях дополнительности. В лингвокультурологии можно использовать лингвистические, а также культурологические и социологические методы ~ методу контент-анализа, фреймовый анализ, нарративный анализ, восходящий к В. Проппу, методы полевой этнографии (описание, классификация, метод пережитков и др.), открытые интервью, применяемые в психологии и социологии, метод лингвистической реконструкции культуры, используемый в школе Н.И. Толстого; можно исследовать материал, как традиционными методами этнографии, так и приемами экспериментально-когнитивной лингвистики, где важнейшим источником материала выступают носители языка (информанты). Данные методы вступают в отношение взаимодополнительности, особой сопряженности с разными познавательными принципами, приемами анализа, что позволяет лингвокультурологии исследовать свой сложный объект – взаимодействие языка, культуры и личности.

Аппарат *анализа метафоры*, предложенный Дж. Лакоффом, обладает большой объяснительной силой и позволяет получить результаты, важные для решения проблемы языка и культуры. Этот метод позволяет устанавливать когнитивно обусловленные несовпадения между сравниваемыми языками. Особая область исследования – лингвокультурологический анализ текстов, которые как раз и являются подлинными хранителями культуры. Поэтому важен анализ текстов в рамках герменевтической парадигмы (герменевтика – наука о понимании).

Здесь применяются самые различные методы и приемы исследования – от интерпретационных до психолингвистических.

Множество задач исследования одновременно свидетельствует о множестве объектно-предметных областей лингвокультурологических исследований. В какой-то мере самостоятельными объектно-предметными областями исследования являются те феномены, посредством которых связаны язык и культура: 1) значения языковых знаков (Е.Ф. Тарасов); 2) культурные коннотации (В.Н. Телия); 3) национально-культурные компоненты (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров); 4) лингвокультуремы (В.В. Воробьев); 5) фоновые знания (Ю.А. Сорокин); 7) культурные семы (В.А. Маслова); 8) культурные смыслы и предсмыслы (Н.Ф. Алефиренко); 9) концепты культуры (Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов).

Так, объектом, на который направлены методы лингвокультурологии, является языковая/дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения, тогда предметом становится ценностно-смысловое пространство языка, т.е. способы, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру. При этом, если изучается участие языка в создании материальной и духовной культуры при ведущей роли культурологов [Хроленко, Бондалетов, 2006, 265], то безусловно используются методы и приёмы культурологические: во-первых, это качественный анализ, который предполагает применение особых приёмов и методов анализа качественных сторон процессов и явлений, происходящих в культуре как общественном феномене: биографический метод, психологические процедуры, методы стилистического анализа личных документов и художественной культуры, методы текстологии, исследование этнических групп и др. и, во-вторых, они находятся в тесной связи с количественными методами в культурологии и использованием математических методов и вычислительной техники.

Согласно нашей концепции, в которой каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, а значит, языковые знаки приобретают способность выполнять функции знаков культуры и тем самым служат средством презентации

основных установок культуры, преимущество в лингвокультурологических исследованиях отдаётся лингвистическим методам, приемам и процедурам: диахронический метод, основанный на сравнительном анализе различных лингвокультурных единиц во времени; синхронический метод, сравнивающий одновременно существующие лингвокультурные единицы; структурно-функциональный метод, предполагающий разделение объекта культуры на части и выявление связей между частями; историко-генетический метод, ориентированный на изучение лингвокультурного факта с точки зрения его возникновения, развития и всей дальнейшей судьбы; типологический метод; сравнительно-исторический метод, предназначенный для сравнения самобытных лингвокультурных единиц во времени и проникновение в их сущность; коммуникативно-прагматический метод позволяет изучить живые коммуникативные (дискурсивные) процессы в их синхронной связи с этническим менталитетом, действующим в данную культурную эпоху; когнитивно-дискурсивный метод позволяет проникнуть в одну из самых сокровенных областей культуры – языковое сознание; этнолингвистический метод, его методики и приёмы позволяют обнаружить изоморфизм структур и функций форм языка и типов национальных культур; метод психолингвистики, который раскрывает универсальные и этнокультурные психические механизмы порождения и восприятия речи; социолингвистические методы способствуют осмыслению социальных факторов, влияющих на становление и развитие языковой личности и формирование национально-культурного компонента в семантическом пространстве языка.

Таким образом, успех лингвокультурологических исследований на начальных этапах эволюции лингвокультурологии обеспечивался синтезом лингвистических и культурологических методов, методик и приёмов изучения лингвокультурологических объектов/предметов. Вместе с тем этот синтез стал той базой, на которой начали формироваться собственно лингвокультурологические методики и приёмы изучения. Этому способствовала школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов *В.В. Воробьевым*, раз-

вивающими концепцию лингвострановедческой теории слова *Е.М. Верещагина* и *В.Г. Костомарова*. Мы обосновали отечественную концепцию лингвокультурологии, ввели понятие лингвокультуремы и лингвокультуры.

Школа *Н.Д. Арутюновой* исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов. Эти термины культуры конструируются с позиции внешнего наблюдателя, а не реального носителя языка [Арутюнова, 1998]. С этой же позиции внешнего наблюдателя разрабатывает комплексные методики анализа *В.А. Маслова*, сочетающие анализ текстов с герменевтических позиций с психосоциокультурными экспериментами, аппаратом анализа метафоры, предложенным *Дж. Лакоффом* и др. Школа *В.Н. Телия*, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов, в которой изучаются языковые сущности с позиции носителя живого языка (с позиции внутреннего наблюдателя), т. е. это взгляд на владение культурной семантикой непосредственно через субъект языка и культуры.

Наконец, в последнее время разрабатываются собственно культурологические методы по способам репрезентации культурных концептов. При этом исходят из того, что способы объективации концептов, протекающей по герменевтическому кругу, обеспечивают лингвокультурологу возможность создания речемыслительного «портрета предмета познания» (*Е. Барминский*). В процессе создания такого «портрета», когда прописываются отдельные фрагменты (элементы) образа предмета, происходит лингвокогнитивный отбор и интеграция отдельных культурно значимых смыслов (по происхождению, качеству, внешнему виду, функции, переживаниям) и их знаковое кодирование в виде сем семантической структуры слова (фразеологизма).

Рассматривая форматы и перспективы лингвокультурологических исследований при «сопряжении» парадигм лингвокультурологии и лингвокогнитологии, *С.В. Иванова* описывает методику «речевого портрета» языковой личности [Иванова, 2004], которая активно используется отечественными лингвистами.

тами в последние годы. Завершая анализ методов лингвокульту-
рологии, подчеркнём, что её становление продолжается в на-
ши дни. Большие ожидания возможны при её сопряжении с си-
нергетикой, а потому поиск оптимальных методов, методик,
приёмов и процедур лингвокультуры остается в науке на-
ших дней актуальным.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Лингвокультурологический аспект описания русского языка во взаимодействии с культурой по своей концептуальной сути выходит за рамки привычных лингвометодических подходов, так как в нем сформулирована качественно новая парадигма языкового культурологического образования. Последняя затрагивает многие сферы теоретической и практической подготовки специалистов-гуманитарев, выполняющих в современном обществе функции посредников в межкультурном общении. И среди многих проблем, которые требуют дополнительных исследований, первостепенное значение имеет разработка концептуальных основ системного описания русской языковой картины мира.

Лексикографирование культурной составляющей русского языка может осуществляться либо с помощью создания целостной, хорошо структурированной системы учебных пособий, либо создания политематических по содержанию и полиаспектных по характеру лингвокультурологических словарей русской культуры [Воробьев, 1995].

Предлагается создание лингвокультурологического словаря, который соединил бы в себе типы двух словарей: идеографического (полевое расположение материала) и академического (понятийное истолкование слов-реалий). Он имел бы выраженную лингводидактическую ориентацию, что нашло бы отражение в самом отборе минимально-достаточного материала, направленном в первую очередь на специфические особенности русской культуры, получившие соответствующее отражение в лексике. Основными темами такого словаря могли быть такие, как: русская культура, русская история, русский национальный тип, искусство, образование, литература, фило-

софия, быт, образование, политическая жизнь и т.п. Схема универсального словаря может быть положена в основу его национальных вариантов, в которых могут быть учтены специфические особенности конкретных языков и культур и предусмотрено снятие вероятной лингвистической и культурологической интерференции. Несмотря на ограниченность материала, лингвокультурологический словарь должен стремиться к его системной и целостной интерпретации, и преодолению фрагментарности «избирательности», свойственной некоторым подобным пособиям.

Необходимостью обращения к проблеме создания лингвокультурологического словаря мы обязаны уникальному разысканию словаря русской культуры, проделанному Ю.С. Степановым в его книге «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов 1997], где он пишет, что «...русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты» [Степанов, 1997, 9]. В качестве объекта исследования становится «концептуализированная предметная область в языке и культуре», а методом – этимологический анализ слов, обозначающих важнейшие концепты или, по-другому, константы русской культуры. Данное исследование Ю.С. Степанова позволило нам разработать концептологическую основу лингвокультурологического словаря, а также определить принципы формирования такого словаря и его основную единицу, лингвокультурему, зависимость различных характеристик словаря от типа культуры, наконец, выявить, в какой мере лингвокультурологический словарь может служить характеристикой той или иной культуры. Предлагаемый элективный курс осуществляется в рамках предмета новой лингвистической дисциплины – лингвокультурологии [Воробьев, 1993, 1997, 2008], что накладывает на нас определенные обязательства. До настоящего времени можно констатировать недостаточную разработанность методов и средств осуществления лингвокультурологического анализа в аспекте лексикографии. До настоящего времени лингвокультурология является достаточно новой лингвистической и лингвометодической дисциплиной, многие проблемы остаются нерешенными,

и это обязывает нас находить методологическое объяснение каждому принимаемому решению.

Известно, что национальная культура формирует уникальную систему ценностей, моделей поведения, стилей жизни и образов мира. Культурная картина мира, как совокупность актуальных представлений об окружающем мире, о нормах, ментальности культуры, а также других культур, отличается уникальной спецификой в любой культуре. Картина мира отражается в языке, формируя языковую картину мира. Национальный язык развивает лексическое богатство в наиболее значимых для данной культуры областях, как бы «вырисовывая» языковую картину мира. Языковые единицы и их комбинации отражают сложившиеся в данном национальном говорящем коллективе представления об окружающем мире и о человеке. Эти представления выражаются в специфическом соотношении формы и значения, прежде всего, в лексических единицах, у нас в лингвокультурах.

Лингвокультуремы, обозначающие важнейшие ценности национальной культуры, как правило, оказывается и достаточно частотными, и в то же время регулярно «обсуждаемыми» в текстах культуры. Количество наиболее значимых для культуры лингвокультурем не остается постоянным. Процессы глобализации культур, интеграции разных культур в единую мировую культуру, которые охватили сейчас самые различные сферы жизни народов, приводят к появлению идей, ценностей и форм жизни, единых для большинства культур. В результате словарь значимых для той или иной культуры понятий, пополняется, что, в свою очередь, ведет к его расширению. Глубина понимания этих процессов представляет собой поликультурную по материалу и полилогическую по методологии задачу, которая оказывается весьма актуальной как для многих научных дисциплин, так и для практики и образу современной жизни народов — представителей разных культур. Разыскание, проведенное в данном элективном курсе методами и средствами пограничной лингвистической дисциплины — лингвокультурологии, оказывается весьма актуальным вследствие ранее указанных причин.

В пособии понятие «лингвокультурологический словарь» взято в кавычки, поскольку оно не является общепринятым для

лингвистической науки, но непосредственно в тексте работы мы будем оперировать им, не заключая его в кавычки. Для данного раздела пособия понятие является центральным, и, будучи описано систематическим образом, оно тем самым вводится в лингвистический обиход и практику создания учебных словарей.

Под словосочетанием лингвокультурологический словарь мы, вслед за Т.А. Евсюковой «будем понимать характерологию русской культуры со стороны лексики, имея в виду следующее. Лексический состав русского языка в значительной степени определяет «лицо» культуры, ее особое «мировидение». Некоторые слова в большей степени характеризуют одну культуру по сравнению с другой» [Евсюкова, 2001]. Лексические единицы, составляющие лингвокультурологический словарь русской культуры, это прежде всего лингвокультуремы, выражающие ключевые для русской культуры понятия (т.е. понятия, соотносимые с ее базовыми ценностями).

Понятие лингвокультурологический словарь является несомненно новым для современной лингвистики, как отечественной, так и мировой. Отметим, что задача точного определения состава словаря любой культуры представляется на первый взгляд трудно выполнимой, поскольку четких критериев для отнесения тех или иных языковых единиц к лингвокультурологическому словарю до настоящего времени четко не выработано. Обычно в западноевропейской лингвокультуре языковые понятия рассматриваются и исследуются как концепты. Но в этом случае один и тот же концепт порой представляется несколькими языковыми единицами, значения которых не являются константами, и вследствие этого концепты чаще представляют собой «концептосферы», которые пересекаются друг с другом в своих различных частях.

Количество языковых понятий, которые составляют словарь той или иной национальной культуры, оказываются немногочисленными. Так, в «Словаре русской культуры» [1997] рассматривается 50 концептов в качестве главных ценностей русской культуры. Современная лингвистика имеет развитый аппарат методов для исследования лексического состава языка, но они оказываются не совсем содержательными для получения полной картины нового лингвокультурологического словаря.

Развитие и становление лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины с собственным методологическим аппаратом способно, как нам кажется, соединить интересы лингвистики и культурологии. Именно поэтому предлагаемый подход нами определяется как лингвокультурологический по используемым методам и по непосредственному предмету исследования, и внутри лингвокультурологического подхода как характерологический, так как исследование проводится на материале русской национальной лингвокультуры. Известно, что характерология – это выражение феноменологического отношения к исследуемому объекту. В нашем случае феноменологический взгляд предполагает, что мы рассматриваем лингвокультурологический словарь русской культуры как совокупность специфических и общекультурных черт, и акцентируем внимание на национальных чертах, что и дает в результате характерологическое описание русского языка.

В качестве основного метода исследования предлагается использовать герменевтико-интерпретационный метод, который позволяет выявлять сущностные культурно-значимые характеристики лексических единиц соответствующих понятий как лингвокультурем [Воробьев, 1995]. Это возможно при помощи специфической системо-мыследеятельностной методологии, разработанной Г.П.Щедровицким.

Лингвокультурология – новая лингвистическая дисциплина, имеющая собственные средства и методы исследования (в частности, герменевтико-интерпретационный метод) и описывающая взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры в особой предметной области – лингвокультуре, что проводится на основе выявления механизмов «языкового мышления», собственных национальной культуре того или иного типа.

Под лингвокультуремой нами понимается единица словаря. Основное значение лингвокультурем состоит в многократной рефлексии в пределах той или иной лингвокультурной области по поводу ее ноэмого содержания, а это делает возможным применение герменевтико-интерпретационного метода при описании лингвокультурем. Герменевтико-интерпретационный метод позволяет выявить способ смыслового существования

языковой единицы как лингвокультуремы в рамках лингвокультуры.

Новым является разработка лингвокультурологической концепции словаря. Самому лингвокультурологическому словарю дано теоретическое и методологическое обоснование в рамках разрабатываемого научного предмета лингвокультурологии. В пособии определяются глубинные механизмы формирования словаря в русском лингвокультурном пространстве.

Практически пособие можно использовать в теоретических курсах по общему и сопоставительному языкознанию, культурологии, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и в практике разработки специальных словарей тезаурусного типа, единицей описания в которых являются семантически и аксиологически нагруженные лингвокультуремы.

5.1. Теория создания лингвокультурологического словаря

Лингвокультурология, считающая, по мнению В.В. Воробьева, своей центральной задачей уход от одностороннего детерминизма в трактовке триады язык–культура–личность, призвана исследовать эти феномены в их неразрывном единстве, учитывая все факты их взаимного детерминизма. Задача эта оказывается довольно непростой, поскольку феномены – язык, культура и личность – чрезвычайно сложны и многозначны по своей природе. Невыясненность большинства базовых вопросов их соотношения приводит к тому, что значительное количество необходимого знания существует в виде вопросов.

Для выявления специфики лингвокультурологического подхода, а в данном случае характерологического подхода в лингвокультурологии, следует рассмотреть то, как проблема взаимосвязи языка, культуры и личности трактуется в смежных с лингвокультурологией лингвистических областях. Отметим, что эти лингвистические дисциплины – в частности, например, этнолингвистика, лингвострановедение, социолингвистика, когнитивная лингвистика и др. – являются в некотором смысле «предшественниками» лингвокультурологии.

В отечественной (советской и российской) лингвистической традиции лингвокультурологическая проблематика впервые начала обсуждаться методистами-русистами [Воробьев, 1991, 1993] и фразеологами [Телия, 1996], считавшими, что лингвокультурология имеет своим источником этнолингвистику и поэтому, в частности, может считаться ее составной частью. В.В. Воробьев и его последователи [Л.Г. Саяхова, Т.М. Васильева, В.М. Шаклеин и др.] подчеркивают особую значимость исследований для практики преподавания иностранных языков и, руководствуясь этим, считают лингвокультурологию объемлющей дисциплиной для лингвострановедения. Лингвострановедение в этом случае рассматривается как практическая реализация лингвокультурологии в процессе преподавания языка в иностранной аудитории.

В качестве примера представим монографии В.В. Воробьева «Лингвокультурология: теория и методы» [1997] и «Лингвокультурология» [2008]. Проблематику лингвокультурологии как дисциплины, объемлющей лингвострановедение, составляет, по мнению автора, «...два круга вопросов: 1) филологический (прежде всего, лингвистический), то есть анализ языка с целью выявления национально-культурной семантики, и 2) лингводидактический (методический) – приемы презентации, закрепления и активизации специфических для данного национального языка единиц страноведческого прочтения текстов; задачи обучения языку здесь неразрывно связываются с задачами соизучения страны» [Воробьев, 1997, 30]. Лингвокультурология же, как указывает автор, в отличие от лингвострановедения представляет собой научную дисциплину синтезирующего типа, пограничную между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой), а не аспект преподавания языка, как лингвострановедение.

Предметом лингвокультурологии при таком ее понимании являются артефакты. Метод лингвокультурологического поля позволяет описывать систему культурных ценностей, отражаемых в языке. В частности, в монографиях В.В. Воробьева [1996, 1997, 2008] одним из основных объектов лингвокультурологического исследования становится русская национальная личность, соединяющая в себе язык и культуру и имеющая высо-

кую познавательную ценность в обучении. Общую стратегию своего исследования автор видит в «...динамическом развертывании принципиальной схемы соотношения таких понятий, как “человек” (“национальная личность”) – Л, “язык” – Я (и “мышление” – М), “культура – К (материальная и духовная)» [Воробьев, 1997, 29].

В более ранней работе [1993] В.В. Воробьев старается четко различить проблематику лингвокультурологических и этнолингвистических исследований. Он определяет основное направление этнолингвистических исследований как изучение взаимодействия лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и развитии языка: изучение генетического родства народов, языкового контактирования, би- и мультилингвизма, влияния социокультурных факторов на развитие языка, реконструкции духовной этнической культуры на основе данных языков и др. Автор отмечает, что по сравнению с лингвокультурологией, ориентированной на современность и общепринятую нормативность, объект исследования в этнолингвистике оказывается «смещенным» в сторону языка племен, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры.

В.Н. Телия [1996] определяет лингвокультурологию как научную дисциплину, исследующую «воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса», и рассматривает лингвокультурологию как «...часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия, 1996, 216–217]. В.Н. Телия указывает на определенное совпадение задач лингвокультурологии с задачами этнолингвистики. Ссылаясь на авторитетное мнение Н.И. Толстого, задачи этнолингвистики состоят в том, чтобы исследовать «...отношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разного рода их корреспонденции» [Толстой, 1983, 182], В.Н. Телия определяет задачи лингвокультурологии, выделяющие ее из этнолингвистики в самостоятельную область, и призывает описывать

«...взаимодействия языка и культуры не только в ее этнических формах (что является задачей этнолингвистики, ориентированной на выявления внедрившейся в язык культуры этноса), но и в формах национальной и общечеловеческой культур» [Телия, 1995, 102].

Белорусский исследователь В.А. Маслова в методической работе «Введение в лингвокультурологию», предназначенной для студентов-филологов, так определяет специфический объект лингвокультурологии: «...исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, и культуры – исторической памяти народа. Объект размещается на “стыке” двух фундаментальных наук – лингвистики и культурологии» [Маслова, 1997, 11]. В другой работе 2001 года она уточняет, что предметом современной лингвокультурологии «...является изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры, так как каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью. Поэтому языковые знаки способны выполнять функцию ‘языка’ культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [Маслова, 2001, 32]. Задачу лингвокультурологии она видит в том, чтобы анализировать «языковые единицы в контексте культуры» [Там же].

Далее в своем переработанном издании этого учебного пособия пишет: «Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2001, 28]. Из этого видно, что ее мысль движется в русле этнолингвистической проблематики.

Основу категориального аппарата лингвокультурологии составляет понятие лингвокультурного концепта [Карасик, 2001, 15]. Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный

принцип. Лингвокультурный концепт включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указания на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи – то, что Ф. де Соссюр называет ‘значимостью’ и что, в конечном итоге, отражает «лингвистическую ценность внеязыкового объекта» [Карасик, 1996, 4], проявляющуюся в соответствии с законом синонимической аттракции в семантической плотности той или иной тематической группы. Еще одним высоковероятным компонентом семантики языкового концепта является когнитивная память слова: смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка [Телия, 1996, 230]. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий ‘языковую картину мира’ его носителей.

Таким образом, лингвокультурный концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму. План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех его языковых реализаций, которые ‘скрепляют’ лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную либо прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности.

Как можно видеть из приведенных выше подходов, в зависимости от круга решаемых задач лингвокультурология предстает содержательно различной. Однако важно отметить, что лингвокультурология безусловно ставит своей центральной задачей рассмотрение языка, культуры и личности во взаимосвязи. Причем, если традиционно рассмотрение взаимоотношения

языка и культуры осуществлялось со смещением акцентов либо в сторону лингвистики, либо в сторону культурологии, то появление новой дисциплины должно означать использование как лингвистического, так и культурологического подходов в их единстве в рамках создаваемого нового научного предмета.

Настоящее учебное пособие преследует цель объяснения лингвокультурологической концепции словаря через слово средствами лингвистики, но в равной мере в контексте культуры и в контексте языка, т.е. осуществляется в особом логическом пространстве лингвокультурологии, а не есть чисто лингвистическое или чисто культурологическое исследование. Это заставляет нас отказаться от понятия 'концепт', избрав в качестве единиц, составляющих лингвокультурологического словаря, лингвокультуремы как основные единицы лингвокультурологии.

Лингвокультурология, с нашей точки зрения, призвана предоставлять сведения и делать заключения о лингвокультурах как некоторых типах.

Таким образом, лингвокультуры как особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры, и составляют объект лингвокультурологии. Напомним, что в качестве отдельной лингвокультуры могут выступать как достаточно 'крупные' образования, так и отдельные лингвокультурные области внутри некоторого лингвокультурного типа, обладающие смысловой обособленностью.

Непосредственным предметом лингвокультурологического исследования могут быть и фразеологические единицы, и концепты, и способы языкового мышления, характерные для разных лингвокультурных типов, и лингвокультуремы, как в нашем случае.

Основная характеристика лингвокультурем заключается в многократной рефлексии в рамках данной лингвокультурной области по поводу ее нозматического содержания, что имеет своим следствием применение герменевтико-интерпретационного метода при их описании.

5.2. Характерологический подход при создании лингвокультурологического словаря

Характерологическое исследование по методу есть в принципе 'обратная сторона' типологии. Первым шагом в исследовании, задача которого есть характерология некоторого языкового образования, будь то отдельный язык или отдельное языковое явление внутри языка, является выявление в нем 'типичного'. Иначе говоря, для того чтобы была возможна характерология некоторого языкового явления, необходимо осуществить предварительно типологическое исследование. Целью типологической работы является, как известно, 'выведение на тип', т.е. на основе нескольких классификационных признаков определение некоторых языковых образований как типичных реализаций некоей абстрактной теоретической модели. Вторым шагом служит отсечение в интересующем исследователя объекте типичного и получение 'остатка', который является специфической характеристикой исследуемого явления.

Для того чтобы выявить принципы характерологического описания лингвокультурологического словаря в различающихся культурах, необходимо определить параметры, по которым могут различаться сами культурные типы. Проблема типологии культуры не является простой уже по тому, что и сама культура является исключительно сложным образованием. Задача сопоставления культур принципиально трудна. Леви-Стросс, например, пишет: «...Культуры по природе своей несоизмеримы. Все критерии, к которым мы можем прибегнуть, чтобы охарактеризовать одну из них, происходят либо из нее же и, таким образом, лишены объективности, либо из другой – и в силу этого несостоятельны. Чтобы вынести правомерное суждение о месте, занимаемом в мире любой культурой, надо было бы суметь оторваться от притяжения какой бы то ни было культуры» [Леви-Стросс, 1988, 87].

Применительно к лингвокультурологическому словарю характерологический подход заключается в следующем. На первом шаге необходимо в самых общих чертах определить культурный тип, что, заметим, само по себе составляет проблему. В 'типичном', т.е. характеризующем исследуемую культуру

в области действующих в ней механизмов, далее необходимо выделить специфические для нее значимые культурные области. 'Поиск' составляющих словарь лингвокультурем, таким образом, будет осуществляться, с одной стороны, с учетом культурных смыслов, и, с другой стороны, на основе собственных, 'внутренних' характеристик лингвокультурем (напомним, этими характеристиками являются: валёрность, индекс интертекстуальности, а также факультативный признак культурной специфичности). Полученный таким способом список лингвокультурем словаря, даже если список открыт, способен дать характеристику культуры данного типа со стороны лексики. Обнаружение нескольких групп лингвокультурем словаря, различающихся по своей природе и основным свойствам, также возможно, и это, в свою очередь, также является характерологией культуры.

Как можно судить на основании вышеизложенного, характерологический подход при исследовании лингвокультурологического словаря для нас имеет двоякий смысл. С одной стороны, это способ определить лингвокультуремы словаря как таковые, и, с другой стороны, сама процедура поиска лингвокультурем, а также выявление принципов формирования и существенных признаков словаря представляют из себя характерологию исследуемой лингвокультуры.

5.3. Характерологическое описание лингвокультурологического словаря

В данном разделе учебного пособия решаются следующие задачи: выявить природу и принципы, по которым организованы языковые единицы (лингвокультуремы) лингвокультурологического словаря, и тем самым через посредство их анализа получить характерологическое описание русской культуры с помощью лексики. Для достижения этой цели возможно воспользоваться результатами практических исследований лексики, представляющей важнейшие концепты русской культуры, осуществленными, в частности, Ю.С. Степановым в его труде «Константы. Словарь русской культуры», В.Н. Телия в ее работе

«Концептообразующая флуктуация константы культуры 'родная земля' в наименовании родина» [Телия, 2001] и Г.Б. Овчаровой в диссертационном исследовании «Опыт лингвокультурологического исследования современной русской политической речи» [Овчарова, 2001].

В «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова существуют некие базовые и небазовые концепты, которые могут либо быть производными, либо не быть производными от базовых. Эти концепты находят выражение в лексике русского языка, что может быть показано посредством этимологического анализа слов и 'показа' их 'жизни' в культуре, причем, помимо вербальных, значимы и все другие формы.

Состав важнейших концептов словаря русской культуры, по Ю.С. Степанову, неоднороден и включает имена, значимость которых для русской культуры различна. Целью этой работы было 'показать жизнь' в русской культуре концептов, которые являются характерными для европейской культуры вообще. Если проанализировать приведенный выше список концептов с точки зрения тех сфер культуры, которые они представляют, то можно обнаружить, что они есть выражение наиболее значимых в христианском мире и, следовательно, в европейской культуре сфер. Отметим, что задача описать важнейшие концепты культуры достаточно трудна, и исследователи должны ориентироваться в очень большой степени на собственную интуицию. Например, нет сомнения в значимости для русской культуры нравственной и чувственной сфер. В списке Ю.С. Степанова представлены концепты из этих сфер: *вера, любовь, радость, воля (хочу), страх, тоска, грусть, печаль, грех, душа, совесть, нравственный закон, мораль*. Отметим также, что значимость для русской лингвокультуры отдельных из перечисленных концептов неравноценна, например, концепт *тоска* культурно-специфичен, тогда как *страх*, оказывающийся ему соположенным, не обладает этой характеристикой. Аналогичным образом и другие понятия могли бы рассматриваться в качестве концептов русской культуры. Однако это ни в коей мере не умаляет заслуг Ю.С. Степанова, осмыслившего в своем глобальном труде многие чрезвычайно сложные понятия и проблемы, но есть

лишь свидетельство чрезвычайной сложности рассматриваемой проблемы.

Наличие одного лишь национально-культурного компонента не делает понятие лингвокультуремой. Так, идея истины в русском языке воплощается в слове, по происхождению родственному глаголу 'быть', что подчеркивает онтологичность истины в ее понимании русским народом; тогда как в греческом языке оно означает нечто непреходящее, пребывающее вечно. Несмотря на то, что понятие истины имеет в русском языке свою специфику, оно не рефлегируется в текстах культуры как лингвокультурема.

Поскольку задача данного пособия заключается в показе принципов формирования лингвокультурологического словаря и выявлении природы лингвокультурем, его составляющих, следует обратиться к рассмотрению структуры лингвокультурем, представляющих концепты, связанные с самоназванием русского народа и государства. Ю.С. Степанов привлекает для объяснения значений концепта различные тексты культуры. В.Н. Телия обращается к фразеологическим единицам, в работе же Г.Б. Овчаровой используются лингвокультуремы в современной русской политической речи. Ю.С. Степанов исследует в виде одной группы концепты *Русь, Россия, русские, россияне, родная земля*. У Г.Б. Овчаровой список представлен следующим образом: *Россия, родина, отечество, держава*. В.Н. Телия в слове *родина* выявляет «концептообразующую флуктуацию константы культуры родная земля».

В словаре Ю.С. Степанова выступает этимология слов: *Русь, Россия, русские, россияне, родная земля*. Эти слова, по мнению автора, образуют группу в силу того, что история русского народа соединена с историей государства: «...Национальность и государственность в нашем случае тесно связаны» [Степанов, 1997, 493]. Этимологически слово *русские* является прилагательным и первоначально значит просто 'те, кто относится к Руси' и, опираясь на теорию В.О. Ключевского, Ю.С. Степанов в качестве этимологии приводит целый ряд исторических фактов, которые, по его мнению, способны свидетельствовать в пользу поддерживаемой им теории В.О. Ключевского, изложенной в работе «Терминология русской истории»

[Ключевский, 1989]. Для этого подтверждения предлагаем несколько выдержек из аргументации Ю.С. Степанова, которая одновременно является изложением теории В.О. Ключевского. Он пишет: «Государственная территория у нас в старину носила название Руси или Русской земли. Русь – слово, пережившее чрезвычайно разнообразные значения; из этих значений можно различить четыре: 1) этнографическое: русь – племя; 2) социальное: русь – сословие; 3) географическое: Русь – область и 4) политическое: Русь – государственная территория» (Степанов, 1997, 494). Русь – племя. Начальный летописный свод считает русь одним из заморских варяжских племен, из которого вышли или с частью которого пришли призванные новгородцами и союзными с ними финскими племенами князя. «Итак, – отмечает Ключевский, – русь относится к варягам-норманнам как вид к роду». Этому же мнению придерживаются и те из историков, которые держатся ‘норманнской теории’ происхождения русского государства [Степанов, 1997, 494].

В другом примере обнаруживается рефлексивное обсуждение сущности понятия Русь в поясе чистого мышления М в модусе отношения ‘свои – чужие’: «Когда мы рассуждаем о первоначальном значении термина Русь, то центром всей проблемы является вопрос ‘Свои’ – ‘Чужие’ (см.): Кто называет кого? С чьей стороны дается имя? В данном случае, очевидно, что русь – одно из скандинавских племен, отправлявшихся, целиком или частично, в соседние земли для службы там в качестве наемников-дружинников или, при удобных случаях, для собственных разбойных набегов. Но русь, по-видимому, не самоназвание, а имя, данное этому племени одним из соседних народов. Значит, исходя из этого предположения, необходимо разрешить два следующих вопроса: 1) каким народом дано это имя, 2) что оно значит? Ведь несобственные имена в таких случаях должны быть просто нарицательными именами существительными, т. е. нечто значить. (Подобно этому обозначение германцев в устах славян – поляков, русских – ‘немцы’ значит буквально ‘немые, плохо говорящие’.) [Степанов, 1997, 494].

Затем Ю.С. Степанов вновь возвращается к прояснению этимологии посредством привлечения фактов истории, и обсуждение понятия Русь: «Русь, по убедительному мнению боль-

шинства исследователей, – слово германского происхождения, но вряд ли это имя восточных славян (или какого-либо одного племени восточных славян), данное германцами. Германцы-готы называли земли восточных славян Гардар, буквально ‘города’, или Гардарики ‘страна городов’, т. е. иначе (что представляли собой восточнославянские ‘города’ в эту эпоху)» [Степанов, 1997, 495]. Однако более доказательной представляется следующая точка зрения. Имя русь является заимствованием в славянский (собственно древнерусский язык) из финского языка, существовавшим в последнем в форме *ruotsi*; этим именем финские племена обозначали выходцев из Скандинавии, из той ее области, которая впоследствии стала Швецией. До сих пор в финском языке это слово значит ‘Швеция’, ‘шведы’ [Степанов, 1997, 495].

По мнению Ю.С. Степанова, отдаленно родственными являются слова Русь, друг, друзья, дружина, что можно видеть из следующих примеров, где Русь получает социальное значение. Русь – сословие. Первоначальное этническое содержание термина русь быстро сменилось социальным, когда и варяги-русь, и славяне и прочие ‘розвашася русью’ образовали тот слой военно-торговой аристократии, во главе которой Олег, преемник Рюрика, двинулся из Новгорода по речным торговым путям на Киев и захватил его. Но ровно за сто лет до этого, в 1884 г. эта идея была выражена В.О.Ключевским в формуле: «Русь – сословие». В качестве доказательства приведем полностью этот раздел из Ключевского: «Второе значение руси – сословие. Это значение открывается в известии Константина Багрянородного о руси. Он говорит, описывая полюдь – ежегодные административные поездки киевских князей, что в ноябре киевский князь выходит из Киева со всею русью, где под русью он разумеет дружину, сопровождающую князя в его походе. Эту русь он отличает от туземного славянского населения, от племен, подвластных киевскому князю, как-то: древлян, дреговичей, северян, кривичей; это население он называет славянами, платящими дань руси. Итак, русь в 10 в., по иноземным и туземным памятникам, – высший служилый класс» [Степанов, 1997, 497]. Русь было первоначально – в устах новгородских славян – названием скандинавской дружины, призванной новгородцами для обслу-

живания, прежде всего для обороны, уже сложившегося государства. В самом этом факте нет, следовательно, ничего принижающего достоинство русского народа (тем более, что 'русский народ' – общность гораздо более позднего времени), ничего 'антипатриотического' и вообще ничего идеологического [Степанов, 1997, 496].

Кроме того, Русь также есть географическое понятие: «Русь – область. «В то же время (т. е. к концу 9 в.) или несколько позднее, – пишет В.О. Ключевский, – Русь является в памятниках со значением географической области, именно Киевской, или Полянской земли». Та же повесть о начале Русской земли говорит, описывая расселение славян: «Бе един язык словенск: словени, иже сядяху по Дунаеви, ихже прияша угри, и моравы, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне (т. е. около половины 11 в. – В.К.) зовомая Русь». Русью называлась не только Киевская земля, в тесном смысле слова, в тех границах, какие она имела в 11 в., но и все пространство по правому берегу Днепра на юг от Киева» [Степанов, 1997, 499]. Русь – государственная территория. Свою схему Ключевский заключает так: «Кажется, уже в 11-12 вв. термин Русская земля усвоил и политическое значение, стал обозначать всю территорию, которой владела Русь с киевским князем во главе. Таким образом, в эту эпоху термин Русь и термин Русская земля как наименования государственной территории не обозначают никакого отдельного народа» [Степанов, 1997, 505].

Концепт *Россия* для Ю.С. Степанова является более сложным для анализа, поскольку «...это вся дальнейшая история России», и поэтому ученый обращается к рассмотрению данного вопроса как к смене терминологии, подчеркивая, что «...новое для нас положение дел отражено в новом словоупотреблении: слово *россиянин* уже не является синонимом слова *русский*, а означает 'гражданин государства России'» [Степанов, 1997, 509].

Ю.С. Степанов исследует концепт *родная земля*, для иллюстрации которого привлекаются тексты культуры. Оказывается, что из перечисленных Ю.С. Степановым в «Словаре русской культуры» концептов лишь концепт *родная земля* обладает номатической структурой. В структуре значения концепта

родная земля Ю.С. Степанов выделяет два главных компонента: земля, родной человек.

Далее Ю.С. Степанов производит повышение уровня рефлексивного осмысления, и перечисление компонентов концепта *родная земля* происходит уже в поясе чистого мышления. С целью выявления природы значений, которые концепт *родная земля* получил в русской культуре, Ю.С. Степанов вновь обращается к Ключевскому, по мнению которого на концепт *родная земля* оказали влияние особенности русской природы.

В приведенных ниже отрывках концепт *родная земля* получает расширенное толкование: прослеживается связь родной земли и русской души, матери-земли и Богородицы и т.д.; концепт *родная земля* соединяется в отдельных своих чертах с другими концептами, что означает усложнение структуры лингвокультуры *родина*. Приводимые Ю.С. Степановым ссылки на Н. Бердяева являют собой пример рефлексии в плоскости М.: «Нечего и говорить, что особенности русской земли получили в русской культуре и философское осмысление. Пожалуй, наиболее яркое – у Н. Бердяева в книге очерков “Судьба России”» (цит. по изд.: Н. Бердяев. Судьба России. М.: Сов. писатель. 1990). Один из очерков называется «О власти пространства над русской душой».

Если рассматривать становление концепта *родная земля* как некую линию, то здесь эта линия сдваивается. С одной стороны, этот концепт смыкается с представлением об особой русской религиозности, или, может быть, лучше будет сказать – об особенностях русской религиозности. С другой – тоже с особым русским отношением к своей стране и земле как к матери или жене [Степанов, 1997, 512–513].

В работе «Концептообразующая флуктуация константы культуры “родная земля” в наименовании родина» В.Н. Телия [2001] привлекает для анализа концепта *родина* фразеологические единицы, отображающие знание носителей языка об исследуемом концепте. Исследование фразеологических единиц в указанном отношении позволяет выделить в качестве самостоятельных, но связанных друг с другом концептов следующие: родина I и родина II.

В.Н. Телия отмечает, что характерные для них культурные коннотации основаны на ассоциациях с культурной константой 'родная земля', 'надлежащей' над концептом 'родина', и с 'подлежащей' под ним мифологемой матери-земли как прародительницы всего сущего на земле, восходящей к архетипическим формам осознания мира как локуса человека. В.Н. Телия считает, что эти ассоциации, воспроизводимые в коннотациях фразеологических наименований, свидетельствуют, как представляется, о прозрачности образно-мотивированных представлений о 'малой родине', а также о неслучайности выбора и воспроизведения имен для оязыковления этого топоса культуры (Телия, 2001, 413).

На основе анализа фразеологических слоев, репрезентирующих культурный концепт 'родина Г', В.Н. Телия конструирует основные концептообразующие признаки, соотносимые с наименованием 'родина I'. Заметим, что сама работа В.Н. Телия есть значимый текст культуры, в котором осуществляется рефлексивная деятельность в поясе чистого мышления. Проведенный В.Н. Телия анализ ФЕ со словом родина, позволил ей сделать вывод о том, что 'родина I' воспринимается как часть 'родины 2', отличие же в том, что "... 'родина 2' в отличие от 'родины 1' — это не персональное, а социально-политическое пространство, относительно которого его неперсонифицированные субъекты — народ как социально-корпоративное сообщество, равно как и член этого сообщества — гражданин, — представляют собой референтно неопределенные, 'общие имена', что придает и всему этому концепту референтно-денотативную размытость [Телия, 2001, 415].

Моральные императивы отношения к родине связаны с идеей долга перед многострадальной Родиной-матерью как общей прародительницей и донатором, что побуждает субъектов во имя родины и во славу родине к верному служению на благо родины: заботиться о родине (о благе родины), верно служить/послужить родине (на благо родины), благодарить родину за счастливое детство и счастливую жизнь, а когда Родина-мать зовет защитить ее, народ и лучшие сыновья и дочери родины готовы к патриотическому подвигу — встать на защиту родины до последней капли крови, защищать/защитить родину (от вра-

гов), бороться за свободу и независимость родины, умереть, погибнуть, сложить свою голову (в борьбе) за родину, чтобы отстоять родную землю, родной язык и достояние отцов и дедов. Изменить родине – значит продать родину. Родина – это страна в целом; исторически сложившееся государственно обустроенное геополитическое пространство; субъект этого государственного образования – все народонаселение (этническое большинство которого составляют русские) – народ и граждане страны; патриотическое единство народонаселения; языковая общность, обеспечиваемая русским языком как родным для этнического большинства и играющим роль государственного языка.

Исследователь Г.Б. Овчарова [2001] анализирует функционирование лингвокультурем 'Россия', 'родина', 'отечество', 'держава' в современной русской политической речи. Материалом исследования послужили программные документы всех политических партий и общественных движений России, зарегистрированных к 1996 году [Политические партии и движения России / сост. Абрамов Ю.К., Головина Т.Ю. – М.: Пресс Лтд., 1996]. Этот сборник документов является до настоящего времени единственным и наиболее полным изложением взглядов, функционирующих в российской политической сфере. Предварим анализ распределения примеров обращением к словарным значениям анализируемых слов: Родина – 1. Отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой состоит; Родина – 1. Отечество, родная страна. 2. Место рождения, происхождения кого-чего-н., возникновения чего-н. (Ожегов). Родина – 1. Родимая земля, чье-то место рождения; 2. Земля, государство, где кто родился; 3. Город, деревня (Даль).

Держава – 1. Государство (высок.). (Ожегов). Держава – крепость, сила, прочность, твердая связь; владычество, могущество; земля, государство, самостоятельное владение, народ и правительство его (Даль).

Держава – 1. Независимое государство, имеющее влияние в международных делах (полит. офиц.); 2. Государственная власть, владычество (поэт) (Ушаков).

Отечество – Страна, где родился данный человек и к гражданам которой принадлежит // Страна, с которой все трудящиеся связаны общностью стремлений к подлинной свободе,

к социализму // Второе отечество – страна, куда кто-н. переселился и с которой стал связан, как с родной страной (Ушаков).

Обычно слова 'родина', 'отечество', 'отчизна' рассматриваются как абсолютные синонимы. При этом некоторые словари находят стилистически окрашенными отечество и отчизна.

Лингвокультурема 'Россия' обретает значимость с момента возникновения России в качестве суверенного государства. Именно этим фактом и объясняется то обстоятельство, что данное понятие начинает осмысливаться и проблематизироваться. О том, что лингвокультурема 'Россия' проблематизируется, может свидетельствовать следующее характерное высказывание известного журналиста Виталия Коротича: "Вообще, это два разных понятия, которые у нас нарочито путают: Родина и государство. Родина одна-единственная (вся чушь о 'второй', 'исторической', 'биологической' и прочих 'родинах', по-моему, есть деловитое вранье)... Были на моей Родине государства, руководимые монголами, поляками, царем и его знатью, большевиками (кем еще?). Родина – неизменна. Лозунг "За нашу советскую Родину!" нелеп, потому что Родина не бывает ни советской, ни анти» [газета «Вечерний клуб», 10 сентября 1998; цит. по: «Русская речь», 2000, № 5].

Наши примеры демонстрируют наличие диаметрально противоположных оценок, представляющих известные онтологические картины политической сферы.

С одной стороны, имеются утверждения о величии России. Например: «Россия – общий дом всех своих детей, она – отечество и для живущих вне ее пределов»; «Наш общий дом – Россия»; «Россия – это, прежде всего люди, которые в ней живут»; «Исторически Россия сформировалась как централизованная многонациональная империя, раскинувшаяся на необъятных просторах Евразии»; «Величие России не в восстановлении империи, а в благосостоянии ее граждан. Сила России – не в оружии, а в высоком интеллектуальном и нравственном потенциале народа. Величие России – в нас самих». «Россия – великая держава, именно в силу многообразия составляющих ее областей, краев и республик»; «Россия была, есть и будет страной многонациональной, страной разнообразных национальных культур. В этом наша историческая сила и, более того, – наше

долгосрочное стратегическое преимущество»; «Россия вправе гордиться своей наукой, гением ученых и специалистов, богатством накопленных знаний, размахом и уровнем научно-технических достижений».

Как следует из приведенного материала, лингвокультурама 'Россия' при функционировании в политической речи демонстрирует большое разнообразие. Лингвокультурема словаря с течением времени переосмысляются. Так, сила и власть стали ассоциироваться с деньгами и богатством. Свобода, которая прежде ассоциировалась с волей, стала ассоциироваться со свободой мысли, свободой поступков и т.д.

Задача описания лингвокультурологического словаря требует, прежде всего, определения ценностных ориентаций данной культуры. Для выявления лингвокультурем словаря сначала необходимо задать списком возможные области духовной жизни культуры и выявить среди них наиболее значимые. Когда роводят характерологическое описание культуры, обращаются к факторам, определяющим ее главные черты. Такими факторами обычно выступают географическое положение, история и религия (мифология). На примере русской культуры кратко проследим этот путь так, как его подают в учебниках культурологии и истории.

Концептообразующую роль в формировании русской культуры исследователи отводят географическим особенностям страны. В. Ключевский в работе «Курс русской истории» убедительно доказывает, что именно русская равнина формировала характер русского народа, тип хозяйства и государственности, а также взаимоотношения с соседними народами. Особое значение для этногенеза русского народа имели лес и степь. Лес всегда был тяжел для русского человека, он его не любил и населял всевозможными страхами. Такие же двойственные чувства испытывал русский человек и к степи. Простор и ширь, с одной стороны, но и вечная угроза от многочисленных кочевых племен, с другой стороны. Это раздвоение между лесом и степью преодолевалось любовью русского человека к реке, которая была и кормилицей, и дорогой, и воспитательницей общественного духа в народе. На реке воспитывался дух предпринимательства, привычка к совместному действию, сближались раз-

брошенные части населения, люди приучались чувствовать себя частью общества.

Противоположное действие оказывала бескрайняя русская равнина, отличавшаяся пустынностью и однообразием. Человека на равнине охватывало чувство невозмутимого покоя, одиночества и унылого раздумья. Как считают многие исследователи, именно здесь причина таких свойств русской духовности, как душевная мягкость и скромность, смысловая неопределенность и робость, невозмутимое спокойствие и тягостное уныние, отсутствие ясной мысли и предрасположенность к духовному сну, аскетизм пустынножительства и беспредметность творчества.

Огромное значение для формирования российского менталитета и культуры сыграло принятие христианства в его восточном византийском варианте. Результатом крещения Руси стало не только вхождение Руси в тогдашний цивилизованный мир, рост международного авторитета, дипломатических, торговых, политических, культурных связей с другими христианскими странами. Крещение не только дало толчок к созданию великолепной культуры Руси, да и самого древнерусского единого централизованного государства.

Еще одним следствием мобилизационного типа развития в России стал примат общественного, общинного начала. Необходимость максимальной концентрации ресурсов и противостояния 'всем миром' многочисленным опасностям обусловили традицию подчинения личного интереса задачам социума. По мнению Г. Федотова, рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: созданием империи на скудном экономическом базисе. Об этом же писал и известный русский философ Е. Трубецкой. Он считал, что равнинный, степной характер нашей страны наложил отпечаток на нашу историю, равнина не терпит ничего, что могло бы подняться над ней. Так, в Московской Руси, чтобы бороться против угрожающих извне уравнилельных стремлений татар, царская власть сама должна была быть единственной возвышенностью в стране и превратить в плоскость все то, что под нею. Поэтому и спряталась русская личность в знаменитую русскую соборность.

Исследователи отмечают, что перечисленные выше особенности развития русской культуры сформировали такие ее

черты, как отсутствие ядра культуры, привели к ее двусмысленности, бинарности, двойственности, постоянному стремлению сочетать несочетаемое: европейское и азиатское, языческое и христианское, кочевое и оседлое, свободу и деспотизм. Это же привело к тому, что основным типом динамики русской культуры стала инверсия, колебание от одного полюса культурного значения к другому.

Основываясь на различных текстах культуры, были рассмотрены лингвокультуремы *Россия, родина*. Также могли бы быть и другие лингвокультуремы словаря. Все это позволяет сделать следующие выводы о принципах характерологического описания лингвокультурем словаря.

Для русской лингвокультуры важным является значимость чувственной и нравственной сфер. В качестве лингвокультурем словаря выступают, например, 'вера', 'любовь', 'тоска', 'воля', 'душа', 'грех', 'совесть'. Особенностью русской лингвокультуры является выявляющаяся при определении структуры лингвокультурем словаря очень высокая степень 'отрефлектированности' их в текстах культуры. Интересной особенностью лингвокультурологического словаря является наличие лингвокультурем 'Россия', 'русские'. Лингвокультуремы словаря 'тематизируются' во многих текстах культуры, которые оказываются между собой в отношении интертекстуальности, причем 'диалог' между текстами культуры осуществляется в значительной степени за счет смыслов, передаваемых лингвокультуремами словаря. Лингвокультуремы словаря обладают высокой степенью валёрности, индекс интертекстуальности их высок, а структура культурно-специфична.

5.4. Лексикографическая практика создания лингвокультурологического словаря

Обычно предполагается, что лингвистическое исследование, осуществленное по поводу лексического строя языка, должно иметь выход в практику, будь то практика преподавания языка или составление словарей. Тем не менее лексикографическое описание лингвокультурем словаря представляет собой

проблему, причем в большей степени теоретического, чем практического характера.

Лингвокультураемы словаря культуры обычно немногочисленны, их число колеблется в пределах 50–100. Составленный Ю.С. Степановым глобальный труд «Константы. Словарь русской культуры» представляет собой огромный фолиант. Причем форма 'словарной статьи' в работе Ю.С. Степанова оказывается 'несловарной'. Для того чтобы получить основания говорить о возможности представления лингвокультурем словаря в каких-то определенных видах словарей, необходимо рассмотреть их принципиальные характеристики.

Словари – такой же продукт культуры, как и уровень развития философской, политической, религиозной, научно-технической мысли этноса – носителя описываемого в словаре языка. Уровень лексикографической практики в той или иной культуре в определенном смысле является показателем уровня ее развитости. В то же время словарь сам предстаёт произведением культуры, достижением науки данного общества в определённый период исторического развития. Хороший словарь входит в историю народа как создание человеческого духа, подобно произведениям изобразительного искусств.

Как правило, словарь создаётся с учётом новых потребностей, актуальных лингвистических воззрений. Тем самым лексикографическое произведение всегда относительно ново. Теоретические параметры, к которым относятся объект описания, типологические признаки словаря и его место в системе словарей, отражают концепцию словаря. Задачи, стоящие перед лексикографией сегодня, относятся к самым разным областям человеческой практики: переводу, преподаванию родного и иностранного языков, компьютерным и информационно-поисковым системам, культурологии, этнографии и др.

Задача создания лингвокультурологических словарей как справочных пособий отвечает современным интересам рассмотрения связей языка и культуры. Однако сложность и многогранность содержаний, которые должны быть в таком случае представлены в словаре, составляет проблему. Проблема заключается в том, что не существует принятых, традиционных способов представления в словаре ноэматики, смыслов. Как из-

вестно, в словарях оказывается представленной семантическая структура слова через посредство описания его значений. Перечислим и прокомментируем основные принципы создания лингвокультурологических словарей.

Любые словари при описании определенного словарного материала всегда опираются на существующие лексикографические традиции. Кроме того, нередки случаи, когда словарь, по различным причинам неудовлетворяющий первоначальному замыслу составителей, в дальнейшем оказывается полезным источником при создании других словарей. Задача, которая стоит перед исследователем при создании лингвокультурологического словаря, сложна. Во-первых, она не может быть решена 'по аналогии', поскольку автор не может опереться на традицию. Во-вторых, в словаре такого типа нельзя ограничиваться семантическим описанием значения слова, но необходимо регистрировать нозмы, а способы их выявления пока не поддаются описанию принятыми формами словарной статьи. Причина здесь кроется в том, что смыслы принадлежат культуре, языку же в систематическом описании – значения.

Каждый лексикограф определяет по-своему содержание методики лексикографирования, основанной на следующих видах работы: 1) отбор словника; 2) систематизация лексического материала определенным образом в связи с целеустановкой и задачами словаря; 3) разработка условных обозначений и помет с опорой на собственные теоретические воззрения и, конечно, на лексикографическую традицию. Немаловажен субъективный фактор в процедуре подачи значений слов – принять исторический метод, когда расположение значений основано на этимологическом описании развития значений, а современные и наиболее употребительные значения оказываются последними в семантической структуре, или эмпирический метод, базирующийся на современном понимании актуальности того или иного значения слова (что, естественно, каждый лингвист и даже обычный носитель языка видит со своей точки зрения).

Проблема еще более усложняется, если вместо семантической структуры слова стоит задача передать в словарной форме нозматическую структуру лингвокультурем.

Каждый словарь ориентирован на определенного читателя, учитывает особенности языков, нужность данных лексикографических трудов в данное время, создается иногда из чисто утилитарных соображений. Потребность в создании лингвокультурологического словаря велика, поскольку культурно значима и культурно сообразна на современном этапе развития лингвистики, однако, трудно осуществима из-за трудностей работы с новыми словами.

Исходя из нормативно-стилистических задач словаря, нельзя допустить неограниченный доступ в него ненормативных средств речи, даже широко представленных в различных сферах словоупотребления. Словари напрямую связаны с выработкой литературной нормы языка в каждую эпоху. Вместе с тем, богатство языка выражается, прежде всего, в том, что он состоит не только из нейтральных, стилистически не маркированных средств. Диалектически понимаемый принцип нормативности не должен привести к отсечению различных элементов, ограниченных в функциональном плане в том или ином отношении. Задача разработки лингвокультурологического словаря отвечала бы данному требованию при условии ее принципиальной осуществимости.

Представляется, что задача написания лингвокультурологического словаря может быть решена в принципе только как разработка толкового словаря идеографического тезаурусного типа. Толковые словари наиболее систематически и последовательно отражают словарный состав языка. По мнению В. Г. Гака, «создание толкового словаря – свидетельство ‘совершеннолетия’ данного языка и лингвистической зрелости общества» [Гак, 1987, 13]. При создании лингвокультурологического словаря следует учитывать ‘фактор иностранности’, а именно то, для носителей какого родного языка создается словарь. Так, лингвокультурологические словари, создаваемые ‘внутри’ культурного пространства некоторой макрокультуры, потребуют привлечения меньшего количества иллюстративного материала, в то время как «Иностранный язык – Родной язык» содержательно далеким культурам повлечет за собой необходимость в развернутом культурном комментарии.

Исследователь Р. Ладо, рассматривая сходство и различие между родным и изучаемым языками в отношении формы, значения и дистрибуции, отмечает, что эти различия имеют своим результатом легкость или трудность в усвоении словаря иностранного языка. Сравнивая последний со словарем родного языка, он обнаруживает слова, сходные по форме и значению, сходные по форме, но различные по значению, сходные по значению, но различные по форме, различные по форме и по значению, различные по типу конструкции, сходные по основному значению, но различающиеся в коннотациях и сходные по значению, но с ограничениями в географическом распределении [Р. Ладо, 1989, 39]. Так как часть этих групп совпадает, в результате чего некоторые слова попадают более чем в одну группу, трудность их усвоения различна. Тем не менее на основе этой группировки можно предсказать общий уровень трудности и классифицировать каждую группу на одном из трех уровней трудности: легкий, нормальный, трудный.

Аналогичным образом можно попытаться учитывать культурный статус лексики при разработке лингвокультурологического словаря. Индекс лингвокультурем словаря способен, как представляется, 'переводить' теоретическую лингвистическую проблематику в методическую плоскость, переопределяясь в форму 'легкий', 'нормальный', 'трудный', что представляет собой уже методическую характеристику, которая, в свою очередь, может и должна использоваться при непосредственном написании лингвокультурологического словаря.

Лингвокультуремы словаря с методической точки зрения могут быть определены как слова особой группы трудности, а создание лингвокультурологического словаря представляет собой в этом случае, в том числе практическую, методическую и педагогическую задачу. В целом существовало весьма поверхностное и крайне упрощенное представление о лексике языков, и значительная доля лексических исследований, таких, как подсчеты частотности слов и упрощенные словари, часто страдает этим недостатком. Необходимо принимать во внимание культурную составляющую слов, учитывая культурные контексты словоупотребления, что особенно важно в процессе изучения русского языка как иностранного.

Сегодня актуальными задачами лексикографии являются следующие: описание различных слоев лексики, соединение синхронического и диахронического рассмотрения словарного состава, сопоставительные исследования нескольких языков. Представляется, что создание лингвокультурологического словаря лежит в русле актуальных задач лексикографии. Эти словари должны создаваться как толковые тезаурусного типа, которые относятся к идеографическому типу словарей.

Основной базой идеографического словаря являются смысловые отношения слов языка, расположенные, подобно тому, как организована экстралингвистическая действительность, в виде многоярусной структуры. Единицей такого словаря служит не отдельное слово, а определенное семантическое поле. По мнению Л.В. Щербы, для создания хорошего идеографического словаря необходимо иметь хорошее описание понятий, т.е. хороший толковый словарь. Именно тезаурусный подход к слову позволяет увидеть необходимость разных описаний слова при одном значении и реализовать это в самой наглядной форме – форме тезаурусных проекций. Тезаурусное описание обнаруживает и обнажает семантическую структуру не только фольклорного концепта, но и текста, в котором он живет, поскольку тезаурусные функции, описывающие слово-концепт, одновременно указывают на регулярные отношения, строящие текст. С.Е. Никитина отмечает, что иногда текст полностью выстраивается семантическими связями заключенного в нем концепта. Как следствие, тезаурус имеет широкие возможности соединять единицы словаря через систему отсылок и строить гипертекст. Исследователь указывает на методологическое значение тезаурусного описания, которое состоит в том, что «в качестве инструмента исследования он является посредником между культурной моделью (в ее жанровых проекциях) и языковыми единицами. Процесс тезаурусного описания показывает, как слово, отвечая на вопросы анкеты, превращается в концепт» [Никитина, 1999, 51]. Главная же цель тезауруса – подсказать правильное слово для нужного концепта в необходимом контексте. Словари, созданные по алфавитному принципу, разрушают семантические связи между словами и их контекстами. Тезаурус призван восстановить семантические отношения между едини-

цами языка. В этом смысле незаменимы именно кумулятивные тезаурусы, которые не только предоставляют возможность найти более понятное, точное, стилистически верное слово в ситуации нахождения в определённом семантическом поле.

Таким образом, можно заключить, что принципиальная возможность создания лингвокультурологического словаря лежит в плане разработки его как дефинитивного тезауруса, при этом структура входящих в него лингвокультурем не может и не должна даваться через определения.

5.5. Лингвокультурема в национально-культурном аспекте

Изучение содержания лингвокультурем и особенно их значений, непосредственно отражающих внеязыковую действительность, может способствовать выяснению сущности взаимосвязей языка и культуры и формированию у иностранных студентов межкультурной компетенции. Лингвокультурема в отличие от слова включает в себя сегменты не только языка, но и культуры, она представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания.

Сходство и различия между словом и лингвокультуремой лежат в русле разграничения языкового и понятийно-предметного отражения объектов действительности, по А.А. Потебне, — ближайшего и дальнейшего значений слова: «Что такое значение слова? — писал он. — Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего оспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук» [Потебня, 1888, 1–2].

Содержание и характер соотношения составляющих лингвокультуремы становятся очевидными, если обратиться к концепции слова А.А. Потебни, опиравшегося в своих теоретических построениях на работы В. фон Гумбольдта. Согласно взглядам А.А. Потебни, развиваемым, прежде всего, в его труде

«Мысль и язык», в слове «мы различаем внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [Потебня, 1913, 160]. Внутренняя форма не только репрезентирует мыслительное, внеязыковое содержание (дальнейшее значение слова), но и, что особенно существенно для исследуемой лингвокультурологической проблемы, выражает национальную специфику слова и отражаемой им реалии культуры. Живая внутренняя форма передает восприятие предмета в его национальной специфике: это «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Там же, 130–131]. ‘Погружение’ слов в культуру полнее проявляет их языковую и внеязыковую семантику, помогает глубже проникнуть в суть культурных ценностей, понять их национальную специфику.

Лингвокультурема вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление (‘форму мысли’), так и тесно и неразрывно связанную с ним ‘внеязыковую, культурную среду’ (ситуацию, реалию), – устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны. Поэтому слово-сигнал неизбежно будит в человеке, знающем язык, особую культурную коммуникацию, не только значение как намек (Потебня), но и всю совокупность ‘культурного ореола’. Такая коммуникация определяется «сознательным намерением адресанта сообщить нечто адресату и столь же сознательной готовностью последнего воспринять это сообщение, осуществляющееся с помощью знаков – ‘сигналов’» [Фуко, 1994].

Глубина представления, связанного со словом, т.е. содержание лингвокультуремы находится в прямой связи с лингвокультурологической компетенцией носителей языка. Незнание ‘культурного ореола’ лингвокультуремы оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, т.е. в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена.

Существенно подчеркнуть (и это обычно остается без достаточного внимания), что лингвокультуремы соотносятся по своему сходству и противопоставляются по своим различиям в отличие от собственно языковых единиц не только на 'поверхностном', но и на 'глубинных' уровнях. Их специфика в наибольшей степени проявляется именно в лингвокультурологическом плане, где объем дифференциальных признаков, учитываемых в смысловых различительных оппозициях, несравненно больше, чем в собственно языковых дефинициях единиц. Восприятие глубокого лингвокультурологического смысла дает полное осознание реалии, а не просто знание 'языкового ярлыка', который требует дальнейшей когнитивной расшифровки и знания реального 'общения' с предметом.

Смысл познания как перехода от значения-намёка к понятийному содержанию единицы (и через нее — к предмету культуры) предполагает постоянную взаимодействующую связь 'значение — культурологический смысл'. Эта связь — диалектическая, предполагающая противоречивое отношение языковых и внеязыковых компонентов лингвокультуремы, их неравенство, различие, с одной стороны, и совпадение, тождество — с другой, в процессе познания объекта. Только таким образом и может происходить процесс 'окультуривания' языковых единиц, ведущий изучающих язык в направлении от значения, 'угадывания' — к знанию и включению знака-предмета в сеть культурных ассоциаций, свойственную той или иной нации.

Культурный фон 'омывает' соответственно языковой знак в составе лингвокультуремы как диалектического единства языкового и внеязыкового содержания. Из общей схемы лингвокультуремы следует, что полное проникновение в объект, в его сущность, по отношению к которой слова языка суть лишь знаки — явления, невозможно без целостного осознания лингвокультурологической единицы и через нее того внеязыкового предмета (явления), которую она репрезентирует. Это осознание есть сложный диалектический процесс: переходит от языкового знака/значения к знанию факта культуры. Языковое и внеязыковое содержания знака и равны, чтобы выполнять коммуникативную функцию единиц в составе высказывания, и неравны, так как вторые из них несравненно богаче, и в этом слу-

чае переход от первого ко второму и есть бесконечный процесс познания (когнитивный аспект речевой деятельности как познания).

Глубинный смысл, потенциально присутствующий в значении как элемент его содержания, разворачивается в смысловой сети культурно-понятийного содержания лингвокультуры. Лингвокультуры: 1) имеют коннотативные смыслы и становятся знаками-функциями; 2) могут иметь несколько коннотативных означаемых; 3) могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих, 4) активно 'живут' до тех пор, пока активно 'живет идеологический контекст', их породивший.

Существенной стороной изучения и описания лингвокультурем (наряду с их внутренней структурой) является их типология.

Конечным итогом всякой коммуникации является не понимание языка как такового, а усвоение внеязыковой информации (в том числе культуры, в рамках которой происходит само общение). Как хорошо показал А.А. Потебня, язык лишь намекает на знания, которые должны быть эксплицированы в виде мыслительных единиц, 'дальнейших значений', понятий. Каждая лингвокультура имеет не только ближайшее, но и дальнейшее значение, по А.А. Потебне, глубинный, часто символический смысл, без понимания которого идея произведения повисает в воздухе.

Что касается структурных типов лингвокультурем, то они весьма разнообразны: от единичного слова (лексемы) до целого текста значительной протяженности. Невольно напрашивается аналогия между структурой лингвокультуры как носителя отмеченной выше интро- и экстралингвистической информации и словесного образа как воплощения определенной эстетической ценности в языке художественной литературы, где также моделируется действительность. Понятие словесного образа раскрыто В.В. Виноградовым: «Словесный образ бывает разного строения. Он может состоять из слова, сочетания слов, из абзаца или целого литературного произведения. Но он всегда является эстетически организованным структурным элементом стиля литературного произведения. Этим определяется и форма

его словесного построения и принципы его композиционного развития» [Виноградов, 1963, 119]. Подобно этому и лингвокультурема, несмотря на различные их структурные типы, представляют конструктивный элемент лингвокультурологического словаря.

5.6. Семантическая структура лингвокультурема

Лингвокультурема – основная единица лингвокультурологического словаря, служащая для наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, выражающих национально-культурную специфику. Лингвокультурема имеет форму (фонетические и грамматические признаки) и значение (лексическое и грамматическое), специфичные для каждого языка.

Лексическое значение – это содержание лингвокультурема, отражение в сознании человека того, что оно обозначает, называет: это понятие о предметах, действиях, признаках. На присутствие в лингвокультуреме особого, культурного компонента значения учёные обратили внимание уже давно. Описание этого значения важно для овладения языком, так как главная опасность при изучении иностранного языка состоит именно в незнании культурного компонента значения лексики этого языка. Значение двух слов, тем более лингвокультурем, из разных языков никогда не совпадает полностью; исключения составляют термины. Поэтому каждая лингвокультурема для правильного употребления должна соотноситься с социокультурной действительностью страны изучаемого языка.

Основополагающее значение в изучении лексики как носителя национально-культурной информации сыграли работы Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» и «Лингвострановедческая теория слова», в которых был впервые определён термин 'лексический фон' как такой компонент семантики слова, в котором более всего проявляется его национальная специфика, главная характеристика лингвокультурема. Лексический фон проявляет свои качества, во-первых, в тематических связях языковых единиц (со словом *чай* тематически

связаны слова *самовар, чашка, молоко* и т.д.), во-вторых, в их синтаксических связях (например, *приготовить чай, разлить чай, выпить чаю* и т.д.). Русское *чай* и венгерское наименование этого напитка в понятийном отношении вполне тождественны. Однако в области лексического фона наблюдаются расхождения. В Венгрии чай варят, а в России заваривают (поэтому для русского уха выражение *варить чай* необычно, странно). Для русских типично ходить в гости и приглашать гостей к себе домой; французы же, как правило, встречаются вне дома и соответственно не употребляют оборотов, эквивалентных по смыслу выделенным русским сочетаниям.

Ошибки иностранных студентов типа «*Меня взяли в университет*» (вместо *приняли*), «*Я пришёл в город*» (вместо *приехал*) объясняются невладением объёмом значения языковых единиц в русском и родном языках. Поэтому знание соотношения значений языковых единиц (лингвокультурем) изучаемого и родного языка и способов объяснения их значений важно для овладения русским языком иностранных студентов. Этому вопросу посвящён следующий раздел нашей работы.

5.7. Значения лингвокультурем и способы их семантизации

При выборе способа объяснения значения лингвокультуремы учитывается, с одной стороны, ее лингвистическая природа в лексической системе русского языка (характер значения — свободное или связанное, прямое или переносное; к какой части речи относится, конкретное или абстрактное, производное или непроизводное, однозначное или многозначное, с широкой, свободной или узкой, связанной сочетаемостью, входит ли лингвокультурема в смысловые группировки — тематические, лексико-семантические, синонимические, антонимические, имеет ли особенности в образовании грамматических форм). С другой стороны, учитывается соотношение русской лингвокультуремы с его эквивалентом в родном языке (совпадение — несовпадение значений, соответствие — несоответствие лексической сочетаемости). Известны следующие приемы семантизации (объяснения значения).

Наглядный способ – объяснение значений лингвокультурем путём показа обозначаемых ими предметов и действий или их изображений (рисунков, картин). Достоинство этого способа в том, что он вызывает яркое представление о лингвокультуреме в сознании учащихся, что способствует его запоминанию; кроме того, устанавливается непосредственная связь между лингвокультуремой изучаемого языка и соответствующим ей понятием без участия родного языка. Однако этот способ применим к ограниченному кругу лингвокультурем – конкретным единицам, доступным для непосредственного зрительного восприятия (например, слова водка, щи).

Перевод – это способ объяснения значения лингвокультурем средствами родного языка. Этот способ экономичен во времени; устанавливая соответствие русских лингвокультурем словами родного языка, он опирается на уже известное учащимся. Но перевод неприемлем как основной способ семантизации, так как он не обеспечивает правильного понимания лингвокультурем с несовпадающим объёмом значений в русском и родном языках. Точное представление о значении лингвокультуремы перевод даёт только в том случае, когда русское слово тождественно по значению слову родного языка. При переводе устанавливается соотношение: лингвокультурема русского языка – слово родного языка; при этом связи слов в системе языка не осознаются. Между тем толкование лингвокультуремы, содержащееся в Словаре С.И. Ожегова (*грусть* – чувство уныния, печали), соотносит данное слово с родовым словом *чувство*, подчёркивая его отнесённость к данной лексико-семантической группе слов, и устанавливает ассоциативные связи с синонимами *уныние*, *печаль*. Перевод лингвокультуремы не требует особой работы мысли и больше рассчитан на механическую память. Широкое использование однословного перевода узаконивает внутреннюю речь на базе родного языка, притупляет чувство языковой догадки, лишает иностранных студентов самостоятельности и инициативы в овладении языком, препятствует формированию непосредственно иноязычной речи. Поэтому перевод желательно сопровождать другими способами семантизации.

Беспереводная семантизация – объяснение значений лингвокультурем средствами русского языка. Выделяются три способа беспереводной семантизации. Первый способ – толкование лингвокультурем, или семантическое определение. Это основной способ раскрытия значения лингвокультуремы, принятый в толковых словарях. Используется несколько конкретных приемов семантических определений лингвокультуремы.

1. Определение через указание более широкого родового понятия, к которому относится лингвокультурема, и ее отличительных признаков. Например: *хоровод* – народная игра, движение людей по кругу с пением и пляской.

2. Описательный способ; описание лингвокультуремы вводится указательными словами или глагольными связками. Например: *обломовщина* – безволие, бездеятельность и лень как общественное явление; тот, кто не занимается ничем.

3. Определение с помощью синонимов. Например: *русское масло* – топленое масло. Поскольку синонимы отличаются друг от друга оттенками значений, для определения лингвокультуремы часто используется не один, а несколько синонимов, которые, уточняя и дополняя друг друга, дают полное, исчерпывающее определение значения слова. Например: *соборность* – всеобщность, объединенность; господствует не личное начало, не начало разъединения, а православная соборность.

Широко используются синонимы для объяснения значений устаревших и заимствованных слов. Например: *чело* – лоб; *чародей* – волшебник. Часто синонимический способ соединяется с описательным, что делает определение слова более точным и содержательным. Например: *русская рубаха* – рубашка, мужская косоворотка, женская, без ворота.

4. Определение с помощью антонимов. Например: *русский час* – невесть сколько. В определении лингвокультурем здесь присутствуют антонимы с отрицательной частицей.

5. Перечислительный способ; значение лингвокультуремы раскрывается путем перечисления понятий, обозначаемых этим словом. Например: *русская печь* – особым способом сложенная печь из кирпича для варки пищи, печения хлеба, печь для отопления избы. В словарях этот способ обычно сочетается с опи-

сательным. Например: морфема – значимая часть слова (корень, приставка, суффикс).

Способ семантического определения дает наиболее точное представление о значении лингвокультуремы. Этот способ связан с активной работой мысли: с подведением лингвокультурем под более общие родовые понятия, с выделением их отличительных признаков, установлением смысловых связей с другими словами. Определяя значение слова, учащиеся находят его место в лексической системе языка, среди других слов, с которыми оно соотносится. Поэтому роль этого способа велика в развитии логического мышления и речевых способностей учащихся.

Второй способ объяснения значений слов средствами русского языка – это семантизация через словообразовательные связи. Этот способ широко применяется для объяснения значений производных слов: существительных, образованных от прилагательных и глаголов (русский – русскость, достать – доставала), существительных со значением лица, образованных от существительных и глаголов (сказка – сказитель), относительных прилагательных, образованных от существительных (деревянный рубль – дерево), наречий, образованных от прилагательных и других частей речи (русский бог – авось, небось, да как-нибудь), сложных слов (общежитие, интеллигентный), приставочных глаголов (залететь). Значение данных лингвокультурем раскрывается через значение производящей основы и словообразовательного аффикса. К этому способу относятся также объяснение лингвокультурем с помощью однокоренных слов (видный – такой, который можно видеть, заметный), анализа морфемного состава (со-беседник – тот, кто участвует в беседе), с привлечением элементов этимологического анализа (биография – био – жизнь, графо – пишу; жизнеописание, рассказ о чьей-либо жизни).

Третий способ объяснения значений лингвокультурем средствами русского языка – контекстуальный. Этот способ более всего подходит для объяснения многозначных языковых единиц, так как разные значения их реализуются только в контексте. Контекст может быть минимальным – на уровне словосочетания. Например: Запись – 1. Тетрадь с записями, вести за-

пись. 2. Магнитофонная запись; сделать, прослушать запись.
3. Запись на приём к врачу; Завернуть, заворачивать — 1. Завернуть книги, завернуть в бумагу. 2. Завернуть кран. 3. Завернуть рукава.

Этот прием развивает языковую догадку, максимально сближает усвоение значения лингвокультуемы и выработку навыков употребления его в речи, однако он не гарантирует точного понимания значения. Отсюда необходимость взаимосвязи его с другими способами семантизации. Догадка о значении многозначных лингвокультурем по контексту может проверяться переводом каждого значения на родной язык, подбором синонимов, антонимов и других близких по смыслу слов и словосочетаний.

Ни один из приведённых способов семантизации лингвокультурем не может быть избран в качестве универсального. Обладая своими достоинствами и недостатками, способы эти применяются по преимуществу к разным пластам лексики, но в практике обучения языку находят обычно комплексное применение, дополняя и уточняя друг друга: наглядность + толкование, наглядность + перевод, перевод + толкование, словообразовательный анализ + толкование, контекст + перевод и т.д. При любом способе объяснения лингвокультурем обязательным моментом является иллюстрация способов их употребления, то есть контекст. Наилучшим способом семантизации является тот, который способствует ясному, точному пониманию значения лингвокультуремы при наименьшей затрате сил и более всего способствует преодолению интерференции родного языка. Применение различных способов семантизации рассматривается не только с учётом характера лингвокультуремы в системе русской лексики, но также на основе сопоставления лексики русского и родного языков.

С этой точки зрения в изучаемом языке выделяются обычно следующие типы лингвокультурем.

1. Лингвокультуремы, совпадающие по значению и сходные по форме (лексика, заимствованная из родного и через родной). Заимствованная лексика приобретает черты фонетического и морфологического строя русского языка. Не сохраняется полного тождества и в значении заимствованных слов. Так,

русская лингвокультурема *русская статья* может обозначать статью закона, а также небольшое сочинение в газете или журнале. Например, значения таких заимствованных лингвокультурем, как *Третьяковская галерея, хоровод*, может вызвать трудности. Эти лингвокультуремы требуют объяснения.

2. Лингвокультуремы, совпадающие частично по значению, но разные по форме. Трудности заключаются в усвоении формы этих лингвокультурем, в соотношении их звукового и графического образа со значением. К усвоению этих единиц подходят дифференцированно, учитывая их характер в системе русского языка. Конкретные слова можно объяснить наглядным способом (показ предмета, рисунка). Наглядная семантизация может сопровождаться переводом. Абстрактные непроемные слова (тоска, доброта, счастье) объясняются переводом, если толкование этих лингвокультурем затруднительно и к ним невозможно подобрать синонимы или антонимы.

3. Лингвокультуремы, не совпадающие по форме и по объёму значений. В основном это многозначные лингвокультуремы. Этот тип самый трудный для усвоения, так как явление интерференции здесь наиболее сильно выражено: объём значений слов родного языка учащиеся часто переносят на русские лингвокультуремы. Не случайно, поэтому самыми многочисленными являются лексико-семантические ошибки, вызванные несовпадением объёма значений лингвокультурем родного и русского языков.

Выделяются два типа соотношений. Первый тип — объём значений русской лингвокультуремы шире объёма значений соответствующего слова родного языка. Этот случай усваивается сравнительно легко, так как влияние родного языка здесь отсутствует. Например, в русском языке лингвокультурема *окно* помимо основного значения имеет значение 'отверстие в чём-нибудь' (окно в болоте) и значение 'незанятый промежуток времени' (окно в расписании). Второй тип — объём значений русской лингвокультуремы уже объёма значений слова родного языка. Это наиболее трудный случай, так как нескольким русским лингвокультуремам соответствует одно слово родного языка.

Каждый язык членит мир по-своему, и каждому языку свойственна своя система значений. Этот факт не может не учитываться в практике обучения русскому языку как иностранному. Наилучший способ семантизации слов третьего типа (не совпадающих по форме и по объёму значений) – это семантическое описание их значения средствами русского языка, сопровождающееся иллюстрацией употребления каждого значения многозначного слова путём приведения типичной его сочетаемости.

5.8. Способы номинации лингвокультурем в языковой картине мира

Поскольку каждый язык отражает национальную специфику видения мира, способ номинации и членения объективной действительности, можно говорить о языковой картине мира: «Это те предметы, явления и процессы, которые жёстко закреплены и сохраняются длительное время в языковых социально-типичных значениях, а также связи и отношения между предметами и явлениями, зафиксированные в обобщённом и абстрагированном виде в синтаксисе и широко представленные в текстах всех типов» [Маслова, 1992, 82].

Понятие 'языковая картина мира' коррелирует с понятием 'языковое сознание', «понимаемое как особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка» (Ахманова. Словарь лингвистических терминов, 1966). Усвоение изучаемого языка предполагает усвоение языковой картины мира, языкового сознания носителей этого языка. Национальное своеобразие языковой картины мира проявляется уже в способах номинации данного языка, поскольку слово выступает как знак и образ внеязыковых реалий: что увидел тот или иной народ в названном предмете, по каким признакам осуществил наименование, какой образно-символический потенциал лексики использовал.

В лексике любого языка можно выделить общий (универсальный) компонент и национально-специфический, который отражает социально-политические и национально-культурные

особенности мира носителей данного языка. Разные способы концептуализации мира приводят к разным способам номинации предметов окружающей действительности. Так, в осетинском языке нет общего слова для понятий мать и отец (русское родители), напротив, есть общее название понятий брат и сестра. Отсутствующие 'пустые' места концептуальной картины мира получили название лакуны – от лат. – углубление, впадина. Филологическое значение – пробел, пропуск, недостающее место в тексте. Лакуны вызывают затруднение при общении и переводе текстов с одного языка на другой.

5.9. Лингвокультурема как основа художественных образов и символов

Особое место в языковой картине мира занимают ключевые слова языка, выражающие существенные элементы национальной культуры. Это лингвокультурные концепты.

Ключевое слово, являясь стержнем художественного образа, выполняет в тексте функцию знака концепта культуры. Опираясь на ключевые слова родного языка, связанные с обычаями, характером, укладом жизни народа, с географией страны, её климатом, т.е. с культурой в широком смысле слова, поэты и писатели создают метафоры, яркие художественные образы, многие из которых являются сквозными. Эти образы возвращаются к народу, обогащают его языковое сознание, дают импульс развитию его духовности. Классификация метафор издавна привлекала филологов, историков, культурологов, поскольку из совокупности метафор, ставших в языке узуальными (общепринятыми), можно видеть, какие интересы преобладали в народе в ту или иную эпоху, какие идеалы были заложены в основу культуры на том или ином этапе её развития, что стало предметом особого внимания носителей языка. Богатым и интересным материалом для изучения культурологических аспектов номинации являются слова с образной семантикой, в частности, эмотивно-оценочные наименования. Так, главенствующее положение в системе эмотивно-оценочных слов занимают образы света и тьмы. Противопоставление света и тьмы носит универсальный характер и в самом общем виде воплоща-

ет целый ряд взаимосвязанных оппозиций: добро и зло, божественная (созидательная) сила и нечистая (разрушительная), разум и безумие, дух и бездуховность. Это позволяет увидеть вселенную во взаимодействии всех её начал. Образам света и тьмы логически подчинены образы жизни и смерти, противопоставление которых — одно из важнейших в славянских культурах.

Национальный образ мира, по Г.Д. Гачеву, включает три уровня: 1. Национальное пространство, быт, язык. 2. Национальный характер, национальная душа. 3. Национальный склад мышления, способ представления мира, воззрение на бытие, иерархия ценностей. Каждая эпоха порождает свои образы: русский образ поэта-пророка у Пушкина; ощущение дали, бесконечности, необъятного простора — образ, непрерывно присутствующий в литературе XIX века. Литературные образы становились выразителями духа, практического разума народа, входили в его языковое сознание. «И в самом деле, разве чисто литературно-художественный характер носят такие понятия, образы, моральные критерии или просто жизненные явления, как 'обломовщина', 'маленький человек', 'лишние люди', 'Русь-тройка', 'Мёртвые души', 'Тёмное царство', 'Луч света в тёмном царстве', 'Накануне', 'Воскресение', 'Война и мир', 'Униженные и оскорблённые', Глупов, Молчалин, Иудушка, Помпадур, Коняга и т.д. Рождаясь первоначально по форме как художественный образ, подобные понятия-образы тут же отягощаются жизненным и понятийным содержанием и входят в жизнь и мышление на правах социально-классифицирующих и социальных понятий» [Гачев, 1981, 61].

Художественный образ как важнейшая эстетическая категория является результатом особого способа познания действительности, особого её видения и может поэтому рассматриваться как элемент определённой культуры. Создавая художественный образ, автор опирается на общественный и личный опыт, поэтическую традицию, экспрессивно-выразительные возможности языковых средств и, прежде всего — на потенциальные возможности слова. Поэтическое слово актуализирует те психологические и эмоциональные ассоциации, которые связаны с ним в общественной практике народа. Расширяя объём обозна-

чаемого понятия, слово или словосочетание в поэтической речи нередко приобретает значение символа. Символическое начало заложено в самой природе слова, и, несмотря на то, что символ обычно служит для выражения отвлечённых понятий (время, жизнь, любовь, смерть), строится он на базе слов с конкретно-предметным значением. Например, традиционные русские символы родины: берёза, калина. Известен символично-эмоциональный ореол слов: жемчуг – ‘слёзы’, чёрный – ‘печаль’, огонь – ‘страсть’, солнечный – ‘радостный’, каркать – ‘кликать беду’. Символами-лингвокультурами могут стать «слова, несущие какой-то очень глубокий, поддающийся масштабному, практически неограниченному развертыванию смысл» [Караулов, 1987, 203].

Символическое значение лингвокультурем чаще может не совпадать в разных культурах. Так, слово *чёрный* во многих культурах является символом траура или каких-либо тяжёлых явлений (чёрные дни, чёрные мысли). Совершенно другая коннотация у этого слова в африканских культурах. Фразу «Чёрен я!» Отелло произносит, конечно, не с отрицательным оттенком, а с гордостью.

Различается символика песен разных народов: так, в русских песнях символом молодца является сокол, голубь, дуб, хмель; символом девицы – лебедь, голубушка, утка, берёза, калина, малина. Поблёкшие цветы – это ушедшая любовь, потускневший перстень – измена любимого, догорающая лучина – гаснущая надежда.

Эти затруднения становятся понятными в свете того богатства коннотативных и символических значений, которые стоят за словом-концептом *калина* в русской культуре. Приведём словарную статью ‘Калина’ из ЛКС «Реалии русской культуры». Калина – кустарник с белыми цветками и красными горькими ягодами, а также ягоды его. Общеславянское, суф. производное от «каль» в значении ‘чёрный’». Кустарник получил своё название по цвету его спелых ягод. Красная калина в народных преданиях – это женщина, её судьба, её доля. Расцветает она белым нежным цветом, пронзительно блистая чистой невинности. Но вот приходит любовь и с нею – замужество. Приходит радость с горем пополам. Быстро увядает цветок –

быстро увядают чувства. Рождается ягода – не то горькая, не то сладкая.

Калина красная – это красота и девственность, это убогость и достаток, это скромность и вызов, это радость замужества и тайные свидания, это сладость любви и горечь разлуки.

По древнерусским поверьям, красный цвет калины обладал огромной силой оберега от всякой нечисти и сглаза, его считали символом любви и девичьей чистоты. Наряд невесты всегда был красного цвета.

Над водой, водой стоит с красной бородой. Стоит петух над водой с красной бородой, кто ни идёт, за бороду возьмёт.

За окном гармоника и сиянье месяца. / Только знаю – милая никогда не встретится. / Эх, любовь-калинушка, кровь-заря вишнёвая, / Как гитара старая и как песня новая ... (С. Есенин. Песня).

5.10. Лингвокультураны с национально-специфической окрашенностью

Национально-культурный компонент представлен в лингвокультураны по-разному. Выделяются следующие группы лингвокультураны по степени их культурной окрашенности.

1. Реалии – уровень реальной действительности. Отсутствие самой реалии, предмета в культуре народа, язык которого изучается. Это приводит к тому, что культурно-своеобразной становится вся семантическая структура слова, включая его основное значение и его лексический фон.

2. Уровень понятийного содержания лингвокультураны. Несовпадение понятий и слов, отображающих один и тот же участок действительности. Например, отсутствие понятий сушки, кипятка в английском языке, ровесник – во французском. Сюда же относятся лингвокультураны, отражающие специфическую картину языкового видения мира данного народа. Например, имеется множество различных названий снега у северных народов, что вызвано зависимостью жизни этих народов от природных условий.

3. Фоновая лексика – это языковые единицы, которые совпадают по лексическому значению, но имеют особенности в

содержании тех знаний о мире, которые стоят за ними (т.е. это слова, разные по лексическому фону).

4. Культурно-коннотативная лексика – национальная окраска относящихся к этой группе лингвокультурем проявляется не в предметно-логической части их семантического значения а в добавочной, обычно эмоционально-экспрессивной информации.

В качестве лингвокультурем с повышенной культурной окрашенностью отмечаются такие философские понятия, как *правда* и *истина*, *долг* и *обязанность*, *свобода* и *воля*, *добро* и *благо*. При всей общности этих понятий каждый народ вкладывает в них своё понимание.

Важную роль в русской языковой картине мира играют такие лингвокультуремы, как *душа* как самая важная часть человеческого существа (на душе спокойно, работать с душой, души не чаять в ком-нибудь). *Тоска* и *удаль* считаются уникальными русскими лингвокультуремами, их трудно перевести на другие языки. Они отражают 'крайности русской души'.

'Мелкие слова' как выражение национального характера – это такие лингвокультуремы, как *авось* (надежда на случай), *заодно* (сделать что-то попутно). Слова речевого этикета: *спасибо*, *извините*, *здравствуйте*, *пожалуйста*, которые имеют прозрачную внутреннюю форму: *спаси бог*, *избавьте от вины*, *будьте здоровы*, *пожалуйте*.

Ярким культурным значением обладают топонимы – географические названия. Например, *Москва* – не просто название столицы, с нею связывается особый образ-символ истории и культуры России. Вспомним строки: «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нём отозвалось!». Мы можем добавить: не только для сердца русского, но и всех россиян.

Русская река *Волга* совсем не то, что the *Volga* для американца: самая полноводная в России река, воспетая в русских песнях и связанная с вольницей Степана Разина, *Волгаматушка*. В то же время река the *Mississippi* для американца связана с множеством ассоциаций, прославленная в негритянских блюзах как «старина, дружище, дедушка»; для русского челове-

ка её наименование не содержит символического значения, ничего не говорит его сердцу.

Особую значимость для россиян имеют географические названия Сибирь, Сахалин, Камчатка, Урал, Кавказские горы, Чёрное море, Байкал, реки Иртыш, Енисей и др.

Далее представим основные группы лингвокультурем с национально-культурным компонентом значения.

5.11. Лингвокультуремы как безэквивалентная лексика

Каждый язык располагает достаточным количеством слов, не имеющих точного перевода в других языках. Это так называемая безэквивалентная лексика, выявляемая при сопоставлении двух культур. В основном безэквивалентная лексика обозначает специфические явления данной национальной культуры. В случае заимствования в чужой язык безэквивалентные слова называют **экзотизмами**; они не столько раскрывают или толкуют чужую культуру, сколько символизируют её. Так, слова *стикер*, *шиллинг* прочно ассоциируются с Англией, *сакура*, *икэбана* — знаки традиционной японской культуры, *баз*, *курень*, *майдан* — донского казачьего быта и т.д.

Обычно под безэквивалентной лексикой, как было сказано, понимают «лексические единицы, не имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков либо в силу отсутствия в общественной практике его носителей соответствующих реалий (предметов, явлений) или из-за отсутствия в нём лексических единиц, обозначающих соответствующие понятия».

В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин в книге «Язык и культура» выделяют следующие группы безэквивалентной лексики.

1. Слова, обозначающие реалии русской культуры: советизмы (райсовет, колхоз, совхоз, пятилетка, ударник, агитпункт и др.), слова нового быта (художественная самодеятельность, профилакторий, клуб, субботник, пионер, комсомолец).

2. Явления и предметы традиционного быта (рассольник, окрошка, бублик, баранка; сорочка, передник, валенки, вареж-

ки; городки, жмурки, хоровод, частушка; балалайка, гармонь; подвода, попона).

3. Историзмы (аршин, верста, пуд, фунт; кафтан, армяк; волость, уезд).

4. Лексика фразеологических единиц (Ни зги не видно. Попасть впросак. Узнать всю подноготную).

5. Слова из фольклора (суженый, Снегурочка, Баба-яга, домовая, леший и др.).

6. Слова, заимствованные из языков народов нашей страны (тюбетейка, халат, папаха, кубанка, пиала, саксаул, парубок, гетман, чадра, калым и др.).

Последняя группа слов для иностранцев, изучающих русский язык, является как бы вдвойне безэквивалентной.

Безэквивалентность понятийная связана с так называемыми лакунами, то есть отсутствием, пропуском тех или иных понятий в той или иной языковой картине мира. Например, мы уже говорили об отсутствии в английском языке слов-понятий *сутки*, *кипяток*, во французском языке – *ровесник*, в тюркских языках – *брат* и *сестра* при наличии слов, обозначающих понятия *старший брат* и *младший брат*, *старшая сестра* и *младшая сестра*. Безэквивалентное слово, связанное с отсутствием в другой культуре соответствующего предмета, явления, называется **реалией**. Ярким национальным колоритом обладают такие русские реалии, как *барыня*, *камаринская*, *гусли*, *балалайка*, *рожок*, *частушка*, *скоморох*, *Петрушка*; *тирог*, *щи*, *калач*, *каравай*, *хлеб*, *мед*, *квас*; *рубль*, *копейка*, *гривенник*, *полтинник*.

Богатый исторический колорит отражен в реалиях, обозначающих: 1) род деятельности человека (пахарь, пряха, городской, атаман, бурлак, коробейник, купец); 2) административно-территориальные единицы (губерния, имение, волость, уезд); 3) оружие и доспехи (шлем, кольчуга, копье, меч, щит); 4) социальные группы (царь, боярин, барин, челядь, дворян); 5) меры веса, длины (аршин, верста, сажень, золотник, пуд, фунт) и др.

Приведём для примера описание реалии *калач* (фрагмент словаря «Реалии русской культуры»).

Калач – пшеничный хлеб в форме замка с дужкой.

Слово общеславянского корня, суф. производное от коло 'круг'. Калач назван по своей круглой 'внешности'.

Калачи всегда пользовались на Руси особой любовью. Появились они очень давно и уже в древнерусском быту играли немаловажную роль.

Калач был к месту на будничном столе рядового горожанина и на пышных пиршествах царей. Царь, например, посылал калачи в знак особого расположения патриарху и другим особам, имевшим высокое духовное звание.

По свидетельству историков, в день рождения Петра Первого гостям между прочими яствами было отпущено 240 калачей. Калачами одаривали нищих и заключённых по большим праздникам.

Отпуская слугу 'в увольнение', барин, как правило, давал ему мелкую монету 'на калач'.

Форма калачей была самая разная. Скажем, к столу великого князя Василия подавали калачи и хлеба наподобие хомута, вероятно, эту форму русские позаимствовали у татар.

Живая душа калачика чаёт. Хорошо для друга калач купить: не полюбится – так сам съешь. Не тёрт, не мят – не будет калач. И калина с калачом ему нипочём.

Тёртый калач. Очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть. – Да, эта смугленькая... Вот кем можно заняться. Из этой ещё что вздумаешь, то и сделаешь; а та – **тёртый калач** (И.С. Тургенев. Отцы и дети); **Доставаться на калачи** (прост.). [Доставаться] как следует. Обычно о наказании, взбучке. – Всем косточки перемыли, всем **на калачи доставлось**, – известное дело, от пересудов, да напраслины, да сплетен ни пешком не уйти, ни на коне ускакать (П.И. Мельников-Печёрский. На горах); **Калачом не выманишь**. Никакими средствами не заставить покинуть какое-либо место. – Если турки не вышли из Синопа, когда у меня только три корабля было, то теперь их и **калачом не выманишь** (А.И. Сергеев-Ценский. Синопский бой); **Калачом не заманишь**. Никакими средствами не дозовёшься, не уговоришь пойти, зайти куда-либо. – За одним столом с холопом обедать меня усадила! Нет уж, Анфиса Порфирьевна, покорно прошу извинить! **Калачом**

к себе меня вперёд не заманите! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Сестрицы в передней развязывают ленточки на картонках, смотрят, какие пироги. Говорят – кондитерский калач, румяный, посыпан толчёным миндалём, сахарной пудрой, ромовый. И еще разные: миндальные, воздушно-бисквитные, с вареньем, с заливными орехами, в зеленоватом креме из фисташек, куличи и куличики, в бело-розовом сахаре (И.С. Шмелёв. Лето Господне).

5.12. Лингвокультураемы как фоновая лексика

Усваивая то или иное слово, мы одновременно расширяем свои знания о мире. Хранителем этих знаний выступает, прежде всего, лексическое значение слова, а также его лексический фон – совокупность всех тех сведений, которые связаны с предметом, обозначаемым данным словом.

Так, при назывании слова *книга* мы совершенно чётко представим его значение: это «произведение печати в виде бумажных листов с печатным текстом в переплёте». В таком же значении употребляются немецкое *Buch*, английское *book* и т.д. По ассоциации мы можем вспомнить слова, связанные с книгой: книжное издательство, подписка, книжный магазин, книголюб, букинист и т.д. Можем вспомнить пословицы и афоризмы: «Ему и книги в руки». «Любите книгу – источник знаний».

Именно с лексическим фоном слова *книга*, как считает В.Г. Костомаров, связаны тематические слова: писатель, читатель, издатель, библиотека и др. Лексическим фоном определяется сочетаемость слова: написать, читать, рецензировать, обсуждать, пролистать, просмотреть книгу.

Совпадает ли полностью лексический фон этого слова в разных языках? В основе своей совпадает. Книгу во всех странах пишут, читают, обсуждают и т.д. Книги бывают научные, художественные, романы, рассказы. Но вот карманные книги, которые есть в Англии. Они в мягкой обложке и в 10 раз дешевле обычных книг. Их у нас нет: хотя книги малого размера издаются, но так они не называются. Книги у нас относительно

дешёвые, издаются преимущественно государственными издательствами очень большими тиражами (особенно учебники). Все это создает специфические особенности образа книги в нашей и других культурах.

Такие слова, как *школа, книга, дом*, совпадающие по лексическому значению и поэтому легко переводимые на другие языки, различаются своими лексическими фонами. Эти слова В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин называли неполноэквивалентными. Таких слов в языке преобладающее большинство. Полностью совпадают по значению в основном термины.

Приведём для примера словарную статью «Дом».

Дом – 1. Жилое (или для учреждения) здание, а также (собир.) люди, живущие в нём. 2. Квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство. 3. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды. 4. Династия, род (устар.).

Владимир Даль даёт такое определение.

«Дом – строение для житья; в городе: жилое строение, хоромы; в деревне: изба со всеми угодьями и хозяйством. Крестьянский дом – изба; юж. хата; княжеский, вельможеский – палаты, дворец; помещичий в деревне – усадьба; маленький и плохонький – хижина, лачуга; врытый в землю – землянка ...». Слово имеет общеславянское происхождение, производное от *děmti* 'строить'. Дом буквально – строение, построенное (руками человека) жилище».

В русской культуре концепт 'дом' занимает особое место. Дом – это нравственная основа жизни русского человека, начало жизненного пути. Здесь сменяются поколения людей, устанавливаются и развиваются традиции и нормы морали, воспитывается молодёжь. С концептом 'дом' очень тесно связаны такие понятия как: 'мир', 'труд', 'любовь', 'жизнь', 'смерть', 'счастье'. В гостях хорошо, а дома лучше. Дом вести – не лапти плести. В прилежном доме густо, а в ленивом доме пусто. И стены в доме помогают. Без хозяина дом сирота. Поди в гости смело, когда нет дома дела.

Жёлтый дом (устар., прост., презр.). Больница для душевнобольных (по окраске Обуховской больницы для сумасшедших в Петербурге). Не все дома у кого-нибудь (шутл. или

пренебр.). О человеке со странностями, глуповатом; Всё смешалось в доме Облонских (шутл.). О страшной неразберихе, сумятице. Выражение – цитата из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», его первая фраза.

5.13. Лингвокультураны как коннотативные единицы

Коннотативная лексика – это слова с добавочным, обычно эмоционально-экспрессивным или символическим значением (от лат. *con* – со, *notatio* – обозначение), т.е. слова, имеющие созначение (добавочное значение). Эта группа слов отличается яркой национально-культурной спецификой, так как одно и то же слово в разных культурах может иметь разные коннотативные и символические семиологические значения. Приведём пример из учебного пособия В.А. Масловой «Лингвокультурология».

Существуют специфические для каждого народа образно-ассоциативные механизмы переосмысления исходных значений во вторичной номинации. Например, собака у русских ассоциируется (наряду с отрицательными явлениями) с верностью, преданностью, неприхотливостью, что нашло отражение во фразеологизмах *собачья верность*, *собачья преданность*, *собачья жизнь* и др.; у киргизов *ит* – (собака) – бранное слово, приблизительно равное русскому *свинья*. Русское *свинья* является символом: а) грязи, б) неблагодарности, в) невоспитанности; для англичан *pig* означает обжору; для киргизов, казахов, узбеков и других мусульманских народов сюда добавляется коннотация чисто религиозного плана, в результате чего чочко (*свинья*) становится резко бранным словом; во вьетнамской же картине мира *свинья* – символ глупости. Таким образом, слова 'собака', 'свинья' коннотируют у разных народов различные признаки, что свидетельствует о специфичности образного мышления этих народов, влияющего на формирование их картин мира.

Из данных примеров видно, что для каждого языка, для каждой культуры характерно возникновение специфических значений – коннотаций, хотя наблюдается и совпадение многих

коннотативных значений: заяц — трусливый, лиса — хитрая, петух — драчливый, ишак (осёл) — упрямый и др.

Компоненты словосочетаний с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации. Например, кровь как символ жизненных сил во фразеологических единицах — пить кровь, до последней капли крови; кровь как символ родства — родная кровь, кровь от крови; кровь как символ жертвоприношения — пролить чью-то кровь; кровь как символ здоровья — кровь с молоком; как символ сильных эмоций — кровь бросилась в голову, кровь стынет.

Коннотативные значения находят отражение в ассоциативных словарях.

5.14. Ассоциативный эксперимент как метод выявления лингвокультурем

Проведём ассоциативный эксперимент. Назовём слово. Какое слово пришло вам на ум первым, когда вы услышали слово? Вот некоторые стимулы и ответы: **белый** — снег; **корова** — молоко; **школа** — учиться; **медведь** — косолапый и др. Можно привести не одно слово, а все слова, которые соотносятся в сознании учащих с названным словом: корова — молоко, деревня, мама, сметана, сено, телёнок, доить, рогатая и др.

Все названные слова составят ассоциативное поле данного слова-стимула. Ассоциативные эксперименты показывают, что слова живут в нашем сознании не поодиночке, а во взаимосвязи с другими словами, близкими по форме, значению, функционированию и т.д.

Результаты ассоциативных экспериментов на разных языках свидетельствуют о различиях ассоциаций в разных языковых картинах мира. Интересны результаты экспериментальных исследований А.А. Залевской, предметом которых было выявление различий ассоциативных реакций носителей разных языков. Для анализа были взяты ассоциативные поля четырёх русских цветообозначений — белый, жёлтый, красный и синий и их соответствия в белорусском, украинском, словацком, английском, немецком, французском, казахском, киргизском и узбекском языках. Анализ полученных данных показал, что ассоциа-

тивные реакции на исходные слова у разных групп испытуемых различны. Все сопоставляемые группы оказались тождественны только в одном – синий цвет был соотнесён с небом. Цветообозначение же жёлтый, например, у русских, белорусов и украинцев вызывает образ осеннего листа, ассоциируется с одуванчиком, у немцев жёлтый цвет вызывает образ лимона и ассоциируется с желтухой, у американцев, казахов, и киргизов – с маслом, а у узбеков – с просом. У узбеков эталоном белого цвета является хлопок, а не снег, как, например, у русских, и не молоко, как у казахов и киргизов. Исследователь отмечает интересную закономерность: русские испытуемые, проживающие в регионе, где возделывается хлопок, также связывают его с цветообозначением белый. Ассоциации анализировались по нескольким направлениям. Интересными представляются результаты выявления ассоциаций с одним из значений многозначного слова в разных языках. Так, например, одно из значений английского исходного слова жёлтый – трусливый, нашло своё отражение в ассоциате coward (трус) в группе американцев. У немцев цветообозначение «синий» вызвало ассоциативные реакции blau – алкоголь, blaue – пиво, что объясняется существованием у немецкого слова разговорного значения пьяный.

Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций прослеживается и при сопоставлении названных носителями разных языков того или иного признака. Так, например, французы, немцы, поляки ассоциируют значение слова кислый с лимоном, для русских, белорусов и украинцев актуальным в этом случае оказывается борщ, а для киргизов – айран и кумыс. Если в эксперименте на какое-либо слово будет участвовать не один человек, а много людей, то удастся выявить ассоциативное поле народа. Именно такой эксперимент лёг в основу «Ассоциативного словаря русского языка», который был составлен учёными под руководством Ю.Н. Караулова. В словаре отражены ассоциативные поля 700 исходных слов и 350 словоформ и несколько рядов идеографических синонимов. В целом в словаре представлено 1300 слов-стимулов, на каждое из них получено по 500 ответов от студентов разных специальностей. Словарь этот не сконструирован, а 'выведан' у народа, он отражает языковую способность русского человека, ее организацию

и функционирование. В отличие от системных, лингвистических словарей язык дан здесь в предречевой готовности, так, как он организован в голове (сознании) человека. В ассоциативном словаре отражается языковая системность лексики, зафиксированная в словарях (например, в словарной статье 'Поле': пшеничное, футбольное, поле боя, поле деятельности, поле зрения, электрическое) и в то же время отражаются внеязыковые знания (Куликово поле, русское поле, поле чудес и т.д.). Отражаются синонимические, антонимические, тематические связи (луг, равнина, лес и т.п.), представлена богатая фразеология (Жизнь прожить – не поле перейти. Перекати-поле и др.). Появление фундаментального словаря ассоциаций значительно продвинет изучение языкового сознания народа и личности и дополнит картину системных связей в лексико-семантической системе языка, в том числе лингвокультурологических связей.

5.15. Лингвокультурема как эффективная единица в обучении русскому языку как иностранному

Учебная практика преподавания русского языка как иностранного, подвергающаяся изменениям с точки зрения содержания учебного материала и новых подходов, направленных к достижению коммуникативно-культурологической компетенции иностранных студентов, требует, чтобы лингвокультуремы (особенно пословицы и поговорки) стали неотъемлемой составной частью учебников РКИ и коммуникации на уроках русского языка. Чтобы правильно понять собеседника в диалоге – представителя иной (русской) культуры, необходимо знать явления, сформировавшие русскую культуру.

«В настоящее время говорится о посткоммуникативной фазе развития в методике обучения иностранным языкам, для которой характерна когнитивная (познавательная) ориентация. В качестве цели обучения выдвигается при этом не только и не столько коммуникативная, сколько социальная, межкультурная компетенция. Речь идет о расширении целей обучения, включающих в себя знакомство с культурой данной страны в широ-

ком смысле слова. Школа должна стать символом радости от творческой деятельности и посредством языка и познания других культур».

Одним из эффективных языковых средств, помогающих более глубоко понимать не только закономерности в развитии любого народа, но и менталитет, являются лингвокультуремы, выраженные пословицами и поговорками. Проблема в том, что для иностранцев это, как правило, мало знакомые языковые единицы. Поэтому необходимо над ними работать в учебном процессе. При помощи лингвокультурем можно очень эффективно работать над грамматикой, правильным произношением, углублять знания о культуре русского народа. Методов, приемов и подходов в преподавании русского языка как иностранного с помощью лингвокультурем много. Их можно считать универсальным средством для обучения русскому языку и культуре, средством аккультурации иностранных студентов и их положительного отношения не только к изучаемому (русскому) языку, но и к его носителям, русским людям.

Необходимой предпосылкой эффективности работы является непринужденное употребление лингвокультурем в речи преподавателя-русиста. Должно быть ясно, какой дидактической цели преподаватель хочет на занятии добиться. Темп речи, ритм, разучивание графем, автоматизация орфографических навыков – все это можно разучивать посредством лингвокультурем, но для разучивания определенных фонетических явлений преподавателю необходимо отыскивать подходящие примеры. Для формирования культурологической компетенции иностранных студентов их отбор должен быть точно целенамеренным.

Фонетические упражнения, в которых для разучивания и укрепления отдельных фонетических явлений применяются лингвокультуремы, ставят перед собой следующие конкретные цели: разучивание ритма и темпа речи, разучивание правил фонетической системы русского языка, разучивание графем, автоматизация орфографических навыков.

5.16. Значение методологии разработки лингвокультурологического словаря

Методология разработки лингвокультурологического словаря была продиктована ситуацией, сложившейся в отечественной лингвистической науке в последние десятилетия. Общеизвестным фактом является чрезвычайное повышение интереса к лингвокультурологической проблематике, который вылился в оформление новой лингвистической дисциплины – лингвокультурологии. Тем самым традиционная для общего языкознания проблема взаимоотношения языка и культуры получила новое звучание. Лингвокультурология начала, с одной стороны, строить свой особый научный предмет и разрабатывать методы исследования, с другой стороны, ‘затягивать’ в поле своих интересов проблемы, ранее рассматривавшиеся другими лингвистическими дисциплинами. Будучи ориентированной на выявление сущностной природы взаимосвязи языка, культуры и личности, лингвокультурология откликается на новую тенденцию современной лингвистической науки, которая заключается в превращении ее из науки описательной в науку объяснительную.

В рамках настоящего пособия перед нами стояло несколько достаточно сложных проблем как методологического, так и ‘предметного’ характера. Проблема семантического описания лексики особой природы и культурной значимости, причем с ориентацией на различающиеся культурные типы, не поддавалась решению с помощью известных лингвистических методик, и это заставило нас обратиться к методам филологической герменевтики и системно-мыследеятельностной методологии, решая все вопросы, прежде всего, в методологическом ключе.

В процессе работы каждый шаг обязан был подвергаться методологическому осмыслению, причем, центральной проблемой нашего исследования в этом аспекте можно считать необходимость разработки строго научных лингвистических средств и методов исследования, но таких, которые позволяли бы ‘не разрывать’ связку языка и культуры. Последнее оказалось возможным благодаря привлечению понятия ноэмы, а также осуществлению анализа по трем поясам мыследеятельности по схеме Г.П. Щедровицкого: специальная методика работы с но-

эматикой представляет собой рефлексивное интерпретирующее моделирование с опорой на системно-мыследеятельностную методологию.

Тем самым мы получили возможность не только осуществлять исследование средствами лингвистики, но и оперировать 'смысловой' (ноэматиической) структурой слов, которые в этом случае рассматривались нами как лингвокультуремы словаря. Поскольку смыслы, которыми живут культуры, различны, и способы представления смыслов в языковых продуктах также различаются, то различными оказались природа и состав лингвокультурем словаря в различных типах культур.

В настоящем пособии не ставилась задача дать полное описание лингвокультурологического словаря той или иной культуры, но мы обязаны были всем принципиальным вопросам найти теоретическое и методологическое решение и обоснование. Рассмотрение проблемы в рамках научного предмета лингвокультурологии с параллельным методологическим обоснованием каждого из принимаемых нами решений и позволяет говорить о разработке лингвокультурологической концепции словаря.

Характерологический подход при исследовании лингвокультурологического словаря для нас имел двоякий смысл: как способ определить лингвокультуремы словаря как таковые и как возможность получить характерологию культуры через выявление принципов формирования и существенных признаков словаря.

Настоящее пособие открывает возможность появления целого ряда направлений лингвистических исследований в рамках по-новому понятой лингвокультурологии. В частности, в лингвистический обиход вводится анализ ноэматиической структуры лексики. Разработанная в работе лингвокультурологическая концепция словаря может иметь также научное продолжение в конкретном описании лингвокультурологического словаря в различающихся лингвокультурных типах. Прикладное значение может получить в виде разработки разнообразных лингвокультурологических словарей тезаурусного типа.

Глава 6

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОТБОРА УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

В этой главе пособия рассматриваются важнейшие проблемы методики преподавания русского языка и культуры иностранным студентам в аспекте прикладной лингвокультурологии.

На примере важнейшей культурологической темы «Образ жизни русского народа» показаны конкретные и методически эффективные принципы, приемы, позволяющие в процессе преподавания русского языка как иностранного знакомить обучающихся с современной российской действительностью.

Современное состояние методики преподавания русского языка как иностранного характеризуется все продолжающимся поиском и утверждением новых подходов к обучению иностранных студентов: на смену целям формирования навыков и умений, необходимых преимущественно для учебной коммуникации, приходит задача подготовки к реальному общению с представителями других культур (например, русской) в бытовой и профессиональной сфере. Кроме того, преподаватели русского языка как иностранного должны обеспечивать содержательное насыщение учебного процесса таким образом, чтобы иностранные студенты, наряду с овладением русским языком, познакомились с типичными явлениями социально-экономической, культурной и научной жизни России, ценностями образа жизни русского народа.

Ориентация в учебном процессе на современную российскую действительность, правдивое и умелое проведение ознакомительно-культурологической работы ставит перед методи-

стами задачу повышения эффективности разрабатываемых научно-методических рекомендаций.

Успешному решению задач обучения и аккультурации иностранных студентов в настоящее время отвечает лингвокультурологический подход, с помощью которого выявляется лингвистическое и культурологическое обеспечение адекватного употребления русского языка как иностранного. Лингвокультурология [Воробьев, 1993, 1996, 1997, 2008] осуществляется в рамках государственного направления «Использование русского языка как средства распространения информации в области экономики, науки и культуры», а прикладная лингвокультурология, как аспект лингводидактики, рассматривает проблемы взаимодействия личности, культуры и языка, в процессе его функционирования, а также описания и преподавания.

Согласуясь принципиально с лингвострановедением [Верещагин, Костомаров, 1990], как системой руководящих принципов решения образовательных и гуманистических задач, прикладная лингвокультурология, вместе с тем, характеризуется рядом специфических признаков: 1) в учебном процессе сосредоточивает свое внимание на раскрытии культурных ценностей, созданных человеком (артефактах); 2) характеризуется целостным подходом к характеристике тех реалий, которые существенны в процессе социально-культурологического функционирования русского языка, его описания и преподавания; 3) ориентируется на полную и объективную информацию о различных областях культурной жизни России.

Таким образом, прикладная лингвокультурология, являющаяся областью лингводидактической дисциплины, отражает новый современный этап в развитии методики преподавания русского языка как иностранного.

Следует сказать и о том, что происходящие в современной России социально-экономические и политические сдвиги привели к радикальным преобразованиям способов и форм существования человека, его взглядов и представлений о внешнем мире и самом себе, к качественной перестройке его ценностной переориентации. Также очевидно, что при возрастающем воздействии человека на окружающий мир становится жизненно важной разработка культурологической проблематики, более

разнообразный подход к проблемам человека, его образа, способа и стилия жизни, образа жизни того или иного народа, в данном случае русского.

Здесь заметим, что в основе развитых культур всегда наличествует определенная концепция человека и его жизненного мира, связывающая воедино ценности, представления о жизни и реальную жизнедеятельность людей. На это обстоятельство впервые обратил пристальное внимание М. Вебер: образ жизни «этически определенной модификации» [1994] – форма человеческого существования; исторически сложившаяся система жизнедеятельности, функционирующая на основе ценностных смысло-жизненных установок, способов отношения к миру. В англоязычной научной литературе культура и образ жизни нередко рассматриваются как синонимические или же тесно взаимосвязанные понятия [Lemer, 1967]. Аналогичной позиции придерживаются многие отечественные исследователи: А.И. Арнольдов [1993], В.М. Межуев [1977] и др.

Образ жизни русского народа – это одна из существенных черт российского общества, демонстрирующая его фундаментальные ценности, раскрывающая закономерности его функционирования, обогащающая знания об этапах его развития. Кроме того, образ жизни русского народа – сложная, многоплановая категория, постоянно развивающаяся, а потому и требующая дальнейших теоретических исследований и практических рекомендаций при обучении русскому языку как иностранному.

Эти требования в полной мере относятся к постановке всей учебно-ознакомительной работы с иностранными студентами.

Итак, какой же пласт современной российской действительности важен для ознакомительно-культурологической деятельности, проводимой в языковом учебном процессе? Какую тему следует считать основной, центральной, стержневой, а какие производными от нее? Ответом на эти вопросы может служить теоретически обоснованное утверждение: изучение проблем образа жизни русского народа помогает иностранному студенту усвоить мировоззренческие, социальные ценности и моральные нормы, соответствующие современному российско-

му обществу, вырабатывать умения правильно воспринимать действительность, анализировать и постигать ее закономерности. Поэтому познакомиться с образом жизни русского народа — значит: во-первых, получить представление о самом существенном в государственном и общественном устройстве России, в социально-классовой структуре и национальных отношениях, в социальной экономике, в формах развития общественного продукта, в политике, культуре, науке и т.д.; во-вторых, образ жизни народа — явление, охватывающее различные формы и способы жизнедеятельности людей как в сфере материальных, так и общественных отношений; в-третьих, объективное рассмотрение и показ образа жизни русского народа приобретают особую важность сейчас, когда наша мораль, весь образ жизни русских людей испытывается на способность неуклонно развивать и обогащать ценности демократии, социальной справедливости и гуманизма.

Указанные причины объясняют выбор исследовательской области для настоящего пособия, где в качестве стержневой учебной темы изучается «образ жизни русского народа». Таково лингвокультурологическое обоснование актуальности практического разыскания.

Данная проблема представляется актуальной также для самой науки — лингвокультурологии, науки молодой, развивающейся и ее прикладного аспекта. Хотя термин «стержневая культурологическая тема» используется в методической литературе и даже получил в ней распространение, однако само понятие, при всей важности, требует дальнейшего научного осмысления. Лингвокультурология как наука имеет свои категории и понятия, совокупность которых образует определенную систему. Стать элементом такой системы то или иное понятие может при условии четко фиксируемого места и выполняя при этом предназначенную ему функцию. Поэтому методическое осмысление и уточнение термина «стержневая культурологическая тема» необходимо.

Следует также отметить, что тема «образ жизни русского народа» постоянно включается в языковой учебный процесс, но как культурологическая реализуется стихийно, без должной системы, без устойчивого плана, а эффективность учебной дея-

тельности не контролируется ни в языковом плане, ни в познавательном, ни в культурологическом (это в равной мере относится и к другим учебным темам). Отсюда, актуальной, методической задачей служит выявление и разработка путей организации языкового учебного процесса на основе изучения культурологической темы «образ жизни русского народа».

Наконец, данное разыскание актуально и с лингвистической точки зрения. Основные черты образа жизни русского народа — общинность и коллективизм, всеобщность труда и товарищеская взаимопомощь, демократизм и достоинство личности, гуманизм и социальный оптимизм, патриотизм и т.д. — являются не только предметом теоретического анализа в общественных науках, а реально проявляются и на обыденном, языковом уровне общественного сознания, т.е. определяют смысловое насыщение лексики и других языковых единиц (афористики и фразеологии) и решающим образом сказываются на содержании текстов. Богатый лексический материал и содержательно-выразительные особенности текстов убеждают, что культурологическая тема «образ жизни русского народа» имеет высокую языковую и коммуникативную ценность.

Таковы аргументы — культурологические, научно-методические и лингвистические, согласно которым эта часть исследования может быть отнесена к числу актуальных. В данной части пособия эти аргументы находят свое подтверждение и дальнейшую подробную разработку.

Необходимо также следующее уточнение — понятие «стержневая культурологическая тема» является предметом исследования, лексическое и текстовое обеспечение темы «образ жизни русского народа» — материалом исследования, а пути и способы организации этого материала — результатом исследования.

Основная цель, формулируемая в общем виде, заключается в выявлении теоретических принципов и разработке практических рекомендаций по эффективной организации материала культурологической учебной темы с учетом дидактического принципа концентризма. Это предполагает решение в первую очередь следующих задач: методологическое выявление лексических единиц по теме «образ жизни русского народа» по трем

этапам обучения с рекомендациями относительно их презентации и закрепления в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Наряду с указанными теоретическими имеется и сугубо практическая цель – создание лингвокультурологического поля «образ жизни русского народа», разделенного на три группы, связанных концентрической связью. Выдвинутая цель предполагает решение целого комплекса более частных, конкретных задач, по своей научной принадлежности относящихся к сфере прикладной лингвокультурологии.

Среди терминологических задач следует назвать: 1) выработку непротиворечивого и имеющего подытоживающий характер определения термина «стержневая культурологическая тема»; 2) уточнение методических понятий «лингвокультурологический концентр»; и, что особенно важно, 3) сочетание этих понятий, т.е. применение принципа учебного концентризма к культурологической теме.

Лексико-фразеологические задачи включают: 1) разработку лингвистических принципов отбора языковых единиц в лингвокультурологическое поле, покрывающее тему «образ жизни русского народа»; 2) концентрическое выявление языковых единиц из состава поля; 3) выработку методических рекомендаций по практической реализации тематических единиц каждого концентра в учебном процессе.

Перечисленные триады задач, в общем, соответствуют композиции учебного пособия, хотя не наблюдается жесткого закрепления той или иной группы вопросов за определенной частью работы, – так, терминология уточняется по всему тексту, а языковые вопросы рассматриваются и в первой ее части.

Разрабатывая основную проблемную мысль, мы исходим из того, что гипотезой не может быть заведомо 'правильное', очевидное предположение. Поэтому гипотеза излагается как альтернатива: учебные концентры проработки культурологической темы оказываются эффективными при комплексном учете трех критериев – *языкового*, включающего в себя частотность употребления языковых единиц в пределах заданных границ; *обучающего*, реализуемого в понятии учебно-методической целесообразности; и *культурологического*, предполагающего учет

степени важности и первоочередности информации с позиции данной отрасли знания. Гипотеза, как она изложена, в самом деле, является альтернативной: заранее нельзя исключить, что эффективным окажется не комплексное, компромиссное сочетание всех трех критериев, а последовательное проведение в жизнь лишь одного из них. Нередко, в реальном учебном процессе наблюдается абсолютизация одного из критериев – например, частотного, что приводит к издержкам языкового плана, или, напротив, культурологического, что делает порой недоступным понимание материала из-за ранней теоретизации, не учитывающей языковые возможности иностранных студентов.

Для доказательства справедливости гипотезы в результате исследования разработана система, принявшая вид не только рекомендаций, но и конкретно разделенного на концентры лингвокультурологического поля. Этого, на наш взгляд, достаточно для принципиальной оценки справедливости концепции: эффективность обучения следует из степени научной обоснованности принимаемых решений в их совокупности. Степень научной новизны этой части разыскания определяется предложенной гипотезой и состоит в следующем:

– произведено терминологическое уточнение ключевых для работы понятий «стержневая культурологическая тема», «лингвокультурологический концентр»;

– рассмотрены и показаны способы организации содержательного плана языкового учебного процесса на основе взаимосочетаемых принципов культурологической темы и концентризма;

– уточнено специально понятие «лингвокультурологического поля» с привлечением таких критериев оценки принадлежности / непринадлежности языковой единицы к полю, как интегральная и дифференциальная семы; изучено иерархическое строение поля с целью применения в качестве объективной основы для методического подключения принципа концентризма;

– изучена и описана процедура отбора тематических лексических единиц на основе равного учета трех критериев – частотного, культурологического, образовательного; при ведущей роли (только для начального этапа обучения) частотного критерия

рия показана применительность той же процедуры к иерархическому распределению единиц внутри поля;

– разработаны методические рекомендации (как для составителей учебных пособий, так и для преподавателей-практиков) по проработке учебных тем.

Руководствуясь диалектической методологией научного разыскания, при проведении конкретного анализа были использованы – в зависимости от специфики предмета – следующие методы:

1) анализ общепедагогической, методической лингвистической, психологической, культурологической и обществоведческой литературы, посвященной лингвистической концепции слова, дидактическим вопросам, теории семантических полей, психическим механизмам восприятия, переработки и воспроизведения информации;

2) метод поля, как одна из исследовательских процедур применительно к лексике, а именно: логико-дедуктивный критерий отбора лексико-фразеологических единиц в лингвокультурологическое поле «образ жизни русского народа», включающий иерархическое распределение отбираемого материала по принципам увеличения / уменьшения семантического объема и употребительности; частно-научные исследовательские приемы (семантического замещения и подстановки, объединения лексических единиц по интегральному смысловому признаку, разделение лексики по дифференциальным семам);

3) метод междисциплинарного отождествления, позволяющий соотнести между собой качественно однородные (хотя и изложенные в различных терминах) результаты методического и лингвокультурологического анализа.

Все исследование предпринято исходя из потребностей практики с целью оказания помощи преподавателям русского языка как иностранного.

На основании предложенной концепции может осуществляться дальнейшее совершенствование языкового учебного процесса в российских вузах с поворотом от стихийного, недостаточно организованного учебного материала к научно-обоснованной, эффективной системе работы. На основе теоретических построений и практического анализа в пособии предлагаются

новые по своему характеру и содержанию рекомендации в области практического описания рассматриваемого объекта, создания соответствующих учебных пособий и словарей и теории и практики обучения русскому языку как иностранному в тесной связи с культурой народа.

Наконец, концепция прикладной лингвокультурологии и поля как метода и комплексной единицы позволяет расширить исследуемый объект, выйти за пределы только чисто лингвистических представлений о нем. 'Языковой ракурс', исходный в данном пособии, дает теоретическую возможность продуктивно синтезировать знания о культуре, выражаемые при помощи языка, видеть их глубинный смысл, это та идея, которая, «как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов, 1987, 3].

6.1. О статусе прикладной лингвокультурологии и ее роли в обучении русскому языку как иностранному

Основная задача преподавания русского языка как иностранного – это обучение русскому языку как реальному и полноценному средству общения в разных формах: как в письменной, так и в устной. Решение этой прикладной задачи возможно лишь на фундаментальной, теоретической базе, на основе которой возможно решение практической задачи – научить иностранного студента общаться в сфере науки, бизнеса, торговли, политики и т.д. Научить иностранного студента общаться – устно и письменно, производить, а не только понимать речь – задача сложная, так как эффективность общения зависит от знания языка, условий и культуры общения, глубоких фоновых знаний.

Успешному решению задач обучения и аккультурации иностранных студентов в настоящее время отвечает лингвокультурологический подход, с помощью которого выявляется лингвистическое и культурологическое обеспечение адекватного употребления русского языка как иностранного.

Возникновение и активное развитие лингвокультурологии (вплоть до настоящего времени сам термин является дискуссионным) связано с возобладанием культурологического подхода, произошедшего в два последних десятилетия как в российской науке, так и в зарубежных исследованиях, к преподаванию иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного. Это свидетельствует об оправданной тенденции гуманизации образования, необходимости усиления социокультурного аспекта в обучении русскому языку как иностранному. Однако противоречивость сложившейся ситуации связана с тем, что объективные процессы практики обучения русскому языку как иностранному существенно опережают развитие лингвокультурологии как науки, разработки ее методологических основ, научно оправданной структуры, включающей широкий диапазон ее проявления от теоретической до прикладного аспекта, категориально-понятийного аппарата, определение роли и места в системе обучения иностранных студентов русскому языку.

Поставив перед собой вполне определенные задачи научного характера и уже решив некоторые из них, лингвокультурология, являющаяся дисциплиной научного направления 'русский язык как иностранный' (РКИ), предполагает и свое прикладное, научно-методическое развитие в форме реализации конечных выводов и результатов в методике и практике преподавания русского языка как иностранного. Сопряжение культурного содержания языковых единиц через когнитивные структуры с национальным культурно-нравственным опытом народа, может позволить иностранным студентам ориентироваться в имплицитном содержании изучаемого языка. Изучая национально-культурное содержание языковых единиц, лингвокультурология ставит перед собой задачу их описания в аспекте РКИ с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры.

Наибольший интерес в этом плане представляет прикладная лингвокультурология, которая отвечает условиям практики обучения русскому языку как иностранному, разработки и реализации технологий обучения и принимает на себя раскрытие

принципов использования теоретических знаний о взаимодействии языка, культуры, личности. Как область практического преломления методологии описания и обучения русского языка как иностранного, прикладная лингвокультурология строится на обоснованной теоретической лингвокультурологической классификации функций языка, культуры, личности и вытекающих из их взаимодействия диалога культур.

Следовательно, *прикладная лингвокультурология* – область научного знания лингводидактики, раскрывающая методологические основы, закономерности, принципы, средства, методы и формы взаимодействия языка, культуры, личности с целью описания и преподавания в социокультурном аспекте.

Прикладная лингвокультурология как область лингвометодического знания находится на стыке между теоретической лингвокультурологией и методикой преподавания русского языка как иностранного, что позволяет использовать методики и технологии этих направлений для эффективного обучения русскому языку иностранных студентов и ознакомления с их современной российской действительностью в интересах улучшения качества обучения.

Ключевой проблемой прикладной лингвокультурологии, по нашему мнению, является решение комплекса вопросов о том, какие параметры социокультурных процессов нуждаются в разработке, какие цели при этом должны преследоваться, какие методы и средства употребляться, какие типы объектов культуры и культурных процессов должны избираться, на каком уровне и на какой стадии должно осуществляться это управление учебным процессом.

Прикладная лингвокультурология есть применение теоретических обобщений взаимодействия языка, культуры, личности к решению методических проблем обучения и методологии описания русского языка как иностранного. Следовательно, прежде всего, резюмируем сущность прикладной лингвокультурологии: 1) это область методологического знания; 2) практически ориентированное знание о взаимодействии языка, культуры, личности в различных контекстах; 3) теория и практика управления учебным процессом; 4) культурологическое обеспечение уроков русского языка путем подбора специально-

го дидактического материала, характеризующегося ценностью не только с точки зрения грамматики, синтаксиса, но и с точки зрения национальной культуры.

Предметность прикладной лингвокультурологии – эффективность языковой коммуникация и управление языковыми процессами. Она синтезирует теоретико-познавательные, культуроориентирующие и практико-методические функции в своем содержании.

Предметом прикладной лингвокультурологии являются: знания, информация о материальных и идеальных культурных формах, артефактах, нормах, выраженных языковыми единицами с национально-культурным компонентом; языковые технологии, под которыми понимается организация учебной деятельности по эффективному обучению русскому языку иностранных студентов.

Понимаемый таким образом предмет определяет задачи прикладной лингвокультурологии – накопление знаний о культурных формах и артефактах; их обработку – типологизацию, систематизацию, анализ; конструирование соответствующих приемов, методов, способов их функционирования в культуре; поиск эффективных способов хранения культурологического знания и преподавания. Сформулированные задачи естественно нормируют деятельность преподавателя-русиста по их эффективной реализации.

Подобная интерпретация прикладной лингвокультурологии не претендует на обязательность или полноту. Она дискуссионна. Но практическая деятельность преподавателей-русистов в течение двух последних десятилетий детерминировала подобную трактовку содержания прикладной лингвокультурологии как аспекта методики преподавания русского языка как иностранного. Прикладная лингвокультурология – это область научного знания, органично взаимосвязанная с практикой обучения русскому языку как иностранному. Она существенно отличается от той совокупности лингвострановедческого знания, которая сложилась за четыре последних десятилетия.

Таким образом, прикладная лингвокультурология отражает новый современный этап в развитии методики преподавания русского языка как иностранного, она является областью лин-

гводидактической дисциплины, которая понимается как обособывающаяся содержательные компоненты образования, обучения, научения в их неразрывной связи с природой языка и природой общения как социального феномена, детерминирующего деятельность сущность речевых произведений.

Прикладная лингвокультурология является неотъемлемой частью культурно ориентированной методики преподавания русского языка как иностранного. Она призвана обеспечить такое описание языковых единиц языка и речи, которое позволит методистам структурировать лингвистические знания и сформировать на основе их использования навыки и сложные умения иностранного студента как вторичной языковой личности.

Методика преподавания русского языка как иностранного ставит своей целью, в том числе, и формирование вторичной языковой личности, обладающей представлениями о картине мира и системе обуславливающих ее ценностей, представленных в русском языке. Формирование такой личности возможно только при следующих условиях: во-первых, наличии мотивов у иностранного студента познания «русскости» в широком смысле этого слова и способности к постоянному обучению, критическому осмыслению своих представлений о русском мире; во-вторых, приобретении научно обоснованных знаний о русской культуре и системе ценностей русского народа; в-третьих, осознании собственной культуры и ее влияния на мировосприятие; в-четвертых, сформированности умений наблюдать и анализировать поведение свое и других с целью обнаружения культурных значений в русском языке. Именно прикладная лингвокультурология, триадой которой является «язык — культура — личность», по нашему мнению, может эффективно способствовать формированию вторичной языковой личности, языковой личности иностранного студента.

Термин «прикладная лингвокультурология» становится привычным. Русисты используют его, однако над многими проблемами прикладной лингвокультурологии предстоит поразмышлять как теоретикам, так и практикам и методистам. Сегодня очевидно, что прикладная лингвокультурология действительно самостоятельное научное направление, в рамках которого создаются учебные пособия, направление, границы которого

начинают расширяться за счет образования на его базе новых ветвей исследования: сопоставительная лингвокультурология, педагогическая лингвокультурология, практическая лингвокультурология. При этом главным для прикладной лингвокультурологии является решение конкретных методических задач, поиск материала, методов анализа, сфер применения полученных результатов в практике обучения, в том числе, русскому языку как иностранному.

Содержание лингвокультурологии, оправдывающее ее выделение в самостоятельное направление гуманитарного знания, имеет своим предметом национальные формы бытия личности, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на культурных ценностях конкретно исторического общества. Следовательно, лингвокультурология: а) выступает системообразующим фактором комплекса философско-культурологических и лингвистических традиций; занимается интегративным описанием языка и культуры, построением неких инвариантных моделей их взаимосвязи; в) как «металингвистическая» наука основывается на «диалогическом методе» сопоставления разных языков, культур и духовных ценностей, а прикладная лингвокультурология, добавим – сознательно ориентирована на практические задачи обучения русскому языку как иностранному.

6.2. Необходимые сведения о понятии «образ жизни народа»

Прежде чем говорить о ключевых для данного пособия лингводидактических понятиях, необходимо уточнить интерпретацию категории «образ жизни», который для гуманитарных наук является достаточно сложным, хотя количество философско-социологических, экономических, исторических, литературоведческих, культурологических, лингвистических и других публикаций по этой проблеме значительно. Обсуждаются структура образа жизни, принципы классификации, типологии, роль потребностей, мотивации и ценностных ориентаций. Из этого следует, что *образ жизни* – явление не только психологическое, но и социально-культурное и, следовательно, историче-

ское. Считаем необходимым обосновать свою приверженность к тому или иному определению, оговорив то понимание образа жизни, в свете которого, как нам кажется, становится возможным адекватно воспроизвести существо его национальной специфики, т.е. образ жизни русского народа.

В целях более точного определения понятия «образ жизни» его обычно соотносят с другими понятиями: стиль жизни, жизнедеятельность и пр. Если посмотреть на фактическое употребление слов – *образ, стиль*, то легко заметить, что они как в классической, так и в современной литературе в подавляющем большинстве случаев используются как синонимы (скорее всего из стилистических соображений). Однако это не дает все же основания заключить о полном тождестве этих понятий.

Поэтому важен вопрос соотношения понятия *образ жизни* с понятиями: *способ, стиль* и *уклад жизни*. *Образ жизни* – это всеобщая категория, по отношению к которой такие понятия как *стиль, способ* и *качество жизни*, представляют собой конкретизацию и различные ‘срезы’ весьма сложного по своей структуре явления. Что касается *уклада жизни*, то это понятие носит преимущественно социально-экономический характер и должно применяться для характеристики элементов общественного хозяйства, типичных для той или иной группы или общества в целом.

Введение в научный оборот системной триады *образ, способ* и *стиль жизни* позволит обеспечить проблемно-тематическую целостность огромного пласта исследований повседневной жизни русских людей. При этом следует всегда помнить, что «стихия народной жизни необъятна и ни с чем несоизмерима. Постичь ее до конца никому не удавалось и, будем надеяться, никогда не удастся».

Тем не менее нами изучена довольно большая по количеству обществоведческая литература вопроса (в списке указываем лишь наиболее важные работы [Возьмитель, 2000; Платонов, 2007; Бромлей, 1986; Савиных, 1987; Гудзенко, 2003]), все же предпринимать ее обзор в работе, решающей лингводидактические вопросы, едва ли целесообразно. Задачам данного исследования наиболее отвечает: во-первых, созданная большим коллективом авторов «Большая энциклопедия русского народа

(Русский образ жизни)» под ред. О.А. Платонова [2007]; во-вторых, работа «Образ жизни: концепция, сущность, динамика» [Возьмитель, 2000] и, в-третьих, монографии: Н.Я. Бромлей [1986], где образ жизни рассматривается под преимущественно историческим углом зрения, а принцип историзма (демонстрация динамики) является одним из ведущих в ознакомлении иностранных студентов с достижениями России, и Ю.А. Савиных [1987], А.И. Гудзенко [2003], где анализируются нравственные аспекты образа жизни, – эти книги учитывают процессы, происходящие в современном российском обществе. Следующая ниже характеристика понятия «образ жизни» соотносится с материалом названных работ.

Современные представления об образе жизни основываются на положениях, разработанных К. Марксом и Ф. Энгельсом. Образ жизни – это историческая и классовая категория, содержание которой определяется формами собственности, политической системой, мировоззрением народа и нравственными ценностями общества. «Способ производства, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс в работе “Немецкая идеология”, – надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивида. В еще большей степени, – это определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни» [Маркс, Энгельс, 1955, 19].

Каждой социально-экономической формации – первобытной, рабовладельческой, феодальной, буржуазной, социалистической, современной рыночной – соответствует свой образ жизни. Современному российскому обществу соответствует образ жизни, представляющий собой совокупность сфер и форм жизнедеятельности общества, наций, классов, социальных групп, личности в условиях современной переходной фазы общественно-экономической формации. Хотя в современной научной обществоведческой литературе имеются различные трактовки образа жизни; при этом большинство авторов сходятся на том, что данное понятие связывается прежде всего с некоторым единством устойчивых форм, способов жизнедеятельности людей.

Необходимо еще одно терминологическое уточнение. Понятия «образ жизни русского народа», «социалистический об-

раз жизни» и «советский образ жизни» имеют различную приложимость, хотя на определенных исторических этапах были близкими. Например, советский образ жизни по своей сущности являлся социалистическим. Каждая страна на определенном этапе своего развития имеет свою специфику жизнедеятельности, обусловленную историческими, региональными и национальными факторами. Образ жизни русского народа характеризуется культурными, психологическими, языковыми и другими особенностями, присущими русскому этносу. Эти различия придают специфические свойства интересам русских людей, которые в определенной мере влияют на стимулы деятельности, языкового общения, быт и поведение. В работе по понятным причинам рассматривается образ жизни русского народа (в первую очередь на современном этапе истории, но не исключая и хранимых языком реминисценций об истоках общественного ведения хозяйства и других составляющих образа жизни (например, общинный характер), имеющих уже в недрах предшествующих формаций прогрессивный характер).

Здесь заметим, что кризис и распад советской цивилизации обнажил и предельно обострил проблему идентичности в российском обществе, в котором медленно, противоречиво, но идет переход от некогда притягательного для многих 'советского' образа жизни к многообразным моделям жизнедеятельности российского общества. По всей видимости, только в будущем можно говорить о специфическом российском образе жизни, поскольку он сам по себе должен являть нам не просто устойчивые формы человеческой жизнедеятельности, но типичные для исторически конкретных социальных отношений.

Анализируя и описывая образ жизни русского народа, следует отметить, что одна из актуальнейших проблем сегодняшней обществоведческой науки (в частности, культурологии) — определение русскости или русской национальной идеи, которая смогла бы объединить разных людей, живущих в российском государстве. Очевидно, что это трудная задача, так как и по сей день отсутствует верное осмысление русского этноса: не изучено ни его мировосприятие, ни система ценностных установок, ни стереотипы поведения русских людей, т.е. то, что составляет образ жизни русского народа.

Думается, что сегодня стержневая идея в России – это акцентировать внимание на инструментальных ценностях, которые реально способны консолидировать общество. В сугубо предварительном порядке можно сформулировать такую инструментальную идею образа жизни, как **«обретение личного достоинства и личной ответственности свободного человека»** [Возьмитель, 2000, 63], страдающего от отсутствия свободы у тех, кто еще не осознал ее необходимости. Достоинство личности (и только через него достоинство общества и государства, а не наоборот) и личная ответственность, не приемлющие никаких форм унижения человека: экономических, политических, административных, идеологических, психологических, религиозных, национальных.

Достоинство и ответственность выступают в качестве важнейших стадий развития личности и центрального звена системы социальных ценностей и образа жизни. «Будучи диалектически взаимосвязаны и тесно сопряжены в реальной жизни (экономическая независимость неотделима от ответственности за результаты труда; готовность использовать и защитить свои права – от знания и соблюдения законов; морально-этическая предсказуемость – от чувства долга, честности и порядочности), – они образуют своеобразный синдром социальных качеств, исключаящий господство внешних стимулов и поведение личности в обществе» [Там же, 64].

В социально-политическом плане обретению указанного равенства, несомненно, будет способствовать реализация хорошо известной и практикуемой (в том числе в пореформенной России конца XIX – начала XX века) идеи *самоуправления на основе прямой демократии* в качестве магистрального пути организации повседневной жизнедеятельности людей. Нелишне тут напомнить, что главное в жизненном процессе – повседневность, общение, обмен деятельностью между людьми, в результате которого они оказываются полезными друг другу. И именно самоуправление, самоорганизация повседневной социальной жизни способствуют утверждению в ней интегративных тенденций, согласия и солидарности, гражданского достоинства и взаимной ответственности. Это возможно в России. Залог этому – религиозность русского народа и связанное с нею иска-

ние абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни [Там же, 66].

Образ жизни русского народа связан с русской ментальностью и русским национальным характером. Исследованию этих категорий посвящена весьма разнообразная философская литература, а также слишком по-разному осмысляются понятия русский и *русскость* представителями разных культур внутри единой русской культуры. Об этом прямо и косвенно говорят многие исследователи. Так, В.В. Воробьев [1997], изучая с позиций лингвокультурологии такой феномен, как «русская национальная личность», пришел к выводу, что это «соборный» организм, понятие, представляющее собой конъюнкцию трех смыслов: *русский* – *национальный* – *личность*, т.е.:

– ‘*русский*’ – ‘относящийся к коренному населению России (к русским), к России; такой, как у русских, как в России’;

– ‘*национальный*’ – ‘относящийся к нации: исторически сложившейся устойчивой общности людей, образующейся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика’; нация со всеми своими атрибутами выступает как один из важнейших компонентов общественной среды, где развивается личность. «Национальная принадлежность личности – это показатель того, что национальное как общественное образование индивидуализировано, в микроструктуру личности включены национальные ценности, система национальных традиций в различных сферах общественной жизни, обычаи, обряды, социальные символы» [Шанин, Тавадов, 1992, 16];

– ‘*личность*’ – ‘человек как носитель каких-либо свойств, лицо’ (по данным словаря) [Ожегов, 1992]; каждая личность выступает носителем как общечеловеческих, так и национальных интересов в их диалектическом единстве и взаимопроникновении.

При всей сложности определения каждого из трех смыслов, образующих общее понятие – имя поля, наиболее трудным является установление первого из них – ‘*русский*’. Даже в современном лексиконе ‘русский’ нередко связывается с чем-то вненациональным, лишенным национального смысла. Существенным недостатком в русском языке «является то, что прила-

гательное 'русский' мы одновременно употребляем и в качестве имени существительного, в то время как для других народов наш язык обладает ясно расчлененными понятиями состояния и принадлежности. Мы говорим: немец и немецкий, француз и французский и только для себя мы не различили этого. Принципиально правильно было бы говорить 'росс' или 'россиянин', однако оба эти слова приняли теперь какой-то риторический оттенок и поэтому вышли из употребления» [Вилинский, 1993, 91].

Исследователь считает, что «развитие понятия '*русскости*', его, с одной стороны, определенность (отношения к России и др.), а с другой – размытость ('Русь', 'Российская империя', 'Советский Союз' и пр.), не говоря уже о трудности выделения 'собственно русского', требует конкретизации этого понятия, необходимости выявления главного его содержания, его доминант.

В общем содержании понятия '*русскости*' есть элемент диффузности, его осложненности смежными содержаниями: *русский – российский – русская – великорусский – россиянин – славянский – советский*.

По отношению к центральной лексеме '*русский*' все другие лексемы имеют некоторые осложнения: от парадигматической национальной и национально-социальной противопоставленности (*белорусский – великорусский – украинский*) до выражения исходного смысла '*русский*' как вторичной семантической функции (*русский – советский*, ср. Россия – Советский Союз)» [Воробьев, 2008, 96–97].

Выделение и структурирование таких сложных понятий, как "русская национальная личность" с ее языковым и внеязыковым уровнями, представляет собой труднейшую задачу в силу сложности самого объекта, его диффузности и не во всем строгого противопоставления другим понятиям вследствие отсутствия четких границ между сходными понятиями как внутри одного культурологического ареала, так и в различных национальных сферах. О том же самом говорят и специалисты других областей лингвистического знания, например, социальной лингвистики, изучающие константы коллективной этнической кар-

тины мира, «русской самоидентификации, русского мировидения и его вербализации» [см., например, Шестак, 1998, 78].

Однако существует и явная разногласия в исследованиях представителей современной научной интеллигенции. Так, президент Российского фонда культуры Н.С.Михалков полагает, что «русский – сегодня не столько национальное, сколько культурообразующее понятие», тем самым синонимизирует понятия *русский* и *российский*, намеренно их отождествляет, не учитывая опасности такой нивелировки понятий в многонациональном государстве, каковым является Российская Федерация. А лингвист С.В.Чебанов считает, что слово *русский* в составе устойчивых словосочетаний десемантизировалось, ‘загружается’ разным смыслом, попадая в различное контекстуальное окружение [Чебанов, 1998, 5]. Однако хорошо видно, что оба суждения отличаются некоторой вольностью в трактовке понятия, стоящего за словом *русский*.

Более умеренная и объективная точка зрения на семантику слова *русский* представлена в нормативной лексикографии. Так, в различных толковых словарях, в том числе и академических, понятие *русский* толкуется как «принадлежащий русским, созданный русскими, свойственный русским» [МАС, т. 3, с. 742]. В «Словаре сочетаемости слов русского языка», созданном для изучающих русский язык как иностранный, понятие *русский* более обширное и сочетается с широким кругом лексем: «Народ, человек, люди, общество, обычай, характер, дух, душа, язык, гостеприимство...» [Сл. соч., с. 490]. Показ сочетаемости прилагательного *русский* позволил авторам словаря сконцентрировать внимание иностранцев на тех реалиях жизни в Советском Союзе, которые были значимыми для образованного человека эпохи развитого социализма. У иностранцев формировался адекватный образ страны изучаемого языка, авторами показывалась нетождественность понятий *русский* и *советский*.

Как наглядно свидетельствуют материалы разных словарей, слово *русский* настолько значимо для русской ментальности и для русской языковой картины мира, что его толкование в любом словаре всегда будет идеологизированным. Может быть, поэтому некоторые исследователи делают попытки уйти из-под

влияния идеологии и выстроить понятие *русскость* на основе концептуального анализа языкового материала. Для нас это понятно и естественно, что *русскость* в понимании русского человека и в понимании иностранца оказываются нетождественными сущностями, что объясняется главным образом психологическими причинами. При этом считается, что «иностранцу легче схватить то общее, которого мы в себе не замечаем» [Федотов, 1992, 386].

Стремление «осознать и познать себя» воплощается в желании четко определить, что такое *русскость*, придать этому слову если не терминологическое значение, то хотя бы увидеть в нем какое-то объективное содержание. Так, Г.П.Федотов, религиозный мыслитель, историк и публицист русского зарубежья, размышлял: «Какими словами, в каких понятиях охарактеризовать *русскость*? Оно дано всегда в единстве далеко расходящихся, часто противоречивых индивидуальностей. Покрыть их всех общим знаком невозможно. Что общего у Пушкина, Достоевского, Толстого? Попробуйте вынести общее за скобку – окажется так ничтожно мало, просто пустое место. Но не может быть определение *русскости*, из которого были бы исключены Пушкин, Достоевский и столько еще других, на них не похожих» [Федотов, 1992, II, 172].

П.А. Сорокин, крупнейший американский социолог русского происхождения, сделал попытку выделить отличительные *черты русской нации как социокультурной системы*, являющейся частью мирового сообщества. По его мнению, «совокупность основных черт русской нации включает ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и сохранения нации, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни» [Сорокин, 1990, 472].

Наконец, следует сказать об ограничении. Образ жизни русского народа – понятие сложное и многоаспектное, оно характеризует иерархически организованное социально-экономическое явление. Представить и охватить все составляющие такого обширного и многообразного явления в учебном пособии

не представляется возможным. Поэтому в дальнейшем изложение ведется на материале важнейшей черты образа жизни русского народа – общинного образа жизни, тем не менее, выявленные в работе принципы – методические и лингвистические – имеют общую применимость в работе над культурологической темой.

6.3. О понятии «стержневая культурологическая тема»

Если иметь в виду полный срок организованного изучения русского языка иностранными студентами различных специальностей, обучающихся в российских вузах, то некоторые учебные темы – как языковые, так и культурологические – распространяются на определенный ограниченный промежуток времени (продолжительность может быть разной: месяц, семестр, учебный год, этап обучения), а затем исключаются из учебного материала, подлежащего активной проработке. Например, русская графическая система усваивается, как правило, в течение первого семестра начального этапа обучения, и хотя в дальнейшем студенту предстоит много заниматься чтением и письменной речью, все же формирование первичных навыков распознавания и написания кириллических букв (т.е. графических навыков) перестает фигурировать в качестве учебной темы. Подобным образом основные фактические сведения об истории, культуре, политике, экономики России, о ее протяженности границ, о численности населения и т.д. запоминаются на начальном этапе обучения, так что исчезает необходимость вновь и вновь к ним возвращаться. Таким образом, ряд учебных тем ограничен известным временем, обусловлен фактической и неизменной информацией; назовем эти темы локальными или преходящими.

В отличие от преходящих, некоторые учебные темы изучаются постепенно, поэтапно, а некоторые из них вводятся в самом начале обучения и продолжаются на протяжении всех пяти-шести лет, так что преподаватель и студенты неоднократно возвращаются к тематически однородному учебному материалу (конечно, с различной степенью интенсивности и по принципу концентрического нарастания трудностей). Так как

только на занятии появляется первый русский глагол, имплицитно начинается тема «виды русского глагола» или глаголы движения, которые, естественно, постепенно расширяясь и углубляясь, – проходят вплоть до самого последнего урока. Даже в «Учебнике по русскому языку для факультетов и курсов повышения квалификации зарубежных преподавателей» – «сверхвысший» этап обучения! – в числе корректировочных упражнений предусмотрены задания, направленные на формирование умений и навыков употребления видов русского глагола и глаголов движения.

Точно так же изучение истории и экономики России, русской художественной литературы, изобразительного и музыкального искусства, русской национальной культуры, социальной и национальной политики, а также проблемы образа жизни русского народа (в совокупности его характеристик) начинается в разные сроки на начальном этапе обучения и затем продолжается, принимая иногда форму спецкурсов, элективных курсов, вплоть до выпускного экзамена.

Преподаватели-русисты и методисты согласны между собой, что некоторые наиболее важные, центральные учебные темы являются проходящими через все этапы и подэтапы обучения, определяются программой и составляют ядро основной тематики и на протяжении всего учебника или даже ряда учебников связаны между собой отношениями преемственности. Подобные постоянно присутствующие в учебном процессе темы называют *сквозными* [Воробьев, 1987], мы примем термин «стержневые». Нашей задачей является дать разностороннее определение *стержневой культурологической темы*, выявить ее основные признаки, а пока ограничимся одной-единственной характеристикой – указанием на представленность темы во всем, целостном учебном процессе.

Культурологическая тема «образ жизни русского народа» представляя одну из конкретных реализаций проблемы «современная российская действительность», т.е. совокупности культурологических сведений, образующих предмет соизучения в процессе изучения русского языка, – а такова, как известно, принципиальная позиция большинства ныне действующих учебных программ и учебных планов, тема об образе жизни

русского народа, несомненно, является стержневой, учебной. Она проходит через учебники по русскому языку для иностранных учащихся, связанные между собой отношениями явной преемственности. Но и в том случае, когда составители учебников и пособий, применяемых в обеспечении определенного профиля обучения, придерживаются различных методических взглядов, эта учебная тема образует для них единый план содержания. Эта тема постоянно присутствует в учебном процессе; в числе подобных культурологических тем представлена в качестве центральной, стержневой *образ жизни русского народа*. Она же придает качественное единство внеаудиторной работе.

Рассмотрим в качестве примера получившие признание учебники и пособия для различных профилей обучения русскому языку как иностранному с целью выявления и доказательства первого признака культурологической темы – ее постоянное присутствие в языковом учебном процессе.

Анализ начнем с согласованных между собой учебных комплексов «Старт–1, –2, –3» [1979, 1984, 1984], предназначенных для обучения иностранных студентов на начальном этапе обучения.

В учебнике «Старт–1» [1979] по теме «образ жизни русского народа» содержатся, в выборочном перечислении, материалы, раскрывающие различные аспекты образа жизни:

подтема «общинный образ жизни» – тексты на с. 14, 129;

подтема «русский народ» – тексты на с. 113, 159.

В учебнике «Старт–2» [1984] по рассматриваемой теме имеются следующие материалы:

подтема «русский народ» – тексты на с. 62, 83;

подтема «забота государства о человеке» – тексты на с. 98, 99, 109;

подтема «права граждан» – тексты на с. 160, 256, 287;

подтема «дружба и взаимопомощь» – тексты на с. 150-151.

В учебнике «Старт–3» [1984], наиболее насыщенном культурологическими материалами, раскрываются следующие подтемы, непосредственно отражающие тему «образ жизни русского народа»:

подтема «истоки образа жизни русского народа» – тексты на с. 6, 7;

- подтема «распространение образования» — текст на с. 50;
- подтема «равноправие мужчин и женщин» — тексты на с. 53, 54, 74;
- подтема «роль труда в жизни русского народа» — тексты на с. 78, 91;
- подтема «гуманизм и патриотизм русского народа» — текст на с. 205;
- подтема «социальное, активное отношение к жизни» — текст на с. 80;
- подтема «роль науки в образе жизни русского народа» — текст на с. 111;
- подтема «избирательная система» — текст на с. 237;
- подтема «толерантность русского народа» — текст на с. 262.

Учебное пособие «Русский язык по-новому» [1999] предназначено для иностранных учащихся начального и среднего этапов обучения, культурологическая информация по теме «образ жизни» представлена в текстах о русской семье [с. 133], о дружбе [с. 168], об образе жизни [с. 219], о русских людях [с. 359].

Подвергнув анализу указанные учебники, было установлено, что материал темы «образ жизни русского народа» есть во всех учебниках. Кроме выявленных подтем имеется материал, охватывающий роль искусства и культурного наследия в образе жизни, значение книги в жизни россиян, стойкость и мужество русского народа в Великой Отечественной войне, участие молодежи в народном хозяйстве, взаимоотношение поколений и т.д.

Можно по-разному относиться к степени насыщенности учебников «Старт-1, -2, -3» культурологической информацией, однако сама установка авторов приобщить иностранного студента к ценностям образа жизни русского народа во всех его аспектах, в том числе и в историческом, кажется нам справедливой, заслуживающей признания. Кроме того, для этих учебников характерна не только постоянная презентация культурологической и страноведческой информации, но и ее активизация через систему упражнений, а также контроль усвоения. Иными словами, авторы одновременно решают две задачи —

формируют языковые и речевые навыки и умения на фоне последовательного ознакомления иностранного студента с Россией.

Обратимся теперь к учебникам для основанного и завершающего этапов обучения.

Продолжим анализ сначала с согласованных между собой учебников, обеспечивающих весь период обучения в России. Таковы, среди прочих, четыре учебника русского языка для иностранных студентов-филологов [Лобанова, Слесарева, 1980; Войнова, Матвеева и др., 1981, 1985].

Придерживаясь принятой выше процедуры представления материала, перечислим подтемы, раскрываемые в текстах, имеющих прямое отношение к теме «образ жизни русского народа». В основном курсе [Войнова, Матвеева и др., 1981, 1985] содержатся следующие материалы:

1 – в Учебнике первого года обучения:

подтема «права человека» – текст на с. 49-51;

подтема «активная общественная позиция человека» – текст на с. 72-73;

подтема «распространение образования и доступность культуры» – текст на с. 76-77;

подтема «бережное отношение к культурному наследию» – текст на с. 148-149;

подтема «отношение к труду» – текст на с. 228-229;

подтема «роль средств массовой информации» – текст на с. 238-239;

подтема «строительство и роль труда» – текст на с. 307-308.

2 – в Учебнике второго года обучения:

подтема «повседневная жизнь русских людей» – текст на с. 28-29;

подтема «здоровый образ жизни» – текст на с. 34-38;

подтема «гуманизм» – текст на с. 86-87;

подтема «истоки образа жизни» – текст на с. 124-127;

подтема «героизм» – текст на с. 139-140.

Подобный перечень тем по культурологической теме «образ жизни русского народа» можно было бы составить и по другим учебникам Систематизирующего курса – третьего года

обучения [Лобанова, Слесарева, 1980] и четвертого-пятого годов обучения [Лобанова, Слесарева, 1980].

Конечно, в учебниках содержание не исчерпывается одной тематикой «образа жизни», поскольку в них довольно много текстов профессиональной (лингвистической и литературоведческой) тематики, текстов по 'общечеловеческим' вопросам (природа, отношения между людьми, экономические отношения, правовые и т.д.), художественных текстов. И, тем не менее, тема «образ жизни русского народа», несомненно, составляет содержание многих, большинства учебных текстов и упражнений (по нашим подсчетам более двух третей), так что ее с полным основанием можно считать основной, ведущей, центральной, стержневой.

Обратимся к другому профилю обучения — к преподаванию русского языка иностранным студентам нефилологических специальностей. Здесь не приходится говорить об учебниках и пособиях, в той же мере согласованных между собой, что учебники для студентов-филологов. Но, будет видно из дальнейшего анализа, культурологическая тема «образ жизни» все же, как бы 'автоматически' обеспечивают преемственность между ними. Так, Учебник для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей создан на базе иной методической концепции, чем учебники для начального этапа обучения и учебники для студентов-филологов; в нем главный акцент сделан на научной речи. Однако и в этом учебнике представлены материалы, знакомящие с образом жизни русского народа. Ниже они перечислены:

подтема «общественно-полезный труд» — тексты на с. 275, 322;

подтема «экономические отношения» — текст на с. 99.

Анализ содержательной стороны учебника показывает, что большинство вошедших в него текстов имеет подчеркнутый специальный характер. Тем не менее культурологическая тематика все же не оставлена без внимания — она представлена в книгах для чтения по русской литературе [1986], являющихся компонентами учебного комплекса. Так, фрагменты из «В прекрасном и яростном мире» А. Платонова, «Тихого Дона» М. Шолохова, рассказы «Снег» и «Белая радуга» К. Паустов-

ского дают подлинную панораму становления российского государства. Опубликованный второй выпуск, также посвящен художественной литературе, содержит богатый культурологический материал по теме «образ жизни русского народа».

Книга для чтения и развития речи учебника для нефилологов [Муравьева, 1978] строится на культурологическом материале научного и публицистического характера; в ней представлено достаточно текстов по теме «образ жизни»:

подтема «государственное устройство» – тексты на с. 7-9, 13-14;

подтема «демократия» – текст на с. 36-38;

подтема «истоки образа жизни русского народа» – тексты на с. 50-51, 57-58;

подтема «равные права и возможности» – тексты на с. 93-97, 173-176;

подтема «мирное сосуществование народов» – текст на с. 198-199.

В Учебнике русского языка для иностранных студентов гуманитарного профиля [Котова, 2004], предназначенном для продвинутого этапа обучения иностранных учащихся, тексты построены на материале специальности «Политология» и раскрывают проблемы государственного устройства [с. 109], человеческих взаимоотношений [с. 137], что важно для понимания проблемы образа жизни русского народа.

Таким образом, подвергнув анализу учебники для нефилологов [Русский язык для юристов, 2007] и пособия, сравнив их с учебниками для филологов, мы убеждаемся, что даже и в том случае, когда методические позиции авторов обнаруживают расхождения, тема «образ жизни русского народа» все же остается для них объединяющей, стержневой. Иначе и быть не может, потому что действующие Программы по русскому языку для иностранных студентов-нефилологов предусматривают интенсивное насыщение общественно-политической и социально-культурной сфер общения на русском языке тематикой образа жизни.

Конечно, можно увеличить приведенные факты и расширить наблюдения, – включить, например, учебники для курсового [Рассудова, Степанова, 1978], школьного [Вятютнев, 1982]

обучения, учесть аспектные (лингвокультурологические) учебные пособия [Воробьев, Дронов, Хруслов, 2005] и словари [Денисова, 1984; Чернявская, 1984], – и вывод останется тем же: среди культурологических тем имеются такие, которые постоянно присутствуют в учебном процессе; в числе подобных учебных тем представлена в качестве центральной, стержневой – «образ жизни русского народа».

Итак, в качестве *первого* признака стержневой культурологической темы мы назвали постоянное присутствие содержательного однотемного материала на всех этапах, во всех формах и профилях обучения. Анализ помогает установить и другие отличительные признаки стержневой культурологической темы.

Вторым признаком стержневой культурологической темы является ее способность выполнять организующую функцию материала – быть тем стержнем, вокруг которого концентрируется существенная часть содержательного плана учебника, пособия [Вятютнев, 1984]. Эта организующая функция касается как отбора учебных текстов, так и отбора языковых единиц – лексики, фразеологии, афористики.

Третьим признаком следует считать наличие иерархических связей темы. Образ жизни русского народа разделяется на большое число подтем, предметно-логически соотнесенных между собой, так что в принципе можно построить дерево иерархической структуры всей темы. Соответственно и лексика, покрывающая тему, по мере абстрактности/конкретности соответствующих понятий и их объема также членится по принципам, изученным в теории идеографического исследования лексических групп и полей.

Наконец, *четвертым* признаком стержневой культурологической темы, особенно темы «образ жизни русского народа», является, наряду с познавательной ценностью, ее лингводидактическая значимость для процесса обучения именно языку, для формирования речевых умений и навыков. Здесь важно принять во внимание третий признак: если усвоение культурологической темы на лексическом уровне равнозначно овладению обширным полем лексики, актуальной для современного русского языка, то ясно, что культурологическая тема, понимаемая как план содержания, не может быть оторвана от ее плана выраже-

ния в языке; иначе сказать, стержневая тема – это одновременно усвоение культурологической информации и понятийного аспекта тематической лексики.

Могут быть, вероятно, выделены и другие отличительные черты и признаки стержневой культурологической темы, однако для задач, решаемых в настоящем пособии, достаточно указанных четырех.

Подведем итоги: *стержневая культурологическая тема – это однотемный по содержанию учебный материал, относящийся к какой-либо из важнейших сфер действительности, который постоянно присутствует в языковом учебном процессе, исполняет в нем организующую функцию, имеет иерархическое строение и обладает высокой языковой ценностью.*

В лингводидактической литературе понятие «учебная тема» используется до сих пор не терминологически, а лишь в обиходном смысле, однако это – строгий термин, в составе которого выделяются и фиксируются достаточно определенные семантические признаки.

Следует также отметить, что хотя стержневые учебные темы давно реализуются в педагогической практике, их важная роль все же недооценивается, или даже не осознается. Только в последнее время стержневые культурологические темы эксплицитно называются в качестве организующего начала учебного процесса; в большинстве программ и учебников они проведены в жизнь стихийно, на интуитивном уровне, что соответственно влечет многие издержки.

Таким образом, данный материал представляет собой попытку теоретического анализа указанного важного лингводидактического понятия и разработки рекомендаций по совершенствованию организующей, управляющей и контролирующей ролей стержневых культурологических тем.

6.4. О понятии «лингвокультурологический концентр»

Дидактический термин «концентр» широко используется в методической литературе, входит как в теоретические исследования [Воробьев, 1987], так и в практические программы и

руководства, но нередко создается впечатление, что различные авторы вкладывают в эту номинацию разное содержание.

Собственно, само слово *концентр*, являющееся опорным в терминологическом словосочетании, означает круг в совокупности кругов большей или меньшей величины, имеющих тот же центр. Концентры, по определению общезыкового словаря, — это «круги различной величины, имеющие общий центр» [Словарь русского языка, 1981, с.97]. Когда понятие концентрических бытовых пространственно-плоскостных представлений переносится в методику, возникает заимствование образа, причем зрительной природы. Отсюда сама принципиальная возможность множественного истолкования методического термина.

Отдельные исследователи в понятии «учебного концентрического» подчеркивают признак ограниченного времени: концентр — это «временные границы (вводный концентр, начальный, средний концентр), а также и объем содержания материала» [Рожкова, 1977, 30]. Другие особо выделяют единство, качественное тождество учебного материала: концентр — это «совокупность уроков, обеспечивающих формирование речевых умений и навыков применительно к определенной теме, сфере общения, виду речевой деятельности на основе определенного языкового материала» [Костина, 1985, 31]. Некоторые ученые, далее, проводят смешение терминов, которые воспринимаются как синонимичные: концентры — это «относительно законченный цикл» [Костомаров, Митрофанова, 1984, 37]. Встречаются и иные точки зрения. Не стремясь их охватить, уже возможно сделать вывод об известной разногласии среди методистов в подходе к термину «учебный концентр».

Между тем, если обратиться к творческому наследию классиков дидактики, то можно выявить и те признаки, которые являются для понятия существенными, и их необходимую совокупность. В этом отношении экскурс в историю науки действительно способен внести свою лепту в уточнение современного термина «лингвокультурологический концентр».

Чешский ученый Я.А. Коменский, подытоживая предшествующий дидактический опыт, эксплицитно изложил основные принципы обучения: постепенность, последовательность, восхождение от простого к сложному, от усвоенного к новому.

Все перечисленные (выборочно) принципы имеют непосредственное отношение к понятию «лингвокультурологический центр».

Учет приведенных принципов, прежде всего, сказывается на отборе и расположении (планировании) учебного материала. «С самого начала юношам, которым нужно дать образование, следует дать основы общего образования, т.е. распределить учебный материал так, чтобы следующие затем занятия, по видимому, не вносили нового, а представляли только некоторое развитие полученных знаний в их частностях» [Коменский, 1982, 335]. И далее Я.А. Коменский уточняет: «Любой язык, любые науки или искусства должны быть сперва преподаны в простейших элементах, чтобы у учеников сложилось общее понимание целого их; затем для более полного изучения их даются правила и примеры, потом сообщаются полные системы с присоединением неправильностей, наконец, даются, если это нужно, комментарии» [Там же, 336].

Принцип концентризма в обучении настолько обстоятельно и подробно разработан у Я.А. Коменского, что его формулировки актуальны и для нашего времени: «1. Вся совокупность учебных занятий должна быть тщательно разделена на классы так, чтобы предшествующее всегда открывало дорогу последующему и освещало ему путь. 2. Время должно быть распределено с величайшей точностью так, чтобы на каждый год, месяц, день, час приходилась своя работа. 3. Распределение времени и работ необходимо соблюдать точно, чтобы ничто не было пропущено и извращено» [Там же, 337]. Как нетрудно заметить, этот принцип не просто декларирован, а именно тщательно разработан, причем в такой степени, что мы могли бы перенять его для наших лингвокультурологических задач без существенных изменений.

И другие великие педагоги – Г. Песталоцци, А. Дистервег, И. Герbart – внесли свой вклад в дальнейшее развитие понятия концентризма как основополагающего принципа дидактики. Г. Песталоцци концентризм в обучении связывал с преемственностью: «Всякое преподавание незыблемо и глубоко влагать в человеческий ум самое существенное из известного отдела знаний, затем менее существенное прибавлять лишь постепенно,

но связывать его с существенным неразрывно...» [Песталоцци, 1909, 130]. И. Герbart также поддерживал мысль о взаимосвязи нового и усвоенного материала: «...прежде заученное должно восполняться последующим» [Герbart, 1906, 110]. А. Дистервег в своих требованиях исходит из принципов доступности, систематичности и последовательности, рассматривая, таким образом, концентрическое расположение материала в качестве одного из важнейших дидактических требований в обучении [Дистервег, 1913, 236-238]. Входящий в замечательную плеяду великих ученых русский педагог К.Д. Ушинский также уделял учебным центрам большое внимание. Он, в частности, подчеркивал важность (наряду с постепенностью, переходами от простого к сложному, от усвоенного к новому) принципа повторения: «...всякий шаг вперед должен опираться на повторение прежнего» [Ушинский, 1948, 425].

Поскольку в новейших общедидактических руководствах проблема концентризма в обучении практически изложена по Я.А. Коменскому и К.Д. Ушинскому, в дальнейшем также будем непосредственно пользоваться материалами первоисточников.

Задача настоящего раздела пособия, с одной стороны, заключается в том, чтобы перечислить смысловые признаки, входящие в содержание понятия; с другой стороны, мы стремимся применить их к собственному материалу, т.е. к культурологической теме «образ жизни русского народа».

На протяжении настоящего раздела сознательно делаем акцент на культурологическом цикле учебного процесса. В дальнейшем все внимание сосредоточивается на языковых занятиях, и только на них, лингвокультурологический аспект концентризма в прохождении темы об образе жизни русского народа, однако, не может быть полностью обойден молчанием, хотелось бы его рассмотреть здесь.

Собственно, иностранные студенты, обучающиеся в российских вузах, т.е. в условиях языковой среды, знакомятся с образом жизни русских людей по трем каналам сообщения информации: наряду с обществоведческими курсами и языковыми занятиями, еще и благодаря повседневному общению в среде. Повседневное общение, естественно, во многом происходит

спонтанно, стихийно; невозможно предусмотреть, в какие формы оно выльется и каким содержанием будет наполнено; следовательно, хотя оно, несомненно, имеет обучающий характер, все же мы не можем подвести его под понятие учебного процесса, — учебный процесс, по определению, это тот вид обучения, для которого обязательны противоположные признаки (системность, плановость, продуманность, как содержания, так и формы). Учебный процесс противоположен стихийности и спонтанности. По указанной причине из дальнейшего рассмотрения исключается сфера бытового повседневного общения.

Итак, *первый* признак в понятии «лингвокультурологический концентр» (в свете изложенных выше воззрений классиков дидактики) — это разделение всего учебного материала на 'классы', на определенные совокупности качественно однотемной информации, на 'минимумы', на 'программы', обладающие такими немаловажными свойствами, как достаточность и завершенность.

Второй смысловой признак в понятии «лингвокультурологического концентра» (продолжаем опираться на основополагающее суждение Я.А. Коменского, приведенное выше) — содержательная преемственность между классами, на которые разделен учебный материал. Требуется, чтобы «предшествующее всегда открывало дорогу последующему», и это означает, что преемственность имеет временную природу, — определенная информация вводится в самом начале, затем, по прошествии известного времени, к ней прибавляется информация из другого, более высокого, класса, а затем и из третьего и т.д. Между сведениями из этих качественно разнородных (хотя и связанных единством) классов постоянно имеют место отношения изменения: «Новый материал ложится на фундамент старого учебного материала, и тогда старый материал в свою очередь переосмыляется под углом более новых знаний» [Самарин, 1962, 264]. Важно заметить, что учебный материал предшествующего по времени класса не отбрасывается, не замещается учебным материалом последующего по времени класса, а преобразуется под его влиянием, одновременно оставаясь 'фундаментом'. Преемственность предполагает два направления отсчета времени — в прошлое (поскольку ранее усвоенный мате-

риал всегда учитывается) и в будущее (поскольку не допускается дублирования и предусматривается качественно новый прирост сведений). В известном смысле прошлое не менее важно, чем будущее: по закону энтропии введенная информация забывается, выводится из памяти, навыки разрушаются. Поэтому глубоко прав К.Д. Ушинский, требовавший, чтобы всякий шаг вперед опирался на повторение пройденного.

В предшествующем абзаце мы фактически назвали и еще один существенный признак «лингвокультурологического центра» – *третий* по счету. Преемственность между классами имеет качественную специфику: это не просто накопление однородной информации, а овладение все большим объемом сведений и усвоение все более сложных сведений. Поэтому объем каждого последующего класса больше объема предшествующего и, кроме того, последующая информация сложнее по своему содержанию предшествующей.

С третьим признаком тесно связан *четвертый*: преемственность. Наряду с увеличением и усложнением учебного материала предполагается также движение от первоначально вводимой основной информации к более периферийной (различной градации), вплоть до факультативной. Основополагающие сведения (в согласии с логикой любой области знания) приходится излагать сначала – на них возводится вся система знания.

Предпринятое выше разделение информации по степени сложности не совпадает с разделением информации по признаку центральности / периферийности: основные сведения первоначально могут быть изложены элементарно, в расчете на последующее уточнение и усложнение. Не следует, таким образом, думать, что основная информация всегда проста и невелика по объему. Тем не менее, правильно считать, что основная информация может быть сознательно изложена упрощенно.

Наконец, *пятый* признак в рассматриваемом понятии – согласованность распределенного по классам материала с соответствующими отрезками времени («время должно быть распределено тщательно»). Собственно говоря, Я.А. Коменский имеет в виду более общий вопрос: согласованность учебного материала, его сложности и дозировки, с возможностями учащихся – интеллектуально-возрастными и временными. Если на

недостаточный отрезок времени приходится слишком большой класс учебного материала, то он не будет усвоен; если же на большее время запланировано слишком мало материала, опять-таки пострадает усвоение, поскольку не удастся сконцентрировать внимание и поддержать интерес к предмету.

Кроме того, время имеет и еще один аспект: даже для простого поддержания знаний и умений на одном уровне, необходимо постоянно обращаться к ним. По этим причинам обществоведы включают, например, изучение демократии как в преподавательский курс, так и во все основные курсы.

Наконец, вопрос согласования учебного материала с возможностями учащихся применительно к иностранным студентам имеет, наряду с временными, еще и языковой аспект: тема «образ жизни русского народа» преподается и усваивается на русском языке, и из этого следует, что сложность культурологического учебного материала (по содержанию) должна быть соотнесена с уровнем владения русским языком (т.е. с формой выражения). Таким образом, «при определении содержания образования по любому предмету нельзя ограничиться только перечнем фактов, понятий, законов, теорий, которыми должны овладеть учащиеся, а должна быть указана глубина их освещения, чтобы избежать ненаучных и вредных усложнений или, напротив, слишком элементарной и поверхностной трактовки» [Основы дидактики, 1967, 97].

В методической литературе обращается особое внимание на указанное специфическое преломление общедидактического принципа — на согласованность содержания и языковой формы выражения: «В общем виде принципы дозировки и концентрации раскрываются следующим образом. Сначала нужно выбрать то, что непременно подлежит усвоению, и согласовать эту обязательную информацию со степенью овладения русским языком на начальном этапе. Затем — отобрать менее важные, хотя и существенные сведения, которые к тому же могут быть выражены более сложным языком; этот национально-культурный и языковой материал составляет содержание обучения на продвинутом этапе. Наконец, надлежит сконцентрировать в одном месте факультативную информацию, которая рассчитана на высший этап овладения языком и которая излагается без каких-

либо ограничений со стороны языковой формы» [Верещагин, Костомаров, 1983, с.124]. Здесь надо вспомнить о третьем и четвертом признаках лингвокультурологического центра: разделение сведений на основные, существенные и факультативные не совпадает с градуированием по степени сложности: основную информацию, вводимую на начальном этапе овладения языком, допустимо изложить на элементарном уровне, учитывая, что затем – по мере совершенствования языковых умений и навыков – эта уже основная информация будет усложнена и увеличена по объему.

Таковы пять основных смысловых признаков в содержании понятия «лингвокультурологический центр», непосредственно вытекающие из позиции Я.А. Коменского и других представителей классической дидактики. Теперь приведем заключительное, обобщающее определение: *лингвокультурологические центры – это самостоятельные дозы учебного материала, связанные между собой содержательной преемственностью, увеличением и усложнением сведений, движением от основной информации к периферийной, а также соотносенные с условиями обучения возможностями учащихся.*

Из определения видно, что понятие центра основывается на понятии *стержневой культурологической темы* – именно она образует ту содержательную преемственность, отсутствие которой не позволяет говорить о центрах. На приведенном здесь определении лингвокультурологического центра, а также на изложении в предыдущем параграфе определении культурологической темы строится вся лингвокультурологическая концепция централизма.

Также важно показать отличие понятия *лингвокультурологического центра* от близких и часто смешиваемых понятий *учебных этапов* и *циклов*.

Учебным циклом обычно называют совокупность учебных дисциплин, объединенных в группу, – например, обществоведческий цикл, языковой цикл. Цикл – это «тот или иной круг наук – исторический цикл» [Ожегов, 1984, 760].

Учебные этапы, насколько можно судить по терминопотреблению, во многом совпадают с понятием учебных центров (почему и нередко употребляются синонимически):

«при определении этапов в основном учитывается организационно-временной фактор...» [Нахабина, 1977, 101]. По нашему мнению, для учебных этапов признак содержательной преемственности и соответственно учебных тем не является обязательным. Определенный материал может быть пройден на начальном этапе и не перейти на продвинутый и тем более на завершающий; т.е. понятие этапа относится к организационно-временным методическим понятиям, в то время как концентры подчеркивают непереносимое единство учебного материала. Тем не менее, поскольку в практическом учебном процессе по времени этапы обучения и концентры, как правило, совпадают, нет ошибки в их синонимическом терминопотреблении, — смысловая разница обнаруживается лишь тогда, когда специально подчеркивается признак преемственности единого учебного предмета или единой темы. В случае несовпадения по времени этап и концентр соотносятся между собой: концентры могут быть и внутри одного этапа. О концентрическом расположении материала допустимо говорить и в границах одного и того же учебника, не соотнося концентры с этапами обучения. Таким образом, если смешение понятий *концентры* и *циклы* недопустимо, то синонимическое употребление терминов *концентры* и *этапы* нередко оправдано.

6.5. Лингвокультурологическая концепция отбора и организации языкового учебного материала

Как свидетельствует анализ методической литературы, дидактический принцип концентризма [Воробьев, 1987] положен в основу ряда программ и учебников русского языка как иностранного. В «Программе для подготовительных факультетов вузов...» [1985], например, принцип концентрического подхода отчетливо сформулирован по отношению к уровню владения основными видами речевой деятельности, фонетическому минимуму, синтаксическим структурам, характерным для общелитературного языка. В «Программе по русскому языку...» для студентов-нефилологов [1985] подача информации при обучении иностранных студентов среди прочих позиций вклю-

чает в себя «применение принципов концентризма» [Там же, 5]. Тот же принцип последовательного и сознательного возвращения к культурологической тематике с увеличением глубины и обоснованности материала характерен для «Единого типового календарного плана преподавания русского языка». Обсужденные по отдельности понятия «*стержневой культурологической темы*» и «*лингвокультурологического центра*» в организации учебного процесса сочетаются, и соответственно в дальнейшем необходимо рассматривать их не по отдельности, а совместно.

Прежде сосредоточимся исключительно на лингвистической проблематике концентрического подхода к культурологической теме. Анализ распределен по двум подпроблемам – сначала изучаются возможности привнесения концентрического начала в массив лексических единиц, покрывающих культурологическую тему «образ жизни русского народа» на трех этапах обучения, а затем текстов.

Итак, рассмотрим лексику (включая фразеологизмы и афоризмы) по культурологической теме. Подлежащий анализу массив лексических единиц, естественно, является однородным, прежде всего по признаку принадлежности к одной и той же теме.

Тематически связанные лексические единицы издавна привлекают к себе внимание лингвистов и по традиции обсуждаются под различными названиями – «тематические», «лексико-семантические», «ономасиологические» группы (причем вместо опорного термина 'группа' употребляются также 'система', 'ряд', 'поле'). Как справедливо отмечено, выявление лексической системы языка «возможно лишь постепенно, по мере продвижения вперед не только в теоретических разысканиях и манипуляциях с терминами 'поле', 'ряд', 'группа', но и, – что существеннее – в конкретных лексикографических описаниях полей, групп, рядов, т.е. в разработке синонимических, антонимических, идеографических, словообразовательных и других словарей» [Денисов, 1980, 132]. Вслед за В.В. Воробьевым, остановимся на термине *лингвокультурологическое поле*: по сравнению с другими он представляется предпочтительным, так как, во-первых, сложное слово *лингвокультурология* является

очень емким (выражается мысль о том, что лексические единицы 'описывают' определенную идею, тему) и потому, что, во-вторых, опорное слово *поле*, подобно термину *концентр* вызывает пространственные ассоциации и, следовательно, на уровне зрительного образа хорошо соотносится с ключевым для работы понятием концентрира.

Лингвистические концепции поля восходят к исследованиям А. Цаунера [1902], Й. Грира [1931], Л. Вайсгербера [1963], Г. Маторе [1953], Ф. Дорнзайфа [1938], Ж. Дюбуа [1962], Х. Карсеса [1959], П. Роже [1964], О. Духачека [1960], Л.В. Щербы [1974], Г. Ипсена [1932] и других, причем усилиями российских ученых Ю.Н. Караулова [1972] и В.В. Морковкина [1970] в теорию поля внесен значительный вклад. Не предпринимая обзора исторического развития поля, отсылаем к указанным выше работам; тем не менее ряд положений, развитых в теории поля, необходимо обсудить — под углом зрения задач настоящего пособия.

Напомним о противоположности семасиологического и ономасиологического подходов к лексике и фразеологии. При семасиологическом анализе в центр рассмотрения ставится отдельное слово и, отправляясь от него, выясняется какой смысл или какие смыслы оно выражает. При ономасиологическом анализе, напротив, первоначально изучается смысл или определенное явление и устанавливается, «как в определенное время и в определенном месте обозначается то или иное понятие и именуется соответствующее явление» [Левковская, 1962, 40]. Следовательно, «ономасиология исходит из идеи и изучает ее выражение» [Марузо, 1960, 187] в отличие от семасиологии, которая совершает как бы противоположное движение — от слова к идее, от формы к содержанию. Тем не менее оба подхода, будучи адекватными научными осмыслениями реальной природы лексики и фразеологии, не отрицают друг друга, а как бы дополняют. Они, безусловно, находятся в отношении дополнительнойности, и если далее мы прибегаем исключительно к ономасиологическому анализу, то делается это только исходя из природы нашего исследовательского предмета [возможно произвести терминологическое отождествление: «лингвокультурологическая (от лат.: *lingua* — язык, *cultura* — культура, *logos* — наука,

учение) тема – это есть учение»]. Чтобы состоялось такое взаимоупотребление, необходимо: наличие языковых единиц для обозначения фактов действительности, знание в данный момент времени самих лексических единиц и их значений и знание употреблявшихся значений слов. Концепция лингвокультурологического поля основывается естественно на указанном ономаσιологическом подходе к языковым единицам.

В самом деле: лингвокультурологическое поле – это совокупность языковых единиц, 'описывающих', выражающих (поразному, не только синонимически) одно и то же 'учение', один и тот же внеязыковой феномен. По определению, *поле* – это «частичка действительности, теоретически имеющая в языке соответствие в виде более или менее автономной микросистемы» [Ахманова, 1966, 334].

Рассмотрим для примера следующее множество слов и словосочетаний по теме «общинный образ жизни»:

а) номинативных (*товарищ, товарищество, товарищеские отношения; выручка, взаимовыручка; помощь, взаимопомощь; солидарность; сотрудничество, взаимовыгодное*);

б) глагольных (*поступать по-товарищески; прийти на выручку; оказывать помощь*);

в) фразеологических (*чувство локтя; плечом к плечу*);

г) афористических (*человек человеку друг, товарищ...; один за всех, все за одного*).

Приведенные слова и словосочетания, выражающие качество отношений между людьми, имеют в виду те отношения, которые называются общинными, дружескими, ибо, по точному выражению Н.А. Бердяева «русские склонны соединяться в кружки, в группы, русский народ коммюнаторный» [Бердяев, 1983, 401]. В конечном итоге все слова и сочетания из списка благодаря перефразированию, – подобным лексикографической методике Ю.Н. Караулова [1976], – 'переводятся' друг в друга (*чувство локтя = товарищество, товарищество = солидарность, солидарность = взаимовыручка, взаимовыручка = взаимопомощь, взаимопомощь = сотрудничество*), так что круг отождествлений может быть замкнут на отправном слове или словосочетании (*сотрудничество = чувство локтя*). Следовательно, приведенное нами для примера множество языковых

единиц (слов, устойчивых, в том числе фразеологических словосочетаний, языковых афоризмов) является лингвокультурологическим полем.

В определении содержится указание на присутствие в понятии поля необходимого признака смыслового, семантического единства, или (в лингвистических терминах) интегральной семы, или, еще иначе, интегральной смысловой доли. *Интегральная сема* – это языковая реальность, но выбор наименования семы зависит от результатов семантического анализа, осуществляемого, как известно, не без участия интуиции, хотя исследователь в работе «руководствуется не только своими собственными соображениями, но и опирается в основном на коллективную интуицию составителей словарей» [Долгих, 1973, 93]. Представляется, что рассмотренное выше множество языковых единиц выражает не какие-либо, а именно общинные отношения между людьми, так что интегральная сема может быть обозначена как «общинность». Таким образом, если суммировать, *то интегральная сема – это тот неперменный смысл, та общая 'идея', общее учение, которые характерны для каждой языковой единицы, входящей в лингвокультурологическое поле.* Собственно, в полном согласии со своей внутренней формой интегральная сема интегрирует слова и словосочетания в единое лингвокультурологическое поле. С другой стороны, если во множестве языковых единиц на установленном уровне абстракции не вычленяется интегральная сема, то это означает, что по своему качеству данное множество не есть лингвокультурологическое поле.

Стержневая культурологическая тема, – естественно, и тема «образ жизни русского народа», – взятая в плане обеспечения языковыми единицами, представляет собой не что иное, как лингвокультурологическое поле.

Следует подчеркнуть, что лингвокультурологические поля иерархичны: так, в поле лексических единиц по теме образа жизни в качестве его составляющего выходит не только поле «общинный образ жизни», а также входят поля: «дружба народов», «общенародная демократия», «гостеприимство» и др. В свою очередь поле «общинный образ жизни» внутри себя расчленяется на ряд составляющий полей: например, «сочетание

интересов общества и личности», «жизнеспособность», «жертвенность» и др. В зависимости от того, на каком уровне мыслительной абстракции находится интегральная сема, входит ли она как часть в другую сему, или, напротив, включает в себя другие семы, определяется иерархическое место соответствующего поля. Так, лингвокультурологическое поле «общинный образ жизни» занимает срединное место между полем «образ жизни» (иерархическое движение вверх), так как общинность — это черта образа жизни и полем «жертвенность» (иерархическое движение вниз), как важнейшая черта русского народа.

Таким образом, в настоящей работе под *лингвокультурологическим полем* понимается множество языковых единиц, объединенных интегральной семой, причем это множество включено в иерархические связи.

В определении приведены два необходимых признака термина «лингвокультурологическое поле». Имеются, однако, и другие признаки, существенные для задач настоящего пособия. Так, поскольку лингвокультурологическое поле производно от внеязыковой действительности и определяется условиями жизни и 'образом мыслей' народа, такие поля в разных языках не совпадают между собой. Ю.Н. Караулов справедливо подчеркивает: «...поле как способ отражения (...) характеризуется социальной, историко-генетической и индивидуальной обусловленностью, т.е. в значительной степени национально» [Караулов, 1972, 270]. Поскольку этот вопрос весьма важен для прикладной лингвокультурологии, для осознания качественного своеобразия лингвокультурологических тем и особенно темы «образ жизни русского народа», остановимся на нем подробнее. В качестве показательного примера продолжаем использовать поле «общинный образ жизни».

Все те слова, словосочетания, вошедшие в это поле, имеют общеязыковую природу и, следовательно, отражают общий уровень общественного сознания. Однако в анализе поля нельзя обойтись без теоретических, обществоведческих положений.

Анализ литературных текстов, словарных статей, публицистики позволяет сделать вывод, что для русских характерна ориентация на общину, мир, общество, государство. Отсюда:

героизм и жертвенность («сам погибай, а друга выручай», «или грудь в крестах, или голова в кустах»), романтизм и склонность к роли «первопроходцев и благодетелей», борьба с мещанством и меркантилизмом, жизнь во имя будущего и детей и т.д. Именно *общинный характер*, при котором выше ценились слава («Хоть денег ни гроша, зато слава хороша»), духовность (святость), знание, справедливость, власть, определяет особенности образа жизни русского народа и отличает, например, от французского, для которого характерны, прежде всего, мастерство, хозяйство и богатство. Общинный демократизм и общинное землевладение развили в русском народе те черты коллективизма, 'хорового' начала, которые использовались государством во все времена для разрешения общих социальных проблем.

Парадигма «*русская община*» является фундаментальной ценностью русского народа, его образа жизни, оказавшей существенное влияние на формирование русской ментальности. Она может быть представлена следующим образом:

– через условия социальной практики: демократию, социальный контроль, открытость жизни личности миру, отсутствие индивидуальной свободы, влияние предшествующего поколения;

– через признаки хозяйственной (неритмичность, круговая порука, взаимопомощь, работа 'по случаю', страда) и общественной (сходки, хороводы, гулянки, посиделки, обрядовость) практики;

– нормами общинного духа: «День год кормит», «Бог даст день, Бог даст пищу», «На миру и смерть красна», «С миру по нитке – голому рубаха», «Вперед не забегай, а от своих не отставай», «Что миром положено, тому быть так»;

– признаками личности: милосердие, скромность, почтительность, совестливость, бескорыстие; неритмичность в труде, стремление работать по своему плану, отсутствие методичности, иррациональность, замедленность и способность задерживать реакцию; беспечность и взрывоопасность; некоторая 'вязкость' мышления и действия («русский мужик задним умом крепок»); трудная переключаемость с одного вида деятельности на другой – все это признаки акцентуированной личности.

Следовательно, выделенная парадигма «русская община» показывает, что социальная значимость русского человека состоит не в развитии его активного деятельностного потенциала, а в случайно выбранной деятельности и несвободе хозяйственной инициативы, жертвенности во имя общины, родины, героичестве на поле боя и недостатке гражданской смелости. Все это еще раз подтверждает наличие таких черт, как: поляризованность, противоречивость, соборность у русского народа: «...мы можем существовать только вместе с социумом, который постоянно устраиваем, охорашиваем, волнуемся и переживаем за него, который, в свою очередь, окружает нас теплом, вниманием, поддержкой. Он, этот социум, впитывает наши идеи, реагирует на наши призывы, отзывается на наше волнение и вдохновение. Он есть тот сложный и умный инструмент, с которым мы подходим к миру вообще, к большому миру – космосу, в который бросила нас жизнь, чтобы воздействовать на него в том направлении, в каком предписывают нам поддерживать его ценности. Наш социум, наша группа – это средостение, связующее звено между нами и этим миром» [Касьянова, 1994, 180].

Однако парадигма «русская община» включает в себя также и ложное понимание равенства и справедливости, равное распределение и одинаковость по материальному положению, беспечно фаталистическое отношение к жизни и работа 'на авось', отрицание богатства, чрезмерное уважение власти (и бюрократизма), отрицание индивидуального и рационального (отсюда, взяточничество, халатность и волокита). Общинные традиции и психология русских препятствовали усвоению в полной уравнивательной мере ценностей дела, богатства и мастерства.

Будучи несомненно продуктом теоретической деятельности, ключевое для образа жизни понятие «общинность» давно нашло повсеместное распространение, прочно заняло свое место в обыденном языковом сознании всех граждан России. По этой причине «общинность» фиксируется не только специальными, но и общеязыковыми (филологическими) словарями. Так, в Малом академическом словаре [Евгеньева, 1981–1984] в статье «община» читаем: «группа лиц, объединенных общей деятельностью, общими интересами», а под словом «общин-

ность» приведена следующая информация: «общность, принцип общественной жизни и деятельности людей»; нравственность, нравственный идеал и вера: товарищеская взаимопомощь, выполнение взятых на себя обязательств, умение держать слово «уговор дороже денег», православная вера.

Интернациональное по происхождению слово «коллективизм», синонимичное общинности, развило на русской почве собственную семантику, отражающую как национальные традиции русского народа, так и социально-экономические отношения, типичные для русского образа жизни. Это понятие стало национальным. Соответственно национальным является в целом и лингвокультурологическое поле, интегральной семой для которого выступает общинность. В этом свете лингвокультурологическое поле имеет повышенную ценность для ознакомления иностранных студентов с ценностями образа жизни русского народа. Представление такой ценности как общинность иностранному студенту, который, может быть, привык держаться индивидуалистической морали («каждый за себя»), — задача трудная, требующая возвращения к себе, концентрического повторения и обогащения содержательной и эмоциональной информации.

Лингвокультурологические поля в разных языках, особенно основанных на противоположных идеологических воззрениях, не совпадают между собой. Укажем и на другие важные для разыскания признаки лингвокультурологического поля. Например, сравним точку зрения В.В. Морковкина, который подчеркивал: «...словарь, в котором основной единицей является не слово, а определенное семантическое поле, окажет существенную помощь при сопоставительном изучении и описании лексики разных языков» [Морковкин, 73]. Для лингвокультурологического поля можно указать и ряд опознавательных признаков: обширность, целостность, упорядоченность, взаимопределяемость элементов (каждый элемент поля 'прилегает' к соседним), полнота, произвольность границ, непрерывность.

На этом заканчиваем разбор понятия *лингвокультурологического поля*. Оно подвергнуто анализу, конечно, не во всей полноте, но только в тех характеристиках, которые потребовались для решения наших лингводидактических задач. Перехо-

дим к рассмотрению взаимоотношения лингвокультурологического поля и концентрического подхода в обучении русскому языку как иностранному.

В концепции поля используются понятия центра (ядро) и периферии. Так, О. Духачек [1960], характеризуя поле «краcotы» во французском языке, указывает на то, что ядром понятийных полей является понятие, общее всем словам его создающим, что в центре расположены 'элементы', группирующиеся вокруг 'стержневого слова', т.е. (в наших терминах) наименования интегральной семы, затем имеются 'пласты' или 'круги', отстающие от названного центра. Аналогичную точку зрения высказывает Н.М. Минина, которая так определяет «контур поля»: «его ядро — заглавное слово — и ближе или дальше от него члены поля», причем «на периферию поля могут заходить в своих семантических вариантах также члены соседних полей. В то же время члены данного поля могут в своих вариантах входить в другие поля» [Минина, 1973, 36]. Далее продолжает: «...в каждом лексико-семантическом поле выделяемо ядро и расположенные вокруг него семантические и стилистические слои» [Там же].

Итак, с одной стороны, центр, ядро, стержень, основа и, с другой, — периферия, пласты, слои, варианты. Исследователи единодушно полагают, что с точки зрения внутренней структуры поле не однородно — хотя бы по признаку близости к центру той или иной языковой единицы или удаленности от него.

Внутренняя неоднородность лингвокультурологического поля проявляется и в его иерархическом строении, о чем кратко упоминалось выше. Чем меньше или больше промежуточных звеньев между членами поля, тем соответственно они ближе или дальше между собой. Если некоторая языковая единица находится в конце иерархии по отношению к центральной единице, то можно сказать, что она занимает периферийное место по абсолютному счету. Все другие единицы, расположенные между ядром и абсолютной периферией, могут быть названы относительно периферийными.

Положение о ядре и периферии поля разделяется большинством современных ученых. Собственно, вероятно, перед нами частный случай проявления общей закономерности:

П.Н. Денисов убедительно демонстрирует «общий принцип выделения центра и периферии в любой лингвистической категории, первичных и вторичных функций, различения общепринятого и индивидуального, житейских представлений и данных научного спектрального анализа и явлений природы» [Денисов, 1980, 127], стало быть, и в категории поля. Что касается, правда принципов разделения ядра и периферийных пластов, здесь нет единомыслия. Например, для В.В. Морковкина гранью является противопоставление обыденного и теоретического сознания. Анализируя лексико-семантическое поле «времени», он, в частности, отмечает, что «слова *секунда, минута, час, неделя, месяц, столетие* и т.п. не могут входить в ядро анализируемого поля, поскольку их денотаты являются не больше чем констатациями рассуждающего ума, заимствованными из таксономий науки. Непосредственно же воспринимаются денотаты слов *сутки, день* и *год*. Именно эти слова составляют ядро рассматриваемой группы. Остальные выводятся из них применением конвенционального логического аппарата и должны быть признаны периферийными» [Морковкин, 1977, 125-126].

В.П. Абрамов распределяет единицы поля по мере понижения уровня абстрактности выражаемых ими смыслов. Он изучает глаголы передачи, и соответствующее поле графически представляется ему в виде большого круга. В центре круга расположены глаголы, выражающие идею передачи на самом высоком ('общем') уровне абстракции. Более конкретные глаголы он изображает в виде секторов круга, обращенных к общему значению. На крайней периферии расположены даже глаголы из других полей [Абрамов, 1980].

Г.В. Горбаневская привносит в понятие членения поля «триадное мышление»: по ее мнению, семантическое поле «звучания» разделяется на центральную, основную и периферийные части [Горбаневская, 1985]. Как бы то ни было, сама мысль о неоднородности входящих в поле языковых единиц, о наличии в поле ядра, абсолютной и относительной периферии – принадлежит, пожалуй, к числу общепринятых понятий.

Примечательно, что исследователи прибегают иногда к образу концентров, когда им приходится говорить о членимости поля. Образ круга настойчиво возникает в сознании ученых

в качестве аналога поля. А когда в поле устанавливаются пласты и слои, то в качестве аналога используются круги различной величины, имеющие общий центр, т.е. концентры. Например, Р.В. Мадоян недвусмысленно указывает, что картина системных слов-понятий, входящих в поле, зрительно, графически «может быть изображена в виде наложенных друг на друга концентрических кругов со все увеличивающейся окружностью, в каждом из которых располагаются слова-понятия одного уровня (имеются в виду абстракции)» [Мадоян, 1983, 107]. Отмеченное наблюдение и отождествление лексических пластов с концентриками имеет для решаемых в работе задач основополагающее значение.

В самом деле, если лингвокультурологические поля по своей природе распадаются на ядро и периферийные пласты разной степени удаленности от ядра, то это означает, что прохождение темы в учебном процессе можно согласовать с указанной природой учебного материала. *На лексическом уровне стержневая культурологическая тема есть массив языковых единиц, интегрированных семой; если этот массив разделяется на концентры, то задача методиста заключается в том, чтобы установить объективное наполнение концентров, и в таком случае учебный процесс, представляющий собой движение от концентрика к концентру, окажется согласованным с лингвокультурологическим полем как языковой данностью.* Фактически сейчас (применительно к лексике) изложена теоретическая позиция, без которой данное лингводидактическое исследование было бы невозможно. Признав тождественными (речь идет исключительно о лексических единицах) стержневую культурологическую тему и лингвокультурологическое поле, мы хотели бы, на лингвистическом уровне анализа, выявить пласты-концентры, из которых состоит культурологическая тема, и, на дидактическом уровне анализа, произвести коррекцию состава пластов, а также дать рекомендации по их эффективному усвоению. В свете сказанного в следующем разделе пособия предпринимается попытка практически выявить лексико-фразеологические (включая языковую афористику) концентры темы «образ жизни русского народа».

6.6. Лингвокультурологически ценные тексты в учебном процессе

Рассмотрев первую лингвокультурологическую проблематику (концентрическое начало в массиве лексики, покрывающей стержневую тему), переходим ко второй – к приложимости принципа концентризма к культурологическим текстам.

Усвоение лексического материала стержневой культурологической темы – овладение соответствующим материалом лингвокультурологического поля. Однако прохождение темы, хотя и немислимо без усвоения поля языковых единиц, все же не сводится только к лексике, фразеологии и афористике. Лексические единицы – это носители внеязыковой, экстралингвистической, в том числе, культурологической, информации, и только в таком своем качестве они представляют интерес и ценность. Культурологическая информация 'прикрепляется' к лексическим единицам и таким образом хранится в памяти [Верещагин, Костомаров, 1980], но она воспринимается не через сами языковые единицы, а другими путями.

Если не говорить сейчас о зрительно-наглядных каналах получения информации и отвлекаться от приобщения к культуре России с помощью родного языка адресата, то насыщение лингвокультурологического поля содержанием происходит благодаря информирующим текстам на русском языке, включаемым в учебный процесс, т.е. благодаря русскоязычным учебным текстам.

Понятие поля, которым можно воспользоваться в анализе лексических единиц, едва ли применимо к совокупности учебных текстов, способных дать необходимую информацию по всей стержневой теме. Тексты могут быть различной жанровой и стилистической принадлежности, могут принадлежать разным уровням общественного сознания, различаться в зависимости от ориентировки на те или иные особенности адресата, классифицироваться по своей функции в учебном процессе, могут быть прочитаны и, следовательно, усвоены различными способами и с разной степенью глубины и прочности. Ясно, что множественность типологий не дает видеть в массиве текстов

ту качественную однородность, которая объединяет в поля лексические единицы. Следовательно, рассматривая возможность распределения учебных текстов по стержневой культурологической теме, необходимо искать какие-то иные, новые подходы и решения.

Пока еще не усвоено лексическое ядро лингвокультурологического поля, т.е. на начальном этапе обучения, содержание учебных текстов жестко зависит от лексико-фразеологических возможностей иностранного студента. Первый концентр текстов в учебном процессе 'задан' тематической лексикой, ядром лингвокультурологического поля. Если подвергнуть анализу содержание текстов учебников для начального этапа обучения, то отчетливо обнаруживается тесная согласованность смыслов текстов с осваиваемым (сравнительно небольшим) массивом тематических слов. Авторы учебников стремятся обойтись не-терминологическими средствами выражения. Это приводит к сознательному выбору несложного, преимущественно бытового содержания.

Чтобы расширить число учтенных нами учебников, обратимся за подтверждающим материалом к комплексу «Горизонт», предназначенному для иностранных студентов.

Так, в одном из диалогов (11-й урок, «Горизонт-1» [1978, с. 125]) герои поочередно говорят о своих профессиях: «...я хочу работать в театре; мне нравится профессия сталевара; я всегда хотела быть учительницей; мне нравится строить дома, заводы, мосты...; я сейчас учусь в институте, хочу быть врачом». Здесь имплицитно, реализуясь через тему «выбор профессии», присутствует характерная черта российской системы образования (как части образа жизни) – всеобщее право на труд как гарантированное право свободного выбора профессии. Эксплицитно эта мысль не выражена, о ней надо догадаться, т.е. вывести из частных суждений обобщающее заключение. Существенный признак русского образа жизни – гарантированное право выбора профессии – из-за дефицита средств выражения пока нельзя выразить в обществоведческих терминах (хотя интеллектуально адресат «Горизонта» – иностранная молодежь – воспринял бы ее без затруднений).

Приведем еще пример. В упражнении (13-й урок, с. 147) слева помещено объявление, а справа текст задания:

«В школе № 12 есть клуб “Хочу все знать”, где писатели, рабочие, космонавты, композиторы, архитекторы, инженеры рассказывают о работе, о космосе, о музыке. Скажите, кто завтра придет в клуб школы № 12?».

Судя по объявлению, гостями клуба будут: инженер, строитель, писатель, космонавт и композитор. Опять-таки об основополагающем принципе русского образа жизни «связь обучения и воспитания подрастающих поколений с жизнью, трудом...» [Денисова, 1984, 29] в явном виде ничего не сказано, хотя сам текст непосредственно относится к стержневой культурологической теме.

Таким образом, на самом начальном этапе обучения общедидактический принцип концентризма в проработке стержневой культурологической темы выражается в содержании учебных текстов в том, что их — нередко бытовое — содержание продиктовано лексико-фразеологическими возможностями иностранных студентов, теми единицами, которые входят в лексическую основу русского языка. Иными словами, концентрическое движение от конкретного к абстрактному, от частного к общему не есть результат свободного выбора автора учебника, пособия, а объективная необходимость.

На содержании культурологических текстов начального этапа обучения сказывается, наряду с лексико-фразеологическими ограничениями, еще недостаточное овладение синтаксисом и стилистикой русского языка. Пока не освоены, например, синтаксические конструкции, выражающие причинность, невозможны тексты, построенные как рассуждения. Пока иностранные студенты не познакомились с особенностями официально-делового и публицистического стилей, для них сложны тексты справочного содержания, приходится воздерживаться пока от их включения в учебный процесс.

Следовательно, когда мы говорим о содержательном плане учебных текстов, обеспечивающих стержневую тему, то движение от первого концентрира к последующим представляет собой, вследствие лексико-фразеологических и синтаксико-

стилистических ограничений, переход от простого к сложному, от бытового к ценностному. Как видим, хотя ограничения 'продиктованы' и являются вынужденными, они не противоречат принципам общей дидактики, а согласуются с ними.

Переходим к основному этапу обучения, на котором языковые ограничения перестают играть определяющую роль, сейчас уже содержание начинает определять, какие языковые средства следует ввести и в каком порядке. Иностранцы студенты, начиная с первого курса основных факультетов, включаются в учебный процесс вместе с российскими студентами, приступают к изучению обществоведческих дисциплин, а содержание последних и последовательность изложения материала устанавливается исходя из логики соответствующей науки (например, в исторических курсах изложение ведется по хронологической канве). Внутренняя специфика обществоведческого курса заставляет искать и вводить в учебный процесс согласованные с ней средства выражения (например, тематический массив: народники, разночинцы, пореформенная Россия, забастовочное движение и т.д., — который вводится уже на первых лекциях по истории России).

Преподаватели-русисты также получают возможность идти от 'содержания' текста, тем более, что в отличие от ядра периферийные слои лингвокультурологического поля не всегда связаны отношениями иерархичности, а зачастую являются равноположенными. Так, пласты информации «социальное обеспечение», «народное образование», составляющие стержневую тему «образ жизни», находятся на одинаковом удалении от ядра лингвокультурологического поля и в известном смысле являются независимыми друг от друга; поэтому от преподавателя-русиста зависит, какой пласт информации будет введен в учебный процесс раньше, а какой позже (обычно предпочтение отдается образованию). Кроме того, по нашему мнению, учебные тексты, на которых строится преподавание языка, должны быть по возможности согласованы содержательно с программой соответствующего обществоведческого курса.

В свете изложенного важен (особенно для учебного процесса основных факультетов) учет материала обществоведче-

ских дисциплин и соображений методической целесообразности. В отличие от начального этапа обучения концентризм текстового обеспечения стержневой культурологической темы на продвинутом и завершающем этапах может и должен реализовываться исходя из содержания, а не из языковой формы.

Таким образом, изложенные выше соображения относительно учебных текстов составляют базу теоретической концепции, на которой основывается следующий лингводидактический раздел, посвященный текстам. Рассмотрев отдельные лингвистические и обществоведческие вопросы, далее, уже на лингводидактическом уровне анализа, конкретно выявляем пласты-концентры текстов, которые способны эффективно обеспечить презентацию и усвоение стержневой культурологической темы (продолжаем рассмотрение темы «образ жизни русского народа», но выводы, по нашему мнению, имеют общую применимость).

Суммируем изложение.

Нами с разных точек зрения представлен концентрический подход к стержневой культурологической теме. Определена теоретическая платформа возможности внесения концентрического распределения в учебный материал — как в массив языковых единиц, так и в учебные тексты. При выявлении теоретических предпосылок исходим как из объективной природы лингвокультурологического поля, так и из сложившейся в российских вузах практики преподавания русского языка как иностранного и общественных дисциплин.

Далее нам необходимо сосредоточиться на лингводидактической проблематике. Сосредоточимся на обсуждении лексического, а затем фразеологического обеспечения стержневой культурологической темы. Точнее говоря, лексические единицы (и афоризмы, и фразеологизмы) тесно переплетены между собой (и это было показано выше), так что их рассмотрение в разных разделах имеет условный характер и продиктовано исключительно соображениями удобства группировки материала и его представления.

6.7. Лингвокультурологические принципы отбора и организации учебного материала

В предыдущем разделе было показано, что рабочим инструментом, с помощью которого можно решить задачу лексического обеспечения стержневой культурологической темы, является поле. Само лингвокультурологическое поле – на примере поля «общинный образ жизни» рассмотрено в своих теоретических (лингвистических аспектах). Задача настоящего раздела – перевести лингвистические характеристики лингвокультурологического поля в лингводидактическую плоскость. Приступаем к попытке практически показать, каким образом, во-первых, можно отобразить лексику, фразеологию и афористику в лингвокультурологическое поле и на основе какой процедуры, во-вторых, отобранный материал распределяется для того или иного этапа обучения русскому языку как иностранному. Изложение продолжается на материале важнейшей черты образа жизни русского народа – общинности.

6.8. О проблеме дальнейшего выявления интегральных сем лингвокультурологического поля

Рассматривая поле «общинный образ жизни», мы уже указали на интегральную сему, выявленную на основе общественных положений – «отношения сотрудничества, солидарности, взаимопомощи между людьми, основанные на единстве их коренных интересов вследствие обобществления средств производства» [Философский энциклопедический словарь, 1983, 265]. Эта сема, действительно, способна быть надежным критерием при разделении лексики на слова, входящие в поле, и на слова, которые к данному полю не относятся. Так, ясно, что лексема *товарищество* принадлежит полю «общинный образ жизни», потому что она характеризует качество тех отношений, которые возникают между людьми, объединенными общими интересами. На аналогичных основаниях в поле должны войти: *взаимовыручка, взаимопомощь, сознательность, добросовестность, сплоченность, сотрудничество, ответст-*

венность и т.д. Интегральная сема заставляет включить в поле, наряду с номинативными лексемами, фразеологизмы и афоризмы, и среди них на первом месте девиз «Один за всех, все за одного». Интегративная сема диктует также включение целого ряда номинативных словосочетаний: *совместный труд, трудовая ответственность, личное достоинство* не только состоящих из двух лексических единиц, но и более: *ответственность за порученное дело*, вплоть до точного названия явлений и документов типа: Закон «О трудовых коллективах...». Таким образом, в довольно большом количестве несомненных случаев описанная выше интегральная сема действительно способна быть непротиворечивым критерием при отделении тематических языковых единиц от инотемных.

Однако одновременно обнаруживается немалое количество сомнительных случаев, когда интегральная сема не позволяет прийти к однозначному решению. Например, ясно, что отношения общинности господствуют во всех объединениях русских людей для совместной (трудовой, общественной и т.д.) деятельности, но означает ли это, что в поле «общинный образ жизни» входят: *ассоциация, бригада, смена, участок, отдел, сектор, лаборатория, мастерская, трест, шахта, порт, стройка, завод, фабрика, комбинат, министерство, университет, кафедра, факультет, училище, класс, (учебная) группа, административный совет, конференция, съезд* и т.д. Может быть, достаточно иметь в виду, что если слово называет определенное объединение русских людей, то в таком объединении всегда возникают отношения общинности? Еще пример: лексема *товарищество*, как было показано выше, относится к полю; однако, если ее включить в устойчивые (воспроизводимые) словосочетания — *отношения товарищества, прочные отношения товарищества, придерживаться отношений товарищества* и т.д., — надо ли и словосочетания с опорным тематическим словом считать тематическими? Не исключено, что общеязыковая сочетаемость тематического слова, — а здесь лексема *товарищество* не обнаруживает никакой специфики, — должна остаться за рамками поля. Недоумений и сомнений возникает значительно больше, и это означает, что выявленная на обществоведческих основаниях

интегральная сема нуждается в языковой конкретизации, т.е. в интерпретации на различных уровнях обыденного, массового сознания.

Чтобы выполнить подобную конкретизацию и получить точно очерченные критерии отбора, вернемся на время к понятию *общинности*, на сей раз подчеркивая его значение для повседневной-бытовой жизни, отражаемой языком.

Прежде всего, *общинность* – коренная, фундаментальная черта образа жизни русского народа в разные исторические периоды, решительно противопоставляющая его индивидуализму. Отмена частной собственности на средства производства привела, как это было в советский период, к общественной собственности. Отсюда была и специфика произведенного продукта, который был всеобщим. Этим и определялось качество отношений при социализме. Следовательно, все средства выражения в языке, которые отражали: 1) общественные отношения собственности; 2) характер производства и 3) производственные отношения – должны войти в лингвокультурологическое поле *общинности*. Перед нами интегральная сема, которую можно обозначить как сему «труда и трудовых отношений»; она выступает как конкретизация общей интегральной семы. (Труд понимается, естественно, в расширительном смысле, включая в себя подготовку молодежи, учебу, воинскую службу и т.д.)

Кроме того, общинность, будучи по истокам чертой производственных отношений, распространяется на все надстроечные категории, т.е. выходит за рамки отдельных трудовых коллективов и становится достоянием всего общества. Общинность – основная черта русского народа, принципиально отличающая от других. И сегодня в постперестроечное время немало тех людей в российском обществе, кто добросовестно и сознательно ставит на первое место интересы общества, государства. Коллективистская мораль продолжает утверждать себя в борьбе с индивидуализмом, и это борьба, особенно в нынешнее время, сложна и противоречива, потому что одно общественное явление переходит в другое, в свою противоположность. Наконец, необходимо отметить, что коллективистская нравственность отлична от других исторических форм (кровно-родственного, групповщины антисоциальных отношений и т.д.)

своей реальной гуманистической направленностью — на прогрессивные общественные идеалы; вот почему подлинную нравственность необходимо отличать от ложной. Таким образом, суммируя выше отмеченное, можно выделить вторую интегральную сему — сему «нравственности и общественных отношений».

Наряду с двумя указанными семами, выделяется и третья — сема «традиционных отношений трудящихся». Общинность как черта общественных отношений и как нравственный признак сформировалась в обществе после победы Октябрьской революции 1917 года, однако своими корнями и традициями она уходит в прежние общественно-экономические формации. Еще раньше создавались объективные возможности для возникновения и укрепления в рабочей среде коллективистских отношений, ибо у пролетариата не было иного материального оружия в борьбе против эксплуатации, кроме собственной организации. Ведь в каждом обществе есть хотя бы и неразвитые элементы демократической культуры. Поскольку, таким образом, общественные трудовые отношения и нравственность современного российского общества издавна вызревали в трудовом народе, тематические историзмы, даже если они и вышли из активного употребления в языке — но при условии их сохранения в словарном составе, — не должны исключаться из лингвокультурологического поля. Тем самым, лингвокультурологическое поле «общинный образ жизни» приобретает, по нашему мнению, историческое измерение.

Таким образом, путем конкретизации мы выявили три частных интегральных семы: 1) труда и трудовых отношений; 2) нравственности и общественных отношений и 3) традиционной общинности. Все они на самом деле являются частными, потому что общая их интегральная сема — «отношения сотрудничества, солидарности, взаимопомощи между людьми, основанные на единстве их коренных интересов вследствие обобществления средств производства» — полностью сохраняет свое значение. Практически в любом случае, оценивая то или другое слово с точки зрения его потенциального включения в поле, необходимо задаваться вопросом: появляется ли в перифрастическом описании лексического понятия (например, по процедуре

Ю.Н. Караулова) метаязыковое слово 'совместный' или его смысловые эквиваленты (скажем, синонимическая приставка *со-* в ряду: *сотрудник, содружество, соратник, соучастие* и т.д.).

Кроме того, необходимо учесть, что поскольку само понятие *общинности* полемично и сложилось в противопоставлении с понятием *индивидуализма*, в лингвокультурологическое поле, по всеобщему признаку антонимии, должны входить и категории-антиподы: не только *солидарность, товарищество, взаимопомощь*, но и *круговая порука, коррупция, ведомственность, местничество, монополизм*, т.е. те обозначения негативных явлений, которым общество должно противостоять. Фактически как генеральная интегральная сема, так и ее конкретизации имеют противоположные смысловые категории, которые как раз в силу своей противоположности делают возможным усвоение позитивного содержания. Можно даже утверждать, что многие понятия общинности полностью усваиваются лишь через противопоставление полярным категориям индивидуализма.

Обратимся теперь к категориям, на основе которых ограничивается возрастание лингвокультурологического поля. Поскольку общинность – это действительно важнейший признак образа жизни русского народа, он пронизывает все сферы жизни, и если бы мы не сделали разумных ограничений, то в поле могли бы попасть бесчисленные языковые единицы. Оно стало бы необозримым. Напомним, однако, что в силу иерархического строения поля исследователь может сам выбирать уровень абстракции, ниже которого он не будет опускаться. Далее мы хотели бы обосновать налагаемые ограничения.

Во-первых, если мы встречаемся с наименованиями одного и того же порядка (например, названия производственных объединений – *завод, фабрика, артель, мастерская*; названия профессий – *артисты, врачи, педагоги, рабочие*), то или достаточно включить в поле родовое обозначение (например, *трудовой коллектив, учебный коллектив*), или же, если видовое обозначение в обыденном языке имеет искусственный и отчетливо терминологический характер, включить в поле «типичного представителя» ряда (например, *бригаду* как первичную производственную ячейку, оставив другие обозначения (*вахта, сме-*

на, цех и т.д.) в качестве членов более конкретных, чем поле «общинный образ жизни», тематических полей.

Во-вторых, компактно выделяемые сферы общественной жизни (здравоохранение, народное образование, социальное обеспечение, средства массовой информации, будни, праздники и т.д.), не лишённые, естественно, признаков общинности, признаются закреплёнными за самостоятельными лингвокультурологическими полями, поэтому в анализируемое поле из них включаются только принципиальные, основополагающие черты (например, обязательность среднего и доступность высшего образования).

Наконец, в-третьих, мы исключили из поля воспроизводимые тематические словосочетания, в том числе и устойчивые. Например, *общественное мнение* входит в поле, а *постоянный учет общественного мнения* — не входит, — во втором случае построение словосочетания является регулярным, а само распространённое сочетание слов не приводит к приросту культурологической информации относительно общинности.

Теперь, если предпринять попытку обобщения указанных трех ограничений, то на практике речь идет об отделении языковых единиц, прямо и непосредственно реализующих интегральные семы, от языковых единиц, в которых эти семы реализуются косвенно, как бы на втором плане семантики. Так, в понятии *трудовой коллектив* подчеркиваются все те аспекты самоуправления, взаимопомощи, трудового участия и т.д., которые нашли даже законодательное закрепление, в то время как лексема *завод*, отличаемая от лексем *фабрика*, *комбинат*, *шахта* и т.д., выводит в смысловое ядро дифференциальные признаки. Вся информация, относящаяся к *трудовому коллективу* вообще, переносится в одинаковой степени на *завод*, *фабрику*, *комбинат*, поэтому эти лексемы на уровне интегральных сем общинности становятся как бы неразличимыми. Точно так же устойчивые словосочетания, (например, *оказывать помощь*, *товарищеская взаимопомощь*) на первый план семантики выводят, как в данном случае, процессуальность, момент протекания действия, в то время как для составляющих (т.е. для ключевых слов *товарищество*, *взаимопомощь*) прежде всего, характерны как раз интегральные семы.

Таковы соображения, уточняющие процедуру создания лингвокультурологического поля. Они необходимы, поскольку иначе полученный итоговый список легко подвергнуть сомнению. Если в дальнейшем нам потребуется указать мотив включения языковой единицы в поле, то в скобках после лексемы или фразеологизма приводим номер частной интегральной семы. В бесспорных случаях ссылки не приводятся.

6.9. Лингвокультурологическая процедура выявления лексики для начального этапа обучения

Первый концентр обучения – это овладение *основами, базой*. Если сопоставить между собой Программу по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на подготовительных факультетах [1985] и задачи курса «Культура России», который иностранные студенты проходят на подготовительных факультетах, то легко заметить указанную ориентацию на основы знаний, умений и навыков. По аналогии усвоение стержневой культурологической темы в пределах первого концентра есть не что иное, как знакомство с ее основами. Переведем проблему в языковую плоскость: овладение основами темы представляет собой, во-первых, усвоение ядра лингвокультурологического поля общеупотребительной лексики и, во-вторых, знакомство с наиболее важными обществоведческими терминами. Соответственно в настоящем разделе сначала рассматриваются единицы общеупотребительного языка, а затем – единицы из терминологического запаса обществоведения.

Итак, задача начального этапа обучения – это презентация и закрепление основ, т.е. ядра лингвокультурологического поля: продолжая анализировать наш показательный пример, имеем в виду ядро поля общинности. Как выделить ядро?

Априорно рассуждая, в поисках ядра мы могли бы придерживаться двух противоположных исследовательских процедур. С одной стороны, возможно движение от всего поля к ядру: предположим, что в нашем распоряжении имеется лингвокультурологическое поле общинности; отсекая периферийные единицы, мы в остатке получим как раз ядро. Затруднительность такого подхода состоит в том, что высказанное предпо-

ложение ложно, — нам неизвестно достоверное описание интересующего нас поля. С другой стороны, возможно движение от основной лексики к ядру поля. Предположим, мы располагаем надежной лексической основой русского языка; если входящие в нее слова оценить по критерию интегральной семы, то в итоге окажется ядро лингвокультурологического поля. Второй подход, в отличие от первого, вполне реален, — достоверная лексическая основа русского языка выделена. Мы имеем в виду, конечно, комплексный учебный словарь, изданный под редакцией В.В. Морковкина [Лексическая основа русского языка, 1984].

Мысль о существовании лексической основы русского языка основывается на допущении, что если некоторым обособленным способом — например, благодаря критерию употребительности лексем и других строевых лексических единиц в тексте — сократить общий лексический запас до определенного минимума, то в результате получается «уменьшенный аналог языка (его модель), сохраняющий в заданных пределах способность выполнять определенные функции, свойственные языку в целом или какой-либо его разновидности» [Лексические минимумы..., 1985, 598]. Так, основной список упомянутого комплексного словаря насчитывает всего около 2500 единиц (он получен суммированием данных восьми частотных словарей русского языка), а с всевозможными распространителями в словарь вошло около 10 000 слов. У нас есть все основания, чтобы с доверием отнестись к утверждению составителей, что перед нами «гармоническое сжатие всего лексического состава литературного языка».

Собственно, если обратиться к списку «2500 самых употребительных русских слов» [Лексическая основа русского языка, 1984, 122], то оказывается, что в него вошло сравнительно немного слов, прямо выражающих интегральные семы общности; ср.:

СПИСОК 1:

Братский

Бригада

Бюро

Взаимный

Всеобщий

Депутат
Дисциплина
Долг
Дружба
Завод
Индивидуальный
Класс
Коллектив
Коллективный
Нагрузка
Народ
Народный
Общежитие
Общественный
Объединение
Отношение
Партия
Поддерживать
Производительность
Пролетариат
Профсоюз
Рабочий
Собрание
Совет, совещаться
Совместный
Соревнование
Товарищ, товарищеский
Уважение

Собственно, некоторые слова из данного списка можно было бы перенести в другие частные поля темы «образ жизни русского народа» (например, бюро, депутат, партия – в «демократизм»), и тогда список еще больше сократился бы. Приведенные 36 лексических единиц – слишком малое количество, чтобы можно было говорить о достаточном покрытии поля общинности. В этом нас убеждает, во-первых, список слов и словосочетаний с национально-культурным компонентом семантики, помещенный в Программе для подготовительных факульте-

тов [1985, 68-75], во-вторых, то, что в списке даже нет самого слова 'общинность'.

В свете сказанного отмечаем, что сами авторы концепции лексической основы русского языка почувствовали недостаточность материала, получаемого на строго статистической основе. С помощью процедур, называемых лексико-семантическим выравниванием, а также с учетом потребностей адекватной культурологической семантизации лексики, составители комплексного учебного словаря создали (конечно, с опорой на статистический список) подраздел «Лексико-методические группы...», и этот подраздел намного повышает познавательный потенциал лексической основы как таковой и, в частности, применительно к лингвокультурологическому полю «общинный образ жизни». Некоторые лексемы, — например, *весна*, которая, казалось бы, не имеет к общинности никакого отношения, — 'прояснившись' в культурологическом свете (*весна* — День международной солидарности трудящихся 1 Мая), теперь по праву включается в лингвокультурологическое поле. Кроме того, для наших целей очень ценна информация (и ее лексическое выражение), помещаемая в правой части словарных статей.

Ниже приводится результат нашего отбора посредством применения интегральных сем к единицам подраздела.

СПИСОК 2:

- Бригада — бригадный метод, бригадный подряд; бригадир
- Весна — Международный женский день 8 марта; День международной солидарности трудящихся 1 Мая
- Власть — народная
- Личный — форма собственности, частный, общественный
- Нагрузка — общественная работа, общественное поручение
- Народ — русский
- Народный — форма собственности, общенародный, частный
- Образование — право на образование
- Общежитие — студенческое общежитие
- Общество — общественная организация
- Партия — партийность
- Помощь — шефство, наставничество
- Практика — трудовые навыки
- Предприятие — завод, фабрика

Профсоюз — охрана труда, трудовое законодательство, общественное самоуправление

Работа — право на труд

Рабочий — класс

Система — общественная собственность

Собрание — производственное, общее

Совет — советский

Союз — Советский союз, творческие союзы

Съезд — партия

Труд — право на труд

Качественный анализ Списка 2 показывает, что ядро лингвокультурологического поля на самом деле неплохо покрывает три частных интегральных семы.

Так, что касается первой семы «труд и трудовые отношения», то языковые единицы позволяют иностранному студенту познакомиться с самыми актуальными процессами социально-экономического ускорения, происходящими в российском обществе (ср.: бригадный метод, агропромышленный комплекс, объединение и др.); с формами собственности (общенародная, государственная, частная); с конкретными видами деятельности трудовых коллективов (охрана труда, производственное собрание); с воспитанием молодежи к труду и в самом процессе труда (шефство, наставничество, трудовые навыки и др.); с моральными стимулами к труду и с некоторыми другими темами.

Вторая частная интегральная сема «нравственность и общественные отношения» также обнаруживает достаточную оснащенность языковыми единицами. Они дают возможность рассказать иностранному студенту, владеющему русским языком на уровне начального этапа обучения, о моральных ценностях русского народа (коллективизм, взаимопомощь, созидательность, сотрудничество, патриотизм и др.); о солидарности трудящихся (Международный женский день 8 марта, День международной солидарности трудящихся 1 Мая); о конкретных видах общественно-государственного устройства (отчет депутатов, наказ избирателей, выборы и др.); об общественных организациях (партийность, профсоюз, творческие союзы и др.) и о многом другом.

Наконец, лингвокультурологическое поле содержит и языковые единицы, соответствующие третьей интегральной теме «традиционная общинность», хотя их количество меньше, чем в двух предшествующих случаях. Всего «Лексическая основа...» содержит лишь три языковые единицы, выражающие общинные отношения русского народа, сложившиеся в предшествующих недрах общества, — *товарищ*, *Советы*, *рабочий класс*. При этом важно отметить, что приведенные слова и словосочетания, численно не составившие и десятка, обладают огромнейшим культурологическим потенциалом. Например, что касается такого важного слова *товарищ*, то оно настолько хорошо передает исконный общинно-трудолюбивый дух русского крестьянства и рабочего класса, настолько полно выражает нравственность русских людей, что лучше не придумаешь: «Наше слово гордое *товарищ* нам дороже всех высоких слов».

Итак, мы рассмотрели лексическое обеспечение стержневой культурологической темы «общинность» на уровне лексической основы. В согласии с замыслом настоящего раздела переходим теперь к анализу обществоведческих терминов по теме, с которыми студент-иностранец, получающий высшее образование в российских вузах, знакомится на подготовительном факультете. Строго говоря, часть, и немалая, обществоведческой терминологии приобрела общезыковую статус и по этой причине присутствует в «Лексической основе...» (общественный строй, форма собственности, отношение к труду и т.д.), так что невозможно провести четкую границу между общезыковой (терминологической по происхождению) и собственно терминологической лексикой. Сплошным просмотром действующих программ и учебников мы выявили по теме «общинность» следующие слова и словосочетания терминологического характера:

СПИСОК 3:

- Атмосфера товарищества
- Воспитание в духе уважения
- Гласность
- Гуманные отношения
- Единство общественных и личных интересов
- Индивидуализм
- Критика и самокритика

- Моральные стимулы к труду
- Общественные фонды потребления
- Общественные интересы
- Отношения сотрудничества и взаимопомощи
- Социальная справедливость
- Труд на благо общества

Полученный список отражает уровень решений, характерный для автора пособия. Во-первых, еще раз напомним, насколько трудно отграничить общепотребительную лексику и словосочетания от терминологической. Далее, некоторые номинативные обозначения, принятые в обществоведении, имеют варианты (например, сочетание и единство [общественных и личных интересов]), поэтому мы иногда предпочитали один из вариантов; это, во-вторых. Наконец, в-третьих, сознательно не учитывались глагольно-предикативные сочетания терминологической природы (типа: воспитывать честное отношение к труду), поэтому они или были отнесены к чисто языковой сфере и игнорировались, или переводились в субстантивно-именные словосочетания (воспитание честного отношения к труду). Указанные оговорки необходимо принимать во внимание при оценке терминологического списка; кроме того, поскольку он согласован со Списками 1-м и 2-м, в нем нет, за редким исключением, повторения языковых единиц.

В заключение раздела необходимо пополнить все три списка теми (так или иначе затрагивающими общинность) терминами-понятиями, которые были развиты в обществоведческой литературе и в послании Президента РФ.

СПИСОК 4:

- Активная социальная политика
 - Единая система непрерывного образования
 - Стратегия ускорения
 - Упорядочение индивидуально-трудовой деятельности
 - Роль трудового коллектива
 - Малые предприятия
 - Поддержка малого бизнеса
- Предлагаемое пополнение языкового и терминологического арсенала действующих программ и учебников с учетом перспективы является необходимым, потому что в новых изда-

ниях, несомненно, найдет свое отражение то развитие обществоведческой мысли, которое имело место в современных документах.

В настоящем разделе мы изучили лексическое обеспечение стержневой культурологической темы (на примере общинности), во-первых, на основании накопленного педагогического опыта, и, во-вторых, суммарно, т.е. как бы по итогам концентра, не учитывая распределения материала внутри учебного концентра. Оба признака проделанного анализа необходимо кратко прокомментировать.

Развивая точку зрения, высказанную в предыдущем разделе, мы считаем, что в пределах первого концентра составители учебных пособий и преподаватели-практики должны идти от «коммуникативных задач», т.е. не от желательного культурологического содержания, а от возможностей выражения. Поэтому нам следует принять (в силу ее всесторонней обоснованности) концепцию лексической основы, а собственный вклад в общезыковое обеспечение стержневой темы ограничить выявлением ядра лингвокультурологического поля. Это и было осуществлено. Что касается обществоведческой терминологии, то в этой области мы не знаем терминологического минимума, который был бы столь же строго теоретически выделен, как лексическая основа. В принципе составление такого минимума для первого концентра представляется возможным, но все же делом будущего; сейчас же приходится исходить из сложившейся практики. Таким образом, в отличие от нашего подхода к языку второго и третьего концентров, языковой материал для первого концентра представляет собой результат внесения процедуры формирования лингвокультурологического поля в тематически недифференцированный массив как общезыковых единиц, так и обществоведческих терминов.

Относительно градуирования лингвокультурологического поля внутри первого концентра следует сказать, что разделение материала на «дозы» в общем и целом представляется достижимым, — в кн. «Лексические минимумы...» [1985] приведены градуальные лексические минимумы, начиная с 500 единиц вплоть до 3500 лексем. Тем не менее нельзя думать, что перед нами семь самостоятельных концентров, включающих в себя

один другой. По нашему мнению, о подлинном концентре можно говорить лишь при наличии известного предела, поскольку, по определению, концентр — это не произвольно собранный учебный материал, а самодостаточный класс материала. Тематическая завершенность, по нашим наблюдениям, начинается как раз с 2500 единиц, т.е. ниже этого предела, который, как известно, признается минимальным и в качестве лексической основы русского языка, нет возможности разработать культурологическую тему на элементарном уровне. С другой стороны, и 3000, и 3500 единиц, по сравнению с 2500 также не дают нового концентра, поскольку количественный рост пока не приводит к новому качеству, не создает нового самодостаточного класса. Следовательно, суммарный, внутренне нерасчлененный, сплошной массив для первого концентра представляет собой не по произволу избранную черту анализа, а объективный признак проанализированного явления.

Отбор языковых единиц завершается массивом фразеологизмов и языковых афоризмов, выбранных по преимуществу из учебных словарей [Яранцев, 1981; Фелицина, Прохоров, 1979] и из обществоведческих источников, которые используются на начальном этапе обучения.

СПИСОК 5:

- Бок о бок
- Брать на себя
- В один голос
- Всем миром
- Идти нога в ногу
- Находить общий язык
- Не имей сто рублей, а имей сто друзей
- Общий язык
- Человек человеку друг, товарищ и брат
- Один за всех, все за одного
- Плечом к плечу
- Рука об руку
- Сам пропадай, а товарища выручай
- С миру по нитке, голому рубаха
- Чувство локтя
- Человек — это звучит гордо

В список вошли лишь те фразеологизмы и языковые афоризмы, которые составом лексем соответствуют лексической основе языка.

Совмещением пяти списков, по нашему предположению, достигается лексическое обеспечение стержневой культурологической темы в пределах первого учебного концентра. Как практически выявляется ядро лингвокультурологического поля (общелексического, терминологического, фразеологического и афористического наполнения), мы показали; шаги, на которые разделилась методологическая работа, можно описать в общем виде. Это будет сделано в заключении.

6.10. Лингвокультурологическая процедура выявления лексики для основного и завершающего этапов обучения

Если первый этап обучения и, естественно, первый концентр — это овладение основами, фундаментом учебного материала, то второй концентр, используя тот же образ, следует уподобить всей конструкции здания, а третий — завершению 'крыши'. За первым, пропедевтическим, т.е. подготовительным, этапом, значение которого является промежуточным (создать базу для последующей учебной деятельности), начинается этап обучения, на котором формируются знания, умения и навыки, соответствующие конечным целям учебного процесса и не подлежащие дальнейшей коррекции. О специфике третьего, завершающего, этапа скажем ниже; сейчас обращаемся к анализу стержневой культурологической теме в пределах основного этапа (второго концентра).

Ранее, рассматривая понятие лингвокультурологического концентра, мы в качестве третьего смыслового признака назвали преемственность между самостоятельными классами. Эта преемственность складывается из двух видов приращения культурологической информации: во-первых, иностранный студент овладевает все большим объемом сведений (рост 'вширь') и, во-вторых, учащийся усваивает более сложные сведения применительно к материалам предшествующего этапа (рост 'вглубь').

На самом деле, на основном этапе обучения, — когда иностранный студент, закончив подготовительный факультет, приступает к овладению специальностью, — лексико-фразеологические ограничения, соблюдавшиеся строго, снимаются, и как преподаватели-русисты, так и преподаватели-обществоведы вводят и активизируют все новые и новые языковые единицы, исходя из потребностей содержания. И в практике учебной работы мы наблюдаем эксплицитный отказ от ограничений: если для первого концентрa в литературе вопроса указывается верхняя граница лексического минимума, то для второго она уже не указывается, и это правильно, так как надо учесть, что владение лексической основой обеспечивает достаточно эффективную коммуникацию в повседневных областях жизни, включая учебу. По этой причине лексический список, обеспечивающий стержневую тему, следует просто заимствовать из словаря среднего объема (т.е. 10-12 тысяч слов). По нашему мнению, указанный рост 'вширь', обеспечивая преемственность с первым концентром, все же не выявляет специфики второго концентрa, — если бы речь только о нарастании языковых единиц, то мы не могли бы указать качественного различия между двумя, хотя и связанными отношениями преемственности, но все же разными, лингвокультурологическими концентрами.

По указанной причине предпримем попытку следовать путем роста 'вглубь', и она состоит в следующей теоретической посылке. Начальный этап — это овладение отдельными, изолированными друг от друга словами, фразеологизмами, афоризмами, причем иногда за одним словом кроется целая отдельная тема. Между тем, лексика и фразеология представляют собой систему, и по своим лексическим значениям («содержание слова, соотношенность слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явления и т.п.» [Филин, 1957, 230]) слова и другие строевые единицы языка объединяются в небольшие по размерам лексико-семантические группы, покрывающие один и тот же смысл. Внутри лексико-семантической группы наблюдается по преимуществу синонимическая связь, но нередко члены группы оказываются связанными лишь по денотату, т.е. по называемому предмету или явлению, обнаруживая существенные смысловые расхождения. Следовательно, если лингвокультуроло-

логическое поле — это лексико-фразеологическое объединение на высоком уровне абстракции, то лексико-семантическая группа объединяет непосредственно связанные между собой языковые единицы. Нам представляется, что специфика основного этапа обучения, качественно отличающая его от начального, заключается в переходе от атомарно-единичной презентации тематических языковых единиц к групповой презентации этих же единиц. В таком случае культурологическая информация по стержневой теме начинает сопрягаться не с отдельным словом, хотя и принадлежащим полю, а с лексико-семантической группой, которая покрывает то или другое смысловое пространство поля.

Нельзя сказать, что мы раньше не говорили о смысловой группировке языковых единиц первого концентра (в предыдущем разделе они как раз были разнесены по трем группам в зависимости от частной интегральной семы). Теперь, однако, речь идет, прежде всего, о группировке на другом, более низком уровне абстракции и, далее, о группировке без языковых ограничений, которые ранее не позволяли выявлять подлинную языковую специфику темы.

Например, словосочетание *свободный труд* было отнесено ко второй частной интегральной семе («нравственность и общественные отношения») и оставлено изолированным, хотя труд как нравственная ценность, конечно, сопряжен со значительно большим числом языковых единиц и, кроме того, не может быть изолирован от третьей интегральной семы («традиционности»), потому что одобрение труда и его результатов, воспитание к труду и трудом, высочайшее место в жизни общества свободного труда — все эти моральные критерии имеют подлинно народный характер, возникнув и закрепившись еще в недрах феодальной крестьянской общины. Ниже помещена отобранная на базе целого ряда лексикографических источников ЛСГ «Труд как нравственная ценность», которая, по нашему предположению, может стать языковым обеспечением фрагмента стержневой культурологической темы «образ жизни русского народа» в пределах основного этапа обучения.

ДСГ 1:
1. Атрибутивные словосочетания с опорными словами *труд, работа*:

активный, -ая, артельный, бодрый, бескорыстный, беззаветный, бригадный, вдохновенный, вольный, дружный, кипучий, самоотверженный, самозабвенный, ладный, слаженный, согласный, созидательный, сознательный, неутомимый, честный, упорный, добросовестный, совместный, живой, раскрепощенный, свободный, интересный, творческий, мирный, увлекательный, коллективный, шефский, высокопроизводительный, ударный, новаторский, умелый, ловкий, сноровистый, энергичный, продуктивный, старательный, прилежный, неутомимый, общественно-полезный...;

трудовой / рабочий коллектив, трудовая деятельность, трудовой вклад, трудовое участие (коэффициент трудового участия), трудовые процессы, трудовое воспитание, трудовой энтузиазм, трудовая семья, трудовой подъем, трудовой почин, трудовые достижения... .

2. Номинативные словосочетания с опорными словами *труд, работа*:

люди труда, охрана труда, труд на благо общества, труд как жизненная потребность, труд как общественный долг, право на труд, принцип распределения по труду, моральные и материальные стимулы к труду, улучшение условий труда, облегчение труда, стирание граней между умственным и физическим трудом, уважение по труду... .

3. Тематически смежные слова и словосочетания:

работящий, сотрудник, трудящийся, трудолюбивый, труженик, трудолюбие, прилежание, усердие, усидчивость, добросовестность, неутомимость, тщательность, умение, энергичность, предприимчивость, продуктивность, производительность, сноровитость, ответственность, слаженность, новаторство... ;

передовик производства, Герой труда, ветеран труда... .

Антиподы: бездельник, дармоед, лентяй, лодырь, тунядец, лежебока, разгильдяй, паразит... .

4. Предикативные словосочетания с опорными словами *труд, работа*:

трудиться, работать: весело, дружно, увлеченно, сообща, старательно, усердно, самоотверженно, с полной отдачей, на благо общества/народа, гореть на работе....

5. Фразеология и афористика:

в поте лица, не покладая рук, плечом к плечу, бок о бок, всем миром, засучив рукава, все как один, что есть мочи...;

терпение и труд все перетрут; делу время, потехе час; без труда не вынешь и рыбку из пруда; кончил дело, гуляй смело; раззудись плечо, размахнись рука!

Антиподы: сидеть, сложа руки, лежать на боку, плевать в потолок, бить баклуши, валять дурака... Кто не работает, то не ест. Лень – мать всех пороков...

Лингвокультурологический потенциал языковых единиц, вошедших в лексико-семантическую группу, настолько велик, что можно для второго концентра удовлетвориться его усвоением. Хотелось бы обсудить это подробнее.

Прежде всего, в ЛСГ вошли обществоведческие термины, с помощью которых можно разъяснить специфику свободного труда на теоретическом уровне сознания (труд как жизненная потребность, моральные и материальные стимулы к труду, стирание граней между умственным и физическим трудом и т.д.). Иными словами, ЛСГ не является чисто языковой, ориентированной лишь на обыденное сознание; перед нами, однако не размывание граней, а отражение реального состояния духовной жизни в современном российском обществе.

Итак, во-первых, культурологический потенциал ЛСГ обеспечивается принципиальным включением терминологии дисциплин общественно-политического цикла, которые изучаются иностранными студентами в российских вузах.

Во-вторых, в ЛСГ довольно много общеупотребительной лексики и словосочетаний, отражающих общественные трудовые процессы советского времени, т.е. неологизмов и советизмов (общественно полезный труд, трудовой энтузиазм, новаторский, шефский, ударный...). Почти все неологизмы и советизмы не переводимы на языки стран, в которых существуют

иные производственные отношения. Отсюда их особая познавательно-ознакомительная ценность для иностранных студентов.

Далее, в-третьих, ЛСГ насыщена традиционными словосочетаниями, фразеологией и афористикой, показывающими глубокие исторические корни общественного подхода к труду. Языковые единицы, выражающие антиподы морали, также ценны в культурологическом свете, поскольку они по противоположному признаку утверждают народную позитивную нравственность, закономерно воспринятую русским народом.

Необходимо указать, в-четвертых, на незакрытость ЛСГ. В отличие от лексического массива для первого концентра, – на начальном этапе обучения понятие минимума является ключевым, – языковое обеспечение культурологических тем второго и третьего концентров не может быть представлено в виде исчерпывающих списков. Напротив, и с теоретической точки зрения необходимо настаивать на принципиальной открытости любых лексических разработок на продвинутом и завершающем этапах обучения. Эта открытость, с одной стороны, имеет объективную, языковую природу, – пополнение, скажем, синонимического ряда может быть бесконечным, да и критерий общности по денотату никогда не ставит границу исчислению. С другой стороны, требование открытости диктуется и особенностями практического учебного процесса: ни в коем случае нельзя настаивать (в отличие от первого концентра), чтобы лексический и другой языковой материал был усвоен целиком и полностью, поскольку привходящие конкретные обстоятельства (цели обучения, обучаемый контингент) всегда вносят закономерные коррективы.

Наконец, в-пятых, требуется отметить важность опережающего создания достаточной совокупности ЛСГ по стержневой культурологической теме. Когда ЛСГ сформирована, становится ясной стратегия и тактика лингвокультурологической работы: видны единицы культурологической информации, которые преподаватель-русист может ввести и активизировать; очевидны языковые носители этой информации, также подлежащие включению в учебный процесс. Поскольку ЛСГ составлена по преимуществу на основе учебных пособий общество-

ведческого цикла и общеязыковых словарей, в ней отсутствуют неактуальные языковые единицы. Важно также, что овладение лексическим массивом группы имеет большую коммуникативную значимость, в том числе для активного говорения и письма. Короче говоря, по нашему мнению, ЛСГ, будучи инструментом управления учебным процессом, наилучшим образом согласуются с понятием концентратора: они включают в себя отдельно введенные языковые единицы первого концентратора (этим обеспечивается преемственность), они наращивают ('вширь') и развивают ('вглубь') как лингвокультурологическую информацию, так и языковой материал.

ЛСГ, к которым мы пришли, руководствуясь логикой собственного разыскания, во многом совпадают со словарными статьями учебных словарей [Денисова, 1984; Чернявская, 1984]. Это совпадение подчеркивает объективный характер лингвокультурологического преподавания, его независимость от вкусов и воззрений того или иного исследователя. Во всяком случае, еще раз убеждаемся в необходимости создания однотемных лингвокультурологических словарей. В частности, на повестку дня встает вопрос создания лингвокультурологического словаря «Образ жизни русского народа».

Одновременно ЛСГ обнаруживают и определенное своеобразие, т.е. черты, которые еще не рассматривались в концепции лингвокультурологии. Они обсуждаются непосредственно ниже, и в качестве показательного примера продолжается анализ ЛСГ «Свободный труд» (как манифестация народной нравственности).

Обратим внимание на то, что наименование ЛСГ – составное. Нетрудно убедиться, что составное наименование группы ('лексическая' и 'семантическая') имплицитно отражает соотношение двух планов языкового знака – плана выражения и плана содержания. Атрибут 'лексическая', конечно, нельзя ограничить одной лишь лексикой, поскольку группа включает в себя и иные языковые единицы, так что он, безусловно, обозначает материальную оболочку лексических, фразеологических и афористических единиц; этот план ЛСГ, хотя бы путем перечисления составляющих, уже был рассмотрен. План содержа-

ния ЛСГ, напротив, остается пока нерассмотренным: хотя и было сделано упоминание о познавательном потенциале ЛСГ, еще не говорилось о том, как его реализовать.

Предлагается распространить концепцию, изложенную в «Лингвострановедческой теории слова» [Верещагин, Костомаров, 1980], на ЛСГ и считать, что план содержания ЛСГ, подобно слову, членится на семантические доли (СД). Методика выявления СД, частично зависящая и от решений исследователя, описана, так что на ней можно не останавливаться. Однако, семантика ЛСГ принципиально отличается от семантики слова тем, что включает в себя противоположные по смыслу единицы информации (например, *труженник* и *бездельник*, *работать*, *не покладая рук* и *работать спустя рукава* и т.д.), поэтому выявление СД не может производиться иначе, как бинарным способом, т.е. путем контраста. Общее правило таково: если в ЛСГ установленная СД может на каком-то основании получить знак 'плюс', то необходимо искать СД, которая на том же основании получает знак 'минус'. Результаты предложенной методики исчисления СД приняли следующий вид:

Л С Г 2:

А. Традиционные представления русского народа о труде

1.1. Одобрение совместного труда:

артельный, дружный, слаженный, совместный, согласный труд; слаженность; работать дружно; плечом к плечу; всем миром; все как один; дружно – не грузно, а врозь – хоть брось!

1.2. Осуждение единоличного труда:

одиночный, раздельный, разобщенный, частный труд; по-рознь, в отрыве.

2.1. Одобрение труда на благо общества:

беззаветный, самоотверженный, сознательный, созидательный труд.

2.2. Осуждение труда на самого себя:

корыстный, отдельный труд; отгородиться; поодиночке, по одному, нет дела.

3.1. Одобрение высококачественного труда:

вдохновенный, добросовестный, живой, кипучий, неутомимый, прилежный, сноровистый, старательный, упорный, че-

стный; работать весело, усердно, с полной отдачей, не покладая рук, в поте лица, что есть мочи; гореть на работе.

3.2. Осуждение 'низкокачественного' труда:

однообразный, неудовлетворительный, ручной, посредственный.

4.1. Одобрение свободного труда:

вольный, плодотворный, раскрепощенный, свободный, усердный труд; работа на самих себя.

4.2. Осуждение подневольного труда:

изнурительный, каторжный, наемный, непосильный, рабский, тяжелый, черный труд; из-под палки.

5.1. Одобрение хорошего работника:

труженик, трудяга, работающий, трудящийся, умелец; трудолюбие, прилежание, усердие, усидчивость, добросовестность, тщательность, сноровка, умение, неутомимость; золотые руки.

5.2. Осуждение нерадивого работника:

Бездельник, дармоед, лентяй, лодырь, лежебока, тунеядец; бить баклуши, валять дурака, лежать на боку, плевать в потолок; лень — мать всех пороков.

Б. Современное отношение русского народа к труду

1.1. Общественный характер труда:

общественная собственность на средства производства, общность интересов, товарищеская взаимопомощь, совместность, организованность, единство, подчинение личных интересов интересам коллектива, содействие; общий, сплоченный, дружный коллектив; работать сообща, оказывать помощь, опираться на коллектив; один за всех, все за одного.

1.2. Индивидуальный характер труда:

частная собственность на средства производства, стремление к личной выгоде, своеволие; противопоставлять личные интересы интересам коллектива; презирать общественное мнение; каждый за себя, один бог за всех; моя хата с краю, ничего не знаю; своя рубашка ближе к телу; отрываться от коллектива, групповщина, круговая порука, ведомственность, групповой эгоизм.

Таким образом, при сравнении ЛСГ-1 и ЛСГ-2 видно, что они различны в количественном отношении: ЛСГ-2 превосходит ЛСГ-1 и полностью включает ее в свой состав. Основное

различие между ними, однако, заключено в том, что ЛСГ-2 – это не избирательная лексико-семантическая группа, создаваемая по критериям учебно-методической целесообразности и. стало быть, зависящая от решений производящего отбор, а подлинный фрагмент естественной языковой системы, отражающий как синонимические и антонимические связи, так и тематическую близость единиц по денотату; в этом состоит их качественное различие.

На наш взгляд, включение в активное усвоение лексико-фразеологических и афористических единиц со знаком 'минус', т.е. единиц негативно-осуждающей семантики, необходимо не только по той причине, что иначе искажается объективная природа ЛСГ, но и по преподавательским соображениям. Конечно, очень важно, чтобы русская тематическая лексика была усвоена иностранным студентом; не менее важно, что овладение подтемой "свободный труд" оказывается лишь тогда эффективным, когда преподаватель-русист и обществовед – постоянно показывает отличия современного образа жизни русского народа, во-первых, от дореволюционного и, во-вторых, от советского. Для демонстрации указанных принципиальных отличий (лишь контрастивным путем возможно показать достоинства и недостатки) и нужна совокупность языковых единиц 'минусовой' оценки, которая оказалась довольно разветвленной.

Бинарно-контрастивный подход, с помощью которого получена ЛСГ-2, позволяет преодолеть определенное расхождение между типическим (логическим) подходом к теме «образ жизни русского народа» и конкретно-историческими явлениями советского образа жизни. Тема образа жизни, без сомнения, не может прорабатываться иначе, как через показ борьбы с имеющимися место негативными явлениями; отсюда еще один аргумент в пользу включения в ЛСГ негативно-осуждающих по семантике языковых единиц.

Таким образом, хотя выявляемые ЛСГ и совпадают во многом с языковым наполнением статей однотемных словарей, все же на примере ЛСГ-2 отчетливо видна и разница – прежде всего из-за бинарно-контрастивного принципа отбора единиц.

На этом заканчивается анализ языкового обеспечения стержневой культурологической темы в границах второго кон-

центра, который в условиях российской высшей школы совпадает с продвинутым этапом обучения. Если в рамках первого центра лексика, фразеология и афористика жестко заданы минимумом и поэтому преподаются путем единичной презентации, то второй центр — это преподавание языковых единиц в ЛСГ. Обращаемся теперь к третьему центру.

Программа по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на нефилологических факультетах российских вузов [1985] предусматривает для завершающего этапа обучения 100 аудиторных часов и примерно половину этого времени закрепляет за социально-культурной сферой. На этот этап приходится спецкурс методики преподавания русского языка, к которому подключается значительная часть иностранных студентов, а вниманию остальных предлагаются различные спецкурсы. В качестве текстового материала социально-культурной сферы Программа... [1985] рекомендует произведения русской классической литературы и публицистики, поэтому в некоторых вузах организуются спецкурсы с литературоведческим уклоном. Из практики известно, что проводятся и искусствоведческие спецкурсы. Иными словами, проявляя свои интересы и участвуя в различных спецкурсах, иностранные студенты в определенной мере оказываются разобщенными. Из этого следует, что овладение общеязыковыми единицами по стержневой культурологической теме должно завершиться в рамках второго центра. Поскольку обществоведческие курсы продолжают обычным порядком, пополнение общественной терминологии продолжается и на завершающем этапе обучения. Что же касается общеязыковой лексики, фразеологии и афористики, то, на наш взгляд, следует принципиально настаивать на том, чтобы она была усвоена на предшествующем этапе обучения.

Отсюда теоретическая посылка относительно лексического обеспечения завершающего этапа обучения: в третьем учебном центре могут вводиться такие языковые единицы, которые выходят за пределы ядра (например, 10-12 тысяч слов) и которые обнаруживают ту или иную специфику. Так, поскольку читаются методические, литературоведческие, искусствоведческие спецкурсы, иностранные студенты-нефилологи осваивают

необходимое количество методической, литературоведческой, искусствоведческой, юридической и иной терминологии: это закономерно. Если предметом изучения культурологического спецкурса является тема «Образ жизни русского народа», что нами и предлагается в качестве элективного курса, то углубленное овладение темой может потребовать введения таких слов, фразеологических сочетаний, пословиц и крылатых выражений, которые нельзя считать общеязыковыми, которые соответственно известны не всем носителям языка. Перенесение подобных языковых единиц в учебный процесс предполагает, конечно, что студенты обнаружат филологический интерес к русскому языку. Мы, кстати, разделяем все более распространяющееся мнение о том, что студенты-нефилологи не только могут, но и должны овладеть минимальными филологическими навыками, – подобно тому, как они овладевают навыками преподавания языка. Перед преподавателем-русистом стоит задача привить студентам эстетическое, эмоциональное отношение к великому и могучему русскому языку, и без филологической работы эта цель не достигается.

Чтобы показать, что имеется в виду, приведем очередной показательный пример. Третья интегральная сема («традиционная общинность») в первом концентре обеспечивается всего лишь четырьмя языковыми единицами, принадлежащими к лексико-фразеологической основе. Когда применительно ко второму концентру формировалась ЛСГ-2, в процессе систематизации нами был выделен целый подраздел «традиционные представления», и он составил примерно половину ЛСГ. ЛСГ, как известно, отражает синхронное состояние русского языка в пределах 10-12 тыс. слов. За рамки указанного лексического ядра (а также фразеологического и афористического) ЛСГ не может выходить. А что касается третьего концентра, то здесь, напротив, по нашему мнению, вниманию студентов (пусть для пассивного овладения) могут предлагаться материалы специально-профессионального или историко-фольклорного характера, в которые войдут языковые единицы, употребление которых или ограничено профессиональной группой, или вообще сейчас невозможно (хотя они и представлены в актуально читаемой, массовой художественной литературе). Более того: иностранно-

го студента следует предостеречь от включения этих языковых единиц в собственную речь. Тем не менее познавательновоспитательная ценность этих единиц делает их незаменимыми в прохождении стержневых культурологических тем.

Ниже из статьи Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Все м знаниям и всей природе ключ», адресованной зарубежным читателям, хорошо владеющим русским языком [*«Отчизна»*, 1986, № 10], выписаны слова и выражения, относящиеся к традиционной общинности русского народа; мы их частично пополнили. Чтобы отделить полученную тематическую совокупность языковых единиц от списков поля и ЛСГ, назовем ее *расширителем* (лексического, фразеологического и афористического ядра). При составлении расширителя были использованы различные лексикографические издания.

РАСШИРИТЕЛЬ-1 (мир – община):

Сельский мир, деревенская община, сходка, староста, мировой судья, мировой посредник, миряне.

С миром не поспоришь; в мире, что в море; в мире жить – с миром жить; на миру и смерть красна; с миру по нитке – голому рубаха; всем миром.

Включенные в Расширитель-1 языковые единицы количественно невелики, однако с их помощью можно рассказать о крестьянской общине дореволюционной России, обладавшей определенными правами самоуправления; о (в современных терминах: демократической) процедуре принятия решений «все м миром» на сходках; о совместном труде; о помощи мира нуждающимся; о высоком авторитете коллективного мнения; о необходимости доброго нрава для жизни в миру и т.д. Достаточно познакомиться с материалом «Отчизны» [1986], чтобы убедиться в том, что они, при их историко-этнографическом характере, помогают понять именно современные нравы русского народа. Усвоение проходит неформальным путем, благодаря опоре на язык как на 'самоговорящее устройство', поэтому информация проходит и через ум, и через сердце.

В качестве второго образца (теперь по подтеме «традиционный совместный труд») приведем совокупность языковых единиц, позволяющих познакомиться с трудовыми объединениями трудящегося народа.

РАСШИРИТЕЛЬ-2 (артельный труд):

Артель (бурлацкая, плотницкая, рыбацкая и т.д.), ватага, дружина, общество, товарищество, артельщик, ватажник, дружинник; заедино, совместно, заодно; артельно, на артельных началах; круг, сходка; старшой, голова, атаман, большак.

Выручить, заручиться, поручиться за кого-либо; взять/отдать на поруки; круговая порука.

Один за всех и все за одного; дружно не грузно, а врозь хоть брось; артель атаманом сильна.

Языковые единицы, включенные в Расширитель-2, свидетельствуют о высоком престиже традиционного совместного труда; рассказывают о добровольных объединениях людей для совместного труда, причем на условиях выборности руководителя и сознательной строгой дисциплины; подчеркивают важность единства и солидарности; наконец, сообщают о народной трудовой этике.

Расширители не всегда связаны с традиционными представлениями и соответственно с лексикой архаического и исторического характера. Они могут включать в себя специальную, профессиональную, терминологическую лексику и словосочетания.

Итак, подведем итоги. Представляется, что удалось обнаружить качественное своеобразие массивов лексических единиц для каждого из концентров. Первый концентр – это овладение лексико-фразеологической и афористической основой русского языка, и средством лексического обеспечения культурологической темы является лингвокультурологическое поле, состоящее, в силу согласованности с лексическим минимумом, из изолированных, по отдельности осваиваемых лексических единиц. Второй концентр – это усвоение ядра русской лексики, фразеологии и афористики, организованного – с культурологической точки зрения – в ЛСГ, причем в границах этого концентра акцент делается на групповом овладении лексическим материалом. Наконец, третий концентр представляет собой выход за пределы не только основы, но и ядра; методическим инструментом здесь являются не поля и не группы, а расширители, содержащие специальную, устаревшую и другую, не имеющую активного употребления лексику и фразеологию, известную,

однако, носителям языка из актуального фонда художественной литературы и других источников. В рамках третьего концентра активная работа смещается с лексико-фразеологических единиц на тексты.

6.11. Сквозная тема «Образ жизни русского народа» в элективном курсе при обучении русскому языку как иностранному

6.11.1. Роль элективных курсов в создании нового поколения учебных материалов по русскому языку как иностранному

Создание нового поколения учебных материалов является результатом соединения трех процессов: изменений в требованиях к учебным материалам, появлении новых технических возможностей для создания учебных материалов, выявлении новых педагогических возможностей учебных материалов. Сразу же следует отметить, что требования к учебным материалам определяются как формальными требованиями образовательных структур, так и содержанием спроса в учебном процессе. Признаками смены поколений учебных материалов можно считать возникновение новых видов учебных материалов и новых систем учебных материалов. В свою очередь, возникновение новых видов учебных материалов выражается в изменении их функций и способов использования в образовательной практике.

Можно выделить следующие основные черты существующего поколения учебных материалов.

Основным видом учебных материалов, предназначенных для высшей школы, является учебник. Он служит основой предметного комплекта учебных материалов, в состав которого могут также входить методические разработки, пособия для преподавателя, тесты, рабочие тетради, хрестоматии, и другие виды учебных изданий.

Комплекты учебных материалов по русскому языку как иностранному для разных этапов и курсов обучения могут создавать предметно-методическую линию, имеющую общую концептуальную основу.

Учебник имеет сложную внутреннюю структуру, основными элементами которой являются тексты (основной, дополнительные, пояснительные) и внетекстовые компоненты (аппарат организации усвоения, иллюстративные материалы, аппарат ориентировки).

Учебник представляет собой многофункциональный учебный материал. Выделяют следующие функции учебника: информационную (учебник является основным источником обязательной для усвоения студентами информации); трансформационную (конкретизация образовательных стандартов); систематизирующую; мотивационную; ориентации учащихся на способы познавательной деятельности; развития познавательных возможностей студентов (на основе постепенного повышения сложности заданий и изменения содержания текстов); интегрирующую (на основе опоры на знания студентов, полученные из внешних источников информации); координирующую (имеется в виду координация всех учебных и методических материалов по предмету); воспитывающую (через формирование у студентов отношения к себе, своим возможностям, образованию, к миру).

Учебные материалы имеют форму печатных изданий, которые в отдельных случаях дополняются аудио- и видеоматериалами.

В реальной практике основные черты современного поколения учебных материалов могут быть представлены в разной мере. Это относится, прежде всего, к реализации функций учебника. Поэтому повышение качества учебных материалов вполне возможно за счет их совершенствования на основе более полного воплощения в учебных материалах указанных выше основных черт.

Вместе с тем следует определить перспективы развития учебных материалов и в связи с этим попытаться определить основные черты нового поколения учебных материалов. Изменения в требованиях к учебным материалам в среднесрочный период будут определяться концепцией модернизации образования – переходом на новые образовательные стандарты.

Переход на новые стандарты предполагает изменения в целях обучения: перенос акцента с усвоения значительной по

объему системы знаний на усвоение способов деятельности, развитие способности к самостоятельному решению проблем в различных сферах деятельности. В свою очередь, планируемые изменения в целях образования предполагают развитие горизонтальных связей между учебными дисциплинами, без чего невозможно достижение метапредметных образовательных результатов (формирование функциональных навыков и ключевых компетентностей). Надо отметить, что требование ориентации на сочетание предметных и метапредметных результатов может относиться как к отдельному учебному пособию, так и к совокупности, системе пособий, с которой работает студент.

Пересмотр обязательного минимума содержания образования связан с оптимизацией соотношения инвариантных и вариативных компонентов содержания. При обсуждении проблем модернизации содержания вузовского образования высказывалась мысль о том, что для гуманитарных дисциплин инвариантным компонентом содержания могут быть методы, типичные для определенной науки (эксперимент, наблюдение и т.п.), а материал, на котором раскрывается сущность данных методов и предмет исследования, может быть вариативен.

Поиски путей оптимизации содержания учебных предметов, обеспечения его соответствия меняющимся целям образования могут привести к новым подходам к структурированию содержания учебных предметов, в том числе в учебнике. Традиционный подход заключается в определении разделов и тем предмета, соответствующих разделам базовой науки, и в определении структурных элементов системы знаний для каждой темы (факты, понятия, закономерности, принципы, теории). Данный подход основывается на логике базовой науки.

Другой подход может заключаться в отборе проблем, явлений, процессов, ситуаций, изучение которых соответствовало бы познавательным запросам учащихся. Такой подход может способствовать формированию студентов как субъектов образовательной деятельности.

Существенное влияние на формирование аппарата организации усвоения в учебниках, в частности, аппарата самоконтроля окажут требования к уровню подготовки выпускников.

Требованием рынка учебных изданий может стать соответствие вопросов и заданий в учебниках формам и содержанию контрольных тестов и материалов.

Стратегия модернизации образования направлена на развитие вариативной системы образования, что предполагает возможность выбора как предметно-методических линий учебников, так и отдельных учебных пособий, дополняющих выбранный курс. В этой ситуации возникает вопрос о возможных отличиях предметно-методических линий учебников, об основаниях, которые обуславливают необходимость существования различных учебно-методических линий по одной и той же учебной дисциплине.

Таких оснований несколько: различные виды образовательных программ; различные методические концепции изучения учебного предмета; различия в уровне подготовленности учащихся к изучению предмета.

Таким образом, можно полагать, что реализация концепции модернизации образования приведет к появлению новых требований к учебной литературе. Одновременно следует учитывать появление и новых технических возможностей. Одна из них очевидна, она заключается в создании электронных учебных пособий. Другая возможность (предполагаемая) касается издания учебных пособий в форме тетрадей.

Наряду с указанными двумя предпосылками создания нового поколения учебных материалов (изменение требований к учебным материалам и появление новых технических возможностей) существует и третья предпосылка – выявление новых педагогических возможностей учебных материалов.

Эти возможности выявлены как в опыте создания учебных материалов, так и в результате теоретических исследований.

Можно предполагать, что новое поколение учебных материалов будет отличаться следующими особенностями.

Учебник перестанет выступать в качестве основного вида учебных материалов в ряде образовательных областей. В некоторых областях (технология, иностранный язык) могут появиться учебники модульного типа (вместо единого учебника –

модули, допускающие возможность изучения лишь отдельных из них или возможность изучения модулей в разной последовательности).

Возможно, что появятся (как экспериментальные) «межпредметные» учебники, ориентированные на усвоение функциональных навыков и ключевых компетентностей и предназначенные для использования на занятиях по различным предметам.

Будут формироваться «горизонтальные» учебно-методические комплекты, предназначенные для определенной параллели и обеспечивающие реализацию междисциплинарных связей.

Сохранится вариативность предметно-методических линий учебников, но эти линии в большей мере будут различаться концептуальными основаниями.

Во внутренней структуре учебников появятся новые элементы – аппарат обеспечения преемственности учебных материалов (в рамках предметно-методической линии) и аппарат обеспечения «горизонтальных связей».

Учебные пособия на электронных носителях будут становиться необходимыми элементами предметных комплектов учебных материалов.

Получат развитие некоторые функции учебника – мотивационная, ориентации на способы познавательной деятельности, развития познавательных возможностей учащихся, интегрирующая.

Создание нового поколения учебных материалов нельзя планировать, ибо это процесс творческий. Но этим процессом можно управлять через определение конкурсных требований, параметров экспертизы, а также через создание эталонных моделей учебных материалов нового поколения. Роль такого рода моделей могут сыграть учебные пособия по элективным курсам, ибо эти курсы не связаны рамками образовательных стандартов и какими-либо экзаменационными материалами.

Элективные курсы различаются целями и содержанием, но во всех случаях они должны соответствовать запросам студентов, которые их выбирают, руководствуясь образовательными планами или познавательными интересами. В связи с

этим появляется возможность на примере учебных пособий по элективным курсам отработать условия реализации мотивационной функции учебника.

Ожидания учащихся в большинстве случаев будут связаны с достижением некоторых метапредметных результатов (например, с освоением способов анализа информации, способов конструирования сообщения, способов совместной деятельности, навыков решения проблем и т.д.). В связи с этим учебники по элективным курсам могут дать пример реализации целей формирования ключевых компетентностей.

В учебниках по элективным курсам возможно и весьма желательно использовать аппарат обращения к внешним источникам информации (включая компьютерные сети) и к образовательному опыту, приобретенному вне рамок учебной программы (дополнительное образование, самообразование, туризм, социально-творческая деятельность). Вместе с тем, в учебниках по элективным курсам возможно избежать чрезмерного увлечения методическим аппаратом, которое выражается в попытках регламентировать каждый шаг студента при изучении русского языка. Вполне можно допустить, что какие-то пособия по элективным курсам будут представлять собой книги для чтения, стимулирующие интерес к прочтению научно-популярных или научных книг, а другие пособия будут приближаться к такого рода книгам.

Возможно также создание учебных пособий по элективным курсам в виде набора модулей, что позволило бы определять содержание программы по этим курсам с участием учащихся.

В процессе создания учебных пособий могут быть выявлены и иные возможности построения элективных курсов, реализация которых могла бы способствовать созданию нового поколения учебных материалов.

6.11.2. О лингвокультурологической компетенции

В гуманитарных науках любая знаковая система, включая языковую и лингвокультурологическую, характеризуется такими фундаментальными понятиями, как компетенция (compre-

tence), т.е. знание системы, и употребление (performance), т.е. использование единиц этой системы в деятельности.

Такое противопоставление диалектически связанных понятий в наиболее явной и законченной форме предложил Н. Хомский: «Мы проводим фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим-слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае <...> употребление является непосредственным отражением компетенции. В действительности же оно не может непосредственно отражать компетенцию. Запись естественной речи показывает, сколь многочисленны в ней обмолвки, отклонения от правил, изменения плана в середине высказывания и т.п. Задачей лингвиста <...> является выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил, которой овладел говорящий-слушающий и которую он использует в реальном употреблении» [Хомский, 1972, 9-10].

Такое противопоставление связано с различием у Ф. де Соссюра языка и речи. Однако подчеркивает Н. Хомский «необходимо отвергнуть его концепцию языка как только систематического инвентаря единиц и скорее вернуться к гумбольдтовской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов» [Там же, 10]. Аналогичную картину можно наблюдать и в прикладной лингвокультурологии.

Представляется, прежде всего, необходимым обратиться к лингвокультурологической компетенции как знания идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке. Такое предельно обобщенное знание находит отражение в общих и отраслевых энциклопедиях, исследованиях по культуре и языку и т.п. Оно является итогом знания в этой области.

Индивидуальное (или групповое) употребление языковых единиц, разумеется, отражает только часть (фрагмент, какую-то сторону и т.п.) лингвокультурологической компетенции как целого. При этом такое отражение происходит каждый раз избирательно в зависимости от того, кто и с какой целью пользуется арсеналом лингвокультурологических знаний.

При постановке новой теоретической проблемы, по мнению В.В. Воробьева, – лингвокультурологической компетенции в первую очередь представляются важными три направления ее решения и одновременно три ее главные вопроса:

1. Восхождение от индивидуальных употреблений лингвокультурем к лингвокультурологической компетенции как социально значимой системе (ее полному отражению в знании идеального говорящего-слушающего).

2. Системно-функциональный подход к интерпретации структуры лингвокультурологической компетенции в духе «энергейи» В. Гумбольдта, а не только как систематического инвентаря единиц.

3. Анализ когнитивных структур лингвокультурологической компетенции.

Необходимо остановиться последовательно на каждом из этих вопросов.

1. Как можно получить представление об общем? Очевидно, через совокупность составляющих это целое, через отдельное. Компетенция должна рассматриваться как синтез, «согласование» множества употреблений, принадлежащих определенному культурно-языковому социуму. Применительно к такой системе, как язык, Г. Пауль писал в свое время: «Подлинным объектом языкового исследования является совокупность проявлений речевой деятельности всех относящихся к данной языковой общности индивидов в их взаимодействии» [Пауль, 1960, 46]. Индивид является основой, «клеточкой» социума. В индивидууме совершаются психические процессы формирования лингвокультурологических представлений и знаний: «Всякое чисто психическое взаимодействие совершается в недрах души индивидуума» [Там же, 35]. Отсюда психическое начало – «важнейший фактор всякого движения культуры, все вращается вокруг этого фактора» [Там же].

Разумеется, формирование и деятельность той или иной языковой личности происходит в тесном взаимодействии с другими и в соответствии с достигнутым нормативным узусом. Индивидуальное культурно-лингвистическое представление, оставаясь самим собой, испытывает действие общепринятого, но в то же время может оказывать на него влияние и приводить

(при поддержке других) к известным модификациям общепринятых в социуме культурно-языковых понятий.

Обращение к индивиду не случайно, так как это реальность психического как отражения культуры, так и представления о ней, знания ее. Как известно, младограмматики считали, что в действительности существует столько диалектов (языков), сколько говорящих индивидов. Это, конечно, преувеличение психического в языке, недооценка его социального характера. Но вместе с тем это и отражение того, как существует язык (и соответственно — культура) в человеке, коллективе. Отсюда убеждение младограмматиков, что «для того чтобы как можно более полно описать состояние какого-либо языка, следует подвергнуть обследованию все массы представлений у каждого члена данной языковой общности, а затем сопоставить полученные результаты» [Амирова, Ольховников, Рождественский, 1975, 424]. Полагаем, что это необходимо для полноты описания не только языка, но и культуры. Еще более решительно говорит И.А. Бодуэн де Куртене: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество. Язык племенной и национальный является чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков. Такой племенной и национальный язык состоит из суммы ассоциаций языковых представлений с представлениями внеязыковыми — ассоциаций, свойственных индивидам, и, в отвлеченном, абстрактном смысле, в виде среднего вывода, также народами и племенами» [Бодуэн де Куртене, 1963, 71].

Положение И.А. Бодуэна де Куртене может быть положено в основу методологии лингвокультурологического анализа, так как механизмы формирования и хранения языковой и культурной информации подобны.

Анализ восхождения от реальных языковых представлений культуры (употребление лингвокультурем) к «обобщающей конструкции» отвлеченного характера — лингвокультурологической компетенции, дает возможность глубже понять природу культурного смысла, закрепляемого за определенным языковым знаком, а также онтологическую сущность такого смысла.

В этой связи считаем целесообразным обратиться к теории мнемы Р. Семона – Н.А. Рубакина. «Этот термин, – пишет в своей книге «Психология читателя и книги» Н.А. Рубакин, – обнимающий собою процессы получения, сохранения и оживления раздражений, впервые был введен в науку знаменитым немецким биологом-дарвинистом, проф. Рихардом Семоном в начале этого столетия в его замечательных трудах “Die Mneme” и “Die mnemischen Empfindungen”» [Рубакин, 1929, 71].

Как и условные рефлексы И.П. Павлова, мнема является базой объективного исследования психического, мыслительного содержания. Внешние изменения, воздействующие на индивид, «записываются» в его психике в виде энграмм (по-русски – «запись»). Совокупность таких энграмм-записей образует м н е м у – запас приобретенных энграмм. «Большая часть энграмм пребывает преимущественно в скрытом, или латентном, состоянии. Но они могут быть выведены из этого состояния, извлечены, оживлены, как бы вынесены в сознание. Такое их вынесение Семон называет греческим словом «э к ф о р и я», что значит по-русски «вынесение». Оба эти «энграмма» и «экфория» представляют собою процессы физические и психические одновременно, в чем и состоит очень важная особенность и преимущества теории и терминологии Семона» [Рубакин, 1929, 73].

Сложное, разнообразное по своему характеру воздействие среды (в том числе – культурной) отражается в виде к о м п л е к с о в в з а и м о с в я з а н н ы х э н г р а м м.

Восприятие устной и письменной речи можно рассматривать как «чрезвычайно сложный психический процесс воспроектирования реальности под влиянием раздражений, идущих к нам от букв и звуковой речи, от слов и фраз и вообще от текста» [Там же, 75]. Слово-сигнал способно возбуждать энграммы. Наряду с первоначальными энграммами (появляющимися в результате раздражений, идущих от реальности) существуют мнематические энграммы, которые получают как следствие энграммирования экфории, вынесения в сознание при помощи слова уже «готовой» энграммы. Возникают системы ассоциаций, которые могут изменяться, перегруппировываться, трансформироваться и вырисовывать в сознании тот или иной

объект, например, определенный культурный объект, известную ценность.

В интересующем нас аспекте мнемы как психологические реальности знания и эмоций (то есть сигнификативный и прагматический компонент информации), группируясь в парадигмы и синтагмы соответственно языковым знакам и их значениям (аспект синтактики), являются реальными носителями культурного смысла.

Для лингвокультурологии существенно интерпретировать переход от индивидуальной мнемы того или иного конкретного носителя культуры и языка к *социально-культурной мнем*е как полному и нормативному отражению элемента (предмета, фрагмента, понятия и т.п.) лингвокультурологической компетенции, то есть от индивидуального употребления лингвокультурем к их системе у обобщенного, идеально говорящего/слушающего, в понимании Н. Хомского.

Восприятие текста, его собственно языкового и культурологического уровня есть творческий процесс «подстановки» индивидуальных мнем под соответствующие слова, в результате чего у разных индивидов возникают совпадающие и вместе с тем частично различающиеся проекции. В этом смысле, говоря словами Н.А. Рубакина, слово не имеет для нас никакого другого содержания, кроме того, которое мы в него вкладываем. Однако на основе общения индивидов с помощью языка, их опыт обобщается. Наряду с индивидуальной и врожденной мнемами складывается социальная мнema – основа культурного смысла и культурологической «картины мира», о чем речь пойдет ниже.

Понятие мнемы имеет не статический, а диалектический характер, и это проявляется не только в том, что индивидуальная мнema каждая по себе развивается, обогащается, но и в том, что мнемы индивидов (личностей) взаимодействуют в процессе социального развития всего народа: «Теория рассматривает индивида как атом творческой силы коллектива, который отнюдь не есть простая сумма индивидов, как и индивид не есть только орудие коллектива. Теория мнемы требует изучения индивида в коллективе, а коллектива – в связи с изучением разных типов индивидов, из которых он составлен.

Теория мнемы является теорией личности, коллектива и их соотношений. Личность есть мнема личности. Разнообразие личностей сводится к вариации их мнем и к преобладанию то тех, то иных комбинаций социальных, наследственных и личных элементов, приобретаемых и ассоциируемых в курсе фило- и онтогенезиса» [Рубакин, 1929, 102].

Учение о мнеме представляет собой основу научного подхода к изучению лингвокультурологических систем.

Это учение дает наглядное представление об онтологии феномена языка и культуры как органического целого. Общее существует здесь через отдельное: взаимосвязь и взаимодействие личностей как индивидуальных мнем рождает понятие национальной личности – социальной лингвокультурологической мнемы; отдельные употребления (индивидуальное видение культуры через «призму языка») ведет к понятию лингвокультурологической компетенции.

Интерпретация проблемы «язык и культура» через теорию мнемы дает возможность объективно исследовать процессы накопления и передачи лингвокультурологической информации от поколения к поколению (исторический аспект), от одного социального коллектива к другому, от коллектива к индивиду и наоборот (социальный аспект), от индивида к индивиду (индивидуально-психологический аспект), от одной нации к другой (межнациональный аспект) и др.

Специального обсуждения требует исторический аспект интерпретации мнемы – категории динамического характера.

Развитие социально-культурной структуры общества, особенно на поворотных этапах его развития (политические, культурные революции, преобразования, реформы и т.п., войны и др.), могут коренным образом изменить содержание, наполнение мнем. Это обстоятельство требует постоянной проверки ценности лингвокультурем, характера их использования в соответствующих контекстах. Мнемы мнемонического, производного характера, полученные в результате различных процессов умственного преобразования, могут «отрываться» от истинного содержания первоначальной мнемы. Слова в соответствии с этим могут обесцениваться и резко изменять подлинную культурно-историческую ценность, что особенно характерно для

периодов «деструктивного» характера. «Из истории социально-политических отношений известно, что всякий дряхлеющий и погибающий строй, разрушаясь, возводит систему названия печальных для него реальностей неподходящими именами. Например, жалкий глава государства продолжает именоваться «величеством»; безобразия называются «наполнением законов»; народные страдания — «благоденствием под таким-то скипетром»; официальная ложь — «истиной». Революция всегда начинается с названия вещей их настоящими именами. Начинается борьба энграмм первоначальных с мнематическими и в каждом индивиде, и в коллективе. Не было такого случая, чтобы, в конце концов, не победили энграммы оригинальные» [Рубакин, 1929, 79].

Сверка содержания «устойчивых» энграмм-клише, социальной мнемы, полученных в результате умозрительных «операций» с мнематическими энграммами, оторванными от реальности, с действительностью должна вернуть им подлинную ценность и адекватность социально-культурному явлению. Многие построения оказываются на деле фикциями, приводящими к различного рода заблуждениям. Сошлемся здесь только на один пример: понятие «зрелый, развитый социализм». Вот пространное описание его в одном из энциклопедических словарей, уводящее на деле от подлинного содержания лингвокультуремы и свидетельствующее о ее неадекватности действительности: «Развитое социалистическое общество представляет собою закономерную ступень социально-экономической зрелости нового строя в рамках первой фазы коммунистической формации, когда вполне упрочившийся социализм развивается на своей собственной основе. Для развития социализма в СССР характерны: высокоразвитые производительные силы, обеспечивающие заметный поворот экономики к более полному удовлетворению многообразных материальных и культурных потребностей людей; органическая целостность и динамизм социальной системы, которая опирается на перерастание союза рабочего класса и крестьянства в союз всех работников физического и умственного труда, образование исторически новой социальной и интернациональной общности — *советского народа*; всестороннее совершенствование социалистической демокра-

тии, общенародного государства; последовательно научный характер политического руководства, управления общественными процессами; утверждение *социалистического образа жизни* с присущими ему высокой культурой, материалистическим мировоззрением...» [Философский энциклопедический словарь, 1983, 631; автор статьи «Социализм» – А.Е. Бовин].

По существу, каждая из энграмм, соответствующих в тексте определенному комплексу лингвокультурем, нуждается в проверке, к сведению к первоначальным, оригинальным энграммам, то есть к подлинной, а не мнимой действительности. Современная жизнь нашей страны выступает как опровержение подобных «теоретических построений», некоторые авторы не считаются с реальностью, «замазывают» ее «лжеэнграммами», выводимыми дедуктивно из предвзятых общих положений; по сути, – догм: развитие «теории» идет своим путем, независимо от жизни, общества, которые развиваются иначе, по своим законам.

К сожалению, неадекватность сказалась и на предвзятой догматической оценке многих культурных ценностей, связанных с понятием русской национальной личности. Это дает основание при историческом рассмотрении соответствующего лингвокультурологического поля выделить «деструктивный период», условно называемый так: он характеризуется нигилистическим перечеркиванием «старого» во имя «нового», «пролетарского». Эта тенденция ярко проявилась, например, в литературе в «Программе» Левого фронта искусств (раздел «В кого вгрызается ЛЕФ?»):

«Революция пересмотрела театр наших критических действий. Мы должны пересмотреть нашу тактику...

Сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого с парохода современности – наш лозунг 1912 года» [ЛЕФ, 1923, № 1, с. 8].

Таким образом, социальная лингвокультурологическая мнема (лингвокультурологическая компетенция, норма) складывается на основе синтеза и «усреднения» (то есть выделения общего характерного содержания, национальной культурной нормы индивидуальных мнем. Понятие индивидуальной мнеммы коррелирует с индивидуальной личностью, социально-культурной (лингвокультурологической) – с национальной личностью.

Из этого положения следует, что анализ такого лингвокультурологического понятия, как «русская национальная личность», должен опираться на исследование различных типов индивидуальных личностей, их разнообразных группировок и коллективного воплощения их сущности в различных фактах культуры, находящих выражение в языке.

2. Другим важным понятием, раскрывающим существенную сторону лингвокультурологической компетенции, является функциональная интерпретация ее структуры.

Лингвокультурологическая компетенция (идеальное значение системы культуры) предполагает не только парадигматическую систематизацию единиц, но и раскрытие их характерных функций. Этот аспект существен не только как теоретическая интерпретация, но и методологический план изучения (преподавания) лингвокультурологических дисциплин, его методологических основ.

Важно в этой связи подчеркнуть, что сама лингвокультура может рассматриваться не только как дедуктивно данная единица, но и единица, рождаемая в тексте и получающая в нем свою конкретную специфическую реализацию. Система и текст, дедукция и индукция оказываются здесь тесно связанными как две стороны единого целого.

Как было показано, парадигмы и синтагмы лингвокультурем в поле оказываются «удвоенными» в силу самого характера рассматриваемых единиц. Это значит, что, например, синтагматика (функциональный аспект) раскрывается здесь не только как употребление слов, но и внеязыковая сущность – система знаний обращения с предметом, само действие, сложный процесс его реализации и т.п. Лингвокультурема *щи* существенна не только как номинация предмета (первого блюда в русской кухне), его свойств и процессов, но и как раскрытие самого внеязыкового содержания, процесса приготовления кушанья: *варить щи* (состав компонентов щей, процесса их приготовления и т.п.). Сравним еще: *брага*, *варить брагу* и т.п. Следует подчеркнуть, что «глубинные» лингвокультурологические парадигмы и синтагмы внеязыкового уровня, имеющие сходные, соотносимые языковые выражения, могут не совпадать в различных культурах.

Различие может возникать в разных уровнях лингвокультурологической синтагмы. Так, русская синтагма *считать на пальцах/по пальцам*, сходная по составу компонентов и общему смыслу в целом ряде языков (ср. фр. *compter sur ses doigts*), по-видимому, будет по-разному интерпретироваться на «глубинном» внеязыковом уровне, наполняться разным конкретным содержанием в зависимости от культурного смысла лингвокультуры «считать на пальцах»:

1) «считать, загибая пальцы» (рус.),

2) «считать, разгибая пальцы» (фр.).

Изучение синтагматических свойств лингвокультурем должно предполагать оба уровня синтагматики: собственно языковой и внеязыковой, т.е. свойства культурной реалии, ее употребление и использование.

Лингвокультурологическая компетенция должна быть представлена в этой связи не только как удвоенная система (парадигма), но и как двуединая действующая функциональная модель (синтагма), в которой знак, языковое значение и культурный смысл единиц поля должны быть взаимно обусловлены. Это значит, что система знаков лингвокультурем должна раскрывать систему реальных знаний о культуре, представленных в виде модели, в которой собственно языковая «картина мира» углубляется до лингвокультурологической «картины мира» как компетенции.

Согласуясь между собой в силу диалектической связи языка и мышления как отражения мира, языковая и лингвокультурологическая «картины мира» (лингвистическая и культурологическая компетенции) в то же время имеют свои различия, свою специфику. Лингвокультурологическая компетенция принимает форму языковой, но оказывается содержательно более глубокой, так как первая выступает по отношению к ней, главным образом, только как знак, «намеки», в понимании А.А.Потебни. Лингвокультурологическая компетенция – система знаний о культуре, воплощенная в определенном национальном языке. Поэтому языковые знаки и выражения требуют внеязыкового способа их раскрытия. Так, упомянутый выше факт – счет «на пальцах» должен быть интерпретирован на

уровне глубинного культурного смысла лингвокультуры, референции: сравним, считать, *загибая* пальцы («Вот и поговорку поганую русский же придумал – пальцы де у каждого только к себе гнутся» [Ю.И. Федоров. Поручает Россия]) и, *отгибая* их (что не фиксируется в зоне собственно языковой семантики).

Лингвокультурологическая компетенция, детерминированная миром культуры и оформленная языковым полем, может быть представлена как действующая функциональная модель, (аналогичная «энергейи» В. Гумбольдта), как экспликация того, что У. Эко называет культурой как коммуникацией (Kultur als Kommunikation).

3. Так как лингвокультура представляет собой по своей природе единство собственно языкового и внеязыкового содержания, ее лингвистический анализ неизбежно должен дополняться когнитивным, чтобы стать анализом целостным, охватывающим все ее стороны. Категория знания является в когнитивном анализе центральной, а сам язык, по образному выражению Е.Г. Беляевской, «рассматривается как своеобразная «упаковка» знаний (включая знания о мире и знания о языковой системе) и мыслительного содержания, передаваемого в процессе коммуникации» [Беляевская, 1992, 3].

Такой когнитивный подход целесообразно осуществлять в виде особых моделей определенных фрагментов действительности, типовых ситуаций, «сценариев» – фреймов. «Обращение к фреймам предполагает рассмотрение всего комплекса знаний об объекте или ситуации, существующего в данный исторический период в данном социуме <...> Этот принцип обеспечивает более «энциклопедический» подход, чем это принято в традиционной лексикологии, и показывает, что лексикон тесно связан с общими знаниями человека и неотделим от них» [Беляевская, 1992, 12].

В этом смысле лингвокультуру можно рассматривать как особый микрофрейм – блок знаний о культуре, выражаемый соответствующей языковой формой и представленный на уровне языка «минимальным содержанием» – знаком – лексическим значением, а системно-функциональный аспект поля – как структуру таких микрофреймов.

Когнитивные структуры образуют, таким образом, основу не только знаний, но и значений. Моделирование таких процессов помогает раскрыть всю систему лингвокультурем как микрофреймов в заданном поле. Когнитивная модель, рассматриваемая как глубинный уровень микрофрейма – это результат лингвокреативной деятельности данного языкового социума, отражающий видение обозначаемого «предмета» материальной или духовной культуры в соответствующей системе (с учетом национально-языковой специфики); «когнитивная модель задает концептуальную схему структуризации признаков обозначаемого, распределяя их по степени важности и выделяя «номинативный фокус» обозначения» [Там же, 5].

Не менее важен, на наш взгляд, и другой аспект когнитивного уровня: внутренняя, функциональная связь фреймов (лингвокультурем), образующих единую взаимосвязанную «мозаику» единиц, находящихся в отношениях импликации. Идею «использования фреймов (т.е. развернутых сетей из взаимозависимых схем функциональных связей и последовательности действий) для представления знаний» предлагал в книге «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов [1987, 192]. Мы считаем, что такую единицу можно использовать не только на уровне «языка мысли», но и более специализированно – в области лингвокультурологии.

Существенным при когнитивном подходе является не только раскрытие «последовательности действий», операций с «предметом» в референтивном плане, но и проникновение благодаря «развернутым сетям» связей в саму структуру поля, где ядро, центр и периферия оказываются тесно связанными отношениями составляющих их единиц. «Сеть» позволяет последовательно переходить от центра к периферии и, наоборот, обособивать смысловой характер единиц центра, раскрывать их содержание через свойства периферийных единиц, например, доминанты образа жизни русского народа.

6.11.3. Сквозная тема «Образ жизни русского народа»

Последние годы развития образовательного процесса в России показывают, что понятие «интеграция» в вопросах об-

новления содержания образования и построения соответствующих учебных курсов становится все более широко распространенным и привычным.

Возможность и желательность была и остается предусмотренной различными нормативными образовательными документами и проектными разработками.

Большинством специалистов признается, что содержание в форме готового знания по отдельным дисциплинам не соответствует реальному положению вещей ни в науке, ни в искусстве и, с одной стороны, формирует разорванное знание о мире, а с другой – приводит к отторжению передаваемого опыта.

Поэтому решение большинства задач, стоящих сегодня перед образованием так или иначе связано с формированием целостного восприятия мира и себя как активной личности в нем.

Этой цели подчинена работа, связанная с осмыслением, разработкой и практическим внедрением концепции глобального образования, главной идеей которого является формирование свободной и непринужденной личности с высокой мерой ответственности за судьбу мира в целом.

Переход к глобальному образованию – процесс постепенный. Для переходного периода, в котором в настоящее время находится российское образование, целесообразным представляется разработка интегрированных глобально-ориентированных курсов, которые можно добавить к существующим программам.

Хотя сама идея глобальности не может замыкаться в рамках одной дисциплины, очевидно, что такой учебный предмет как русский язык как иностранный является удобным полигоном для внедрения данной педагогической концепции. Это обусловлено универсальностью самого предмета, коммуникативной нацеленностью обучения, возможностью формирования большинства когнитивных универсалий, способностью видения особенностей другого мира.

Обладая огромным глобальным потенциалом, русский язык является основой организации «диалога культур» на занятиях по русскому языку на всех этапах обучения иностранных студентов. Такой «диалог культур» может быть успешно реали-

зован в рамках специального интегрированного курса «Образ жизни русского народа».

Разработанный с учетом принципов социокультурного подхода к обучению иностранным языкам [Сафонова, 1996], являющегося одним из воплощений идей общепланетарного глобализма и гуманизации образования, учебный курс «Образ жизни русского народа» представляет собой попытку интеграции этих образовательных областей на основе прикладной (сопоставительной) лингвокультурологии, выделенной в качестве системообразующего стержня курса.

Исходя из этого изучение языка и культуры в рамках данного интегрированного курса направлено на «формирование у обучаемых ценностного отношения к языку как социальному явлению, как к средству отражения иностранного и родного языков, средству межкультурного общения и обобщения знаний о диалектике взаимодействия национального и общепланетарного восприятия мира различными народами, в их духовной, материальной и физической культуре и ее разнообразных формах существования» [Сафонова, 1996, 184].

Общей целью интегрированного курса является создание с помощью русского языка предпосылок для формирования творческой, толерантной к восприятию иного личности, способной решать нестандартные задачи, которые ставит перед человечеством настоящее и будущее мира.

Данная цель представляет собой базу для реализации, прежде всего, личностноформирующих целей (воспитательных, образовательных и развивающих) в контексте глобального образования.

В процессе достижения этих целей интегрированный курс ориентирован на формирование у обучаемого иноязычной коммуникативной компетенции, представляющей собой определенный уровень владения языковыми, речевыми и социокультурными знаниями, навыками и умениями, который позволяет обучаемому коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать свое речевое поведение в зависимости от функциональных факторов общения, создающих основу коммуникативного межкультурного развития [Сафонова, 1996].

Таким образом, данный курс делает основной акцент на культурный анализ и в меньшей степени является занятием по развитию иноязычных речевых умений. Интегрированный курс предполагает уже наличие хорошей сформированности основных речевых умений, а работа над языком включается преимущественно в работу над культурным содержанием.

Задачей данного курса является установление баланса между языковой тренировкой и осмыслением культурных явлений как в родной, так и в иноязычной культурах. Это предполагает выделение следующих узловых моментов в работе в рамках интегрированного курса:

- на примере содержания русскоязычной культуры иностранные студенты должны познакомиться с возможной иной позицией в референтных отношениях и опытным путем временно воспринять ее с тем, чтобы потренироваться в рассмотрении иноязычной культуры с другой точки зрения;

- при этом расширяются знания не только о чужой (русской) культуре, но и о культуре собственной;

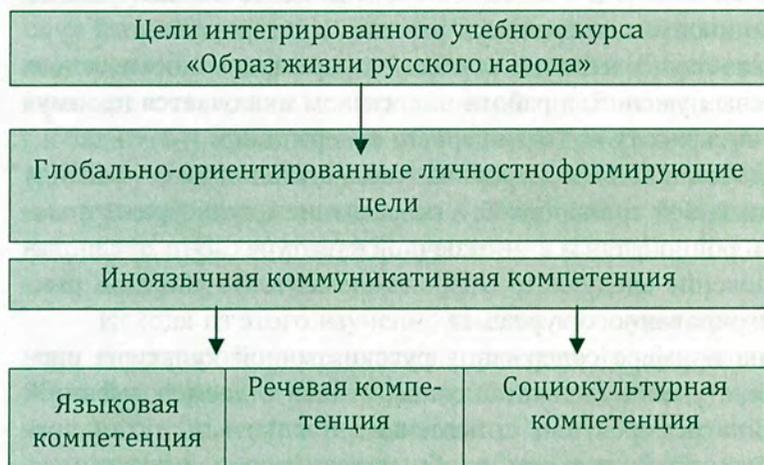
- одновременно иностранные студенты знакомятся с методами обучения, ориентированного на действие, проводят их апробацию и получают навыки по сбору, оценке и интерпретации явлений другой культуры;

- студенты развивают свои иноязычные коммуникативные умения особенно в чтении путем работы с аутентичными иноязычными материалами (текстами различных видов и жанров).

Цели обучения в интегрированном учебном курсе детально представлены на схеме 1.

Такое выделение целей в рамках интегрированного курса дидактически оправдано, однако необходимо учитывать, что курс может быть эффективным только при комплексном подходе к реализации личностноформирующих целей и формировании иноязычной коммуникативной компетенции в контексте глобального образования.

Цели интегрированного курса входят составной частью в цели обучения русскому языку как иностранному в рамках основного курса. Однако они достаточно автономны и требуют уточнения при рассмотрении содержания обучения.

В связи со спецификой интегрированного курса особый акцент делается на достижении глобально-ориентированных личностноформирующих целей, а также на сформированности у учащихся всех аспектов социокультурной компетенции.

В целеполагании в рамках данного курса эти аспекты социокультурной компетенции конкретизируются следующими компонентами, работа над которыми происходит в процессе всего обучения:

1. Социокультурный компонент (знания):

– социокоммуникация (языковые явления (безэквивалентная лексика / фразеологизмы, восклицания / бытовые реалии), язык мимики и жестов, правила ситуативного употребления языковых явлений);

– национальная ментальность (общие характеристики народа (знания, поведение, отношения), праздники, традиции, обряды и ритуалы носителей языка, национальные черты (авто- и гетеростереотипы)).

– национальное достояние (фактический материал их географии, истории и религии, о науке и искусстве, туристических достопримечательностях).

2. Опыт общения:

- верная трактовка явлений иноязычной культуры;
- выбор социокультурно приемлемого стиля общения;
- прогнозирование восприятия и поведения носителей языка и культуры;
- повышенная толерантность при общении на иностранном языке к участникам коммуникации;
- способность преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении;
- создание социокультурного портрета страны изучаемого языка (России), а также участников коммуникации.

3. Опыт применения языка:

- опознание социокультурно маркированных языковых единиц в изучаемых сферах межкультурной коммуникации;
- правильное употребление социокультурно маркированных единиц в речи;
- адекватный перевод социокультурно окрашенного материала на родной язык;
- социокультурная восприимчивость к обнаружению тенденций в сходствах и различиях между родным и иностранным социокультурными полями.

Таким образом, в этом смысле настоящий курс не является языковым курсом, формирующим исключительно прагматическую компетенцию, а прежде всего курсом, формирующим личность иностранного студента средствами русского языка и русской культуры.

6.11.4. Содержание курса

В программе содержание обучения представлено:

- 1) тематическим содержанием элективного учебного курса с указанием обобщенно-содержательного плана речи и количеством часов, предполагаемых для разработки конкретного модуля;
- 2) конкретным предметным содержанием каждого модуля на основе параллельных вопросов для родной и иноязычной культур с указанием ожидаемого речевого продукта и конечного планируемого результата обучения;

3) примерными проблемными коммуникативными ситуациями, подлежащими рассмотрению в ходе работы в каждом модуле;

4) типами текстов, включаемых в тематические модули;

5) примерами компонентов сопоставительной лингвокультурологии, подлежащих анализу в ходе работы в тематическом модуле.

Таблица 1

Тематическое содержание учебного курса

Модуль	Обобщенно-содержательный план речи	Количество часов
1. (подготовительный теоретический модуль)	Культура и механизмы ее понимания	6
2.	Семья	4
3.	Жилище	4
4.	Одежда	4
5.	Питание	4
6.	Знание / образование	4
7.	Правительство / управление	4

Содержание интегрированного учебного курса в качестве составной части курса обучения русскому языку как иностранному направлено на решение следующих задач:

1) ознакомление иностранных студентов с основами сопоставительного анализа сторон жизнедеятельности российского общества, вклада русского народа в социально-культурный опыт человечества и в фонд культуры;

2) концентрация внимания иностранных студентов на необходимости учета социокультурного фона русскоязычного общения при выборе модели и содержания речевого и неречевого поведения.

В основное содержание обучения в рамках интегрированного курса включаются следующие аспекты:

- понятие «культура»;
- различия и сходства в языковом и культурном плане и способы их определения;

– точки соприкосновения и взаимодействия разных культур и способы их определения;

– механизмы культурного осознания (стереотипы и сравнение);

– смена позиций в референтных отношениях как один из возможных собственных механизмов культурного осознания.

В программе данные аспекты представлены особым (теоретическим подготовительным) модулем в содержании обучения (табл. 1). Они реализуются на основе содержания обучения русскому языку как иностранному в рамках интегрированного курса.

Тематика устно-речевого и письменного общения как таковая представлена в Программе основного курса обучения русскому языку как иностранному. Однако с учетом целей интегрированного курса в программной тематике выделяются следующие глобальные аспекты, требующие специального рассмотрения в процессе обучения:

1. Роль России и русского народа в Европе и мире.

2. Россия (русские) и Европа (французы, немцы, англичане и др.): точки соприкосновения.

3. Стереотипы восприятия различных культур.

Данные аспекты отражаются во всех выделяемых темах интегрированного курса. Таким образом, знакомство с культурой, традициями и реалиями русского народа в сопоставлении с иной культурой пронизывает весь интегрированный курс, позволяя придать ему характер диалога культур.

Программные темы имеют проблемный характер и представлены в виде тематических модулей, в основе которых лежат базисные проблемы человечества, соотносимые по своему содержанию с перечнем основных культурных универсалий.

Необходимо отметить, что количество модулей может быть существенно увеличено, а их тематика расширена на основе других культурных универсалий, например, таких как мировоззрение (вера, религия), право, конфликт и война, экономическая организация (системы торговли и обмена, добычи и производства, собственность, труд и уровень жизни), искусство, стандарты вкуса и красоты, игры и отдых и т.д.

Главным критерием при этом должен служить интерес иностранных студентов к затрагиваемой проблематике.

В качестве предмета речи на русском языке в каждом тематическом центре выделены узловые моменты, раскрывающие содержание темы и отражающие ее суть в русской и иноязычной культуре.

Содержание тематического модуля конкретизируется параллельными вопросами, ответы на которые отражают основные моменты одного и того же явления в русской и иноязычной культуре.

Одной из важнейших характеристик тем является их включенность в определенные сферы общения. Для интегрированного учебного курса в силу его специфики наибольшее значение представляют две сферы общения: личная и общественная. Личная сфера отражает личную жизнь человека, в первую очередь, дом, семью и друзей. Общественная охватывает деятельность человека как субъекта общества или члена какой-либо организации.

К предметному содержанию относятся ситуации общения, в которых реализуются коммуникативные задачи и речемыслительные действия.

Исходя из целей обучения в рамках интегрированного курса, ракурс подхода к работе над ситуациями изменен. Основное внимание уделяется не умению пользоваться готовым набором таких ситуаций, а умению анализировать основные компоненты любой ситуации общения: место и время; социальная характеристика; участники общения; предметы (одушевленные и неодушевленные), окружающие обучаемого; происходящие события; действия, которые выполняют участники общения; тексты, которые используются в данной ситуации.

В качестве следующего компонента содержания обучения русскому языку выступают языковой (лексический, грамматический и фонетический) и речевой (прежде всего связный текст) материал.

При обучении грамматике в рамках данного курса необходимо придерживаться способа организации грамматического материала, который в методике получил название лексического подхода.

Это означает, что грамматические формы изучаются не в системе, а как отдельный языковой факт. Объяснение некоторых грамматических явлений, число которых ограничено, но некоторые несут определенную культурную нагрузку и необходимы для осуществления общения в пределах отобранных тем, проводится в ходе непосредственной работы над конкретными текстами и по мере необходимости.

Исходя из целей и адресата интегрированного учебного комплекса, в данном курсе отсутствует и специальный фонетический минимум. Критерием для правильного звукового оформления речи в данном случае выступает литературный вариант русского языка, изучаемый в основном курсе.

Основное значение в обучении в рамках данного курса имеет не присвоение специально отобранных единиц лексического минимума, а умение осуществлять социокультурный анализ любых лексических единиц (например, при чтении текстов). Это дает возможность проводить обучение на основе лексического минимума основного курса.

Вместе с тем, сопоставительная лингвокультурология как основа предметного содержания курса определяет характер лексики, которой уделяется особое внимание.

Это, прежде всего, три группы национально-маркированных лексических единиц: безэквивалентная (лексические единицы, не имеющие словарных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков), фоновая (лексические единицы, отличающиеся лексическими фонами от эквивалентных иноязычных слов) и коннотативная (лексические единицы, обладающие дополнительным содержанием, которое накладывается на их основное значение и выражающие эмоционально-оценочные оттенки) лексика.

Сюда же относятся примеры таких лингвистических и экстралингвистических явлений, как восклицания, язык мимики и жестов.

Как показывают новейшие исследования, языковое выражение, закрепленное через общественную культурную память следа отражения действительности в сознании носителями языка, не может ограничиться только названными выше лексическими явлениями.

Таким образом, выделяется еще один важный компонент в какой-то степени объединяющий безэквивалентную, фоновую и коннотативную лексику – лингвокультурема. Будучи единицей более глубокого уровня, чем слово, лингвокультурема аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так и тесно связанную с ней внеязыковую культурную среду. Лингвокультурема трудно поддается вычленению, так как она живет в языке, только пока жив породивший ее контекст. Контекст же, как известно, задается, прежде всего, речевым материалом, т.е. текстом.

В рамках интегрируемого учебного курса используются преимущественно аутентичные тексты культурологического характера, которые рассматривают вопросы менталитета или специфические культурные или национальные особенности. Лингвокультурологический потенциал таких текстов представлен преимущественно содержательно-фактической информацией, а страноведческий потенциал лексического массива текста включает общую совокупность запечатленных в словах этого массива сведений, отражающих своеобразие истории, культуры, быта, мироощущения, поведенческих и иных стереотипов народа, который говорит на соответствующем языке.

При обучении русскому языку как иностранному в рамках интегрированного курса используются четыре основных типа аутентичных текстов культурологического характера: 1) узально-поведенческий тип, основанный на практически-бытовом срезе русскоязычной культуры; 2) общественно-политический тип, служащий целям введения первичных знаний о стране изучаемого языка (России); 3) культурно-страноведческий тип, основанный на культурно-историческом срезе русскоязычной деятельности и служащий для введения фоновых знаний культурного наследия; 4) тип лингвокультурологического текста об образе жизни русского народа, основанный на социологическом срезе русскоязычной культуры и служащий для введения фоновых знаний о существенных сторонах современного образа жизни россиян.

Данные четыре типа аутентичных текстов культурно-страноведческого характера представлены в каждом тематическом модуле, причем как на русском, так и, исходя из целей

курса, на иностранном языках. Однако это не исключает использование и других типов текстов.

Тексты подбираются преподавателем специально, исходя из содержания тематического модуля. Кроме того, возможно использование аутентичных текстовых материалов.

Исходя из того, что настоящий интегрированный учебный курс является надстройкой к основному курсу, служащей для более углубленного изучения русского языка, требования к предметным речемыслительным действиям основываются на положениях действующей Программы. В рамках интегрированного курса происходит дальнейшее развитие этих умений в соответствии с социокультурным подходом к процессу обучения и на основе сопоставительной лингвокультурологии.

В Программе выделяются речевые умения, на развитии которых акцентируется внимание в ходе работы над языковым и речевым материалом ввиду их особой актуальности для данного интегрированного модульного комплекса. Это, прежде всего, умения в говорении (диалогической и монологической речи), а также чтении (табл. 2).

Особое внимание в рамках интегрированного учебного курса уделяется чтению как виду речевой деятельности. Оно развивается, как уже демонстрировалось выше, на основе аутентичных текстов разного жанра, имеющих коммуникативную и личностно-ориентированную направленность.

В ходе работы у студентов формируются умения ознакомительного чтения (для ознакомления с общим содержанием текста), просмотрового чтения (для выборочного ознакомления с определенными положениями текста) и изучающего чтения (для подробного изучения содержания прочитанного материала).

Необходимо отметить, что обучение русскому языку как иностранному в рамках интегрированного курса предусматривает развитие умений во всех основных видах речевой деятельности, т.к. в учебном процессе они тесно взаимосвязаны друг с другом. Выделение говорения и чтения в интегрированном курсе в качестве ведущих речевых умений не противоречит данному принципу взаимосвязи (аудирование и письмо также представлены, но они являются как бы обслуживающими доминирующие виды), а обусловлено спецификой самого курса.

Умения, формируемые в рамках интегрированного учебного курса

Умения в говорении	Умения в чтении
<ol style="list-style-type: none"> 1. Задавать вопросы и адекватно отвечать на вопросы. 2. Выразительно и близко к реальности играть свою роль в возможной инсценировке разговора, интервью, беседе. 3. Проигрывать ситуации общения с российскими сверстниками, гостями. 4. Обмениваться мнениями о событиях, факте. 5. Опрашивать партнеров по общению по различным проблемам тематики и дискутировать по данным проблемам. 6. Высказываться по содержанию текста с опорой на краткие записи, план или ключевые слова. 7. Передавать содержание прослушанного или прочитанного текста. 8. Высказываться кратко по содержанию прочитанного или прослушанного текста. 9. Рассказывать о каком-либо событии или факте. 10. Выступать с докладом или рефератом по проблеме тематики. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Понимать общее содержание прочитанного с выделением основной мысли, идеи, ключевой информации. 2. Понимать полное содержание прочитанного с опорой на известные лексические единицы и языковые средства. 3. Извлекать из прочитанного нужный факт или событие. 4. Прогнозировать события и факты, развитие действия в тексте. 5. Воспроизводить прочитанное с опорой на ключевые слова или план. 6. Делить текст на смысловые части, выделять в них главное. 7. Сокращать текст за счет устранения второстепенной информации для последующей передачи его содержания в форме диалога или монолога. 8. Конструировать диалог в форме интервью, разговора на основе прочитанного текста. 9. Составлять и обсуждать проблемы с опорой на текст. 10. Раскрывать и обсуждать проблемы с опорой на текст. 11. Составлять план выступления по проблеме и делать краткие записи к каждому пункту плана. 12. Обобщать проблему, привлекая уже известные факты из других областей повседневной жизни.

Работа по формированию данных коммуникативных умений, обеспечивающих реализацию познавательно-коммуникативных потребностей иностранных студентов, происходит в ходе обучения русскоязычному общению в контексте диалога культур параллельно и на основе формирования умений анали-

зировать и сравнивать сведения и факты родной и русскоязычной культур.

Таким образом, аспекты содержания обучения русскому языку как иностранному в рамках интегрированного курса – предметный, языковой и речемыслительный – не имеют кардинальных отличий от содержания обучения русскому языку как иностранному в традиционном курсе.

Однако все эти аспекты должны быть насыщены русским языком за счет привлечения новых ракурсов рассмотрения: познавательного (благодаря знакомству с традициями, культурой и реалиями жителей России, сравнению языковых средств родного и русского языков) и коммуникативного (благодаря активизации получаемых знаний и формируемых умений и навыков в разнообразных ситуациях общения).

6.11.5. Организация обучения

Содержание обучения строится на основных аспектах прикладной (сопоставительной) лингвокультурологии, отражающих взаимосвязи студентов с культурой средой.

Это, соответственно, появляется во внешней структуре курса, которая построена в виде концентрически развивающихся разделов (модулей), при котором каждый последующий модуль будет в значительной степени включать предыдущий, расширяя и обогащая его.

При этом необходимо подчеркнуть, что понятие «модуль» рассматривается в двух уровнях:

1) учебный модуль, как относительно самостоятельный, функционально-ориентированный фрагмент процесса обучения, имеющий собственное программно-целевое обеспечение, т.е. своеобразная надстройка к основному курсу обучения русскому языку как иностранному;

2) завершённый тематический блок дидактически адаптированной информации (включая задания и упражнения).

В качестве учебного модуля как относительно самостоятельного, функционально-ориентированного фрагмента процесса обучения разработанный интегрированный модульный ком-

плекс является курсом, представляющим собой развитие и углубление основного курса русского языка как иностранного.

Он рассчитан на 1 год (30 часов в год, из расчета 1-2 часа в неделю) в зависимости от конкретных условий (например, количество часов может быть увеличено за счет часов, отводимых на факультативные занятия).

Соотнесение его с основным курсом не должно быть жестким: преподаватель-русист может его использовать, работая по специально подобранным материалам и каждую неделю, выделив часы на основной и интегрированный курс, разъяснив при этом студентам специфику каждого (на наш взгляд, более предпочтительный вариант), или он может, благодаря увеличению сетки часов, интенсивнее работать со студентами над основным курсом и раньше закончить его, а оставшееся время посвятить работе над интегрированным курсом.

Можно, вероятно, вклинивать работу над интегрированным курсом между темами основного курса, особенно там, где тематическое наполнение двух курсов совпадает.

Комплекс модулей (завершенных тематических блоков дидактически адаптированной информации, заданий и упражнений) представляет собой отражение содержания интегрированного модульного комплекса (схема 2).

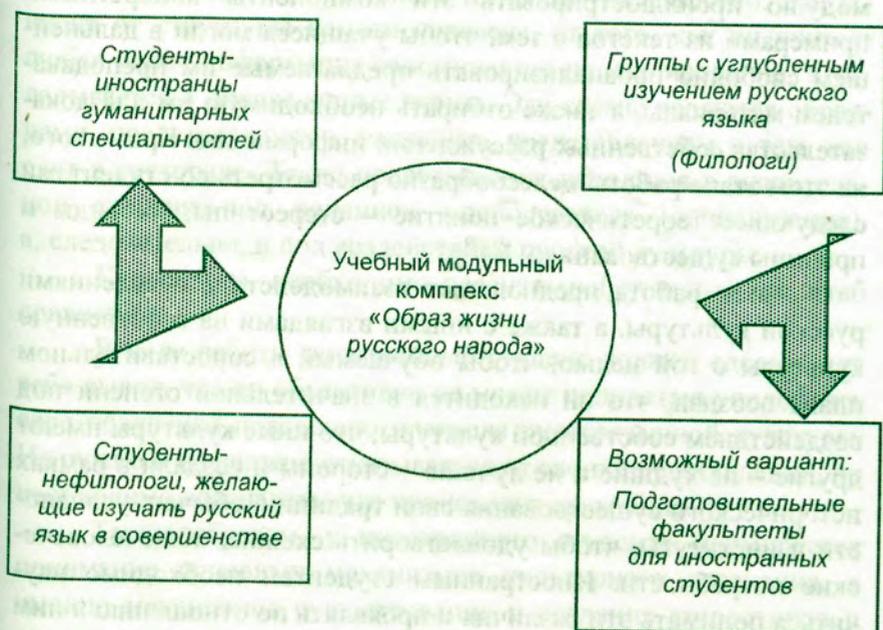
Особую роль в содержании интегрированного курса играет подготовительный теоретический модуль. Он призван ознакомить иностранных студентов (и обобщить имеющиеся уже у них опыт и знания из других образовательных областей) с основными теоретическими понятиями, которыми им придется оперировать в ходе работы: «культура», «положительные / отрицательные стереотипы восприятия», «сравнение» и т.д.

Тем самым студенты вооружаются своеобразным мета-языком (на русском языке) предмета для последующей эффективной работы над культурными явлениями, что в свою очередь является предпосылкой для ознакомления обучаемых с основами сопоставительного анализа различных сторон жизнедеятельности российского общества.

Для этого студентам предлагается, например, выяснить, что понимается под словом *культура*, из каких компонентов состоит это понятие, обсудить различные предложенные им на

русском языке определения культуры, проиллюстрировать своими примерами дефиниции культуры, которые наиболее полно соответствуют представлениям учащихся, дать собственное определение, обосновав его, и представить его перед группой.

Схема 2

При проработке предложенных определений студенты обращают особое внимание на слова и выражения, имеющиеся в этих дефинициях, которые помогут им выразить суть данного понятия в собственных определениях культуры.

Задача данного модуля заключается в том, чтобы продемонстрировать учащимся многообразие вариантов описания одного и того же явления – «культуры» – общего по своей сути для любого общества.

Следующим шагом является установление различий и сходства в языковом и культурном плане в русской и иноязычной культурах, а также точек соприкосновения и взаимодействия разных культур и способы их определения.

Для этого можно воспользоваться анализом имеющихся в текстах примеров, которые иллюстрируют компоненты сопоставительной лингвокультурологии. К таким компонентам можно отнести следующие: языковой; прагматический; исторический; эстетический; этический; образный.

Представляется важным уже в ходе работы по данному модулю проиллюстрировать эти компоненты конкретными примерами из текстов с тем, чтобы учащиеся могли в дальнейшем свободно проанализировать предлагаемые им преподавателем материалы, а также отбирать необходимую им для доказательства собственных рассуждений информацию. Кроме того, на этом этапе работы целесообразно рассмотреть со студентами следующее теоретическое понятие – стереотипы, их виды и причины существования.

Такая работа предполагает взаимодействие с явлениями русской культуры, а также с иными взглядами на собственную культуру с той целью, чтобы обучаемый в сопоставительном плане осознал, что он находится в значительной степени под воздействием собственной культуры, что иные культуры имеют другие – не худшие и не лучшие – стороны и создали в рамках исторического существования свои традиции, обычаи, условности и институты, чтобы удовлетворить схожие, общечеловеческие потребности. Иностранным студентам необходимо научиться понимать эти различия и проявлять по отношению к ним терпимость.

Отправной точкой для такого понимания является создание собственных представлений (стереотипов) об иной культуре, так как только это делает возможным изучение культуры и, тем самым, констатация (но не акцентирование) таких различий.

В ходе работы необходимо подвести учащихся к пониманию того, что стереотипы являются обобщениями, которые сформированы людьми, чтобы упорядочить восприятия и представления и уместить их в стандартные рамки. Основной функцией этого процесса является возможность ограничения объема и сложности воспринимаемой информации.

Зачастую стереотипы сопровождаются позитивными или негативными предубеждениями. Однако так как они предполагают наличие точек соприкосновения, стереотипы могут быть

очень полезными при обучении русскому языку как иностранному в контексте русской культуры, если они постоянно соотносятся с индивидуальным опытом учащихся и статистически-ми данными и затем корректируются.

Иностранному студенту следует осознать, что человек постоянно сравнивает: любая новая информация, любой новый опыт воспринимается на основе того, что уже известно. Это зависит от структуры памяти человека, от того, как он учится: любая новая информация запоминается не изолированно, а укладывается в определенные схемы. Эти схемы являются образцами, представлениями, например, представлением о том, как едят в ресторане. Такие представления находятся в значительной степени под влиянием преподавателя (социализация), а, следовательно, и под воздействием русской культуры.

Кроме того, необходимо осознать собственный масштаб сравнения.

В ходе работы иностранному студенту следует сделать для себя вывод, что он объективно не может полностью уподоблять свое поведение поведению носителя русскоязычной культуры. Не нужно и не должно отказываться от своих представлений, но необходимо осознавать, что происходит сравнение.

Таким образом, у иностранного студента формируется понимание основных механизмов культурного осознания, а именно механизмов существования и создания стереотипов и сравнения, как способа нахождения и распознавания культурных стереотипов.

Далее это понимание трансформируется в понимание необходимости формирования собственных механизмов культурного осознания учащихся.

Главный из них – умение смены позиции в референтных отношениях. Данное умение применительно к изучению русского языка как иностранного в контексте русской культуры можно рассматривать как способность и готовность воспринять иностранному студентом (субъектом референтных отношений), его интерпретацию поведения и его образцы понимания и, тем самым, лучше понять его действия.

Такое восприятие истинной позиции служит тому, чтобы научиться оценивать других людей с их способностями, знания-

ми и т.д., и, следовательно, научиться оценивать и ценить как свою собственную, так и иную культуру.

Предпосылкой смены позиции в референтных отношениях является, во-первых, знание того, что такая позиция имеется в наличии вообще, во-вторых, понимание необходимости смены позиции, в-третьих, когнитивная способность к смене позиции и, в-четвертых, способность установить различия между собственной и иной позицией.

Важным здесь будет являться и умение анализировать все компоненты коммуникативной ситуации.

Наиболее эффективно такой анализ можно провести на примере контрастивно-сопоставительных текстов (на русском и иностранном языках), посвященных одному и тому же явлению в русской и иноязычной культуре. Такие тексты дают возможность сконцентрировать внимание учащихся на названных выше компонентах сопоставительной лингвокультурологии, проанализировать их с точки зрения наличия таких явлений в собственной и русскоязычной культуре, установить причины их существования.

Иностранный студент видит себя как бы со стороны и подвергает сомнению то, что раньше воспринималось им как само собой разумеющееся, так как он теперь знает, что можно жить, думать и воспринимать по-другому. Тем самым межкультурное обучение вносит свой вклад в развитие личности и выходит за рамки обычного обучения русскому языку как иностранному.

Таким образом, подготовительный теоретический модуль вооружает иностранных студентов основными понятиями, которыми они смогут оперировать в своей работе, закладывает предпосылки для дальнейшего развития умения анализа явлений собственной и русскоязычной культуры и формирования умения смены позиции в референтных отношениях, следовательно, формируются основы успешного овладения знаниями, навыками и умениями в рамках лингвокультурологического подхода.

Эти теоретические основы развиваются в дальнейшем в ходе практической работы над материалами тематических модулей интегрированного курса.

Однако, как представляется, теоретическая информация недостаточна для достижения целей межкультурного обучения. Студентам необходимо предоставить возможность «проиграть» конкретные ситуации, используя разнообразные задания, приобрести новый опыт.

Поставив себя на место русскоязычного партнера, попытавшись проследить его мысли и ощущения, иностранный студент сможет лучше ориентироваться как в своей собственной, так и в русскоязычной культуре.

«Ступени» такой работы можно представить следующим образом: информация; упражнения; новый опыт; эмпатия; ориентирование.

Материалы тематических модулей, представленные в виде текстовой информации и заданий к ней, являются основой тренировки учащихся в достижении каждой из этих «ступеней». В ходе такой тренировки иностранные учащиеся постоянно возвращаются к основным теоретическим положениям, с тем, чтобы их высказывания были более доказательны.

Такая работа проводится по каждой теме с использованием метода смены позиций в референтных отношениях.

В первом приближении основные этапы функционирования данного метода могут быть представлены в виде следующей пошаговой системы:

1. Констатация наличия явления (проблемы, ситуации, предмета), вызывающего интерес обучаемых, с целью осознания собственных ценностных представлений о нем и активизаций общего культурного фона.

2. Выявление позитивных и негативных характеристик данного явления (проблемы, ситуации, предмета), присущих ему в родной культуре (оба эти этапа помогают осознать понятия, которые кажутся сами собой разумеющимися в собственной культуре).

3. Выявление точки зрения носителей изучаемой (русской) культуры на данное явление в культуре обучаемых с целью установления типичных стереотипов, клише о собственной стране. Это позволяет сравнить позиции в референтных отношениях.

4. Выявление наличия интересующего явления в русскоязычной культуре с целью концентрации внимания обучаемых на культуре изучаемого (русского) языка.

5. Сравнение отличий и общностей данного явления в родной и русскоязычной культурах. При этом осознаются и устраняются предубеждения и отрицательные стереотипы. Дополнительно приходит осознание необходимости развития способности смены позиций в референтных отношениях при изучении русского языка как иностранного.

6. Установление точек соприкосновения разных культур, способствующих осознанию обучаемыми того, что данное явление существует как компонент культурной универсалии в любой культуре, но имеет свои отличия в сравнении с тем же явлением родной культуры, и что это необходимо знать и понимать или, по крайней мере, относиться к нему толерантно.

В рамках интегрированного модульного комплекса «Образ жизни русского народа» данные этапы представляют в общем виде систему работы с материалом на всех компонентных уровнях: от языковых средств до правил их ситуативного употребления с учетом культурноспецифического фона.

Работа на каждом этапе предусматривает наличие целого комплекса заданий, направленных не только на достижение поставленной для этого этапа целей глобального и интеркультурного образования, но и на формирование всех компонентов коммуникативной компетенции – лингвистического, тематического, социокультурного, компенсаторного, учебного.

При этом уже сами задания могут являться составляющими общего метода смены позиции в референтных отношениях.

Результаты таких занятий не всегда можно оценить однозначными категориями – «правильно» – «неправильно». Следуя установкам глобально-ориентированного обучения, преподавателю необходимо отказаться от того, чтобы указывать иностранному студенту «правильный» путь, он должен ограничиваться тем, чтобы помочь учащемуся найти свой собственный путь.

Для констатации успешности обучения студентам может быть предложено заполнить типологически аналогичные анкеты в начале курса и в его заключение с последующим анализом

и комментарием полученных результатов, что, в свою очередь, будет являться еще одним шагом в развитии как русскоязычных, так и глобально-ориентирующих умений и навыков.

6.11.6. Модель занятий по русскому языку с иностранными студентами по формированию лингвокультурологической компетенции

Предлагается вниманию материал по проработке лексико-семантического поля «соборность» как один из путей формирования вторичной языковой личности [С.А. Митрофанова, 2009].

Известно, что взаимоотношения языка и российской действительности являются актуальной проблемой, так как изучение языковой картины мира идёт в тесной связи с исследованием человеческого фактора в языке.

Эффективным способом реконструкции языковой картины мира и того менталитета, который порождает и объясняет эту картину, является анализ национально-культурных концептов, один из которых концепт «соборность», отражающий дух русского народа.

Учитывая тот факт, что каждый народ по-своему членит и видит окружающий мир, очевидно столкновение двух картин мира, поэтому неизбежен ряд трудностей в практике преподавания русского языка как иностранного. Следовательно, «изучение русского языка как иностранного сопровождается своеобразным раздвоением личности. Именно эта необходимость перестройки мышления, а также собственно, родной картины мира по чужому образцу представляет собой одну из главных трудностей овладения русским языком...» [Башурина, 2008, 36].

В период обучения студентов-иностранцев (особенного гуманитарного профиля) на продвинутом уровне подобные проблемы, на наш взгляд, поможет разрешить анализ лексико-семантического поля того или иного концепта после того, как учащиеся уже освоили основные теоретические положения лингвокультурологии.

На примере этапов анализа лексико-семантического поля «*соборность, соборное единство*» продемонстрируем подобную работу.

Во-первых, необходимо дать базовое определение понятия *соборность*.

Соборность – это один из основных признаков христианской церкви. Лексема *соборный* определяла одну из характеристик Церкви в православном Символе веры: «Верую,, во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Именно словом *соборная* славянские просветители Кирилл и Мефодий при переводе христианского Символа веры, принятого на Никейском Соборе в 325г., передали смысл древнегреческого термина *katholikos*, А.С. Хомяков по достоинству оценил значение этой лингвистической находки: «*Не посмею сказать: глубокое ли познание сущности Церкви, почерпнутое из самих источников истины в школах Востока, или еще высшее вдохновение, писанное тем, кто один есть «Истина и Живота, внушило передать в символе слово кафолический словом соборный; но утверждаю смело, что одно это слово содержит в себе целое исповедание веры»* [Хомяков, 1994, 313]. Соборность – одно из главных духовных условий национального единства и создания мощной державы, какой была Россия.

Это значение, по мнению славянофила, лучше передаётся словами **соборный**, соборность, обозначающими идею не количественного, а духовного соединения: «*Собор выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве»* [Там же, с. 312]. Именно эта дефиниция стала исходной при толковании соборности в славянофильстве и в русской религиозно-философской мысли в целом.

Таким образом, выделяем интегральную сему поля – *общность*. Эта сема способна быть критерием при разделении лексемы на слова, входящие в поле, и на слова, которые к данному полю не относятся. Так, ясно, что лексема *товарищество* принадлежит полю соборности, общности, потому что она характеризует качество тех отношений, которые возникают между людьми, объединёнными общими интересами. Дух соборности понимается как черта русской национальной личности: как «чувство локтя», «артельности», коллективной близости, со-

единения личного и общего в преодолении трудности, взаимной помощи.

Далее приводим ряд русских паремий, которые наиболее ярко иллюстрируют это качество русской национальной личности:

Доброе братство милее богатства;

Больше той любви не бывает, как друг за друга умереть;

Жить заодно – делиться пополам.

Во-вторых, необходимо отметить в качестве подклассов соборности семы со значением *единения, общительности, коммуниаторности*. На аналогичных основаниях в поле должны войти лексемы: *взаимопомощь, добросовестность, сплочённость, сотрудничество*.

Интегральная сема заставляет включить в поле не только номинативные единицы, но и фразеологизмы, афоризмы, например:

«Один за всех, все за одного», «Люби ближнего как самого себя» и др.

Но тут возникает проблема, когда немалое количество сомнительных случаев в отборе языкового материала не позволяет интегральной семе прийти к однозначному решению. Ясно, что отношения общности, единства господствуют в большинстве объединения русских людей, т.к. «для русских непредставима целая жизнь иначе, как коллективная – общий порядок и совместное пользование всеми благами жизни для всех сограждан» [Воробьев, 1993]. Но означает ли это, что в поле концепта входят: *бригада, смена, мастерская, артель, дружина, группа, съезд* и т.п.? Но необходимо помнить, что «выявленная на философских основаниях интегральная сема нуждается в языковой конкретизации, т.е. в интерпретации на различных уровнях обыденного, массового сознания» [Там же, 34].

В-третьих, именно на языковую конкретизацию стоит нацеливать студентов-иностранцев. Чтобы получить точно очерченные критерии отбора, необходимо вернуться к понятию *соборность*, подчёркивая его значение для повседневно-бытовой жизни, отражаемой в языке. А.В. Васильев точно определил взаимосвязь *личности и соборности*: «На пространстве всей девятивековой сознательной жизни Русского народа мы видим во всех положительных самобытных её явлениях присутствие

тех же сопутствующих одно другому и стройно сочетающихся, образующих и творческих, *личного* и *соборного* начал... Хорошая русская песня, это песня соборная, в которой отдельные самостоятельные голоса и напевы стройно сливаются в общем созвучии. Образцовая русская семья – та, где царит *совет* и *любовь*, пожелание которых приветствуют новобрачных. Образцовый русский способ решения общественных дел, это решение их *миром*, при котором разногласица свободных мыслей сводится к единодушному решению взаимного любовью и желанием общей пользы. Образцовый способ земледелия и хозяйства – общинный, где отдельные общинники свободно поступаются частью своих прав в пользу нарастающих поколений. Образцовое по мысли и сердцу русского народа, государственное устройство – такое, во главе которого стоит свободный в своих решениях Государь, внимающий и уважающий *соборный* голос свободного в выражениях своих мнений Народа... Наконец, сама наша Православная Церковь – *церковь соборная...*» [Васильев, 1902, 9].

Следовательно, соборность – это «принцип общности», «хоровой принцип» русской жизни, добровольное соединение индивидов на основе любви к Богу и друг к другу, решение общественных дел миром, это характеристика образцовой русской семьи, это образцовый способ земледелия, образцовое государственное устройства. Таким образом, все средства выражения в языке, которые отражают брачно-семейные отношения и духовно-культурное единство, должны войти в поле соборности.

Религиозность также является жизненной формой, в которой осуществляется соборное единство. Н.О. Лосский считал, что религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра есть «наиболее глубокая черта русского народа» [Лосский, 1900, 5]. Причём эта черта русской национальной личности отражена в пословицах и поговорках:

Жить – Богу служить;

С Богом пойдёшь – до блага дойдёшь;

Все мы под Богом ходим;

Друг обо друге, а Бог обо всех;

Бог не в силе, а в правде;

На человеческую глупость есть Божья премудрость.

На основе этого выделяем ещё одну интегральную сему – сему «религиозной нравственности и духовных отношений». И уже на основе конкретизации выделяем три формы соборности, три частных интегральных семы:

- 1) общность судьбы;
- 2) брачно-семейное единство;
- 3) религиозная жизнь.

И наконец, в-четвёртых, мы должны показать студентам наполняемость поля соборности, исходя из трёх интегральных сем. Итак, *общность судьбы* позволяет иностранным студентам осознать принцип поведенческих тактик русского человека (*сотрудничество, взаимопомощь, взаимовыручка, идти нога в ногу, сплочённость, чувство локтя и др.*); *брачно-семейное единство* раскрывает пред учащимися ценности семейной жизни, родственных отношений, свадебные обычаи русского народа (*дети, мать, отец, семья, свадьба, горько, жених, невеста, жениться, супруг, супруга и др.*); *религиозная жизнь* показывает духовные ценности религиозной жизни (Бог, Церковь, религия, святость человеколюбие, собор, Пасха, Троица, православие).

Подобную работу можно провести, изучая творчество русских писателей, на материале конкретных произведений, где уже будут иметь значение индивидуально-авторская личность и способы отражения национальных концептов.

Таким образом, работа над анализом лексико-семантического поля в иностранной аудитории, повышает интерес к изучению русского языка и к постижению русской культуры, что способствует формированию вторичной языковой личности.

Занятия в рамках интегрированного модульного курса развивают у иностранных студентов готовность и способность к межкультурному обучению. В соприкосновении с русской действительностью иностранные студенты осознают реальность и право на существование иного образа жизни, других образцов культурного поведения и культурных ценностей, размышляют над своими собственными. При этом устраняются неправильные обобщения и предрассудки, формируется способность понимания русского менталитета, толерантного отношения к этим явлениям, а значит, достигаются основные лично-

стноформирующие и иноязычные коммуникативные цели обучения в контексте глобального образования.

Настоящая программа интегрированного модульного комплекса «Слово и образ жизни русского народа в диалоге культур» представляет собой попытку реализации одного из возможных путей развития концепции глобального образования в России, а именно, на основе интегрированного обучения русскому языку как иностранному и русской культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научно-методологическое осмысление прикладного аспекта лингвокультурологии призвано теоретически обосновать и практически усовершенствовать ту важную область управления языковым учебным процессом (имеется в виду весь шестилетний срок обучения иностранного студента в России), в которой учебный материал теснейшим образом соприкасается с познавательными задачами. Предложенная концепция, на наш взгляд, позволяет перейти от эмпирического, стихийно сложившегося учебного процесса к стержневым культурологическим темам к методологически обоснованной системе преподавательской деятельности. Подчеркнем, что речь идет о системе, предполагающей целенаправленное и последовательное планирование и адекватную методику преподавания русского языка как иностранного, в которой соизучение образа жизни русского народа происходит с одновременным изучением языковых единиц и овладением навыками устной и письменной речи (на первом месте чтения).

Избранная в качестве показательного примера стержневая культурологическая тема «образ жизни русского народа» позволяет в итоге анализа прийти не только к конкретным, но и общим выводам, относящимся ко всем культурологическим темам. Тема «образ жизни русского народа» занимает основополагающее место во всеобъемлющей задаче ознакомления иностранного студента с российской действительностью: она велика по объему; имеет не только современную, но и историческую направленность; она выражается на языковом уровне обширным и разветвленным лингвокультурологическим полем лексики, фразеологии и афористики; кроме того, ее познавательный потенциал также очевиден.

Теперь относительно изложенных в пособии рекомендаций. Нами представлен опыт поэлементного определения таких важных дидактических понятий, как «стержневая культуроло-

гическая тема», «лингвокультурологический концентр», «лингвокультурологическое поле». Соответственно темы употреблялись и употребляются в научно-методической литературе, однако их определения до сих пор заставляли себя ждать.

В пособии, и это главное, предложена система рекомендаций по организации языкового учебного процесса. Такое сочетание теории и практики позволяет надеяться, что имело место действительное продвижение вперед в мало исследованной области проблем, сопряженных с понятием стержневой темы.

1. Поскольку лингвокультурологическое поле решает задачу лексико-фразеологического обеспечения стержневой темы, нами предлагается процедура формирования поля для решения лингводидактических задач.

1.1. Наличие необходимого для поля признака смыслового единства предполагает выделение интегральной семы, являющейся языковой реальностью и одновременно способной быть непротиворечивым критерием формирования лингвокультурологического поля.

1.2. На обществоведческих основаниях, путем конкретизации интегральной семы выявили частные интегральные семы.

1.3. При формировании любого лингвокультурологического поля, в том числе и поля «образ жизни русского народа», необходимо учитывать несовпадение общественного идеала и реальной повседневности: по общему признаку антонимии в поле включают категории-антиподы, хотя в учебной работе, акцент, конечно, делается на позитивном усвоении.

1.4. Важен учет критериев ограничения возрастания поля: если выявляются наименования одного порядка, то достаточно включения родового обозначения; некоторые компактно выделяемые сферы общественной жизни могут являться самостоятельными полями, поэтому они только упоминаются.

2. На лингводидактическом уровне анализа необходимо произвести коррекцию языкового материала. Лингвокультурологические концентры решают задачу распределения лексики, фразеологии и афористики соответственно этапам обучения.

2.1. Предлагаются следующие шаги формирования первого концентрира:

2.1.1. Из 2500 самых употребительных слов русского языка «Лексической основы...» выявляется первый список ядра лингвокультурологического поля.

2.1.2. Список-2 составляется обращением к лексико-методическим группам «Лексической основы...», что значительно дополняет Список-1.

2.1.3. Сплошным просмотром действующих обществоведческих программ выявляются слова и словосочетания терминологического характера, составившие Список-3.

2.1.4. Производится необходимое дополнение списка с учетом текущего развития общества и перспективы.

2.1.5. Отбор языковых единиц завершается выявлением массива фразеологизмов и афоризмов, выбранных из общеязыковых словарей и обществоведческих источников, используемых на начальном этапе обучения.

2.1.6. Следовательно, лексико-фразеологический материал первого концентрира представляет собой результат внесения пошаговой процедуры выявления ядра лингвокультурологического поля в тематически дифференцированный массив языковых единиц и обществоведческих терминов. Совмещением пяти перечисленных списков достигается лексико-фразеологическое обеспечение стержневой культурологической темы в пределах начального этапа обучения.

2.2. Специфика второго концентрира состоит в переходе от атомарно-единичной презентации тематической лексики к групповой презентации языковых единиц; здесь снимаются ограничения, вводятся и активизируются новые тематические единицы, исходя из потребностей содержания; культурологическая информация начинает сопрягаться с ЛСГ.

2.2.1. При формировании второго концентрира предлагается учитывать следующие особенности:

– группировку единиц на новом, более низком, уровне абстракции;

– принципиальную открытость любых лексических массивов, так что пополнение синонимического ряда может быть

весьма продолжительным, а это ведет к снятию языковых ограничений;

– важность опережающего создания достаточной совокупности ЛСГ по культурологической теме еще до чтения тематического текста;

– принципиальное совпадение ЛСГ второго концентри со словарными статьями учебных словарей.

2.2.2. Исходя из выявленных особенностей формируются ЛСГ двух типов: сначала учебные, ограниченные, а затем – естественно-языковые, с включением антонимов и синонимов.

2.3. Спецификой третьего концентри является усвоение лексического материала, выходящего за пределы ядра поля, т.е. за пределы 10-12 тыс. слов.

2.3.1. Расширители включают в себя лексику и фразеологию архаического, исторического, этнографического характера; специальную профессиональную терминологическую лексику, т.е. такие языковые единицы, которые не имеют активного употребления.

2.3.2. Материал расширителей, как правило, предлагается для пассивного усвоения, при этом, следует предостеречь иностранных студентов от включения лексических единиц расширителей в собственную речь.

2.3.3. Познавательная-образовательная ценность расширителей делает их весьма значимыми при изучении материала культурологической темы.

Таким образом, выявленные методологические принципы презентации материала и организации учебного процесса – сложное и комплексное явление. Предложенная концепция проработки темы – это эффективный отбор материала благодаря эффективной методике.

Лингвокультурологический подход – это свидетельство о развитости русской культуры и одновременно способ самооценки русской нации, выражение стремления его осознать и оценить свое место в духовном развитии человечества. В этом смысле допустима аналогия между самосознанием личности и нации: развитость той и другой является предпосылкой объективного отношения к себе, свидетельствующего о зрелости и богатстве русской культуры.

Именно культурологическое (объективное и вместе с тем критическое) отношение к образу жизни русского народа на всех этапах развития России может привести к обогащению русской культуры, имеющей свою специфику, не противопоставленной, а органически вписанной в общее разнообразие культур, составляющих современную цивилизацию. «Ценностные ориентации» русского народа, являясь общемировыми, позволяют надеяться, что нравственный долг России состоит в явлении миру общечеловеческого общества, в котором главными будут духовные и нравственные ценности человека.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992.

Аврорин В.А. К проблеме взаимоотношения между языком и культурой // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. – Уфа, 1976. – С. 14-22.

Амирова Т.А., Ольховников Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. – М.: Наука, 1975.

Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Изв. АН СССР. – 1999. – Т. 58. – № 4. – С. 39-53.

Арапов М.В. Активный словарь // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002.

Аркадзева Т.Г., Васильева М.И., Проничев В.П., Шарри Т.Г. Словарь русских историзмов. – М.: Высшая школа, 2005.

Арнольд А.И. Введение в культурологию (новая расширенная редакция): учебное пособие. – М., 1993.

Арутюнова Н.Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 525-554.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Около 7 тыс. терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Багдасарьян Н.Г. Язык и культура // Культурология / под ред. Н.Г. Багдасарьян. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 98-118.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.

Башурина Д.И. Обучающая роль паремий при формировании картины мира и вторичной языковой личности иностранного студента на занятиях по русскому языку // Язык как фактор инте-

- грации образовательных систем и культур: сб. научных статей. Вып. III. – Белгород – Харьков, 2008.
- Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994.
- Бельчиков Ю.А. «Что было выражено словом, то было и в жизни...» // Русская речь. – 1993. – № 3. – С. 30-35.
- Бельчиков Ю.А. Русский язык. XX век. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
- Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. – М.: Русский язык, 1994.
- Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1992.
- Белянская З.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978.
- Бем А.Л. Церковь и русский литературный язык. – Прага: Русская учёная академия, 1944.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Универс», 1970.
- Бердяев Н.А. Опыт оправдания человека. Собр. соч. Т. 2. Смысл творчества. Второе издание с разночт. и доп. – Париж, 1985.
- Бодуэн де Куртене И.А. Язык и языки. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. Т. 2.
- Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры / ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 131-137.
- Бромлей Ю.В., Подольский Р.Г. Создано человечество. – М.: Политиздат, 1984.
- Бубер М. Я и ты. – М.: Высшая школа, 1993.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Вайсгербер Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 114-125.
- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.

Верещагин Е.М. Русский язык и российское православие: общелингвистическая проблематика: доклад на XI Конгрессе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), 17 – 22 сентября 2007 г., Болгария, г. Варна. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2007.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1983.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Наука, 1983.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990.

Вилинский В.С. Корни единства русской культуры // Форум. Международный журнал. – 1993. – № 3. – С. 86-100.

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982.

Виноградова Т.Ю. Национальный образ мира и идентификация личности // Ученые записки Казанского госуниверситета. – Казань, 1998 – Т. 135 – С. 157-162.

Возьмитель А.А. Образ жизни: концепция, сущность, динамика. АДД; Социологические науки: 22.00.04 / РАН. Ин-т социологии. – М., 2000.

Войнова Е.И., Матвеева В.М. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. – М., 1981.

Воробьев В.В. К понятию поля в лингвокультурологии (общие принципы) // Русский язык за рубежом. – М., 1991. – № 5. – С. 101-104.

Воробьев В.В. Концентризм в языковом обеспечении сквозных страноведческих тем: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1987.

Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии. – М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1994.

- Воробьев В.В. Лингвокультурема как единица поля // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 4. – С. 75-82.
- Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности: монография. – М.: Изд-во РУДН, 1996.
- Воробьев В.В. Лингвокультурологические принципы презентации учебного материала: (проблемы концентризма). – М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1993.
- Воробьев В.В., Дронов В.В., Хруслов Г.В. Москва, Россия. Речь и образы. – М., 2005.
- Воробьев В.В., Дронов В.В., Хруслов Г.В. Москва...Россия...Речь и образы. Корректировочный курс по русскому языку. Высокий уровень владения языком. – М., 2005.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: Изд-во РУДН, 1997.
- Вятютнев М.Н. Русский язык-1: учебник для зарубежных школ. – М., 1982.
- Гак В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация // DZ. – 1987 – № 2. – С. 3-16.
- Гвоздарёв Ю.А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология. – Ростов-на-Дону: Сигма, 2005.
- Горбачевич К.С. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка). – Берлин: Русистика, 1990. – № 2. – С. 70-80.
- Грановская Л.М. Русский литературный язык в XX веке. Послеоктябрьский период. – Баку: Мутарджим, 1998.
- Грудева Е.В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и её лексикографическая интерпретация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1996.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., Прогресс, 1984.
- Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Общество. Культура. Философия. – М., 1983. – С. 32-45.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1978.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1- 4: П-Р.- М.: АО Изд. группа «Прогресс», 1994.
- Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Русский язык, 1980.

- Денисов П.Н. Основные проблемы теории лексикографии: дис. докт. филол. наук. – М., 1976.
- Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР. – М., 1984.
- Дистервег А. Руководство для немецких учителей. – М., 1913.
- Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия // Slavistische Beiträage, Bd. 317. – Muenchen: Sagner, 1994.
- Емельянова О.Н. О «пассивном словарном запасе языка» и «устаревшей лексике» // Русская речь. – 2004. – № 1. – С. 46-50.
- Ефремов Н.Н. Языковая картина мира // Наука и образование, Якутск: 1998, № 2. – С. 14-20.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. – Киев: Наукова думка, 1984.
- Засорина Л.Н. Частотный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1977.
- Ильин В.В. Язык – Понимание – Культура // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю.С. Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 267-272.
- Калакуцкая Л.П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (К столетию со дня рождения академика В.В. Виноградова). – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. – С. 197-208.
- Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. – М.: Академия, 2005.
- Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград: Перемена, 1996 – С. 3-15.
- Караулов Ю.Н. и др. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса от понятия к слову. – М., 1983.
- Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
- Карманный словарь атеиста / под ред. М.П. Новикова. – М.: Политиздат, 1983.

- Кармин А.С. Культурология. – СПб.–М.–Краснодар: Лань, 2003.
- Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. – М.: Языки русской культуры, 2000.
- Карцевский С.И. Русский язык и революция // Русская речь. – 1999. – № 2. – С. 30–41.
- Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
- Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. – М.: Книга, 1989.
- Клоков В.Т. Лингвокультурология как особое направление в науке и языке // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания. – Саратов, 1996. – Ч. 2. – С. 7-8.
- Клоков В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 60-67.
- Ковалёва Е.В. Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996.
- Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб., 2000. – С. 38-63.
- Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. – М.: Дрофа, 2004.
- Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Сер. 2. – Вып. 3. – № 16.
- Коменский Я.А. Избранные педагогические произведения. В 2-х т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982.
- Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. – М.: Прогресс, 1989. – С. 63-81.
- Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-пресс, 1999.
- Котова В.Д. Учебник русского языка для иностранных студентов гуманитарного профиля. – М.: РУДН, 2004.

- Кочетков В.В. Лексико-стилистические новации в их функционировании в прессе второй половины 90-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1999.
- Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 1999.
- Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс, 1994.
- Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М., 1996. – С. 90-93.
- Л. Витгенштейн о значении и знании // Язык и структура знания. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. – С. 26-37.
- Ладо Р. Лингвистика поверх границ культуры // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. – М.: Прогресс, 1989.
- Лаптева О.А. Претензия одного жанра на преобразование структуры современного русского литературного языка (о силе рекламы). // Реклама: язык, речь, общение / под ред. О.Я. Гойхмана и В.М. Лейчика. – М.: Инфра-М, 2011. – С. 215-223.
- Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: избранные работы. – М.: Просвещение, 1977.
- Левковская К.Е. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – М., 1962.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1981.
- Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1984.
- Лексические минимумы современного русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1985.
- Лесных Е.В. Архаизация лексики русского языка XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2002.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3-9.
- Лобанова Н.А., Слесарева И.Н. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. – М., 1980.
- Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1999.
- Логоэписистемы как средство интерпретации в диалоге культур // Русистика, 1998. – С. 80-85 (лингвострановедческий подход).
- Лосев А.Ф. Философия имени. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 11-187.

- Лосский Н.О. Характер русского народа. – М.: Ключ, 1900.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992.
- Мадоян Р.В. Принципы семантической систематизации лексики и их лексикографическое воплощение: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1983.
- Малишевская Д.И. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 180-184.
- Малый энциклопедический словарь. Репринтное воспр. Издания. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. – М.: Терра, 1994.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н.Д. Андреева; под ред. А.А. Реформатского. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.
- Матезиус В. О лингвистической характерологии // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 18-26.
- Межуев В.М. Культура и история. – М., 1977.
- Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Наука, 1996.
- Минина Н.М. Семантические поля в практике языков: пособие по лексике немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1973.
- Митрофанова С.А. Анализ лексико-семантического поля концепта «соборность» как один из путей формирования вторичной языковой личности. – Тула, 2010.
- Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. – М.: Наука, 1988.
- Морковкин В.В. Идеографические словари и обучение языку // Вопросы учебной лексикографии. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 72-92.
- Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
- Муравьева Л.С. и др. Учебник русского языка для студентов-иностранцев нефилологических вузов. – М., 1978.

Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 7-13.

Нахабина М.М. Контроль речевых навыков и умений. – М., 1977. – С. 99-105.

Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Наука, 1977.

Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика: сб. научных трудов. – М., 1996.

Никитина С.А. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. – М, 1999.

Овчарова Г.Б. Опыт лингвокультурологического исследования современной русской политической речи: дисс. канд. филол. наук. – Пятигорск, 2001.

Ожегов С.И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху // Вопросы языкознания. – 1953. – № 2. – С. 71-81.

Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1953.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1973.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. – 17-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1992.

Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы) // Вопросы языкознания. – 1962. – № 3. – С. 3-16.

Пауль Герман. Принципы истории языка / пер. с нем.; под ред. А.А. Холодовича. – М., 1960.

Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatika speculativa» // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 151-215.

Платонов О.А. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995.

Платонов О.А. Русский труд. – М.: Современник, 1991.

Платонов О.А. Русский образ жизни: большая энциклопедия русского народа. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2007.

- Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции // За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931. – С. 36-63.
- Поляков Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. – М.: ИФ РАН, 1998.
- Понимание менталитета и текста: сб. научных трудов; под ред. Г.И. Богина, А.А. Романова, И.В. Фоменко. – Тверь: ТГУ, 1995.
- Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.
- Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25-37.
- Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989.
- Рассудова О.П., Степанова Л.В. Интенсивный курс русского языка. – М., 1978.
- Рогожникова Р.П. Редкие слова в произведениях авторов XIX века // Вопросы языкознания, 1982, № 1. – С. 78 – 86.
- Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII – XX вв. – М.: Дрофа, 2005.
- Рожкова Г.И. К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
- Роль человеческого фактора в языке / отв. ред Б.А. Серебrenников. – М.: Наука, 1988.
- Россия: Энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991.
- Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. – М., 1929.
- Русский язык и культура речи / под ред. В.Д. Черняк. – М.: Высшая школа, 2008.
- Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка / под ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 2000.
- Савчук Л.О. Системные отношения словаря общества и словаря индивида (с точки зрения активного / пассивного запаса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996.

Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Юнити, 2004.

Сандомирская И.. Родина, Отечество, Отчизна в дискурсивных практиках современного русского языка. Опыт анализа культурной идиомы // *Etnolinguistica. Problemy jezyka i kultury*. – Lublin, 1999. № 11.

Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996.

Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского народа. Русский образ жизни / гл. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2007.

Селивестрова О.Н. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика: их соотношение // *Язык и культура. Факты и ценности*. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 293-307.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917-1926). – Изд. 3-е. – М.: Либроком, 2009.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993.

Сепир Э. Язык // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1960. – С. 182-197.

Скляревская Г.Н. Культурологические аспекты современной русской лексикографии (Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия) // *Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарное заседание. Сборник докладов. Т. 1*. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 433-440.

Скляревская Г.Н. Предисловие к «Толковому словарю русского языка начала XXI века. Актуальная лексика». – М.: Эксмо, 2006.

Скляревская Г.Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // *Словарь. Грамматика. Текст*. – М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 1996.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: Наука, 2000.

Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // *Исследования по славянским языкам*. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 177-202.

- Словарь русского языка. В 4 т. – М., 1981 (МАС).
- Словарь русского языка. В 4-х т / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд, испр. и доп. – М., 1981-1984.
- Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. – Л., 1970-1971.
- Словарь современного русского литературного языка. – М.–Л., 1950-1965.
- Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М.–Л., 1948–1965 (БАС).
- Смелзер Н. Социология / пер. с англ.; науч. ред. изд. на рус. яз. В.А. Ядов. – М.: Феникс, 1998.
- Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. – Пятигорск: ПГЛУ, 1999.
- Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2008.
- Сорокин П.А. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1994.
- Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику. – Ульяновск, 1998.
- Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959.
- Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 7-34.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.
- Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1988.
- Стернин И.А. О выявлении национально-культурной специфики семантики слова // Национальное и интернациональное в развитии языков. – Иваново, 1984. – С. 3-10.
- Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии. – М.: Флинта-Наука, 2006.
- Тарасов Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык и культура: сборник обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1987. – С. 27-36.
- Тарланов З. Наплыв американизмов и речевая культура // Русская речь. – 2008. – № 5. – С. 47-49.
- Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. X международ-

ная конференция. – Москва–Обнинск: ИФРАН, ИЛКРЛ, 1995. – С. 102-106.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.

Тер-Минасова С.Г. Социальная роль русского языка в современных условиях // Язык и деятельность: сб. научных трудов памяти В.Г. Гака. – М.: URSS, 2007. – С. 126-128.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово / SLOVO, 2008.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2008.

Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. – Новосибирск, 2001.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складерской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складерской. – М.: Эксмо, 2006.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008.

Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ (Государственный институт «Советская энциклопедия»), 1935.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складерской. – М.: Астрель, 2001.

Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. – Л.: Наука, 1983. – С. 181-191.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995.

Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 3. – М., 1982.

Успенский Б.А. (в соавт. с Ю.М. Лотманом). Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – С. 219-253.

- Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового мышления. – М.: Наука, 1996. – С. 139-162.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. – М., 1935 – 1940 (цит. по изд.: Толковый словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель, 2000).
- Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 10. – М.–Л.: АПН РСФСР, 1948.
- Фёдоров Вл., протоиерей. Предисловие к «Словарю православной церковной культуры» Г.Н. Скляревской. – СПб.: Наука, 2000.
- Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Русская идея / сост. М.А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – С. 101-312.
- Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (На материале газет). – Uppsala, 1994.
- Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при Советах. – Нью-Йорк, 1955.
- Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: Сов. энциклопедия, 1983.
- Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
- Флоренский П.А. Мысль и язык. Т. 2. У водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990. – С. 109-350.
- Фокс К. Наблюдая за англичанами. – М., 2009.
- Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1987.
- Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
- Фрумкина Р.М. Константы культуры – продолжение темы // Язык и культура. Факты и ценности. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 167-177.
- Фужерон И. Забытые статьи С.И. Карцевского // Русская речь. – 1999. – № 2. – С. 30-31.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-cad, 1994.
- Хомяков А. С. Собрание сочинений. Т. 2. – М.: Медиум, 1994.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. – М.: Русский язык, 1993.

Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь. – М., 1984.

Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня: сб. статей. Вып. 2. – М.: Азбуковник, 2003.

Шалошников В.Н. Русская речь 90-х. Современная Россия в языковом отображении. – М.: МАЯК, 1998.

Шведова Н.Ю. Лексическая система и её отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Язык: система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 152-166.

Шведова Н.Ю. Об активных потенциях, заключённых в слове // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С. 7-15.

Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1.

Шведова Н.Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. – М.: Наука, 1982. – С. 142-154.

Шмелёв А.Д. Русская языковая картина мира: материалы к словарю. – М., 2009.

Шмелёв Д.Н. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка / под ред. И.П. Мучника и М.В. Панова. – М.: Наука, 1964. – С. 4-17.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. I. Образ и действительность. – Новосибирск: Наука, 1993.

Щедровицкий Г.П. Языковое мышление и его анализ // Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995 б. – С. 449-465.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – М.: Комкнига, 2007.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные труды по русскому языку. – М., 1957.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974.

Frege G. Die Grundlagen der Arithmetik: Eine logisch mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl / Mit erg. Texten kritisch hrsg. von Thiel Ch. Centenarausg. – Hamburg: Meiner, 1986. – XVII, 187 S.

Language, thought and culture / by Brown R.W., Copi I.M., Dulan D.E. et al.; Ed. by Henle P. – Ann Arbor, 1958. – VI, 273 p.

Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. – 2nd edn. – Oxford: Oxford University Press, 1958, 612 p.

Dornseif F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 1. Auflage. Berlin und Leipzig, 1933 – 1934; 5. Auflage. – Berlin, 1959.

Duchacek O. Le champ conceptuel de la beaute en francais moderne. – Praha, 1960.

Ipsen G. Der Alte Orient und Indogermanen. "Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für Wilhelm Streitberg". – Heidelberg, 1924.

Lemer O. America as a Civilisation. – N.Y., 1967.

Matore J. La methode en lexicologie. Demaine francais. – Paris: Diolier, 1953.

Trier J. Die Idee der Klugheit in ihren sprachlichen Entfaltung. 1932.- Bd. 46.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. – Heidelberg, 1931, Bd. 1.

Weber M. Die protestantische Ethik und Geist des Kapitaliss. – München; Hamburg, 1965.

Weisgerber L. Die sprachliche Zukunft Europas. – Lüneburg, 1953.

Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. – Düsseldorf, 1962.

Учебное издание

Воробьев Владимир Васильевич
Василюк Игорь Петрович
Парамонов Дмитрий Анатольевич
Шмелькова Вера Викторовна

**ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
СЛОВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ РУССКОГО НАРОДА**

Редактор *Ж.В. Медведева*
Технический редактор *Е.В. Попова*
Компьютерная верстка *М.Н. Заикиной*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремовой*

Тематический план изданий
учебной и научной литературы 2021 г., № 70

Подписано в печать 16.09.2021 г. Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,75. Тираж 300 экз. Заказ 870

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru